Лев Николаевич

Толстой

О жизни

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва — 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 26-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 26-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1887 г.

Портрет работы И. Е. Репина.

О ЖИЗНИ

1886—1887

L’homme n’est qu’un roseau, le plus faible de la nature, mais c’est un roseau pensant. Il ne faut pas que l’univers entier s’arme pour l’écraser. Une vapeur, une goutte d’eau suffit pour le tuer. Mais quand l’univers l’écraserait, l’homme serait encore plus noble que ce qui le tue, parce qu’il sait qu’il meurt: et l’avantage que l’univers a sur lui, l’univers n’en sait rien. Ainsi, toute notre dignité consiste dans la pensée. C’est de là qu’il faut nous relever, non de l’espace et de la durée. Travaillons donc à bien penser: voilà le principe de la morale.

Pascal.

Zwei Dinge erfüllen mir das Gemüth mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mir, und das moralische Gesetz in mir... Das erste fängt von dem Platze an, den

ich in der äussern Sinnenwelt einnehme, und erweitert die Verknüpfung, darin ich stehe, ins unabsehlich Grosse mit Welten über Welten und Systemen von Systemen, überdem noch in grenzenlose Zeiten ihrer periodischen Bewegung, deren Anfang und Fortdauer. Das zweite fängt von meinem unsichtbaren Selbst, meiner Persönlichkeit an, und stellt mich in einer Welt dar, die wahre Unendlichkeit hat, aber nur dem Verstände spürbar ist, und mit welcher ich mich, nicht wie dort in blos zufälliger, sondern allgemeiner und nothwendiger Verknüpfung erkenne.

Kant. [Krit. der pract. Vern. Beschluss].

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга».

Ев. Іоан. XII, 34

ВСТУПЛЕНИЕ.

Представим себе человека, которого единственным средством к жизни была бы мельница. Человек этот — сын и внук мельника и по преданию твердо знает, как надо во всех частях ее обращаться с мельницей, чтобы она хорошо молола. Человек этот, не зная механики, прилаживал, как умел, все части мельницы так, чтобы размол был спорый, хороший, и человек жил и кормился.

Но случилось этому человеку раздуматься над устройством мельницы, услыхать кое-какие неясные толки о механике, и он стал наблюдать, что от чего вертится.

И от порхлицы до жернова, от жернова до вала, от вала до колеса, от колеса до заставок, плотины и воды, дошел до того, что ясно понял, что всё дело в плотине и в реке. И человек так обрадовался этому открытию, что вместо того, чтобы, по прежнему, сличая качество выходящей муки, опускать и поднимать жернова, ковать их, натягивать и ослаблять ремень, стал изучать реку. И мельница его совсем разладилась. Стали мельнику говорить, что он не то делает. Он спорил и продолжал рассуждать о реке. И так много и долго работал над этим, так горячо и много спорил с теми, которые показывали ему неправильность его приема мысли, что под конец и сам убедился в том, что река и есть самая мельница.

На все доказательства неправильности его рассуждений, такой мельник будет отвечать: никакая мельница не мелет без воды; следовательно, чтоб знать мельницу, надо знать, как пускать воду, надо знать силу ее движения и откуда она берется, — следовательно, чтобы знать

мельницу, надо познать реку.

Логически мельник неопровержим в своем рассуждении. Единственное средство вывести его из его заблуждения состоит в том, чтобы показать ему, что в каждом рассуждении не столько важно само рассуждение, сколько занимаемое рассуждением место, т. е. что для того, чтобы плодотворно мыслить, необходимо знать, о чем прежде надо мыслить и о чем после; показать ему, что разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои рассуждения по порядку их важности: какое рассуждение должно быть 1-м, 2-м, 3-м, 10-м, и т. д. Безумная же деятельность состоит в рассуждениях без этого порядка. Нужно показать ему и то, что определение этого порядка не случайно, а зависит от той цели, для которой и производятся рассуждения.

Цель всех рассуждений и устанавливает порядок, в котором должны располагаться отдельные рассуждения, для того чтобы быть разумными.

И рассуждение, не связанное с общей целью всех рассуждений, безумно, как бы оно ни было логично.

Цель мельника в том, чтобы у него был хороший размол, и эта-то цель, если он не будет упускать ее из вида, определит для него несомненный порядок и последовательность его рассуждений о жерновах, о колесе, плотине и о реке.

Без этого же отношения к цели рассуждений, рассуждения мельника, как бы они ни были красивы и логичны, сами в себе будут неправильны и, главное, праздны; будут подобны рассуждениям Кифы Мокеевича, рассуждавшего о том, какой толщины должна бы быть скорлупа слонового яйца, если бы слоны выводились из яиц как птицы. И таковы, по моему мнению, рассуждения нашей современной науки о жизни.

Жизнь есть та мельница, которую хочет исследовать человек. Мельница нужна для того, чтобы она хорошо молола, жизнь нужна только затем, чтобы она была хорошая. И эту цель исследования человек не может покидать ни на одно мгновение безнаказанно. Если он покинет ее, то его рассуждения неизбежно потеряют свое место и сделаются подобны рассуждениям Кифы Мокеевича о том, какой нужен порох, чтобы пробить скорлупу слоновых яиц.

Исследует человек жизнь только для того, чтобы она была лучше. Так и исследовали жизнь люди, подвигающие вперед человечество на пути знания. Но, рядом с этими истинными учителями и благодетелями человечества, всегда были и теперь есть рассудители, покидающие цель рассуждения и вместо нее разбирающие вопрос о том, отчего происходит жизнь, отчего вертится мельница. Одни утверждают, что от воды, — другие, что от устройства. Спор разгорается, и предмет рассуждения отодвигается всё дальше и дальше и совершенно заменяется чуждыми предметами.

Есть старинная шутка о споре жидовина с христианином. Рассказывается, как христианин, отвечая на запутанные тонкости жидовина, ударил его ладонью по плеши так, что щелконуло, и задал

вопрос: от чего щелконуло? от ладони или от плеши? И спор о вере заменился новым неразрешимым вопросом.

Что-то подобное с древнейших времен рядом с истинным знанием людей происходит и по отношению к вопросу о жизни.

С древнейших времен известны рассуждения о том, отчего происходит жизнь? от невещественного начала или от различных комбинаций материи? И рассуждения эти продолжаются до сих пор, так что не предвидится им никакого конца, именно потому, что цель всех рассуждений оставлена и рассуждается о жизни независимо от ее цели; и под словом жизнь разумеют уж не жизнь, а то, отчего она происходит, или то, что ей сопутствует.

Теперь, не только в научных книжках, но и в разговорах, говоря о жизни, говорят не о той, которую мы все знаем, — о жизни, сознаваемой мною теми страданиями, которых я боюсь и которые ненавижу, и теми наслаждениями и радостями, которых я желаю; а о чем-то таком, чтò, может быть, возникло из игры случайности по некоторым физическим законам, а может быть и от того, что имеет в себе таинственную причину.

Теперь слово «жизнь» приписывается чему-то спорному, не имеющему в себе главных признаков жизни: сознания страданий и наслаждений, стремления к благу.

«La vie est l’ensemble des fonctions, qui resistent à la mort. La vie est l’ensemble des phénomènes, qui se succèdent pendant un temps limité dans un être organisé». «Жизнь есть двойной процесс разложения и соединения, общего и вместе с тем непрерывного. Жизнь есть известное сочетание разнородных изменений, совершающихся последовательно. Жизнь есть организм в действии. Жизнь есть особенная деятельность органического вещества. Жизнь есть приспособление внутренних отношений к внешним».

Не говоря о неточностях, тавтологиях, которыми наполнены все эти определения, сущность их всех одинакова, именно та, что определяется не то, чтò все люди одинаково бесспорно разумеют под словом «жизнь», а какие-то процессы, сопутствующие жизни и другим явлениям.

Под большинство этих определений подходит деятельность восстанавливающегося кристалла; под некоторые подходит деятельность брожения, гниения, и под все подходит жизнь каждой отдельной клеточки моего тела, для которых нет ничего — ни хорошего, ни дурного. Некоторые процессы, происходящие в кристаллах, в протоплазме, в ядре протоплазмы, в клеточках моего тела и других тел, называют тем словом, которое во мне неразрывно соединено с сознанием стремления к моему благу.

Рассуждение о некоторых условиях жизни, как о жизни, всё равно, что рассуждение о реке, как о мельнице. Рассуждения эти, может быть, для чего-нибудь очень нужны. Но рассуждения эти не касаются того предмета, который они хотят обсуживать. И потому все заключения о жизни, выводимые из таких рассуждений, не могут не быть ложны.

Слово «жизнь» очень коротко и очень ясно, и всякий понимает, чтò оно значит. Но именно потому, что все понимают, чтò оно значит, мы и обязаны употреблять его всегда в этом понятном всем значении. Ведь слово это понятно всем не потому, что оно очень точно определено другими словами и понятиями, а напротив, потому, что слово это означает основное понятие, из которого выводятся многие, если не все другие понятия, и поэтому для того, чтобы делать выводы из этого понятия, мы обязаны прежде всего принимать это понятие в его центральном, бесспорном для всех значении. А это-то самое, мне кажется, и было упущено спорящими сторонами по отношению к понятию жизни. Случилось то, что основное понятие жизни, взятое в начале не в его центральном значении, вследствие споров о нем всё более и более удаляясь от основного, всеми признаваемого центрального значения, потеряло наконец свой основной смысл и получило другое, несоответствующее ему значение. Сделалось то, что самый центр, из которого описывали фигуры, оставлен и перенесен в новую точку.

Спорят о том, есть ли жизнь в клеточке или в протоплазме или еще ниже, в неорганической материи? Но прежде чем спорить, надо спросить себя: имеем ли мы право приписывать понятие жизни клеточке?

Мы говорим, например, что в клеточке есть жизнь, что клеточка есть живое существо. А между тем основное понятие жизни человеческой и понятие той жизни, которая есть в клеточке, суть два понятия, не только совершенно различные, но и не соединимые. Одно понятие исключает другое. Я открываю, что мое тело всё без остатка состоит из клеточек. Клеточки эти, мне говорят, имеют то же свойство жизни, как и я, и суть такие же живые существа, как и я; но себя я признаю живым за только потому, что я сознаю себя со всеми клеточками, составляющими меня, одним нераздельным живым существом. Весь же я без остатка, мне говорят, составлен из живых клеточек. Чему же я припишу свойство жизни — клеточкам или себе? Если я допущу, что клеточки имеют жизнь, то я от понятия жизни должен отвлечь главный признак своей жизни, сознание себя единым живым существом; если же я допущу, что я имею жизнь, как отдельное существо, то очевидно, что клеточкам, из которых состоит всё мое тело и о сознании которых я ничего не знаю, я никак не могу приписать того же свойства.

Или я живой и во мне есть неживые частицы, называемые клеточками, — или есть сонмище живых клеточек, а мое сознание жизни не есть жизнь, а только иллюзия.

Мы ведь не говорим, что в клеточке есть что-то такое, чтò мы называем брызнъ, а говорим, что есть «жизнь». Мы говорим: «жизнь», потому что под этим словом разумеем не какой-то x, а вполне определенную величину, которую мы знаем все одинаково и знаем только из самих себя, как сознание себя с своим телом единым, нераздельным с собою, и потому такое понятие неотносимо к тем клеточкам, из которых состоит мое тело.

Какими бы исследованиями и наблюдениями ни занимался человек, для выражения своих наблюдений он обязан под каждым словом разуметь то, что всеми одинаково бесспорно разумеется, а не какое-либо такое

понятие, которое ему нужно, но никак не сходится с основным, всем известным понятием. Если можно слово «жизнь» употреблять так, что оно обозначает безразлично: и свойство всего предмета, и совсем другие свойства всех составных частей его, как это делается с клеточкой и животным, состоящим из клеточек, то можно также употреблять и другие слова, — можно, например, говорить, что так как все мысли из слов, а слова из букв, а буквы из черточек, то рисование черточек есть то же, чтò изложение мыслей, и потому черточки можно назвать мыслями.

Самое обычное явление, например, в научном мире — слышать и читать рассуждения о происхождении жизни из игры физических, механических сил.

Да едва ли не большинство научных людей держится этого... затрудняюсь, как сказать... мнения не мнения, парадокса не парадокса, а скорее шутки или загадки. Утверждается, что жизнь происходит от игры физических и механических сил, — тех физических сил, которые мы назвали физическими и механическими только в противоположность понятию жизни.

Очевидно, что неправильно прилагаемое к чуждым ему понятиям слово «жизнь», уклоняясь далее и далее от своего основного значения, в этом значении удалилось от своего центра до того, что жизнь предполагается уже там, где, по нашему понятию, жизни и быть не может. Утверждается подобное тому, что есть такой круг или шар, в котором центр вне его периферии.

В самом деле, жизнь, которую я не могу себе представить, иначе, как стремлением от зла к благу, происходит в той области, где я не могу видеть ни блага, ни зла. Очевидно, что центр понятия жизни перестановлен совсем. Мало того, следя за исследованиями об этом чем-то, называемом жизнью, я вижу даже, что исследования эти и не касаются почти никаких известных мне понятий. Я вижу целый ряд новых понятий и слов, имеющих свое условное значение в научном языке, но не имеющих ничего общего с существующими понятиями.

Известное мне понятие жизни понимается не так, как все понимают его, и выводные из него понятия тоже не сходятся с обычными понятиями, а являются новые, условные понятия, получающие соответствующие выдуманные названия.

Человеческий язык вытесняется всё более и более из научных исследований, и вместо слова, средства выражения существующих предметов и понятий, воцаряется научный воляпюк, отличающийся от настоящего воляпюка только тем, что настоящий воляпюк общими словами называет существующие предметы и понятия, а научный — несуществующими словами называет несуществующие понятия.

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия. Если же можно употреблять слова как попало и под словами разуметь, чтò нам вздумается, то лучше уж не говорить, а

показывать всё знаками.

Я согласен, что определять законы мира из одних выводов разума без опыта и наблюдения есть путь ложный и ненаучный, т. е. не могущий дать истинного знания; но если изучать заявления мира опытом и наблюдениями, и вместе с тем руководствоваться в этих опытах и наблюдениях понятиями не основными, общими всем, а условными, и описывать результаты этих опытов словами, которым можно приписывать различное значение, то не будет ли еще хуже? Самая лучшая аптека принесет величайший вред, если ярлыки на банках будут наклеиваться не по содержанию, а как удобнее аптекарю.

Но мне скажут: наука и не ставит себе задачей исследования всей совокупности жизни (включая в нее волю, желание блага и душевный мир); она только делает отвлечение от понятия жизни тех явлений, которые подлежат ее опытным исследованиям.

Вот это было бы прекрасно и законно. Но мы знаем, что это совсем не так в представлении людей науки нашего времени. Если бы было прежде всего признано понятие жизни в его центральном значении, в том, в котором все его понимают, и потом было бы ясно определено, что наука, сделав от этого понятия отвлечение всех сторон его, кроме одной, подлежащей внешнему наблюдению, рассматривает явления с одной этой стороны, для которой она имеет свойственные ей методы исследования, тогда бы было прекрасно и было бы совсем другое дело: тогда и место, которое заняла бы наука, и результаты, к которым бы мы приходили на основании науки, были бы совсем другие. Надо говорить то, что есть, а не скрывать того, что мы все знаем. Разве мы не знаем, что большинство опытно-научных исследователей жизни вполне уверены, что они изучают не одну только сторону жизни, а всю жизнь.

Астрономия, механика, физика, химия и все другие науки вместе, и каждая порознь, разрабатывают каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни к каким результатам о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т. е. неясности, неопределенности, некоторые науки эти пытались с своей точки зрения охватить все явления жизни и путались, сами выдумывая новые понятия и слова. Так это было с астрономией, когда она была астрологией, так было и с химией, когда она была алхимией. То же происходит и теперь с той опытной эволюционной наукой, которая, рассматривая одну сторону или некоторые стороны жизни, заявляет притязания на изучение всей жизни. Люди с таким ложным взглядом на свою науку никак не хотят признать того, что их исследованиям подлежат только некоторые стороны жизни, но утверждают, что вся жизнь со всеми ее явлениями будет исследована ими путем внешнего опыта. «Если, говорят они,— «психика» (они любят это неопределенное слово своего воляпюка) неизвестна еще нам, то она будет нам известна». Исследуя одну или несколько сторон жизненных явлений, мы узнаем все стороны; т. е., другими словами, что если очень долго и усердно смотреть на предмет с одной стороны, то мы увидим предмет со всех сторон и даже из середины.

Как ни удивительно такое странное учение, объяснимое только фанатизмом суеверия, оно существует, и, как всякое дикое

фанатическое учение, производит свое гибельное влияние, направляя деятельность человеческой мысли на путь ложный и праздный. Гибнут добросовестные труженики, посвящающие свою жизнь на изучение почти ненужного, гибнут материальные силы людей, направляясь туда, куда не нужно, гибнут молодые поколения, направляемые на самую праздную деятельность Киф Мокеевичей, возведенную на степень высшего служения человечеству.

Говорят обыкновенно: наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том-то и дело, что у всякого предмета столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа, и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее, и с которой менее важно и менее нужно. Как нельзя подойти к предмету сразу со всех сторон, так нельзя сразу и со всех сторон изучать явления жизни. И волей-неволей устанавливается последовательность. Вот в ней-то и всё дело. Последовательность же эта дается только разумением жизни.

Только правильное разумение жизни дает должное значение и направление науке вообще и каждой науке в особенности, распределяя их по важности их значения относительно жизни. Если же разумение жизни не таково, каким оно вложено во всех нас, то и самая наука будет ложная.

Не то, что мы назовем наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, чтò следует признать наукой. И потому, для того, чтобы наука была наукой, должен быть прежде решен вопрос о том, чтò есть наука и чтò не наука, а для этого должно быть уяснено понятие о жизни.

Скажу откровенно всю свою мысль: мы все знаем основной догмат веры этой ложной опытной науки.

Существует материя и ее энергия. Энергия движет, движение механическое переходит в молекулярное, молекулярное выражается теплом, электричеством, нервной, мозговой деятельностью. И все без исключения явления жизни объясняются отношениями энергий. Всё так красиво, просто, ясно и, главное, удобно. Так что, если нет всего того, чего нам так хочется и чтò так упрощает всю нашу жизнь, то всё это надо как-нибудь выдумать.

И вот вся моя дерзкая мысль: главная доля энергии, страстности деятельности опытной науки зиждется на желании выдумать всё то, чтò нужно для подтверждения столь удобного представления.

Во всей деятельности этой науки видишь не столько желание исследовать явления жизни, сколько одну, всегда присущую заботу доказать справедливость своего основного догмата. Чтò потрачено сил на попытки объяснений происхождения органического из неорганического и психической деятельности из процессов организма? Не переходит органическое в неорганическое: поищем на дне моря — найдем штуку, которую назовем ядром, монерой.

И там нет; будем верить, что найдется, — тем более, что к нашим услугам целая бесконечность веков, куда мы можем спихивать всё, что

должно бы быть по нашей вере, но чего нет в действительности.

То же и с переходом из органической деятельности в психическую. Нет еще? Но мы верим, что будет, и все усилия ума употребляем на то, чтобы доказать хоть возможность этого.

Споры о том, чтò не касается жизни, именно о том, отчего происходит жизнь: анимизм ли это, витализм ли, или понятие еще особой какой силы, скрыли от людей главный вопрос жизни, — тот вопрос, без которого понятие жизни теряет свой смысл, и привели понемногу людей науки, — тех, которые должны вести других, — в положение человека, который идет и даже очень торопится, но забыл, куда именно.

Но, может быть, я и умышленно стараюсь не видеть тех огромных результатов, которые дает наука в теперешнем ее направлении? Но ведь никакие результаты не могут исправить ложного направления. Допустим невозможное, — то, что всё, что желает познать теперешняя наука о жизни, о чем утверждает (хотя и сама не веря в это), что всё это будет открыто: допустим, что всё открыто, всё ясно как день. Ясно, как из неорганической материи зарождается через приспособление органическое; ясно, как физические энергии переходят в чувства, волю, мысль, и всё это известно не только гимназистам, но и деревенским школьникам.

Мне известно, что такие-то мысли и чувства происходят от таких-то движений. Ну, и что ж? Могу ли я или не могу руководить этими движениями, чтобы возбуждать в себе такие или другие мысли? Вопрос о том, какие мне надо возбуждать в себе и других мысли и чувства, остается не только нерешенным, но даже незатронутым.

Знаю я, что люди науки не затрудняются отвечать на этот вопрос. Решение этого вопроса им кажется очень просто, как просто всегда кажется решение трудного вопроса тому человеку, который не понимает его. Решение вопроса о том, как устроить жизнь, когда она в нашей власти, для людей науки кажется очень просто. Они говорят: устроить так, чтобы люди могли удовлетворять своим потребностям; наука выработает средства, во-первых, для того, чтобы правильно распределять удовлетворение потребностей, а во-вторых, средства производить так много и легко, что все потребности легко будут удовлетворены, и люди тогда будут счастливы.

Если же спросишь, чтò называется потребностью и где пределы потребностей? то на это также просто отвечают: наука — на то наука, чтобы распределить потребности на физические, умственные, эстетические, даже нравственные, и ясно определить, какие потребности и в какой мере законны и какие и в какой мере незаконны.

Она со временем определит это. Если же спросить, чем руководствоваться в определении законности и незаконности потребностей? то на это смело отвечают: изучением потребностей. Но слово потребность имеет только два значения: или условие существования, а условий существования каждого предмета бесчисленное количество, и потому все условия не могут быть изучены, или требование блага живым существом, познаваемое и определяемое только

сознанием и потому еще менее могущее быть изученным опытной наукой.

Есть такое учреждение, корпорация, собрание, что ли, людей или умов, которое непогрешимо, и называется наука. Оно всё это определит со временем.

Разве не очевидно, что такое решение вопроса есть только перефразированное царство Мессии, в котором роль Мессии играет наука, а что для того, чтобы объяснение такое объясняло что-нибудь, необходимо верить в догматы науки так же бесконтрольно, как верят Евреи в Мессию, что и делают правоверные науки, — с тою только разницей, что правоверному Еврею, представляющему себе в Мессии посланника Божия, можно верить в то, что он всё своей властью устроит отлично; для правоверного же науки по существу дела нельзя верить в то, чтобы посредством внешнего изучения потребностей можно было решить главный и единственный вопрос о жизни.

Глава I.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствует человек желания себе блага, — он и не чувствует себя живущим. Человек не может себе представить жизни без желания себе блага. Жить для каждого человека всё равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага — всё равно, что жить.

Жизнь чувствует человек только в себе, в своей личности, и потому сначала человеку представляется, что благо, которого он желает, есть благо только его личности. Ему сначала кажется, что живет, истинно живет только он один. Жизнь других существ представляется ему совсем не такою, как своя, — она представляется ему только подобием жизни; жизнь других существ человек только наблюдает и только из наблюдений узнает, что они живут. Про жизнь других существ человек знает, когда хочет думать о них, но про себя он знает, ни на секунду не может перестать знать, что он живет, и потому настоящею жизнью представляется каждому человеку только своя жизнь. Жизнь других существ, окружающих его, представляется ему только одним из условий его существования. Если он не желает зла другим, то только потому, что вид страдания других нарушает его благо. Если он желает добра другим, то совсем не так, как себе, — не для того, чтобы было хорошо тому, кому он желает добра, а только для того, чтобы благо других существ увеличивало благо его жизни. Важно и нужно человеку только благо в той жизни, которую он чувствует своею, т. е. своё благо.

И вот, стремясь к достижению этого своего блага, человек замечает, что благо это зависит от других существ. И, наблюдая и рассматривая эти другие существа, человек видит, что все они, и люди, и даже животные, имеют точно такое же представление о жизни, как и он.

Каждое из этих существ точно так же, как и он, чувствует только свою жизнь и свое благо, считает только свою жизнь важною и настоящею, а жизнь всех других существ только средством для своего блага. Человек видит, что каждое из живых существ точно так же, как и он, должно быть готово, для своего маленького блага, лишить большего блага и даже жизни все другие существа, а в том числе и его, так рассуждающего человека. И, поняв это, человек невольно делает то соображение, что если это так, — а он знает, что это несомненно так, — то не одно и не десяток существ, а все бесчисленные существа мира, для достижения каждое своей цели, всякую минуту готовы уничтожить его самого, — того, для которого одного и существует жизнь. И, поняв это, человек видит, что его личное благо, в котором одном он понимает жизнь, не только не может быть легко приобретено им, но, наверное, будет отнято от него.

Чем дальше человек живет, тем больше рассуждение это подтверждается опытом, и человек видит, что жизнь мира, в которой он участвует, составленная из связанных между собой личностей, желающих истребить и съесть одна другую, не только не может быть для него благом, но будет, наверное, великим злом.

Но мало того: если даже человек и поставлен в такие выгодные условия, что он может успешно бороться с другими личностями, не боясь за свою, очень скоро и разум и опыт показывают ему, что даже те подобия блага, которые он урывает из жизни, в виде наслаждений личности, не — блага, а как будто только образчики блага, данные ему только для того, чтобы он еще живее чувствовал страдания, всегда связанные с наслаждениями. Чем дольше живет человек, тем яснее он видит, что наслаждений всё становится меньше и меньше, а скуки, пресыщения, трудов, страданий всё больше и больше. Но мало и этого: начиная испытывать ослабление сил и болезни, и глядя на болезни и старость, смерть других людей, он замечает еще и то, что и самое его существование, в котором одном он чувствует настоящую, полную жизнь, каждым часом, каждым движением приближается к ослаблению, старости, смерти; что жизнь его, кроме того, что она подвержена тысячам случайностей уничтожения от других борющихся с ним существ и всё увеличивающимся страданиям, по самому свойству своему есть только не перестающее приближение к смерти, к тому состоянию, в котором вместе с жизнью личности наверное уничтожится всякая возможность какого бы то ни было блага личности. Человек видит, что он, его личность — то, в чем одном он чувствует жизнь, только и делает, что борется с тем, с чем нельзя бороться, — со всем миром; что он ищет наслаждений, которые дают только подобия блага и всегда кончаются страданиями, и хочет удержать жизнь, которую нельзя удержать. Человек видит, чтò он сам, сама его личность, — то, для чего одного он желает блага и жизни, — не может иметь ни блага, ни жизни. А то, чтò он желает иметь: благо и жизнь, имеют только те чуждые ему существа, которых он не чувствует и не может чувствовать, и про существование которых он знать и не может и не хочет.

То, что для него важнее всего и что одно нужно ему, что — ему кажется — одно живет по настоящему, его личность, то гибнет, то будет кости, черви — не он; а то, что для него не нужно, не важно, что он не чувствует живущим, весь этот мир борющихся и сменяющихся

существ, то и есть настоящая жизнь, то останется и будет жить вечно. Так что та единственно чувствуемая человеком жизнь, для которой происходит вся его деятельность, оказывается чем-то обманчивым и невозможным, а жизнь вне его, нелюбимая, нечувствуемая им, неизвестная ему, и есть единая настоящая жизнь.

То, чего он не чувствует, то только и имеет те свойства, которые он один желал бы иметь. И это не τὸ — что так представляется человеку в дурные минуты его унылого настроения — это не представление, которое можно не иметь, а это напротив такая очевидная, несомненная истина, что если мысль эта сама хоть раз придет человеку, или другие хоть раз растолкуют ему ее, то он никогда уж не отделается от нее, ничем не выжжет ее из своего сознания.

Глава II.

ПРОТИВОРЕЧИЕ ЖИЗНИ СОЗНАНО ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН. ПРОСВЕТИТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ОТКРЫВАЛИ ЛЮДЯМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖИЗНИ, РАЗРЕШАЮЩИЕ ЭТО ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ, НО ФАРИСЕИ И КНИЖНИКИ СКРЫВАЮТ ИХ ОТ ЛЮДЕЙ.

Единственная представляющаяся сначала человеку цель жизни есть благо его личности, но блага для личности не может быть; если бы и было в жизни нечто, похожее на благо, то жизнь, в которой одной возможно благо, жизнь личности, каждым движением, каждым дыханием неудержимо влечется к страданиям, к злу, к смерти, к уничтожению.

И это так очевидно и так ясно, что всякий мыслящий человек, и молодой и старый, и образованный и необразованный, всякий видит это. Рассуждение это так просто и естественно, что оно представляется всякому человеку разумному и с древнейших времен было известно человечеству.

«Жизнь человека, как личности, стремящейся только к своему благу, среди бесконечного числа таких же личностей, уничтожающих друг друга и самих уничтожающихся, есть зло и бессмыслица, и жизнь истинная не может быть такою». С древнейших времен сказал себе это человек, и это внутреннее противоречие жизни человека с необычайной силой и ясностью было выражено и Индийскими, и Китайскими, и Египетскими, и Греческими, и Еврейскими мудрецами, и с древнейших времен разум человека был направлен на познание такого блага человека, которое не уничтожалось бы борьбой существ между собою, страданиями и смертью. В большем и большем уяснении этого несомненного, ненарушимого борьбою, страданиями и смертью блага человека и состоит всё движение вперед человечества с тех пор, как мы знаем его жизнь.

С самых древних времен и в самых различных народах великие учителя человечества открывали людям всё более и более ясные определения жизни, разрешающие ее внутреннее противоречие, и указывали им

истинное благо и истинную жизнь, свойственные людям. А так как положение в мире всех людей одинаково, и потому одинаково для всякого человека противоречие его стремления к своему личному благу и сознания невозможности его, то одинаковы, по существу, и все определения истинного блага и потому истинной жизни, открытые людям величайшими умами человечества.

«Жизнь — это распространение того света, который для блага людей сошел в них с неба», сказал Конфуций за 600 лет до Р. Х.

«Жизнь — это странствование и совершенствование душ, достигающих всё большего и большего блага», сказали брамины того же времени. «Жизнь — это отречение от себя для достижения блаженной нирваны», сказал Будда, современник Конфуция. «Жизнь — это путь смирения и унижения для достижения блага», сказал Лао-Дзи, тоже современник Конфуция. «Жизнь — это то, что вдунул Бог в ноздри человека, для того, чтобы он, исполняя его закон, получил благо», говорит Еврейская мудрость. «Жизнь — это подчинение разуму, дающее благо человеку», сказали стоики. «Жизнь — это любовь к Богу и ближнему, дающая благо человеку», сказал Христос, включая в свое определение все предшествующие.

Таковы определения жизни, которые за тысячи лет до нас, указывая людям вместо ложного и невозможного блага личности действительное, неуничтожимое благо, разрешают противоречие человеческой жизни и дают ей разумный смысл. Можно не соглашаться с этими определениями жизни, можно предполагать, что определения эти могут быть выражены точнее и яснее, но нельзя не видеть того, что определения эти таковы, что признание их, уничтожая противоречие жизни и заменяя стремление к недостижимому благу личности другим стремлением — к неуничтожаемому страданиями и смертью благу, дает жизни разумный смысл. Нельзя не видеть и того, что определения эти, будучи теоретически верны, подтверждаются и опытом жизни, и что миллионы и миллионы людей, признававшие и признающие такие определения жизни, на деле показывали и показывают возможность замены стремления к благу личности другим стремлением к благу такому, которое не нарушается страданиями и смертью.

Но кроме тех людей, которые понимали и понимают определения жизни, открытые людям великими просветителями человечества, и живут ими, всегда было и есть огромное большинство людей, которые в известный период жизни, а иногда во всю свою жизнь, жили и живут одной животной жизнью, не только не понимая тех определений, которые служат разрешением противоречия человеческой жизни, но не видя даже и того противоречия ее, которое они разрешают. И всегда были и теперь есть среди этих людей еще такие люди, которые вследствие своего внешнего исключительного положения считают себя призванными руководить человечеством и сами, не понимая смысла человеческой жизни, учили и учат других людей жизни, которой они не понимают: тому, что жизнь человеческая есть не что иное, как личное существование.

Такие ложные учители существовали во все времена и существуют и в наше время. Одни исповедуют на словах учения тех просветителей

человечества, в преданиях которых они воспитаны, но, не понимая их разумного смысла, обращают эти учения в сверхъестественные откровения о прошедшей и будущей жизни людей и требуют только исполнения обрядов. Это учение фарисеев в самом широком смысле, т. е. людей, учащих тому, что сама в себе неразумная жизнь может быть исправлена верою в другую жизнь, приобретаемую исполнением внешних обрядов.

Другие, непризнающие возможности никакой другой жизни, кроме видимой, отрицают всякие чудеса и всё сверхъестественное и смело утверждают, что жизнь человека есть не чтò иное, как его животное существование от рождения и до смерти. Это учение книжников, — людей, учащих тому, что в жизни человека, как животного, и нет ничего неразумного.

И те и другие лжеучители, несмотря на то, что учения и тех и других основаны на одном и том же грубом непонимании основного противоречия человеческой жизни, всегда враждовали и враждуют между собой. Оба учения эти царствуют в нашем мире и, враждуя друг с другом, наполняют мир своими спорами, — этими самыми спорами скрывая от людей те определения жизни, открывающие путь к истинному благу людей, которые уже за тысячи лет даны человечеству.

Фарисеи, не понимая того определения жизни, которое дано людям теми учителями, в преданиях которых они воспитаны, заменяют его своими лжетолкованиями о будущей жизни и вместе с тем стараются скрыть от людей определения жизни других просветителей человечества, выставляя их перед своими учениками в самом их грубом и жестоком извращении, полагая тем поддержать исключительный авторитет того учения, на котором они основывают свои толкования.

Книжники же, и не подозревая в фарисейских учениях тех разумных основ, на которых они возникли, прямо отрицают всякие учения о будущей жизни и смело утверждают, что все эти учения не имеют никакого основания, а суть только остатки грубых обычаев невежества, и что движение вперед человечества состоит в том, чтобы не задавать себе никаких вопросов о жизни, выходящих за пределы животного существования человека.

Глава III.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ КНИЖНИКОВ.

И удивительное дело! То, что все учения великих умов человечества так поражали людей своим величием, что грубые люди придавали им большей частью сверхъестественный характер и признавали основателей их полубогами, — то самое, что служит главным признаком значительности этих учений, — это самое обстоятельство и служит для книжников лучшим, как им кажется, доказательством неправильности и

отсталости этих учений. То, что незначительные учения Аристотеля, Бэкона, Конта и других оставались и остаются всегда достоянием малого числа их читателей и почитателей и по своей ложности никогда не могли влиять на массы и потому не подверглись суеверным искажениям и наростам, этот-то признак незначительности их признается доказательством их истинности. Учения же Браминов, Будды, Зороастра, Лаодзы, Конфуция, Исаии, Христа, считаются суевериями и заблуждениями только потому, что эти учения переворачивали жизнь миллионов.

То, что по этим суевериям жили и живут миллиарды людей, потому что даже и в искаженном виде они дают людям ответы на вопросы об истинном благе жизни, то, что учения эти не только разделяются, но служат основой мышления лучших людей всех веков, а что теории, признаваемые книжниками, разделяются только ими самими, всегда оспариваются и не живут иногда и десятков лет, и забываются так же быстро, как возникают, не смущает их нисколько.

Ни в чем с такою яркостью не выражается то ложное направление знания, которому следует современное общество, как то место, которое занимают в этом обществе учения тех великих учителей жизни, по которым жило и образовывалось и продолжает жить и образовываться человечество. В календарях значится, в отделе статистических сведений, что вер, исповедуемых теперь обитателями земного шара, — 1000. В числе этих вер предполагаются Буддизм, Брамаизм, Конфуцианство, Таосизм и Христианство. — Вер 1000, и люди нашего времени совершенно искренно верят в это. Вер 1000, все они вздор, — что же их изучать? И люди нашего времени за стыд считают, если они не знают последних изречений мудрости Спенсера, Гельмгольца и других, но о Браминах, Будде, Конфуции, Менции, Лао-дзы, Эпиктете, Исаии иногда знают имена, а иногда и того не знают. Им и в голову не приходит, что вер, исповедуемых в наше время, вовсе не тысяча, а только три: китайская, индийская и еврейско-христианская (с своим отростком магометанством), и что книги этих вер можно купить за 5 руб. и прочесть в две недели, и что в этих книгах, по которым жило и теперь живет всё человечество, за исключением 0,07 почти неизвестных нам, заключена вся мудрость человеческая, всё то, что сделало человечество таким, какое оно есть. Но мало того, что толпа не знает этих учений, — ученые не знают их, если это не их специальность; философы по профессии не считают нужным заглядывать в эти книги. Да и зачем изучать тех людей, которые разрешали сознаваемое разумным человеком противоречие его жизни и определяли истинное благо и жизнь людей? Книжники, не понимая того противоречия, которое составляет начало разумной жизни, смело утверждают, что так как они его не видят, то противоречия и нет никакого, и что жизнь человека есть только его животное существование.

Зрячие понимают и определяют то, что видят перед собой, — слепой тыкает перед собою палкой и утверждает, что и нет ничего, кроме того, что показывает ему ощупь палки.

Глава IV.

УЧЕНИЕ КНИЖНИКОВ ПОД ПОНЯТИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПОДСТАВЛЯЕТ ВИДИМЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЕГО ЖИВОТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И ИЗ НИХ ДЕЛАЕТ ВЫВОДЫ О ЦЕЛИ ЕГО ЖИЗНИ.

«Жизнь — это то, что делается в живом существе со времени его рождения и до смерти. Родится человек, собака, лошадь, у каждого свое особенное тело, и вот живет это особенное его тело, а потом умрет; тело разложится, пойдет в другие существа, а того прежнего существа не будет. Была жизнь и кончилась жизнь; бьется сердце, дышат легкие, тело не разлагается, значит жив человек, собака, лошадь; перестало биться сердце, кончилось дыхание, стало разлагаться тело — значит умер, и нет жизни. Жизнь и есть то, что происходит в теле человека, так же как и животного, в промежуток времени между рождением и смертью. Чтò может быть яснее?» Так смотрели и всегда смотрят на жизнь самые грубые, невежественные люди, едва выходящие из животного состояния. И вот в наше время учение книжников, называющее себя наукой, признает это самое грубое первобытное представление о жизни единым истинным. Пользуясь всеми теми орудиями внешнего знания, которые приобрело человечество, ложное учение это систематически хочет вести назад людей в тот мрак невежества, из которого с таким напряжением и трудом оно выбивалось столько тысяч лет.

Жизнь мы не можем определить в своем сознании, говорит это учение. Мы заблуждаемся, рассматривая ее в себе. То понятие о благе, стремление к которому в нашем сознании составляет нашу жизнь, есть обманчивый призрак, и жизнь нельзя понимать в этом сознании. Чтобы понять жизнь, надо только наблюдать ее проявления, как движение вещества. Только из этих наблюдений и выведенных из них законов мы найдем и закон самой жизни, и закон жизни человека.*

И вот ложное учение, подставив под понятие всей жизни человека, известной ему в его сознании, видимую часть ее — животное существование, — начинает изучать эти видимые явления сначала в животном человеке, потом в животных вообще, потом в растениях, потом в веществе, постоянно утверждая при этом, что изучаются не некоторые проявления, а сама жизнь. Наблюдения так сложны, так многообразны, так запутанны, так много времени и усилия тратится на них, что люди понемногу забывают о первоначальной ошибке признания части предмета за весь предмет и под конец вполне убеждаются, что изучение видимых свойств вещества, растений и животных и есть изучение самой жизни, той жизни, которая, познается человеком только в его сознании.

Совершается нечто подобное тому, что делает показывающий что-нибудь на тени и желающий поддержать то заблуждение, в котором находятся его зрители.

«Не смотрите никуда, — говорит показывающий, — кроме как на ту сторону, где появляются отражения, и главное, не глядите на самый предмет; ведь предмета и нет, а есть только отражение его».

Это самое и делает потворствующая грубой толпе ложная наука книжников нашего времени, рассматривая жизнь без главного определения ее, стремления к благу, открытого только в сознании человека.* Исходя прямо из определения жизни независимо от стремления к благу, ложная наука наблюдает цели живых существ и, находя в них цели, чуждые человеку, навязывает их ему.

Целью живых существ представляется при этом внешнем наблюдении — сохранение своей личности, сохранение своего вида, воспроизведение себе подобных и борьба за существование, и эта самая воображаемая цель жизни навязывается и человеку.

Ложная наука, взявшая за исходную точку отсталое представление о жизни, при котором не видно то противоречие жизни человеческой, которое составляет главное ее свойство, — эта мнимая наука в своих последних выводах приходит к тому, чего требует грубое большинство человечества, — к признанию возможности блага одной личной жизни, к признанию для человека благом одного животного существования.

Ложная наука идет дальше даже требований грубой толпы, которым она хочет найти объяснение, — она приходит к утверждению того, что с первого проблеска своего отвергает разумное сознание человека, приходит к выводам о том, что жизнь человека, как и всякого животного, состоит в борьбе за существование личности, рода и вида.

Глава V.

ЛЖЕУЧЕНИЯ ФАРИСЕЕВ И КНИЖНИКОВ НЕ ДАЮТ НИ ОБЪЯСНЕНИЯ СМЫСЛА НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ, НИ РУКОВОДСТВА В НЕЙ; ЕДИНСТВЕННЫМ РУКОВОДСТВОМ ЖИЗНИ ЯВЛЯЕТСЯ ИНЕРЦИЯ ЖИЗНИ, НЕ ИМЕЮЩАЯ РАЗУМНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ.

«Жизнь определять нечего: всякий ее знает, вот и всё, и давайте жить», говорят в своем заблуждении люди, поддерживаемые ложными учениями. И не зная, что такое жизнь и ее благо, им кажется, что они живут, как может казаться человеку, несомому по волнам без всякого направления, что он плывет туда, куда ему надобно и хочется.

Родится ребенок в нужде или роскоши и получает воспитание фарисейское или книжническое. Для ребенка, для юноши не существует еще противоречия жизни и вопроса о ней, и потому ни объяснение фарисеев, ни объяснение книжников не нужны ему и не могут руководить его жизнью. Он учится одним примером людей, живущих вокруг него, и пример этот, и фарисеев и книжников, одинаков: и те и другие живут только для блага личной жизни, и тому же поучают и его.

Если родители его в нужде, он узнает от них, что цель жизни — приобретение побольше хлеба и денег и как можно меньше работы, для того, чтобы животной личности было как можно лучше. Если он родился

в роскоши, он узнает, что цель жизни — богатство и почести, чтобы как можно приятнее и веселее проводить время.

Все знания, которые приобретает бедный, нужны для него только ради того, чтобы улучшить благосостояние своей личности. Все знания науки и искусств, которые приобретает богатый, несмотря на все высокие слова о значении науки и искусств, нужны ему только для того, чтобы побороть скуку и провести приятно время. Чем дольше живет и тот и другой, тем сильнее и сильнее всасывается в них царствующий взгляд людей мира. Они вступают в брак, заводятся семьей, и жадность к приобретению благ животной жизни усиливается оправданием семьи: борьба с другими ожесточается и устанавливается (инерция) привычка жизни только для блага личности.

Если и западет тому или другому, бедному или богатому, сомнение в разумности такой жизни, если тому и другому представится вопрос о том, зачем эта бесцельная борьба за свое существование, которое будут продолжать мои дети, или зачем эта обманчивая погоня за наслаждениями, которые кончаются страданиями для меня и для моих детей, то нет почти никакого вероятия, чтобы он узнал те определения жизни, которые давным-давно даны были человечеству его великими учителями, находившимися, за тысячи лет до него, в том же положении. Учения фарисеев и книжников так плотно заслоняют их, что редкому удается увидать их. Одни — фарисеи — на вопрос о том: «зачем эта бедственная жизнь?» — отвечают: «жизнь бедственна и всегда была и должна быть такою; благо жизни не в ее настоящем, а в ее прошедшем — до жизни, и будущем — после жизни». И Браминские, и Буддийские, и Таасийские, и Еврейские, и Христианские фарисеи говорят всегда одно и то же. Жизнь настоящая — зло, и объяснение этого зла в прошедшем — в появлении мира и человека; исправление же существующего зла — в будущем, за гробом. Всё, что может сделать человек для приобретения блага, не в этой, но в будущей жизни, это верить в то учение, которое мы преподаем вам, — исполнять обряды, которые мы предписываем.

И сомневающийся, видя на жизни всех людей, живущих для личного блага, и на жизни самих фарисеев, живущих для того же, неправду этого объяснения, не углубляясь в смысл их ответа, прямо не верит им и обращается к книжникам. «Все учения о другой какой-то жизни, чем та, какую мы видим в животной, есть плод невежества, говорят книжники. Все твои сомнения в разумности твоей жизни суть праздные мечтания. Жизнь миров, земли, человека, животного, растения имеет свои законы, и мы изучаем их, мы исследуем происхождение миров и человека, животных и растений, и всего вещества; мы исследуем и то, что ожидает миры, как остынет солнце и т. п., и что было и будет с человеком и со всяким животным и растением. Мы можем показать и доказать, что всё так было и будет, как мы говорим; наши исследования, кроме того, содействуют улучшению благосостояния человека. О жизни же твоей, с твоим стремлением к благу, мы ничего тебе сказать не можем, кроме того, что ты и без нас знаешь: живешь, так и живи, как получше».

И сомневающийся, не получив на свой вопрос никакого ответа ни от тех, ни от других, остается, как и был прежде, без всякого

руководства в жизни, кроме побуждений своей личности.

Одни из сомневающихся, по рассуждению Паскаля, сказав себе: «а что как правда всё то, чем пугают фарисеи за неисполнение их предписаний», исполняют в свободное время все предписания фарисеев (потери не будет, а выгода может быть большая), а другие, соглашаясь с книжниками, прямо отрицают всякую другую жизнь и всякие религиозные обряды и говорят себе: «не я один, а все так жили и живут, — что будет, то будет». И это различие не дает ни тем, ни другим никакого преимущества: и те и другие остаются без всякого объяснения смысла их настоящей жизни.

А жить надо.

Жизнь человеческая есть ряд поступков от вставанья до постели; каждый день человек должен не переставая выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он сделает. Ни учение фарисеев, объясняющее тайны небесной жизни, ни учение книжников, исследующее происхождение миров и человека, и делающее заключение о будущей судьбе их, не дает такого руководства поступков. А без руководства в выборе своих поступков человек не может жить. И вот тут-то человек, волей-неволей, подчиняется уже не рассуждению, а тому внешнему руководству жизни, которое всегда существовало и существует в каждом обществе людей.

Руководство это не имеет никакого разумного объяснения, но оно-то и движет огромным большинством поступков всех людей. Руководство это есть привычка жизни обществ людей, тем сильнее властвующая над людьми, чем меньше у людей понимания смысла своей жизни. Руководство это не может быть определенно выражено, потому что слагается оно из самых разнообразных, по времени и месту, дел и поступков. Это: свечки на дощечках родителей для Китайцев; это — паломничество к известным местам магометанина, — известное количество молитвенных слов для Индейца; это — верность своему знамени и честь мундира для военного, дуэль для светского человека, кровомщение для горца; это — известные кушанья в известные дни, известного рода воспитание своих детей; это — визиты, известное убранство жилищ, известные празднованья похорон, родин, свадеб. Это: бесчисленное количество дел и поступков, наполняющих всю жизнь. Это — то, что называется приличием, обычаем, а чаще всего долгом и даже священным долгом.

И вот этому-то руководству, помимо объяснений жизни фарисеев и книжников, и подчиняется большинство людей. Везде вокруг себя с детства человек видит людей, с полною уверенностью и внешнею торжественностью исполняющих эти дела, и, не имея никакого разумного объяснения своей жизни, человек не только начинает делать такие же дела, но этим делам старается приписать разумный смысл. Ему хочется верить, что люди, делающие эти дела, имеют объяснение того, для чего и почему они делают то, чтò делают. И он начинает убеждать себя, что дела эти имеют разумный смысл и что объяснение их смысла если и не вполне известно ему, то известно другим людям. Но большинство других людей, не имея также разумного объяснения жизни, находятся совершенно в том же положении, как и он. Они делают эти дела только потому, что им кажется, что другие, имея объяснение этих дел,

требуют их от них. И так, невольно обманывая друг друга, люди всё больше и больше не только привыкают делать дела, не имеющие разумного объяснения, но привыкают приписывать этим делам какой-то таинственный, непонятный для них самих смысл. И чем меньше они понимают смысл исполняемых ими дел, чем сомнительнее для них самих эти дела, тем больше приписывают они им важности и тем с большей торжественностью исполняют их. И богатый и бедный исполняют то, что делают вокруг них другие, и дела эти называют своим долгом, священным долгом, успокоивая себя тем, что то, что делается так давно, таким большим количеством людей и так высоко ценится ими, не может не быть настоящим делом жизни. И до глубокой старости, до смерти доживают люди, стараясь уверить себя, что если они сами не знают, зачем они живут, то это знают другие — те самые, которые точно так же мало знают это, как и те, которые на них полагаются.

Приходят в существование, родятся, вырастают новые люди и, глядя на эту сутолоку существования, называемую жизнью, в которой принимают участие старые, седые, почтенные, окружаемые уважением люди, уверяются, что эта-то безумная толкотня и есть жизнь, и другой никакой нет, и уходят, потолкавшись у дверей ее. Так, невидавший никогда собрания человек, увидав теснящуюся, шумящую, оживленную толпу у входа, и решив, что это и есть самое собрание, потолкавшись у дверей, уходит домой с помятыми боками и с полной уверенностью, что он был в собрании.

Прорезываем горы, облетаем мир; электричество, микроскопы, телефоны, войны, парламент, филантропия, борьба партий, университеты, ученые общества, музеи..... это ли не жизнь?

Вся сложная, кипучая деятельность людей с их торговлей, войнами, путями сообщения, наукой, искусствами есть большей частью только давка обезумевшей толпы у дверей жизни.

Глава VI.

РАЗДВОЕНИЕ СОЗНАНИЯ В ЛЮДЯХ НАШЕГО МИРА.

«Но истинно, истинно, говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас сына Божия и, услышав, оживут». И время это приходит. Сколько бы ни уверял себя человек, и сколько бы ни уверяли его в этом другие, что жизнь может быть благою и разумною только за гробом, или что одна личная жизнь может быть благою и разумною, — человек не может верить в это. Человек имеет в глубине души своей неизгладимое требование того, чтобы жизнь его была благом и имела разумный смысл, а жизнь, не имеющая перед собой никакой другой дели, кроме загробной жизни или невозможного блага личности, есть зло и бессмыслица.

Жить для будущей жизни? говорит себе человек. Но если та жизнь, тот

единственный образчик жизни, который я знаю, — моя теперешняя жизнь, — должна быть бессмысленной, то это не только не утверждает меня в возможности другой, разумной жизни, но, напротив, убеждает меня в том, что жизнь по существу своему бессмысленна, что никакой другой, кроме бессмысленной жизни, и быть не может.

Жить для себя? Но ведь моя жизнь личная есть зло и бессмыслица. Жить для своей семьи? Для своей общины? Отечества, человечества даже? Но если жизнь моей личности бедственна и бессмысленна, то так же бессмысленна и жизнь всякой другой человеческой личности, и потому бесконечное количество собранных вместе бессмысленных и неразумных личностей не составят и одной блаженной и разумной жизни. Жить самому, не зная зачем, делая то, что делают другие? Да ведь я знаю, что другие, так же как и я, не знают сами, зачем они делают то, что делают.

Приходит время, когда разумное сознание перерастает ложные учения, и человек останавливается посреди жизни и требует объяснения.

Только редкий человек, не имеющий сношений с людьми других образов жизни, и только человек, постоянно занятый напряженной борьбой с природой для поддержания своего телесного существования, может верить в то, что исполнение тех бессмысленных дел, которые он называет своим долгом, может быть свойственным ему долгом его жизни.

Наступает время и наступило уже, когда обман, выдающий отрицание — на словах — этой жизни, для приготовления себе будущей, и признание одного личного животного существования за жизнь и так называемого долга за дело жизни, — когда обман этот становится ясным для большинства людей, и только забитые нуждой и отупевшие от похотливой жизни люди могут еще существовать, не чувствуя бессмысленности и бедственности своего существования.

Чаще и чаще просыпаются люди к разумному сознанию, оживают в гробах своих, — и основное противоречие человеческой жизни, несмотря на все усилия людей скрыть его от себя, со страшной силой и ясностью становится перед большинством людей.

«Вся жизнь моя есть желание себе блага», говорит себе человек пробудившийся, — «разум же мой говорит мне, что блага этого для меня быть не может, и что бы я ни делал, чего бы ни достигал, всё кончится одним и тем же: страданиями и смертью, уничтожением. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумного смысла, а во мне и во всем меня окружающем — зло, смерть, бессмыслица.. Как быть? Как жить? Что делать?» И ответа нет.

Человек оглядывается вокруг себя и ищет ответа на свой вопрос и не находит его. Он найдет вокруг себя учения, которые ответят ему на вопросы, которых он и не делает себе, но ответа на вопрос, который он ставит себе, нет в окружающем мире. Есть одна суета людей, делающих, сами не зная зачем, дела, которые другие делают, сами не зная зачем.

Все живут, как будто и не сознавая бедственности своего положения и

бессмысленности своей деятельности. «Или они безумны, или я, — говорит себе проснувшийся человек. Но все не могут быть безумны, стало-быть, безумен-то я. Но нет, — то разумное я, которое говорит мне это, не может быть безумно. Пускай оно будет одно против всего мира, но я не могу не верить ему».

И человек сознает себя одним во всем мире с теми страшными вопросами, которые разрывают его душу. А жить надо.

Одно я, его личность, велит ему жить.

А другое я, его разум, говорит: «жить нельзя».

Человек чувствует, что он раздвоился. И это раздвоение мучительно раздирает душу его.

И причиною этого раздвоения и страдания ему кажется его разум.

Разум, та высшая способность человека, необходимая для его жизни, которая дает ему, нагому, беспомощному человеку, среди разрушающих его сил природы, — и средства к существованию и средства к наслаждению, — эта-то способность отравляет его жизнь.

Во всем окружающем мире, среди живых существ, свойственные этим существам способности нужны им, общи всем им и содействуют их благу. Растения, насекомые, животные, подчиняясь своему закону, живут блаженной, радостной, спокойной жизнью. И вдруг в человеке это высшее свойство его природы производит в нем такое мучительное состояние, что часто, — всё чаще и чаще в последнее время, — человек разрубает Гордиев узел своей жизни, убивает себя, только бы избавиться от доведенного в наше время до последней степени напряжения мучительного внутреннего противоречия, производимого разумным сознанием.

Глава VII.

РАЗДВОЕНИЕ СОЗНАНИЯ ПРОИСХОДИТ ОТ СМЕШЕНИЯ ЖИЗНИ ЖИВОТНОГО С ЖИЗНЬЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.

Человеку кажется, что пробудившееся в нем разумное сознание разрывает и останавливает его жизнь только потому, что он признает своей жизнью то, что не было, не есть и не могло быть его жизнью.

Воспитавшись и выросши в ложных учениях нашего мира, утвердивших его в уверенности, что жизнь его есть не что иное, как его личное существование, начавшееся с его рождением, человеку кажется, что он жил, когда был младенцем, ребенком; потом ему кажется, что он не переставая жил, будучи юношей и возмужалым человеком. Он жил, как ему кажется, очень давно, и всё время не переставая жил, и вот вдруг

дожил до того времени, когда ему стало несомненно ясно, что жить так, как он жил прежде, нельзя, и что жизнь его останавливается и разрывается.

Ложное учение утвердило его в мысли, что жизнь его есть период времени от рождения до смерти; и, глядя на видимую жизнь животных, он смешал представление о видимой жизни с своим сознанием и совершенно уверился в том, что эта видимая им жизнь и есть его жизнь.

Пробудившееся в нем разумное сознание, заявив такие требования, которые неудовлетворимы для жизни животной, указывает ему ошибочность его представления о жизни; но въевшееся в него ложное учение мешает ему признать свою ошибку: он не может отказаться от своего представления о жизни, как животного существования, и ему кажется, что жизнь его остановилась от пробуждения разумного сознания. Но то, что он называет своей жизнью, — то, что ему кажется остановившимся, никогда и не существовало. То, что он называет своей жизнью, его существование от рождения, никогда и не было его жизнью; представление его о том, что он жил всё время от рождения и до настоящей минуты, есть обман сознания, подобный обману сознания при сновидениях: до пробуждения не было никаких сновидений, они все сложились в момент пробуждения. До пробуждения разумного сознания не было никакой жизни, представление о прошедшей жизни сложилось при пробуждении разумного сознания.

Человек жил как животное во время ребячества и ничего не знал о жизни. Если бы человек прожил десять месяцев, он бы ничего не знал ни о своей, ни о какой бы то ни было жизни; так же мало знал бы о жизни, как и тогда, когда бы он умер в утробе матери. И не только младенец, но и неразумный взрослый, и совершенный идиот не могут знать про то, что они живут и живут другие существа. И потому они и не имеют человеческой жизни.

Жизнь человеческая начинается только с проявления разумного сознания, — того самого, которое открывает человеку одновременно и свою жизнь, и в настоящем и в прошедшем, и жизнь других личностей, и всё, неизбежно вытекающее из отношений этих личностей, страдания и смерть, — то самое, что производит в нем отрицание блага личной жизни и противоречие, которое, ему кажется, останавливает его жизнь.

Человек хочет определять свою жизнь временем, как он определяет видимое им существование вне себя, и вдруг в нем пробуждается жизнь, не совпадающая с временем его плотского рождения, и он не хочет верить тому, что то, что не определяется временем, может быть жизнью. Но сколько бы ни искал человек во времени той точки, с которой бы он мог считать начало своей разумной жизни, он никогда не найдет ее.

В своих воспоминаниях он никогда не найдет этой точки, этого начала разумного сознания. Ему представляется, что разумное сознание всегда было в нем. Если же он и находит нечто, подобное началу этого сознания, то он находит его уже никак не в своем плотском рождении, а в области, не имеющей ничего общего с этим плотским рождением. Он

сознает свое разумное происхождение вовсе не таким, каким ему видится его плотское рождение. Спрашивая себя о происхождении своего разумного сознания, человек никогда не представляет себе, чтобы он, как разумное существо, был сын своего отца, матери и внук своих дедов и бабок, родившихся в таком-то году, а он сознает себя всегда не то, что сыном, но слитым в одно с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. В разумном сознании своем человек не видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями, так что они входят в него и он в них. Это-то пробудившееся в человеке разумное сознание и останавливает как будто то подобие жизни, которое заблудшие люди считают жизнью: заблудшим людям кажется, что жизнь их останавливается именно тогда, когда она пробуждается.

Глава VIII.

РАЗДВОЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕТ, ОНО ЯВЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО ПРИ ЛОЖНОМ УЧЕНИИ.

Только ложное учение о человеческой жизни, как о существовании животного от рождения до смерти, в котором воспитываются и поддерживаются люди, производит то мучительное состояние раздвоения, в которое вступают люди при обнаружении в них их разумного сознания.

Человеку, находящемуся в этом заблуждении, кажется, что жизнь раздваивается в нем.

Человек знает, что жизнь его одна, а чувствует их две. Человек, перекрутив два пальца и между ними катая шарик, знает, что шарик один, но чувствует их два. Нечто подобное происходит с человеком, усвоившим ложное представление о жизни.

Разум человека ложно направлен. Его научили признавать жизнью одно свое плотское личное существование, которое не может быть жизнью.

С таким ложным представлением о воображаемой жизни он взглянул на жизнь и увидал их две — ту, которую он воображал себе, и ту, которая действительно есть.

Такому человеку кажется, что отрицание разумным сознанием блага личного существования и требование другого блага есть нечто болезненное и неестественное.

Но для человека, как разумного существа, отрицание возможности личного блага и жизни есть неизбежное последствие условий личной жизни и свойства разумного сознания, соединенного с нею. Отрицание блага и жизни личности есть для разумного существа такое же естественное свойство его жизни, как для птицы летать на крыльях, а

не бегать ногами. Если не оперившийся птенец бегает ногами, то это не доказывает того, чтобы ему несвойственно было летать. Если мы вне себя видим людей с непробудившимся сознанием, полагающих свою жизнь в благе личности, то это не доказывает того, чтобы человеку было несвойственно жить разумною жизнью. Пробуждение человека к его истинной, свойственной ему жизни происходит в нашем мире с таким болезненным напряжением только от того, что ложное учение мира старается убедить людей в том, что призрак жизни есть сама жизнь и что проявление истинной жизни есть нарушение ее.

С людьми в нашем мире, вступающими в истинную жизнь, случается нечто подобное тому, что бы было с девушкой, от которой были бы скрыты свойства женщины. Почувствовав признаки половой зрелости, такая девушка приняла бы то состояние, которое призывает ее к будущей семейной жизни, с обязанностями и радостями матери, за болезненное и неестественное состояние, которое привело бы ее в отчаяние. Подобное же отчаяние испытывают люди нашего мира при первых признаках пробуждения к истинной человеческой жизни.

Человек, в котором проснулось разумное сознание, но который вместе с тем понимает свою жизнь только как личную, находится в том же мучительном состоянии, в котором находилось бы животное, которое, признав своей жизнью движение вещества, не признавало бы своего закона личности, а только видело бы свою жизнь в подчинении себя законам вещества, которые совершаются и без его усилия. Такое животное испытывало бы мучительное внутреннее противоречие и раздвоение. Подчиняя себя одним законам вещества, оно видело бы свою жизнь в том, чтобы лежать и дышать, но личность требовала бы от него другого: кормления себя, продолжения рода, — и тогда животному казалось бы, что оно испытывает раздвоение и противоречие. «Жизнь», думало бы оно, в том, чтобы подчиняться законам тяжести, т. е. не двигаться, лежать и подчиняться происходящим в теле химическим процессам, а вот я делаю это, а еще надо двигаться, питаться, искать самца или самку».

Животное страдало бы и видело бы в этом состоянии мучительное противоречие и раздвоение. То же происходит и с человеком, наученным признавать низший закон своей жизни, животную личность, законом своей жизни. Высший закон жизни, закон его разумного сознания, требует от него другого; вся же окружающая жизнь и ложные учения удерживают его в обманчивом сознании, и он чувствует противоречие и раздвоение.

Но как животному для того, чтобы перестать страдать, нужно признавать своим законом не низший закон вещества, а закон своей личности и, исполняя его, пользоваться законами вещества для удовлетворения целей своей личности, так точно и человеку стоит признать свою жизнь не в низшем законе личности, а в высшем законе, включающем первый закон, — в законе, открытом ему в его разумном сознании, — и уничтожится противоречие, и личность будет свободно подчиняться разумному сознанию и будет служить ему.

Глава IX.

РОЖДЕНИЕ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ В ЧЕЛОВЕКЕ.

Рассматривая во времени, наблюдая проявление жизни в человеческом существе, мы видим, что истинная жизнь всегда хранится в человеке, как она хранится в зерне, и наступает время, когда жизнь эта обнаруживается. Обнаружение истинной жизни состоит в том, что животная личность влечет человека к своему благу, разумное же сознание показывает ему невозможность личного блага и указывает какое-то другое благо. Человек вглядывается в это, в отдалении указываемое ему, благо и не в силах видеть его, сначала не верит этому благу и возвращается назад к личному благу; но разумное сознание, которое указывает так неопределенно свое благо, так несомненно и убедительно показывает невозможность личного блага, что человек опять отказывается от личного блага и опять вглядывается в это новое, указываемое ему благо. Разумное благо не видно, но личное благо так несомненно уничтожено, что продолжать личное существование невозможно, и в человеке начинает устанавливаться новое отношение его животного к разумному сознанию. Человек начинает рожаться к истинной человеческой жизни.

Происходит нечто подобное тому, что происходит в вещественном мире при всяком рождении. Плод родится не потому, что он хочет родиться, что ему лучше родиться и что он знает, что хорошо родиться, а потому, что он созрел, и ему нельзя продолжать прежнее существование; он должен отдаться новой жизни не столько потому, что новая жизнь зовет его, сколько потому, что уничтожена возможность прежнего существования.

Разумное сознание, незаметно выростая в его личности, дорастает до того, что жизнь в личности становится невозможною.

Происходит совершенно то же, что происходит при зарождении всего. То же уничтожение зерна, прежней формы жизни, и проявление нового ростка; та же кажущаяся борьба прежней формы разлагающегося зерна и увеличение ростка, — и то же питание ростка на счет разлагающегося зерна. Различие для нас рождения разумного сознания от видимого нами плотского зарождения в том, что, тогда как в плотском рождении мы видим во времени и пространстве, из чего и как и когда и что рождается из зародыша, знаем, что зерно есть плод, что из зерна при известных условиях выйдет растение, что на нем будет цвет и потом плод такой же, как зерно (в глазах наших совершается весь круговорот жизни), — рост разумного сознания мы не видим во времени, не видим круговорота его. Не видим же мы роста разумного сознания и круговорота его потому, что мы сами совершаем его: наша жизнь есть не что иное, как это рождение того невидимого нам существа, которое рождается в нас, и потому-то мы никак не можем видеть его.

Мы не можем видеть рождения этого нового существа, нового отношения разумного сознания к животному, так же как зерно не может видеть

роста своего стебля. Когда разумное сознание выходит из своего скрытого состояния и обнаруживается для нас самих, нам кажется, что мы испытываем противоречие. Но противоречия нет никакого, как нет его в прорастающем зерне. В прорастающем зерне мы видим только, что жизнь, бывшая прежде в оболочке зерна, теперь уже в ростке его. Точно так же и в человеке с проснувшимся разумным сознанием нет никакого противоречия, а есть только рождение нового существа, нового отношения разумного сознания к животному.

Если человек существует, не зная, что другие личности живут, не зная, что наслаждения не удовлетворяют его, что он умрет, — он не знает даже и того, что он живет, и в нем нет противоречия.

Если же человек увидал, что другие личности — такие же, как и он, что страдания угрожают ему, что существование его есть медленная смерть: если его разумное сознание стало разлагать существование его личности, он уже не может ставить свою жизнь в этой разлагающейся личности, а неизбежно должен полагать ее в той новой жизни, которая открывается ему. И опять нет противоречия, как нет противоречия в зерне, пустившем уже росток и потому разлагающемся.

Глава X.

РАЗУМ ЕСТЬ ТОТ СОЗНАВАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕКОМ ЗАКОН, ПО КОТОРОМУ ДОЛЖНА СОВЕРШАТЬСЯ ЕГО ЖИЗНЬ.

Истинная жизнь человека, проявляющаяся в отношении его разумного сознания к его животной личности, начинается только тогда, когда начинается отрицание блага животной личности. Отрицание же блага животной личности начинается тогда, когда пробуждается разумное сознание.

Но что же такое это разумное сознание? Евангелие Иоанна начинается тем, что Слово, «Logos» (Логос — Разум, Мудрость, Слово), есть начало, и что в нем всё и от него всё; и что потому разум — то, что определяет всё остальное — ничем не может быть определяем.

Разум не может быть определяем, да нам и незачем определять его, потому что мы все не только знаем его, но только разум один и знаем. Общаясь друг с другом, мы вперед уверены, — больше, чем во всем другом — в одинаковой обязательности для всех нас общего этого разума. Мы убеждены, что разум и есть та единственная основа, которая соединяет всех нас, живущих, в одно. Разум мы знаем вернее и прежде всего, так что всё, что мы знаем в мире, мы знаем только потому, что это познаваемое нами сходится с законами этого разума, несомненно известными нам. Мы знаем и нам нельзя не знать разума. Нельзя, потому что разум — это тот закон, по которому должны жить неизбежно разумные существа — люди. Разум для человека тот закон, по которому совершается его жизнь, — такой же закон, как и тот закон

для животного, по которому оно питается и плодится, — как и тот закон для растения, по которому растет, цветет трава, дерево, — как и тот закон для небесного тела, по которому движутся земля и светила. И закон, который мы знаем в себе, как закон нашей жизни, есть тот же закон, по которому совершаются и все внешние явления мира, только с тою разницею, что в себе мы знаем этот закон как то, что мы сами должны совершать, — во внешних же явлениях как то, что совершается по этому закону без нашего участия. Всё, что мы знаем о мире, есть только видимое нами, вне нас совершающееся в небесных телах, в животных, в растениях, во всем мире, подчинение разуму. Во внешнем мире мы видим это подчинение закону разума; в себе же мы знаем этот закон как то, что сами должны совершать.

Обычное заблуждение о жизни состоит в том, что подчинение нашего животного тела своему закону, совершаемое не нами, но только видимое нами, принимается за жизнь человеческую, тогда как этот закон нашего животного тела, с которым связано наше разумное сознание, исполняется в нашем животном теле так же бессознательно для нас, как он исполняется в дереве, в кристалле, в небесном теле. Но закон нашей жизни — подчинение нашего животного тела разуму — есть тот закон, который мы нигде не видим, не можем видеть, потому что он не совершился еще, но совершается нами в нашей жизни. В исполнении этого закона, в подчинении своего животного закону разума, для достижения блага, и состоит наша жизнь. Не понимая того, что благо и жизнь наша состоят в подчинении своей животной личности закону разума, и принимая благо и существование своей животной личности за всю нашу жизнь, и отказываясь от предназначенной нам работы жизни, мы лишаем себя истинного нашего блага и истинной нашей жизни и на место ее подставляем то видимое нам существование нашей животной деятельности, которое совершается независимо от нас и потому не может быть нашей жизнью.

Глава XI.

ЛОЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯ.

Заблуждение, что видимый нами, на нашей животной личности совершающийся, закон и есть закон нашей жизни, есть старинное заблуждение, в которое всегда впадали и впадают люди. Заблуждение это, скрывая от людей главный предмет их познания, подчинение животной личности разуму для достижения блага жизни, ставит на место его изучение существования людей, независимо от блага жизни.

Вместо того, чтобы изучать тот закон, которому, для достижения своего блага, должна быть подчинена животная личность человека, и, только познав этот закон, на основании его изучать все остальные явления мира, ложное познание направляет свои усилия на изучение только блага и существования животной личности человека, без всякого отношения к главному предмету знания, — подчинению этой животной

личности человека закону разума, для достижения блага истинной жизни.

Ложное познание, не имея в виду этого главного предмета знания, направляет свои силы на изучение животного существования прошедших и современных людей и на изучение условий существования человека вообще, как животного. Ему представляется, что из этих изучений может быть найдено и руководство для блага жизни человеческой.

Ложное знание рассуждает так: люди существуют и существовали до нас; посмотрим, как они существовали, какие происходили во времени и пространстве изменения в их существовании, куда направляются эти изменения. Из этих исторических изменений их существования мы найдем закон их жизни.

Не имея в виду главной цели знания, — изучения того разумного закона, которому для его блага должна подчиняться личность человека, — так называемые ученые этого разряда самой целью, которую они ставят для своего изучения, изрекают приговор о тщете своего изучения. В самом деле: если существование людей изменяется только вследствие общих законов их животного существования, то изучение тех законов, которым оно и так подчиняется, совершенно бесполезно и праздно. Знают или не знают люди о законе изменения их существования, закон этот совершается точно так же, как совершается изменение в жизни кротов и бобров вследствии тех условий, в которых они находятся. Если же для человека возможно знание того разумного закона, которому должна быть подчинена его жизнь, то очевидно, что познание этого закона разума он нигде не может почерпнуть, кроме как там, где он и открыт ему: в своем разумном сознании. И потому, сколько бы ни изучали люди того, как существовали люди, как животные, они никогда не узнают о существовании человека ничего такого, чего само собой не происходило бы в людях и без этого знания; и никогда, сколько бы они ни изучали животного существования человека, не узнают они того закона, которому для блага его жизни должно быть подчинено это животное существование человека.

Это один разряд праздных людских рассуждений о жизни, называемых историческими и политическими науками.

Другой разряд особенно распространенных в наше время рассуждений, при которых уже совершенно теряется из вида единственный предмет познания, такой: рассматривая человека, как предмет наблюдения, мы видим, говорят ученые, что он так же питается, ростет, плодится, стареется и умирает, как и всякое животное: но некоторые явления — психические (так они называют их) — мешают точности наблюдений, представляют слишком большую сложность, и потому, чтобы лучше понять человека, будем рассматривать его жизнь сперва в более простых проявлениях, подобных тем, которые мы видим в лишенных этой психической деятельности животных и растениях. Для этого мы будем рассматривать жизнь животных и растений вообще. Рассматривая же животных и растения, мы видим, что во всех них проявляются общие всем им еще более простые законы вещества. А так как законы животных проще, чем законы жизни человека, а законы растений еще проще, а законы вещества еще проще, то и исследования надо основывать на

самом простом — на законах вещества. Мы видим, что то, что происходит в растении и животном, то происходит точно так же и в человеке, говорят они, а потому мы заключаем, что всё то, что происходит в человеке, и объяснится нам из того, что происходит в самом простом, видимом нам и подлежащем нашим опытам мертвом веществе, — тем более, что все особенности деятельности человека находятся в постоянной зависимости от сил, действующих в веществе. Всякое изменение вещества, составляющего тело человека, изменяет и нарушает всю его деятельность. А потому, заключают они, законы вещества суть причины деятельности человека. Соображение же о том, что в человеке есть нечто такое, чего мы не видим ни в животных, ни в растениях, ни в мертвом веществе, и что это-то нечто и есть единственный предмет познания, без которого бесполезно всякое другое, не смущает их.

Не приходит им в голову, что, если изменение вещества в теле человека нарушает его деятельность, то это доказывает только то, что изменение вещества есть одна из причин, нарушающих деятельность человека, но никак не то, что движение вещества есть причина деятельности человека. Точно так же, как вред вынутия земли из-под корней растения доказывает, что земля может быть и не быть везде, а не то, что растение есть только произведение земли. И они изучают в человеке то, что происходит и в мертвом веществе, и в растении, и в животном, предполагая, что уяснение законов явлений, сопутствующих жизни человека, может уяснить им самую жизнь человека.

Чтобы понять жизнь человека, т. е. тот закон, которому для блага человека должна быть подчинена его животная личность, люди рассматривают: или историческое существование, но не жизнь человека, или несознаваемое человеком, но только видимое ему подчинение и животного, и растения, и вещества разным законам, т. е. делают то же, что бы делали люди, изучающие положение неизвестных им предметов для того, чтобы найдти ту неизвестную цель, которой им нужно следовать.

Совершенно справедливо то, что знание видимого нам проявления существования людей в истории может быть поучительно для нас; что точно так же может быть поучительно для нас и изучение законов животной личности человека и других животных, и поучительно изучение тех законов, которым подчиняется само вещество. Изучение всего этого важно для человека, показывая ему, как в отражении, то, что необходимо совершается в его жизни; но очевидно, что знание того, что уже совершается и видимо нами, как бы оно ни было полно, не может дать нам главного знания, которое нужно нам, — знания того закона, которому должна для нашего блага быть подчинена наша животная личность. Знание совершающихся законов поучительно для нас, но только тогда, когда мы признаем тот закон разума, которому должна быть подчинена наша животная личность, а не тогда, когда этот закон вовсе не признается.

Как бы хорошо дерево ни изучило (если бы оно могло изучать) все те химические и физические явления, которые происходят в нем, оно из этих наблюдений и знаний никак не могло бы вывести для себя необходимости собирать соки и распределять их на рост ствола, листа,

цветка и плода.

Точно так же и человек, как бы он хорошо ни знал закон, управляющий его животною личностью, и те законы, которые управляют веществом, эти законы не дадут ему ни малейшего указания на то, как ему поступить с тем куском хлеба, который у него в руках: отдать ли его жене, чужому, собаке, или самому съесть его, — защищать этот кусок хлеба или отдать тому, кто его просит. А жизнь человеческая только и состоит в решении этих и подобных вопросов.

Изучение законов, управляющих существованием животных, растений и вещества, не только полезно, но необходимо для уяснения закона жизни человека, но только тогда, когда изучение это имеет целью главный предмет познания человеческого: уяснение закона разума.

При предположении же о том, что жизнь человека есть только его животное существование, и что благо, указываемое разумным сознанием, невозможно, и что закон разума есть только призрак, такое изучение делается не только праздным, но и губительным, закрывая от человека его единственный предмет познания и поддерживая его в том заблуждении, что, исследуя отражение предмета, он может познать и предмет. Такое изучение подобно тому, что бы делал человек, внимательно изучая все изменения и движения тени живого существа, предполагая, что причина движения живого существа заключается в изменениях и движениях его тени.

Глава XII.

ПРИЧИНА ЛОЖНОГО ЗНАНИЯ ЕСТЬ ЛОЖНАЯ ПЕРСПЕКТИВА, В КОТОРОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ПРЕДМЕТЫ.

Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем, и не знаем того, чего не знаем, сказал Конфуций. Ложное же — в том, чтобы думать, что мы знаем то, чего не знаем, и не знаем того, что знаем; и нельзя дать более точного определения того ложного познания, которое царствует среди нас. Ложным знанием нашего времени предполагается, что мы знаем то, чего мы не можем знать, и что мы не можем знать того, что одно только мы и знаем. Человеку с ложным знанием представляется, что он знает всё то, что является ему в пространстве и времени, и что он не знает того, что известно ему в его разумном сознании.

Такому человеку представляется, что благо вообще и его благо есть самый непознаваемый для него предмет. Почти столь же непознаваемым предметом представляется ему его разум, его разумное сознание; несколько более познаваемым предметом представляется ему он сам как животное; еще более познаваемыми предметами представляются ему животныя и растения, и наиболее познаваемым представляется ему мертвое, бесконечно-распространенное вещество.

Нечто подобное происходит с зрением человека. Человек всегда бессознательно направляет свое зрение преимущественно на предметы, наиболее отдаленные и потому кажущиеся ему самыми простыми по цвету и очертаниям: на небо, горизонт, далекие поля, леса. Предметы эти представляются тем более определенными и простыми, чем более они удалены, и, наоборот, чем ближе предмет, тем сложнее его очертания и цвет.

Если бы человек не умел определять расстояние предметов, не смотрел бы, располагая предметы в перспективе, а признавал бы бóльшую простоту и определенность очертаний и цвета предмета большей степенью видимости, то самым простым и видимым для такого человека представлялось бы бесконечное небо, потом уже менее видимыми предметами представлялись бы для него сложные очертания горизонта, потом еще менее видимыми представлялись бы ему еще более сложные по цветам и очертаниям дома, деревья, потом еще менее видимым представлялась бы ему своя движущаяся пред глазами рука, и самым невидимым представлялся бы ему свет.

Разве не то же самое и с ложным познанием человека? То, что несомненно известно ему, — его разумное сознание — кажется ему непознаваемым, потому что оно не просто, а то, что несомненно непостижимо для него — безграничное и вечное вещество, — то и кажется ему самым познаваемым, потому что оно по отдалению своему от него кажется ему просто.

Ведь это как раз наоборот. Прежде всего и несомненнее всего всякий человек может знать и знает то благо, к которому он стремится; потом так же несомненно он знает тот разум, который указывает ему это благо, потом уже он знает свое животное, подчиненное этому разуму, и потом уже видит, но не знает, все другие явления, представляющиеся ему в пространстве и времени.

Только человеку с ложным представлением о жизни кажется, что он знает предметы тем лучше, чем точнее они определяются пространством и временем; в действительности же мы знаем вполне только то, что не определяется ни пространством, ни временем — благо и закон разума. Внешние же предметы мы знаем тем менее, чем менее в познании участвует наше сознание, вследствие чего предмет определяется только своим местом в пространстве и времени. И потому, чем исключительнее предмет определяется пространством и временем, тем он менее познаваем для человека (понятен человеку).

Истинное знание человека кончается познанием своей личности, своего животного. Это свое животное, стремящееся к благу и подчиненное закону разума, человек знает совершенно особенно от знания всего того, что не есть его личность. Он действительно знает себя в этом животном, и знает себя не потому, что он есть нечто пространственное и временное (напротив: себя, как временное и пространственное проявление, он никогда познать не может), а потому, что он есть нечто, долженствующее для своего блага быть подчиненным закону разума. Он знает себя в этом животном, как нечто независимое от времени и пространства. Когда он спрашивает себя о своем месте во

времени и пространстве, то ему прежде всего представляется, что он стоит посредине бесконечного в обе стороны времени и что он центр шара, поверхность которого везде и нигде. И этого-то самого, вневременного и внепространственного себя, человек и знает действительно, и на этом своем я кончается его действительное знание. Всё, что находится вне этого своего я, человек не знает, но может только наблюдать и определять внешним условным образом.

Отрешившись на время от знания самого себя как разумного центра, стремящегося к благу, т. е. вневременного и внепространственного существа, человек может на время условно допустить, что он есть часть видимого мира, проявляющаяся и в пространстве и во времени. Рассматривая себя так, в пространстве и во времени, в связи с другими существами, человек соединяет свое истинное внутреннее знание самого себя с внешним наблюдением себя и получает о себе представление, как о человеке вообще, подобном всем другим людям; по этому условному знанию себя человек получает и о других людях некоторое внешнее представление, но не знает их.

Невозможность для человека истинного знания людей происходит уже и оттого, что таких людей он видит не одного, а сотни, тысячи, и знает, что есть, и были, и будут такие люди, которых он никогда не видал и не увидит.

За людьми еще дальше от себя человек видит в пространстве и времени животных, отличающихся от людей и друг от друга. Существа эти были бы совершенно непонятны для него, если бы он не имел знания о человеке вообще; но имея это знание и отвлекая от понятия человека его разумное сознание, он получает и о животных некоторое представление, но представление это еще менее для него похоже на знание, чем его представление о людях вообще. Животных самых разнообразных он видит уже огромное количество, и чем больше их количество, тем, очевидно, менее возможно для него познание их.

Далее от себя он видит растения, и еще увеличивается распространенность в мире этих явлений, и еще невозможнее для него знание их.

Еще далее от себя, за животными и растениями, в пространстве и времени, человек видит неживые тела и уже мало или совсем не различающиеся формы вещества. Вещество он понимает уже меньше всего. Познание форм вещества для него уже совсем безразлично, и он не только не знает его, но он только воображает себе его, — тем более, что вещество уже представляется ему в пространстве и времени бесконечным.

Глава XIII.

ПОЗНАВАЕМОСТЬ ПРЕДМЕТОВ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ НЕ ВСЛЕДСТВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ИХ В

ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ, А ВСЛЕДСТВИЕ ЕДИНСТВА ЗАКОНА, КОТОРОМУ ПОДЧИНЯЕМСЯ МЫ И ТЕ ПРЕДМЕТЫ, КОТОРЫЕ МЫ ИЗУЧАЕМ.

Что может быть понятнее слов: собаке больно; теленок ласков — он меня любит; птица радуется, лошадь боится, добрый человек, злое животное? И все эти самые важные понятные слова не определяются пространством и временем; напротив: чем непонятнее нам закон, которому подчиняется явление, тем точнее определяется явление временем и пространством. Кто скажет, что понимает тот закон тяготения, по которому происходит движение земли, луны и солнца? А затмение солнца самым точным образом определено пространством и временем.

Вполне знаем мы только нашу жизнь, наше стремление к благу и разум, указывающий нам это благо. Следующее по достоверности знание есть знание нашей животной личности, стремящейся к благу и подчиненной закону разума. В знании нашей животной личности уже являются пространственные и временные условия, видимые, осязаемые, наблюдаемые, но недоступные нашему пониманию. Следующее за этим по достоверности знание есть знание таких же животных личностей, как и мы, в которых мы узнаем общее с нами стремление к благу и общее с нами разумное сознание. Насколько жизнь этих личностей сближается с законами нашей жизни, стремления к благу и подчинения закону разума, настолько мы знаем их; насколько она проявляется в пространственных и временных условиях, настолько мы не знаем их. И так знаем мы больше всего людей. Следующее по достоверности знание есть наше знание животных, в которых мы видим личность, подобно нашей стремящуюся к благу, но уже чуть узнаем подобие нашего разумного сознания, и с которыми мы уже не можем общаться этим разумным сознанием. Вслед за животными мы видим растения, в которых мы уже с трудом узнаем подобную нам личность, стремящуюся к благу. Существа эти и представляются нам преимущественно временными и пространственными явлениями и потому еще менее доступны нашему знанию.

Мы знаем их только потому, что в них видим личность, подобную нашей животной личности, которая так же, как и наша, стремится к благу и подчиняет проявляющемуся в ней закону разума вещество, в условиях пространства и времени.

Еще менее доступны нашему знанию предметы безличные, вещественные; в них мы уже не находим подобия нашей личности, не видим вовсе стремления к благу, а видим одни временные и пространственные проявления законов разума, которым они подчиняются.

Истинность нашего знания не зависит от наблюдаемости предметов в пространстве и времени, а напротив: чем наблюдаемее проявление предмета в пространстве и времени, тем менее оно понятно для нас.

Наше знание о мире вытекает из сознания нашего стремления к благу и необходимости, для достижения этого блага, подчинения нашего животного разуму. Если мы знаем жизнь животного, то только потому, что мы и в животном видим стремление к благу и необходимость подчинения закону разума, который в нем представляется законом

организма.

Если мы знаем вещество, то мы знаем его только потому, что, несмотря на то, что благо его нам непонятно, мы всё-таки видим в нем то же явление, как и в себе, — необходимость подчинения закону разума, управляющего им.

Познание чего бы то ни было для нас есть перенесение на другие предметы нашего знания о том, что жизнь есть стремление к благу, достигаемое подчинением закону разума.

Не себя мы можем познавать из законов, управляющих животными, но животных мы познаем только из того закона, который знаем в себе. И тем менее можем познавать себя из законов своей жизни, перенесенных на явления вещества.

Всё, что знает человек о внешнем мире, он знает только потому, что знает себя и в себе находит три различные отношения к миру: одно отношение своего разумного сознания, другое отношение своего животного и третье отношение вещества, входящего в тело его животного. Он знает в себе эти три различные отношения и потому всё, что он видит в мире, располагается перед ним всегда в перспективе трех отдельных друг от друга планов: 1) разумные существа; 2) животныя и растения и 3) неживое вещество.

Человек всегда видит эти три разряда предметов в мире, потому что он сам в себе заключает эти три предмета познания. Он знает себя: 1) как разумное сознание, подчиняющее животное; 2) как животное, подчиненное разумному сознанию, и 3) как вещество, подчиненное животному.

Не из познаний законов вещества, как это думают, мы можем познавать закон организмов, и не из познания закона организмов мы можем познавать себя, как разумное сознание, но наоборот. Прежде всего мы можем и нам нужно познать самих себя, т. е. тот закон разума, которому для нашего блага должна быть подчинена наша личность, и тогда только нам можно и нужно познать и закон своей животной личности и подобных ей личностей, и, еще в большем отдалении от себя, законы вещества.

Нужно нам знать, и мы знаем только себя. Мир животных —— для нас уже отражение того, что мы знаем в себе. Мир вещественный уже есть как бы отражение от отражения.

Нам кажутся особенно ясными законы вещества потому только, что они для нас однообразны; однообразны же они для нас потому, что особенно далеки от сознаваемого нами закона нашей жизни.

Законы организмов кажутся нам проще закона нашей жизни тоже от своего удаления от нас. Но и в них мы только наблюдаем законы, а не знаем их, как мы знаем закон нашего разумного сознания, который должен быть нами исполняем.

Ни то, ни другое существование мы не знаем, а только видим,

наблюдаем вне себя. Только закон нашего разумного сознания мы знаем несомненно, потому что он нужен для нашего блага, потому что мы живем этим сознанием; не видим же его потому, что не имеем той высшей точки, с которой бы могли наблюдать его.

Только если б были существа высшие, подчиняющие наше разумное сознание так же, как наше разумное сознание подчиняет себе нашу животную личность, и как животная личность (организм) подчиняет себе вещество, — эти высшие существа могли бы видеть нашу разумную жизнь так, как мы видим свое животное существование и существование вещества.

Жизнь человеческая представляется неразрывно связанной с двумя видами существования, которые она включает в себя: существование животных и растений (организмов) и существование вещества.

Жизнь свою истинную человек делает сам, сам проживает ее; но в тех двух видах существования, связанных с его жизнью, — человек не может принимать участия. Тело и вещество, его составляющее, существуют сами собой.

Эти виды существования представляются человеку как бы предшествовавшими, прожитыми жизнями, включенными в его жизнь, — как бы воспоминаниями о прежних жизнях.

В истинной жизни человека эти два вида существования представляют для него орудие и материал его работы, но не самую работу его.

Человеку полезно изучать и материал и орудие своей работы. Чем лучше он познает их, тем лучше он будет в состоянии работать. Изучение этих включенных в его жизнь видов существования — своего животного и вещества, составляющего животное, показывает человеку, как бы в отражении, общий закон всего существующего — подчинение закону разума и тем утверждает его в необходимости подчинения своего животного своему закону, но не может и не должен человек смешивать материал и орудие своей работы с самой своей работой.

Сколько бы ни изучал человек жизнь видимую, осязаемую, наблюдаемую им в себе и других, жизнь, совершающуюся без его усилий, — жизнь эта всегда останется для него тайной; он никогда из этих наблюдений не поймет эту несознаваемую им жизнь и наблюдениями над этой таинственной, всегда скрывающейся от него в бесконечность пространства и времени, жизнью никак не осветит свою истинную жизнь, открытую ему в его сознании и состоящую в подчинении его совершенно особенной от всех и самой известной ему животной личности совершенно особенному и самому известному ему закону разума, для достижения своего совершенно особенного и самого известного ему блага.

Глава XIV.

ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ НЕ ЕСТЬ ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ.

Жизнь человек знает в себе как стремление к благу, достижимому подчинением своей животной личности закону разума.

Иной жизни человеческой он не знает и знать не может. Ведь животное человек признает только тогда живым, когда вещество, составляющее его, подчинено не только своим законам, но и высшему закону организма.

Есть в известном совокуплении вещества подчинение высшему закону организма, — мы признаем в этом совокуплении вещества жизнь; нет, не начиналось или кончилось это подчинение,— и нет уже того, что отделяет это вещество от всего остального вещества, в котором действуют одни законы механические, химические, физические, — и мы не признаем в нем жизни животного. Точно так же и подобных нам людей и самих себя мы тогда только признаем живыми, когда наша животная личность, кроме подчинения своему закону организма, подчинена еще высшему закону разумного сознания.

Как скоро нет этого подчинения личности закону разума, как скоро в человеке действует один закон личности, подчиняющий себе вещество, составляющее его, мы не знаем и не видим человеческой жизни ни в других, ни в себе, как не видим жизни животной в веществе, подчиняющемся только своим законам.

Как бы ни были сильны и быстры движения человека в бреду, в сумасшествии или в агонии, в пьянстве, в порыве страсти даже, мы не признаем человека живым, не относимся к нему, как к живому человеку, и признаем в нем только возможность жизни. Но как бы слаб и неподвижен ни был человек,— если мы видим, что животная личность его подчинена разуму, то мы признаем его живым, и так и относимся к нему.

Жизнь человеческую мы не можем понимать иначе, как подчинение животной личности закону разума.

Жизнь эта обнаруживается во времени и пространстве, но определяется не временными и пространственными условиями, а только степенью подчинения животной личности разуму. Определять жизнь временными и пространственными условиями, — это всё равно, что определять высоту предмета его длиной и шириной.

Движение в высоту предмета, движущегося вместе с тем и в плоскости, будет точным подобием отношения истинной жизни человеческой к жизни животной личности, или жизни истинной к жизни временной и пространственной. Движение предмета к верху не зависит и не может ни увеличиться, ни уменьшиться от его движения в плоскости. То же и с определением жизни человеческой. Жизнь истинная проявляется всегда в личности, но не зависит, не может ни увеличиться, ни уменьшиться от такого или другого существования личности.

Временные и пространственные условия, в которых находится животная личность человека, не могут влиять на жизнь истинную, состоящую в подчинении животной личности разумному сознанию.

Вне власти человека, желающего жить, уничтожить, остановить пространственное и временное движение своего существования; но истинная жизнь его есть достижение блага подчинением разуму, независимо от этих видимых пространственных и временных движений. В этом-то большем и большем достижении блага через подчинение разуму только и состоит то, что составляет жизнь человеческую. Нет этого увеличения в подчинении, — и жизнь человеческая идет по двум видимым направлениям пространства и времени, и есть одно существование. Есть это движение в высоту, это большее и большее подчинение разуму, — и между двумя силами и одной устанавливается отношение и совершается большее или меньшее движение по равнодействующей, поднимающей существование человека в область жизни.

Силы пространственные и временные — силы определенные, конечные, несовместимые с понятием жизни; сила же стремления к благу через подчинение разуму есть сила, поднимающая в высоту, — сама сила жизни, для которой нет ни временных, ни пространственных пределов.

Человеку представляется, что жизнь его останавливается и раздваивается, но эти задержки и колебания суть только обман сознания (подобный обману внешних чувств). Задержек и колебаний истинной жизни нет и не может быть: они только нам кажутся при ложном взгляде на жизнь.

Человек начинает жить истинной жизнью, т. е. поднимается на некоторую высоту над жизнью животной, и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями, и, не признавая, что этот подъем в высоту и есть сама жизнь, ужасается перед тем, чтò он увидал с высоты. Вместо того чтобы, признав силу, поднимающую его в высоту, своей жизнью, итти по открывшемуся ему направлению, он ужасается перед тем, что открылось ему с высоты, и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видать обрывов, открывающихся ему. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости — его пространственное и временное существование — не есть его жизнь, а что жизнь его только в движении в высоту, что только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, что если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его.

Только от этого недостатка веры и происходят те кажущиеся странными сначала явления колебания истинной жизни, остановки ее и раздвоения сознания.

Только человеку, понимающему свою жизнь в животном существовании, определяемом пространством и временем, кажется, что разумное сознание проявлялось временами в животном существовании. И глядя так на проявление в себе разумного сознания, человек спрашивает себя, когда и при каких условиях проявлялось в нем его разумное сознание. Но сколько бы ни исследовал человек свое прошедшее, он никогда не найдет этих времен проявления разумного сознания: ему всегда представляется, что его или никогда не было, или оно всегда было. Если ему кажется, что были промежутки разумного сознания, то только потому, что жизнь разумного сознания он не признает жизнью. Понимая свою жизнь только как животное существование, определяемое пространственными и временными условиями, человек и пробуждение и деятельность разумного сознания хочет измерять тою же меркой: он спрашивает себя — когда, сколько времени, в каких условиях я находился в обладании разумным сознанием? Но промежутки между пробуждениями разумной жизни существуют только для человека, понимающего свою жизнь, как жизнь животной личности. Для человека же, понимающего свою жизнь в том, в чем она и есть, — в деятельности разумного сознания, не может быть этих промежутков.

Разумная жизнь есть. Она одна есть. Промежутки времени одной минуты или 50000 лет безразличны для нее, потому что для нее нет времени. Жизнь человека истинная — та, из которой он составляет себе понятие о всякой другой жизни, — есть стремление к благу, достигаемому подчинением своей личности закону разума. Ни разум, ни степень подчинения ему не определяются ни пространством, ни временем. Истинная жизнь человеческая происходит вне пространства и времени.

Глава XV.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ БЛАГА ЖИВОТНОЙ ЛИЧНОСТИ ЕСТЬ ЗАКОН ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.

Жизнь есть стремление к благу. Стремление к благу есть жизнь. Так понимали, понимают и всегда будут понимать жизнь все люди. И потому жизнь человека есть стремление к человеческому благу, а стремление к человеческому благу и есть жизнь человеческая. Толпа, люди не мыслящие, понимают благо человека в благе его животной личности.

Ложная наука, исключая понятие блага из определения жизни, понимает жизнь в животном существовании, и потому благо жизни видит только в животном благе и сходится с заблуждением толпы.

В том и другом случае заблуждение происходит от смешения личности, индивидуальности, как называет наука, с разумным сознанием. Разумное сознание включает в себя личность. Личность же не включает в себя разумное сознание. Личность есть свойство животного и человека, как животного. Разумное сознание есть свойство одного человека.

Животное может жить только для своего тела — ничто не мешает ему жить так; оно удовлетворяет своей личности и бессознательно служит своему роду и не знает того, что оно есть личность; но разумный человек не может жить только для своего тела. Он не может жить так потому, что он знает, что он личность, а потому знает, что и другие существа — такие же личности, как и он, знает всё то, что должно происходить от отношений этих личностей.

Если бы человек стремился только к благу своей личности, любил только себя, свою личность, то он не знал бы, что другие существа любят также себя, как не знают этого животныя; но если человек знает, что он личность, стремящаяся к тому же, к чему стремятся и все окружающие его личности, он не может уж стремиться к тому благу, которое видно, как зло, его разумному сознанию, и жизнь его не может уже быть в стремлении к благу личности. Человеку только кажется иногда, что его стремление к благу имеет предметом удовлетворение требований животной личности. Обман этот происходит вследствие того, что человек принимает то, что он видит происходящим в своем животном, за цель деятельности своего разумного сознания. Происходит нечто подобное тому, что бы делал человек, руководясь в бдящем состоянии тем, что он видит во сне.

И тогда-то, если этот обман поддерживается ложными учениями, и происходит в человеке смешение личности с разумным сознанием.

Но разумное сознание всегда показывает человеку, что удовлетворение требований его животной личности не может быть его благом, а потому и его жизнью, и неудержимо влечет его к тому благу и потому к той жизни, которая свойственна ему и не умещается в его животной личности.

Обыкновенно думают и говорят, что отречение от блага личности есть подвиг, достоинство человека. Отречение от блага личности — не достоинство, не подвиг, а неизбежное условие жизни человека. В то же время, как человек сознает себя личностью, отделенной от всего мира, он познает и другие личности отделенными от всего мира, и их связь между собою, и призрачность блага своей личности, и одну действительность блага только такого, которое могло бы удовлетворять его разумное сознание.

Для животного деятельность, не имеющая своей целью благо личности, а прямо противоположная этому благу, есть отрицание жизни, но для человека это как раз наоборот. Деятельность человека, направленная на достижение только блага личности, есть полное отрицание жизни человеческой.

Для животного, не имеющего разумного сознания, показывающего ему бедственность и конечность его существования, благо личности и вытекающее из него продолжение рода личности есть высшая цель жизни. Для человека же личность есть только та ступень существования, с которой открывается ему истинное благо его жизни, не совпадающее с благом его личности.

Сознание личности для человека — не жизнь, но тот предел, с которого

начинается его жизнь, состоящая всё в большем и большем достижении свойственного ему блага, независимого от блага животной личности.

По ходячему представлению о жизни, жизнь человеческая есть кусок времени от рождения и до смерти его животного. Но это не есть жизнь человеческая; это только существование человека как животной личности. Жизнь же человеческая есть нечто, только проявляющееся в животном существовании, точно так же, как жизнь органическая есть нечто, только проявляющееся в существовании вещества.

Человеку прежде всего представляются видимые цели его личности целями его жизни. Цели эти видимы и потому кажутся понятными.

Цели же, указываемые ему его разумным сознанием, кажутся непонятными, потому что они невидимы. И человеку сначала страшно отказаться от видимого и отдаться невидимому.

Человеку, извращенному ложными учениями мира, требования животного, которые исполняются сами собой и видимы, и на себе и на других, кажутся просты и ясны, новые же невидимые требования разумного сознания представляются противоположными; удовлетворение их, которое не делается само собой, а которое надо совершать самому, кажется чем-то сложным и неясным. Страшно и жутко отречься от видимого представления о жизни и отдаться невидимому сознанию ее, как страшно и жутко было бы ребенку рожаться, если бы он мог чувствовать свое рождение, — но делать нечего, когда очевидно, что видимое представление влечет к смерти, а невидимое сознание одно дает жизнь.

Глава XVI.

ЖИВОТНАЯ ЛИЧНОСТЬ ЕСТЬ ОРУДИЕ ЖИЗНИ.

Никакие рассуждения ведь не могут скрыть от человека той очевидной, несомненной истины, что личное существование его есть нечто непрестанно-погибающее, стремящееся к смерти, и что потому в его животной личности не может быть жизни.

Не может не видеть человек, что существование его личности от рождения и детства до старости и смерти есть не чтò иное, как постоянная трата и умаление этой животной личности, кончающееся неизбежной смертью; и потому сознание своей жизни в личности, включающей в себя желание увеличения и неистребимости личности, не может не быть неперестающим противоречием и страданием, не может не быть злом, тогда как единственный смысл его жизни есть стремление к благу.

В чем бы ни состояло истинное благо человека, для него неизбежно отречение его от блага животной личности. Отречение от блага животной личности есть закон жизни человеческой. Если он не

совершается свободно, выражаясь в подчинении разумному сознанию, то он совершается в каждом человеке насильно при плотской смерти его животного, когда он от тяжести страданий желает одного: избавиться от мучительного сознания погибающей личности и перейти в другой вид существования.

Вступление в жизнь и жизнь человека подобна тому, что совершается с лошадью, которую хозяин выводит из конюшни и впрягает. Лошади, выходящей из конюшни и увидавшей свет и почуявшей свободу, кажется, что в этой-то свободе и жизнь, но ее впрягают и трогают. Она чует за собой тяжесть и, если она думает, что жизнь ее в том, чтобы бегать на свободе, она начинает биться, падает, убивается иногда. Но если она не убьется, ей только два выхода: или она пойдет и повезет, и увидит, что тяжесть не велика и езда не мука, а радость, или отобьется от рук, и тогда хозяин сведет ее на рушильное колесо, привяжет арканом к стене, колесо завертится под ней, и она будет ходить в темноте на одном месте, страдая, но ее силы не пропадут даром: она сделает свою невольную работу, и закон исполнится и на ней. Разница будет только в том, что первая будет работать радостно, а вторая невольно и мучительно.

«Но для чего же эта личность, от блага которой я, человек, должен отречься, чтобы получить жизнь?» говорят люди, признающие свое животное существование жизнью.

Для чего дано человеку это сознание личности, противящейся проявлению истинной его жизни? На вопрос этот можно ответить подобным же вопросом, который могло бы сделать животное, стремящееся к своим целям сохранения своей жизни и рода.

«Зачем, спросило бы оно, это вещество и его законы — механические, физические, химические и другие, с которыми я должно бороться, чтобы достигнуть своих целей?» «Если мое призвание, сказало бы животное, есть осуществление жизни животного, то зачем все эти преграды, которые я должно одолевать?»

Нам ясно, что вся материя и ее законы, с которыми борется животное и которое она подчиняет себе для существования личности животного, суть не преграды, а средства для достижения им своих целей. Только переработкой материи и посредством ее законов животное и живет. Точно то же и в жизни человека. Животная личность, в которой застает себя человек и которую он призван подчинять своему разумному сознанию, есть не преграда, но средство, которым он достигает цели своего блага: животная личность для человека есть то орудие, которым он работает. Животная личность для человека — это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать и, копая, тупить ее и точить, тратить, а не отчищать и хранить. Это талант, данный ему для прироста, а не для хранения. «И кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее. И кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее».

В этих словах сказано, что сберечь нельзя то, что должно погибнуть и не переставая погибает, — а что только отрекаясь от того, что погибнет и должно погибнуть, от нашей животной личности, мы получаем

нашу истинную жизнь, которая не погибает и не может погибнуть. Сказано то, что истинная жизнь наша начинается только тогда, когда мы перестаем считать жизнью то, что не было и не могло быть для нас жизнью — наше животное существование. Сказано то, что тот, кто будет беречь лопату, которая есть у него для приготовления себе пищи, поддерживающей жизнь, тот, сберегши лопату, потеряет пищу и жизнь.

Глава XVII.

РОЖДЕНИЕ ДУХОМ.

«Должно вам родиться снова», сказал Христос. Не то чтобы человеку кто-нибудь велел родиться, но человек неизбежно приведен к этому. Чтобы иметь жизнь, ему нужно вновь родиться в этом существовании — разумным сознанием.

Человеку дано разумное сознание с тем, чтобы он положил жизнь в том благе, которое открывается ему его разумным сознанием. Тот, кто в этом благе положил жизнь, тот имеет жизнь; тот же, кто не полагает в нем жизни, а полагает ее в благе животной личности, тот этим самым лишает себя жизни. В этом состоит определение жизни, данное Христом.

Люди, признающие жизнью свое стремление к благу личности, слышат эти слова и не то, что не признают, а не понимают, не могут понимать их. Им кажутся эти слова или ничего незначущими, или значущими очень мало, означающими некоторое напущенное на себя сентиментальное и мистическое, так они любят называть, настроение. Они не могут понимать значение этих слов, выражающих объяснение недоступного им состояния, как не могло бы сухое, непроросшее семя понимать состояния семени отсыревшего и уже наклюнувшегося. Для сухих зерен то солнце, которое в словах этих светит на рождающееся к жизни семя, есть только незначущая случайность — несколько большее тепло и свет, но для наклюнувшегося семени оно есть причина рождения к жизни. Точно так же для людей, не доживших еще до внутреннего противоречия животной личности и разумного сознания, свет солнца разума есть только незначущая случайность, сентиментальные, мистические слова. Солнце приводит к жизни только тех, в ком зародилась уже жизнь.

О том же, как зарождается она, почему, когда, где, не только в человеке, но и в животном и растении, никто никогда не узнал. О зарождении ее в человеке Христос сказал, что никто этого не знает и не может знать.

И в самом деле: что же может знать человек о том, как зарождается в нем жизнь? Жизнь есть свет человеков, жизнь есть жизнь, — начало всего; как же может знать человек о том, как она зарождается? Зарождается и погибает для человека то, что не живет, то, что проявляется в пространстве и времени. Жизнь же истинная есть, и потому она для человека не может ни зарождаться, ни погибать.

Глава XVIII.

ЧЕГО ТРЕБУЕТ РАЗУМНОЕ СОЗНАНИЕ.

Да, разумное сознание несомненно, неопровержимо говорит человеку, что при том устройстве мира, которое он видит из своей личности, ему, его личности, блага быть не может. Жизнь его есть желание блага себе, именно себе, и он видит, что благо это невозможно. Но странное дело: несмотря на то, что он видит несомненно, что благо это невозможно ему, он всё-таки живет одним желанием этого невозможного блага, — блага только себе.

Человек с проснувшимся (только проснувшимся), но не подчинившим еще себе животную личность разумным сознанием, если он не убивает себя, то живет только для того, чтобы осуществить это невозможное благо: живет и действует человек только для того, чтобы благо было ему одному, чтобы все люди и даже все существа жили и действовали только для того, чтобы ему одному было хорошо, чтобы ему было наслаждение, для него не было страданий и не было смерти.

Удивительное дело: несмотря на то, что и опыт свой, и наблюдение жизни всех окружающих, и разум несомненно показывают каждому человеку недостижимость этого, показывают ему, что невозможно заставить другие живые существа перестать любить самих себя, а любить только его,— несмотря на это, жизнь каждого человека только в том, чтобы богатством, властью, почестями, славой, лестью, обманом, как-нибудь, но заставить другие существа жить не для себя, а для него одного, — заставить все существа любить не самих себя, а его одного.

Люди делали и делают всё, что могут, для этой цели и вместе с тем видят, что они делают невозможное. «Жизнь моя есть стремление к благу», говорит себе человек. «Благо возможно для меня только, когда все будут любить меня больше, чем самих себя, а все существа любят только себя, — стало-быть всё, что я делаю для того, чтобы их заставить любить меня, бесполезно. Бесполезно, а другого ничего я делать не могу».

Проходят века: люди узнают расстояние от светил, определяют их вес, узнают состав солнца и звезд, а вопрос о том, как согласить требования личного блага с жизнью мира, исключающего возможность этого блага, остается для большинства людей таким же нерешенным вопросом, каким он был для людей за 5000 лет назад.

Разумное сознание говорит каждому человеку: да, ты можешь иметь благо, но только если все будут любить тебя больше себя. И то же разумное сознание показывает человеку, что этого быть не может, потому что они все любят только себя. И потому единственное благо,

которое открывается человеку разумным сознанием, им же опять и закрывается.

Проходят века, и загадка о благе жизни человека остается для большинства людей тою же неразрешимою загадкой. А между тем загадка разгадана уже давным-давно. И всем тем, которые узнают разгадку, всегда удивительным кажется, как они сами не разгадали ее, — кажется, что они давно уже знали, но только забыли ее: так просто и само собою напрашивается разрешение загадки, казавшейся столь трудной среди ложных учений нашего мира.

Ты хочешь, чтобы все жили для тебя, чтобы все любили тебя больше себя? Есть только одно положение, при котором желание твое может быть исполнено. Это такое положение, при котором все существа жили бы для блага других и любили бы других больше себя. Тогда только ты и все существа любимы бы были всеми, и ты в числе их получил бы то самое благо, которого ты желаешь. Если же благо возможно тебе только тогда, когда все существа любили бы других более себя, то и ты, живое существо, должен любить другие существа более себя.

Только при этом условии возможны благо и жизнь человека, и только при этом условии уничтожается и то, что отравляло жизнь человека, — уничтожается борьба существ, мучительность страданий и страх смерти.

В самом деле, что составляло невозможность блага личного существования? Во-первых, борьба ищущих личного блага существ между собой; во-вторых, обман наслаждения, приводящий к трате жизни, к пресыщению, к страданиям, и, в-третьих — смерть. Но стоит допустить мысленно, что человек может заменить стремление к благу своей личности стремлением к благу других существ, чтобы уничтожилась невозможность блага и благо представлялось бы достижимым человеку. Глядя на мир из своего представления о жизни, как стремления к личному благу, человек видел в мире неразумную борьбу существ, губящих друг друга. Но стоит человеку признать свою жизнь в стремлении к благу других, чтобы увидать в мире совсем другое: увидать рядом с случайными явлениями борьбы существ постоянное взаимное служение друг другу этих существ, — служение, без которого немыслимо существование мира.

Стоит допустить это и вся прежняя безумная деятельность, направленная на недостижимое благо личности, заменяется другою деятельностью, согласной с законом мира и направленной к достижению наибольшего возможного блага своего и всего мира.

Другая причина бедственности личной жизни и невозможности блага для человека была: обманчивость наслаждений личности, тратящих жизнь, приводящих к пресыщению и страданиям. Стоит человеку признать свою жизнь в стремлении к благу других, и уничтожается обманчивая жажда наслаждений; праздная же и мучительная деятельность, направленная на наполнение бездонной бочки животной личности, заменяется согласной с законами разума деятельностью поддержания жизни других существ, необходимой для его блага, и мучительность личного страдания, уничтожающего деятельность жизни, заменяется чувством сострадания к другим, вызывающим несомненно плодотворную и самую радостную

деятельность.

Третья причина бедственности личной жизни была — страх смерти. Стоит человеку признать свою жизнь не в благе своей животной личности, а в благе других существ, и пугало смерти навсегда исчезает из глаз его.

Ведь страх смерти происходит только от страха потерять благо жизни с ее плотской смертью. Если же бы человек мог полагать свое благо в благе других существ, т. е. любил бы их больше себя, то смерть не представлялась бы ему тем прекращением блага и жизни, каким она представляется человеку, живущему только для себя. Смерть для человека, живущего для других, не могла бы представляться ему уничтожением блага и жизни, потому что благо и жизнь других существ не только не уничтожаются жизнью человека, служащего им, но очень часто увеличиваются и усиливаются жертвою его жизни.

Глава XIX.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ РАЗУМНОГО СОЗНАНИЯ.

«Но это не жизнь», отвечает возмущенное заблудшее человеческое сознание. «Это отречение от жизни, самоубийство». — Ничего этого не знаю, отвечает разумное сознание, — знаю, что такова жизнь человека — и другой нет и быть не может. Знаю более того, — знаю, что такая жизнь есть жизнь и благо, и для человека, и для всего мира. Знаю, что при прежнем взгляде на мир, жизнь моя и всего существующего была злом и бессмыслицей; при этом же взгляде она является осуществлением того закона разума, который вложен в человека. Знаю, что наибольшее, до бесконечности могущее быть увеличиваемым, благо жизни каждого существа может быть достигнуто только этим законом служения каждого всем и потому всех каждому.

«Но если это и может быть законом мыслимым, это не есть закон действительности», отвечает возмущенное заблудшее сознание человека. «Теперь другие не любят меня больше себя, и потому и я не могу любить их больше себя и для них лишаться наслаждений и подвергаться страданиям. Мне дела нет до закона разума; я себе хочу наслаждений и себе хочу избавления от страданий. Но теперь существует борьба существ между собою, и если я один не буду бороться, другие задавят меня. Мне всё равно, каким путем мысленно достигается наибольшее благополучие всех, — мне нужно теперь наибольшее мое действительное благо», говорит ложное сознание.

— Ничего не знаю про это, — отвечает разумное сознание.

Знаю только, что то, что́ ты называешь своими наслаждениями, только тогда будет благом для тебя, когда ты не сам будешь брать, а другие будут давать их тебе, и только тогда твои наслаждения будут делаться излишеством и страданиями, какими они делаются теперь, когда ты сам

для себя будешь ухватывать их. Только тогда ты избавишься и от действительных страданий, когда другие будут тебя избавлять от них, а не ты сам, — как теперь, когда из страха воображаемых страданий ты лишаешь себя самой жизни.

Знаю, что жизнь личности, жизнь такая, при которой необходимо, чтобы все любили меня одного и я любил бы только себя, и при которой я мог бы получить как можно больше наслаждений и избавиться от страданий и смерти, есть величайшее и не перестающее страдание. Чем больше я буду любить себя и бороться с другими, тем больше будут ненавидеть меня и тем злее бороться со мной; чем больше я буду ограждаться от страданий, тем они будут мучительнее; чем больше я буду ограждаться от смерти, тем она будет страшнее.

Знаю, что, что бы ни делал человек, он не получит блага до тех пор, пока не будет жить сообразно закону своей жизни. Закон же его жизни не есть борьба, а, напротив, взаимное служение существ друг другу.

«Но я знаю жизнь только в своей личности. Мне невозможно полагать свою жизнь в благе других существ».

— Ничего не знаю этого, — говорит разумное сознание, знаю только то, что моя жизнь и жизнь мира, представлявшиеся мне прежде злой бессмыслицей, представляются мне теперь одним разумным целым, живущим и стремящимся к одному и тому же благу, чрез подчинение одному и тому же закону разума, который я знаю в себе.

«А мне невозможно это!» говорит заблудшее сознание, — и вместе с тем нет человека, который не делал бы этого самого невозможного, в этом самом невозможном не полагал бы лучшего блага своей жизни.

«Невозможно полагать свое благо в благе других существ», а между тем нет человека, который бы не знал состояния, при котором благо существ вне его становилось его благом. «Невозможно полагать благо в трудах и страдании для другого», а стоит человеку отдаться этому чувству сострадания, — и наслаждения личности теряют для него смысл, и сила жизни его переходит в труды и страдания для блага других, и страдания и труды становятся для него благом. «Невозможно жертвовать своей жизнью для блага других», а стоит человеку познать это чувство, и смерть не только не видна и не страшна ему, но представляется высшим доступным ему благом.

Разумный человек не может не видеть, что если допустить мысленно возможность замены стремления к своему благу стремлением к благу других существ, то жизнь его, вместо прежнего неразумия ее и бедственности, становится разумною и благою. Он не может не видеть и того, что, при допущении такого же понимания жизни и в других людях и существах, жизнь всего мира, вместо прежде представлявшихся безумия и жестокости, становится тем высшим разумным благом, которого только может желать человек, — вместо прежней бессмысленности и бесцельности, получает для него разумный смысл: целью жизни мира представляется такому человеку бесконечное просветление и единение существ мира, к которому идет жизнь и в котором сначала люди, а потом и все существа, более и более

подчиняясь закону разума, будут понимать (то, что дано понимать теперь одному человеку), что благо жизни достигается не стремлением каждого существа к своему личному благу, а стремлением, согласно с законом разума, каждого существа к благу всех других.

Но мало того: допустив только возможность замены стремления к своему благу стремлением к благу других существ, человек не может не видеть и того, что это-то самое постепенное, большее и большее отречение его личности и перенесение цели деятельности из себя в другие существа и есть всё движение вперед человечества и тех живых существ, которые ближе к человеку. Человек не может не видеть в истории, что движение общей жизни не в усилении и увеличении борьбы существ между собою, а напротив в уменьшении несогласия и в ослаблении борьбы; что движение жизни только в том, что мир, из вражды и несогласия, через подчинение разуму приходит всё более к согласию и единству. Допустив это, человек не может не видеть, что люди, поедавшие друг друга, перестают поедать; убивавшие пленных и своих детей, перестают их убивать; что военные, гордившиеся убийством, перестают этим гордиться; учреждавшие рабство, уничтожают его; что люди, убивавшие животных, начинают приручать их и меньше убивать; начинают питаться, вместо тела животных, их яйцами и молоком; начинают и в мире растений уменьшать их уничтожение. Человек видит, что лучшие люди человечества осуждают поиски за наслаждениями, призывают людей к воздержности, а самые лучшие люди, восхваляемые потомством, показывают примеры жертвы своим существованием для блага других. Человек видит, что то самое, чтò он допустил только по требованиям разума, то самое и совершается действительно в мире и подтверждается прошедшею жизнью человечества.

Но мало и этого: еще сильнее и убедительнее, чем разум и история, это самое, совсем из другого как будто источника, показывает человеку стремление его сердца, влекущее его, как к непосредственному благу, к той самой деятельности, которую указывает ему его разум и которая в сердце его выражается любовью.

Глава XX.

ТРЕБОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАЖЕТСЯ НЕСОВМЕСТНЫМ С ТРЕБОВАНИЕМ РАЗУМНОГО СОЗНАНИЯ.

И разум, и рассуждение, и история, и внутреннее чувство — всё, казалось бы, убеждает человека в справедливости такого понимания жизни; но человеку, воспитанному в учении мира, всё-таки кажется, что удовлетворение требований его разумного сознания и его чувства не может быть законом его жизни.

«Не бороться с другими за свое личное благо, не искать наслаждений, не предотвращать страдания и не бояться смерти! Да это невозможно, да это отречение от всей жизни! И как же я отрекусь от личности,

когда я чувствую требования моей личности и разумом познаю законность этих требований?» — говорят с полною уверенностью образованные люди нашего мира.

И замечательное явление. Люди рабочие, простые, мало упражнявшие свой рассудок, почти никогда не отстаивают требований личности и всегда чувствуют в себе требования, противоположные требованиям личности; но полное отрицание требований разумного сознания и, главное, опровержение законности этих требований и отстаивание прав личности встречается только между людьми богатыми, утонченными, с развитым рассудком.

Человек развитой, изнеженный, праздный всегда будет доказывать, что личность имеет свои неотъемлемые права. Человек же голодающий не будет доказывать, что человеку нужно есть, — он знает, что все это знают и что этого ни доказать, ни опровергнуть нельзя: он только будет есть.

Происходит это от того, что человек простой, так называемый необразованный, всю жизнь свою работавший телом, не извратил свой разум и удержал его во всей чистоте и силе.

Человек же, всю жизнь свою мысливший не только о ничтожных, пустячных предметах, но и о таких предметах, о которых несвойственно думать человеку, извратил свой разум: разум не свободен у него. Разум занят несвойственным ему делом, обдумыванием своих потребностей личности, — развитием, увеличением их и придумыванием средств их удовлетворения.

«Но я чувствую требования моей личности, и потому эти требования и законны», — говорят так называемые образованные люди, воспитанные мирским учением.

И нельзя им не чувствовать требований своей личности. Вся жизнь этих людей направлена на мнимое увеличение блага личности. Благо же личности представляется им в удовлетворении потребностей. Потребностями же личности они называют все те условия существования личности, на которые они направили свой разум. Потребности же сознанные, — такие, на которые направлен разум, — всегда вследствие этого сознания разростаются до бесконечных пределов. Удовлетворение же этих разросшихся потребностей заслоняет от них требование их истинной жизни.

Так называемая наука об обществе в основу своих исследований ставит учение о потребностях человека, забывая то неудобное для этого учения обстоятельство, что потребностей у всякого человека или нет никаких, как их нет у человека, убивающего себя или морящего голодом, или, буквально, их бесчисленное количество.

Потребностей существования животного человека столько, сколько сторон этого существования, а сторон столько же, сколько радиусов в шаре. Потребности пищи, питья, дыхания, упражнения всех мускулов и нервов; потребности труда, отдыха, удовольствия, семейной жизни; потребности науки, искусства, религии, разнообразия их. Потребности,

во всех этих отношениях, ребенка, юноши, мужа, старца, девушки, женщины, старухи; потребности Китайца, Парижанина, Русского, Лапландца. Потребности, соответствующие привычкам пород, болезням...

Можно перечислять до конца дней, не перечислив всего, в чем могут состоять потребности личного существования человека. Потребностями могут быть все условия существования, а условий существования бесчисленное множество.

Потребностями называют однако только те условия, которые сознаны. Но сознанные условия, как только они сознаны, теряют свое настоящее значение и получают всё то преувеличенное значение, которое дает им направленный на них разум, и заслоняют собою истинную жизнь.

То, что называют потребностями, т. е. условия животного существования человека, можно сравнить с бесчисленными способными раздуваться, шариками, из которых бы было составлено какое-нибудь тело. Все шарики равны одни с другими и имеют себе место и не стеснены, пока они не раздуваются, — и все потребности равны и имеют место, и не ощущаются болезненно, пока они не сознаны. Но стоит начать раздувать шарик, и он может быть раздут так, что займет больше места, чем все остальные, стеснит другие и сам будет стеснен. То же и с потребностями: стоит направить на одну из них разумное сознание, и эта сознанная потребность занимает всю жизнь и заставляет страдать всё существо человека.

Глава XXI.

ТРЕБУЕТСЯ НЕ ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ЛИЧНОСТИ, А ПОДЧИНЕНИЕ ЕЕ РАЗУМНОМУ СОЗНАНИЮ.

Да, утверждение о том, что человек не чувствует требований своего разумного сознания, а чувствует одни потребности личности, есть ничто иное, как утверждение того, что наши животные похоти, на усиление которых мы употребили весь наш разум, владеют нами и скрыли от нас нашу истинную человеческую жизнь. Сорная трава разросшихся пороков задавила ростки истинной жизни.

Да как же и не быть этому в нашем мире, когда прямо признавалось и признается теми, которые считаются учителями других, что высшее совершенство отдельного человека есть всестороннее развитие утонченных потребностей его личности, что благо масс в том, чтобы у них было много потребностей и они могли бы удовлетворять их, что благо людей состоит в удовлетворении их потребностей.

Как же могут люди, воспитанные в таком учении, не утверждать того, что требований разумного сознания они не чувствуют, а чувствуют одни потребности личности? Да как же им и чувствовать требования разума, когда весь разум их без остатка ушел на усиление их похотей, и как

им отречься от требований своих похотей, когда эти похоти поглотили всю их жизнь?

«Отречение от личности невозможно», говорят обыкновенно эти люди, нарочно стараясь извратить вопрос и, вместо понятия подчинения личности закону разума, подставляя понятие отречения от нее.

«Это противоестественно, говорят они, и потому невозможно». Да никто и не говорит об отречении от личности. Личность для разумного человека есть то же, что дыхание, кровообращение для животной личности. Как животной личности отречься от кровообращения? Про это и говорить нельзя. Так же нельзя говорить разумному человеку и об отречении от личности. Личность для разумного человека есть такое же необходимое условие его жизни, как и кровообращение — условие существования его животной личности.

Личность, как животная личность, и не может заявлять и не заявляет никаких требований. Требования эти заявляет ложно направленный разум — разум, направленный не на руководство жизнью, не на освещение ее, а на раздутие похотей личности.

Требования животной личности всегда удовлетворимы. Не может человек говорить, чтò я буду есть или во что оденусь? Все эти потребности обеспечены человеку так же, как птице и цветку, если он живет разумною жизнью. И в действительности, кто, думающий человек, может верить, чтобы он мог уменьшить бедственность своего существования обеспечением своей личности?

Бедственность существования человека происходит не от того, что он — личность, а от того, что он признает существование своей личности — жизнью и благом. Только тогда являются противоречие, раздвоение и страдание человека.

Страдания человека начинаются только тогда, когда он употребляет силу своего разума на усиление и увеличение до бесконечных пределов разростающихся требований личности для того, чтобы скрыть от себя требования разума.

Отрекаться нельзя и не нужно отрекаться от личности, как и от всех тех условий, в которых существует человек; но можно и должно не признавать эти условия самою жизнью. Можно и должно пользоваться данными условиями жизни, но нельзя и не должно смотреть на эти условия, как на цель жизни. Не отречься от личности, а отречься от блага личности и перестать признавать личность жизнью: вот что дòлжно сделать человеку для того, чтобы возвратиться к единству, и для того, чтобы то благо, стремление к которому составляет его жизнь, было доступно ему.

С древнейших времен учение о том, что признание своей жизни в личности есть уничтожение жизни и что отречение от блага личности есть единственный путь достижения жизни, было проповедуемо великими учителями человечества.

«Да, но это что же? Это буддизм?» говорят на это обыкновенно люди

нашего времени. «Это нирвана, это стояние на столбу!» И когда они сказали это, людям нашего времени кажется, что они самым успешным образом опровергли то, что все очень хорошо знают и чего скрыть ни от кого нельзя: что жизнь личная бедственна и не имеет никакого смысла.

«Это буддизм, нирвана», говорят они, и им кажется, что этими словами они опровергли всё то, что признавалось и признается миллиардами людей и что каждый из нас в глубине души знает очень хорошо, — именно, что жизнь для целей личности губительна и бессмысленна, и что если есть какой-нибудь выход из этой губительности и бессмысленности, то выход этот несомненно ведет через отречение от блага личности.

То, что так понимала и понимает жизнь большая половина человечества, — то, что величайшие умы понимали жизнь так же, — то, что никак нельзя ее понимать иначе, нисколько не смущает их. Они так уверены в том, что все вопросы жизни, если не разрешаются самым удовлетворительным образом, то устраняются телефонами, оперетками, бактериологией, электрическим светом, робуритом и т. п., что мысль об отречении от блага жизни личной представляется им только отголоском древнего невежества.

А между тем несчастные не подозревают того, что самый грубый индеец, стоящий годы на одной ноге во имя только отречения от блага личности для нирваны, — без всякого сравнения более живой человек, чем они, озверевшие люди нашего современного, европейского общества, летающие по всему миру по железным дорогам и при электрическом свете показывающие и по телеграфам и телефонам разглашающие всему свету свое скотское состояние. Индеец этот понял то, что в жизни личности и жизни разумной есть противоречие, и разрешает его, как умеет; люди же нашего образованного мира не только не поняли этого противоречия, но даже и не верят тому, что оно есть. Положение о том, что жизнь человеческая не есть существование личности человека, добытое тысячелетним духовным трудом всего человечества, — положение это для человека (не животного) стало в нравственном мире не только такой же, но гораздо более несомненной и несокрушимой истиной, чем вращение земли и законы тяготения. Всякий мыслящий человек, ученый, невежда, старик, ребенок понимают и знают это; скрыто это только от самых диких людей в Африке и в Австралии и от одичавших обеспеченных людей в Европейских городах и столицах. Истина эта стала достоянием человечества, и если человечество не возвращается назад в своих побочных знаниях механики, алгебры, астрономии, тем более в основном и главном знании определения своей жизни оно не может итти назад. Забыть и стереть с сознания человечества то, что оно вынесло из своей жизни многих тысячелетий — уяснение тщеты, бессмысленности и бедственности личной жизни — невозможно. Попытки восстановления допотопного дикого взгляда на жизнь, как на личное существование, которыми занята так называемая наука нашего европейского мира, только очевиднее показывают рост разумного сознания человечества, показывают до очевидности, как выросло уже человечество из своего детского платья. И философские теории самоуничтожения, и практика разростающихся в страшной пропорции самоубийств показывают невозможность возвращения человечества к пережитой ступени сознания.

Жизнь, как личное существование, отжита человечеством, и вернуться к ней нельзя, и забыть то, что личное существование человека не имеет смысла, невозможно. Что бы мы ни писали, ни говорили, ни открывали, как бы ни усовершенствовали нашу личную жизнь, отрицание возможности блага личности остается непоколебимой истиной для всякого разумного человека нашего времени.

«А всё-таки вертится». Дело не в том, чтобы опровергать положения Галилея и Коперника и придумывать новые Птоломеевы круги, — их уж нельзя придумать, — а дело в том, чтобы итти дальше, делать дальнейшие выводы из того положения, которое вошло уже в общее сознание человечества. То же и с положением о невозможности блага личности, высказанным и Браминами, и Буддой, и Лаодзы, и Соломоном, и Стоиками, и всеми истинными мыслителями человечества. Не скрывать от себя надо это положение, и не обходить его всеми способами, а смело и явно признать его и делать из него дальнейшие выводы.

Глава XXII.

ЧУВСТВО ЛЮБВИ ЕСТЬ ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ПОДЧИНЕННОЙ РАЗУМНОМУ СОЗНАНИЮ.

Жить для целей личности разумному существу нельзя. Нельзя потому, что все пути заказаны ему; все цели, к которым влечется животная личность человека, — все явно недостижимы. Разумное сознание указывает другие цели, и цели эти не только достижимы, но дают полное удовлетворение разумному сознанию человека; сначала однако, под влиянием ложного учения мира, человеку представляется, что цели эти противоположны его личности.

Как ни старается человек, воспитанный в нашем мире, с развитыми, преувеличенными похотями личности, признать себя в своем разумном я, он не чувствует в этом я стремления к жизни, которое он чувствует в своей животной личности. Разумное я как будто созерцает жизнь, но не живет само и не имеет влечения к жизни. Разумное я не чувствует стремления к жизни, а животное я должно страдать, и потому остается одно — избавиться от жизни.

Так недобросовестно разрешают вопрос отрицательные философы нашего времени (Шопенгауэр, Гартман), отрицающие жизнь и все-таки остающиеся в ней, вместо того, чтобы воспользоваться возможностью выдти из нее. И так добросовестно разрешают этот вопрос самоубийцы, выходя из жизни, не представляющей для них ничего, кроме зла.

Самоубийство представляется им единственным выходом из неразумия человеческой жизни нашего времени.

Рассуждение пессимистической философии и самых обыкновенных

самоубийц такое: есть животное я, в котором есть влечение к жизни. Это я с своим влечением не может быть удовлетворено; есть другое я, разумное, в котором нет никакого влечения к жизни, которое только критически созерцает всю ложную жизнерадостность и страстность животного я и отрицает ее всю.

Отдайся я первому, — я вижу, что живу безумно и иду к бедствиям, всё глубже и глубже погружаясь в них. Отдайся я второму, разумному я, — во мне не остается влечения к жизни. Я вижу, что жить для одного того, для чего мне хочется жить, для счастия личности, — нелепо и невозможно. Для разумного же сознания и можно бы жить, да незачем и не хочется. Служить тому началу, от которого я исшел, — Богу. Зачем? У Бога, если Он есть, и без меня найдутся служители. А мне зачем? Смотреть на всю эту игру жизни можно, пока не скучно. А скучно, — можно уйти, убить себя. Так я и делаю.

Вот то противоречивое представление жизни, до которого дожило человечество еще до Соломона, до Будды, и к которому хотят возвратить его ложные учители нашего времени.

Требования личности доведены до крайних пределов неразумия. Проснувшийся разум отрицает их. Но требования личности так разрослись, так загромоздили сознание человека, что ему кажется, что разум отрицает всю жизнь. Ему кажется то, что если откинуть из своего сознания жизни всё то, что отрицает его разум, то ничего не останется. Он не видит уже того, что остается. Остаток, — тот остаток, в котором есть жизнь, ему кажется ничем.

Но свет во тьме светит, и тьма не может объять его.

Учение истины знает эту дилемму — или безумное существование, или отречение от него — и разрешает ее.

Учение, которое всегда и называлось учением о благе, учение истины, указало людям, что вместо того обманчивого блага, которого они ищут для животной личности, они не то, что могут получить когда-то, где-то, но всегда имеют сейчас, здесь, неотъемлемое от них, действительное благо, всегда доступное им.

Благо это не есть нечто, только выведенное из рассуждения, не есть что-то такое, что надо отъискивать где-то, не есть благо, обещанное где-то и когда-то, а есть то самое знакомое человеку благо, к которому непосредственно влечется каждая неразвращенная душа человеческая.

Все люди с самых первых детских лет знают, что, кроме блага животной личности, есть еще одно, лучшее благо жизни, которое не только независимо от удовлетворения похотей животной личности, но, напротив, бывает тем больше, чем больше отречение от блага животной личности.

Чувство это, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку, знают все люди. Чувство это есть любовь.

Жизнь есть деятельность животной личности, подчиненной закону разума. Разум есть тот закон, которому для своего блага должна быть подчинена животная личность человека. Любовь есть единственная разумная деятельность человека.

Животная личность влечется к благу; разум указывает человеку обманчивость личного блага и оставляет один путь. Деятельность на этом пути есть любовь.

Животная личность человека требует блага, разумное сознание показывает человеку бедственность всех борющихся между собою существ, показывает ему, что блага для его животной личности быть не может, показывает ему, что единственное благо, возможное ему, было бы такое, при котором не было бы ни борьбы с другими существами, ни прекращения блага, пресыщения им, не было бы предвидения и ужаса смерти.

И вот, как ключ, сделанный только к этому замку, человек в душе своей находит чувство, которое дает ему то самое благо, на которое, как на единственно возможное, указывает ему разум. И чувство это не только разрешает прежнее противоречие жизни, но как бы в этом противоречии и находит возможность своего проявления.

Животные личности для своих целей хотят воспользоваться личностью человека. А чувство любви влечет его к тому, чтобы отдать свое существование на пользу других существ.

Животная личность страдает. И эти-то страдания и облегчение их и составляют главный предмет деятельности любви. Животная личность, стремясь к благу, стремится каждым дыханием к величайшему злу — к смерти, предвидение которой нарушало всякое благо личности. А чувство любви не только уничтожает этот страх, но влечет человека к последней жертве своего плотского существования для блага других.

Глава XXIII.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЧУВСТВА ЛЮБВИ НЕВОЗМОЖНО ДЛЯ ЛЮДЕЙ, НЕ ПОНИМАЮЩИХ СМЫСЛА СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Всякий человек знает, что в чувстве любви есть что-то особенное, способное разрешать все противоречия жизни и давать человеку то полное благо, в стремлении к которому состоит его жизнь. «Но ведь это чувство, которое приходит только изредка, продолжается недолго, и последствием его бывают еще худшие страдания», говорят люди, не разумеющие жизни.

Людям этим любовь представляется не тем единственным законным проявлением жизни, каким она представляется для разумного сознания,

а только одною из тысячей разных случайностей, бывающих в жизни, — представляется одним из тех тысячей разнообразных настроений, в которых бывает человек во время своего существования: бывает, что человек щеголяет, бывает, что увлечен наукою или искусством, бывает, что увлечен службой, честолюбием, приобретением, бывает, что он любит кого-нибудь. Настроение любви представляется людям, не разумеющим жизни, — не сущностью жизни человеческой, но случайным настроением — таким же независимым от его воли, как и все другие, которым подвергается человек во время своей жизни. Даже можно часто прочесть и услыхать суждения о том, что любовь есть некоторое неправильное, нарушающее правильное течение жизни, — мучительное настроение. Нечто подобное тому, что должно казаться сове, когда восходит солнце.

Чувствуется, правда, и этими людьми то, что в состоянии любви есть что-то особенное, более важное, чем во всех других настроениях. Но, не понимая жизни, люди эти не могут и понимать любви, и состояние любви представляется им таким же бедственным и таким же обманчивым, как и все другие состояния.

«Любить?.. но кого же?

На время не стоит труда,

А вечно любить невозможно...»

Слова эти точно выражают смутное сознание людей, что в любви — спасение от бедствий жизни и единственное нечто, похожее на истинное благо, и вместе с тем признание в том, что для людей, не понимающих жизни, любовь не может быть якорем спасения. Любить некого, и всякая любовь проходит. И потому любовь могла бы быть благом только тогда, когда было бы кого любить и был бы тот, кого можно любить вечно. А так как этого нет, то и нет спасения в любви, и любовь такой же обман и такое же страдание, как и всё остальное.

И так, и не иначе, как так, могут понимать любовь люди, учащие и сами научаемые тому, что жизнь есть не чтò иное, как животное существование.

Для таких людей любовь даже не соответствует тому понятию, которое мы все невольно соединяем с словом любовь. Она не есть деятельность добрая, дающая благо любящему и любимому. Любовь очень часто в представлении людей, признающих жизнь в животной личности, — то самое чувство, вследствие которого для блага своего ребенка одна мать отнимает у другого голодного ребенка молоко его матери и страдает от беспокойства за успех кормления; то чувство, по которому отец, мучая себя, отнимает последний кусок хлеба у голодающих людей, чтобы обеспечить своих детей; это то чувство, по которому любящий женщину страдает от этой любви и заставляет ее страдать, соблазняя ее, или из ревности губит себя и ее; то чувство, по которому бывает даже, что человек из любви насильничает женщину; это то чувство, по которому люди одного товарищества наносят вред другим, чтобы отстоять своих; это то чувство, по которому человек мучает сам себя над любимым занятием и этим же занятием причиняет горе и страдания

окружающим его людям; это то чувство, по которому люди не могут стерпеть оскорбления любимому отечеству и устилают поля убитыми и ранеными, своими и чужими.

Но мало и этого, деятельность любви для людей, признающих жизнь в благе животной личности, представляет такие затруднения, что проявления ее становятся не только мучительными, но часто и невозможными. «Надо не рассуждать о любви, — говорят обыкновенно люди, не понимающие жизни, а предаваться тому непосредственному чувству предпочтения, пристрастия к людям, которое испытываешь, и это-то и есть настоящая любовь».

Они правы, что нельзя рассуждать о любви, что всякое рассуждение о любви уничтожает любовь. Но дело в том, что не рассуждать о любви могут только те люди, которые уже употребили свой разум на понимание жизни и отреклись от блага личной жизни; те же люди, которые не поняли жизни и существуют для блага животной личности, не могут не рассуждать. Им необходимо рассуждать, чтобы предаваться тому чувству, которое они называют любовью. Всякое проявление этого чувства невозможно для них без рассуждения, без разрешения неразрешимых вопросов.

В самом деле, люди предпочитают своего ребенка, своих друзей, свою жену, своих детей, свое отечество всяким другим детям, женам, друзьям, отечествам и называют это чувство любовью.

Любить вообще значит желать делать доброе. Так мы все понимаем и не можем иначе понимать любовь. И вот я люблю своего ребенка, свою жену, свое отечество, т. е. желаю блага своему ребенку, жене, отечеству больше, чем другим детям, женам и отечествам. Никогда не бывает и не может быть, чтобы я любил только своего ребенка, или жену, или только отечество. Всякий человек любит вместе и ребенка, и жену, и детей, и отечество, и людей вообще. Между тем условия блага, которого он по своей любви желает различным любимым существам, так связаны между собой, что всякая любовная деятельность человека для одного из любимых существ не только мешает его деятельности для других, но бывает в ущерб другим.

И вот являются вопросы — во имя какой любви и как действовать? Во имя какой любви жертвовать другою любовью, кого любить больше и кому делать больше добра, — жене или детям, жене и детям или друзьям? Как служить любимому отечеству, не нарушая любовь к жене, детям и друзьям? Как, наконец, решать вопросы о том, насколько можно мне жертвовать и моей личностью, нужной для служения другим? Насколько мне можно заботиться о себе для того, чтобы я мог, любя других, служить им? Все эти вопросы кажутся очень простыми для людей, не пытавшихся дать себе отчета в том чувстве, которое они называют любовью; но они не только не просты, они совершенно неразрешимы.

И не даром законник поставил Христу этот самый вопрос: кто ближний? Отвечать на эти вопросы кажется очень легко только людям, забывающим настоящие условия жизни человеческой.

Только если бы люди были боги, как мы воображаем их, только тогда

они бы могли любить одних избранных людей; тогда бы только и предпочтение одних другим могло быть истинною любовью. Но люди не боги, а находятся в тех условиях существования, при которых все живые существа всегда живут одни другими, пожирая одни других, и в прямом и в переносном смысле; и человек, как разумное существо, должен знать и видеть это. Он должен знать, что всякое плотское благо получается одним существом только в ущерб другому.

Сколько бы ни уверяли людей суеверия религиозные и научные о таком будущем золотом веке, в котором всего всем будет довольно, разумный человек видит и знает, что закон его временного и пространственного существования есть борьба всех против каждого, каждого против каждого и против всех.

В той давке и борьбе животных интересов, которые составляют жизнь мира, человеку невозможно любить избранных, как это воображают люди, не понимающие жизни. Человек, если он любит хотя и избранных, он никогда не любит только одного. Всякий человек любит и мать, и жену, и ребенка, и друзей, и отечество, и даже всех людей. И любовь не есть только слово (как все согласны в этом), но есть деятельность, направленная на благо других. Деятельность же эта не происходит в каком-нибудь определенном порядке, так что сначала заявляются человеку требования его самой сильной любви, потом менее сильной и т. д. Требования любви заявляются беспрестанно все вместе, без всякого порядка. Сейчас пришел голодный старик, которого я немножко люблю, и просит еды, которую я берегу на ужин мною любимым детям; как мне взвесить требования сейчасной менее сильной любви с будущими требованиями более сильной любви?

Эти самые вопросы и были поставлены законником Христу: «Кто ближний?» В самом деле, как решить, кому нужно служить и в какой мере: людям или отечеству? отечеству или своим приятелям? своим приятелям или своей жене? своей жене или своему отцу? своему отцу или своим детям? своим детям или самому себе? (чтобы быть в состоянии служить другим, когда это понадобится).

Ведь всё это требования любви, и все они переплетены между собою, так что удовлетворение требованиям одних лишает человека возможности удовлетворять других. Если же я допущу, что озябшего ребенка можно не одеть, потому что моим детям когда-нибудь понадобится то платье, которого у меня просят, то я могу не отдаваться и другим требованиям любви во имя моих будущих детей.

Точно то же и по отношению к любви к отечеству, избранным занятиям и ко всем людям. Если человек может отказывать требованиям самой малой любви настоящего во имя требования самой большой любви будущего, то разве не ясно, что такой человек, если бы он всеми силами и желал этого, никогда не будет в состоянии взвесить, на сколько он может отказывать требованиям настоящего во имя будущего, и потому, не будучи в силах решить этого вопроса, всегда выберет то проявление любви, которое будет приятно для него, т. е. будет действовать не во имя любви, а во имя своей личности. Если человек решает, что ему лучше воздержаться от требований настоящей, самой малой любви во имя другого, будущего проявления большей любви, то он обманывает или

себя, или других, и никого не любит кроме себя одного.

Любви в будущем не бывает; любовь есть только деятельность в настоящем. Человек же, не проявляющий любви в настоящем, не имеет любви.

Происходит то же, что при представлении о жизни людей, не имеющих жизни. Если бы люди были животныя и не имели бы разума, они бы и существовали как животныя, не рассуждали бы о жизни; и животное существование их было бы законное и счастливое. То же и с любовью: если бы люди были животныя без разума, то они любили бы тех, кого любят: своих волчат, свое стадо, и не знали бы, что они любят своих волчат и свое стадо, и не знали бы того, что другие волки любят своих волчат и другие стада своих товарищей по стаду, и любовь их была бы — та любовь и та жизнь, которая возможна на той степени сознания, на которой они находятся.

Но люди — разумные существа, и не могут не видеть, что другие существа имеют такую же любовь к своим и что потому эти чувства любви должны придти в столкновение и произвести нечто не благое, а совершенно противное понятию любви.

Если же люди употребляют свой разум на то, чтобы оправдывать и усиливать то животное, неблагое чувство, которое они называют любовью, придавая этому чувству уродливые размеры, то это чувство становится не только не добрым, но делает из человека — давно известная истина — самое злое и ужасное животное. Происходит то, что сказано в Евангелии: «Если свет, который в тебе — тьма, то какова же тьма?» Если бы в человеке не было ничего, кроме любви к себе и к своим детям, не было бы и 0,99 того зла, которое есть теперь между людьми. 0,99 зла между людьми происходит от того ложного чувства, которое они, восхваляя его, называют любовью и которое столько же похоже на любовь, сколько жизнь животного похожа на жизнь человека.

То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, это только известные предпочтения одних условий блага своей личности другим. Когда человек, не понимающий жизни, говорит, что он любит свою жену или ребенка, или друга, он говорит только то, что присутствие в его жизни его жены, ребенка, друга увеличивает благо его личной жизни.

Предпочтения эти относятся к любви так же, как существование относится к жизни. И как людьми, не понимающими жизни, жизнью называется существование, так этими же людьми любовью называется предпочтение одних условий личного существования другим.

Чувства эти — предпочтения к известным существам, как например, к своим детям или даже к известным занятиям, например, к науке, к искусствам мы называем тоже любовью; но такие чувства предпочтения, бесконечно разнообразные, составляют всю сложность видимой, осязаемой животной жизни людей и не могут быть называемы любовью, потому что они не имеют главного признака любви — деятельности, имеющей и целью и последствием благо.

Страстность проявления этих предпочтений только показывает энергию

животной личности. Страстность предпочтения одних людей другим, называемая неверно любовью, есть только дичёк, на котором может быть привита истинная любовь и дать плоды ее. Но как дичёк не есть яблоня и не дает плодов или дает плоды горькие вместо сладких, так и пристрастие не есть любовь и не делает добра людям или производит еще большее зло. И потому приносит величайшее зло миру и так восхваляемая любовь к женщине, к детям, к друзьям, не говоря уже о любви к науке, к искусству, к отечеству, которая есть ничто иное, как предпочтение на время известных условий животной жизни другим.

Глава XXIV.

ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ПОСЛЕДСТВИЕ ОТРЕЧЕНИЯ ОТ БЛАГА ЛИЧНОСТИ.

Любовь истинная становится возможной только при отречении от блага животной личности.

Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человек понял, что нет для него блага его животной личности. Только тогда все соки жизни переходят в один облагороженный черенок истинной любви, разростающийся уже всеми силами ствола дичка животной личности. Учение Христа и есть прививка этой любви, как Он и сам сказал это. Он сказал, что Он, Его любовь, есть та одна лоза, которая может приносить плод, и что всякая ветвь, не приносящая плода, отсекается.

Только тот, кто не только понял, но жизнью познал то, что «сберегший душу свою потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня, сбережет её», — только кто понял, что любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную, только тот познает истинную любовь.

«И кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня. И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня. Если вы любите любящих вас, то это не любовь, а вы любите врагов, любите ненавидящих вас».

Не вследствие любви к отцу, к сыну, к жене, к друзьям, к добрым и милым людям, как это обыкновенно думают, люди отрекаются от личности, а только вследствие сознания тщеты существования личности, сознания невозможности ее блага, и потому вследствие отречения от жизни личности познает человек истинную любовь и может истинно любить отца, сына, жену, детей и друзей.

Любовь есть предпочтение других существ себе — своей животной личности.

Забвение ближайших интересов личности для достижения отдаленных целей той же личности, как это бывает при так называемой любви, не

выросшей на самоотречении, есть только предпочтение одних существ другим для своего личного блага. Истинная любовь, прежде чем сделаться деятельным чувством, должна быть известным состоянием. Начало любви, корень ее, не есть порыв чувства, затемняющий разум, как это обыкновенно воображают, но есть самое разумное, светлое и потому спокойное и радостное состояние, свойственное детям и разумным людям.

Состояние это есть состояние благоволения ко всем людям, которое присуще детям, но которое во взрослом человеке возникает только при отречении и усиливается только по мере отречения от блага личности. Как часто приводится слышать слова: «мне ведь всё равно, мне ничего не нужно», и вместе с этими словами видеть нелюбовное отношение к людям. Но пусть попробует всякий человек хоть раз, в минуту недоброжелательности к людям, искренно, от души сказать себе: «мне всё равно, мне ничего не нужно», и только, хоть на время, ничего не желать для себя, и всякий человек этим простым внутренним опытом познает, как тотчас же, по мере искренности его отречения, падет всякое недоброжелательство и каким потоком хлынет из его сердца запертое до тех пор благоволение ко всем людям.

В самом деле, любовь есть предпочтение других существ себе — ведь мы все так понимаем и иначе не можем понимать любовь. Величина любви есть величина дроби, которой числитель, мои пристрастия, симпатии к другим, — не в моей власти; знаменатель же, моя любовь к себе, может быть увеличен и уменьшен мною до бесконечности, по мере того значения, которое я придам своей животной личности. Суждения же нашего мира о любви, о степенях ее — это суждения о величине дробей по одним числителям, без соображения о их знаменателях.

Истинная любовь всегда имеет в основе своей отречение от блага личности и возникающее от того благоволение ко всем людям. Только на этом общем благоволении может вырости истинная любовь к известным людям — своим или чужим. И только такая любовь дает истинное благо жизни и разрешает кажущееся противоречие животного и разумного сознания.

Любовь, не имеющая в основе своей отречения от личности и, вследствие его, благоволения ко всем людям, есть только жизнь животная и подвержена тем же и еще большим бедствиям и еще большему неразумию, чем жизнь без этой мнимой любви. Чувство пристрастия, называемое любовью, не только не устраняет борьбы существ, не освобождает личность от погони за наслаждениями и не спасает от смерти, но только больше еще затемняет жизнь, ожесточает борьбу, усиливает жадность к наслаждениям для себя и для другого и увеличивает ужас перед смертью за себя и за другого.

Человек, который жизнь свою полагает в существовании животной личности, не может любить, потому что любовь должна представляться ему деятельностью прямо противоположною его жизни. Жизнь такого человека только в благе животного существования, а любовь прежде всего требует жертвы этого блага. Если бы даже человек, не понимающий жизни, и захотел искренно отдаться деятельности любви, он не будет в состоянии этого сделать до тех пор, пока он не поймет

жизни и не изменит всё свое отношение к ней. Человек, положивший свою жизнь в благе животной личности, всю жизнь свою увеличивает средства своего животного блага, приобретая богатства и сохраняя их, заставляет других служить его животному благу и распределяет эти блага между теми лицами, которые были более нужны для блага его личности. Как же ему отдать свою жизнь, когда жизнь его еще поддерживается не им самим, а другими людьми? И еще труднее ему выбрать, кому из предпочитаемых им людей передать накопленные им блага и кому служить.

Чтобы быть в состоянии отдавать свою жизнь, ему надо прежде отдать тот излишек, который он берет у других для блага своей жизни, и потом еще сделать невозможное: решить, кому из людей служить своей жизнью? Прежде, чем он будет в состоянии любить, т. е., жертвуя собою, делать благо, ему надо перестать ненавидеть, т. е. делать зло, и перестать предпочитать одних людей другим для блага своей личности.

Только для человека, не признающего блага в жизни личной и потому не заботящегося об этом ложном благе и чрез это освободившего в себе свойственное человеку благоволение ко всем людям, возможна деятельность любви, всегда удовлетворяющая его и других. Благо жизни такого человека в любви, как благо растения в свете, и потому, как ничем незакрытое, растение не может спрашивать и не спрашивает, в какую сторону ему расти, и хорош ли свет, не подождать ли ему другого, лучшего, а берет тот единый свет, который есть в мире, и тянется к нему, — так и отрекшийся от блага личности человек не рассуждает о том, что ему отдать из отнятого от других людей и каким любимым существам, и нет ли какой еще лучшей любви, чем та, которая заявляет требования, — а отдает себя, свое существование той любви, которая доступна ему и есть перед ним. Только такая любовь дает полное удовлетворение разумной природе человека.

Глава XXV.

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ЕДИНАЯ И ПОЛНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ.

И нет иной любви, как той, чтобы положить душу свою за други свои. Любовь — только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек отдает другому не только свое время, свои силы, но когда он тратит свое тело для любимого предмета, отдает ему свою жизнь — только это мы признаем все любовью и только в такой любви мы все находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир. Мать, кормящая ребенка, прямо отдает себя, свое тело в пищу детям, которые без этого не были бы живы. И это — любовь. Так же точно отдает себя, свое тело в пищу другому, всякий работник для блага других, изнашивающий свое тело в работе и приближающий себя к смерти. И такая любовь возможна только для того человека, у которого между возможностью жертвы собой и теми

существами, которых он любит, не стоит никакой преграды для жертвы. Мать, отдавшая кормилице своего ребенка, не может его любить; человек, приобретающий и сохраняющий свои деньги, не может любить.

«Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме и во тьме ходит и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза... Станем любить не словом или языком, но делом и истиною. И вот почему узнаем, что мы от истины и успокаиваем сердца наши... Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому, что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви».

Только такая любовь дает истинную жизнь людям.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь».

Вторая же, подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя», сказал Христу законник. И на это Иисус сказал: «Правильно ты отвечал, так и поступай, т. е. люби Бога и ближнего и будешь жить».

Любовь истинная есть самая жизнь. «Мы знаем, что мы перешли от смерти в жизнь, потому что любим братьев», говорит ученик Христа. «Не любящий брата пребывает в смерти». Жив только тот, кто любит.

Любовь по учению Христа есть сама жизнь; но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, но жизнь блаженная и бесконечная. И мы все знаем это. Любовь не есть вывод разума, не есть последствие известной деятельности; а это есть сама радостная деятельность жизни, которая со всех сторон окружает нас, и которую мы все знаем в себе с самых первых воспоминаний детства до тех пор, пока ложные учения мира не засорили ее в нашей душе и не лишили нас возможности испытывать ее.

Любовь — это не есть пристрастие к тому, что увеличивает временное благо личности человека, как любовь к избранным лицам или предметам, а то стремление к благу того, что вне человека, которое остается в человеке после отречения от блага животной личности.

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного, и чаще всего только в самом раннем детстве, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушает в нас жизнь, того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного — чтоб всем было хорошо, чтоб все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтоб всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека.

Любовь эта, в которой только и есть жизнь, проявляется в душе

человека, как чуть заметный, нежный росток среди похожих на неё грубых ростков сорных трав, различных похотей человека, которые мы называем любовью. Сначала людям и самому человеку кажется, что этот росток, — тот, из которого должно вырастать то дерево, в котором будут укрываться птицы, — и все другие ростки всё одно и то же. Люди даже предпочитают сначала ростки сорных трав, которые растут быстрее, и единственный росток жизни глохнет и замирает; но еще хуже то, что еще чаще бывает: люди слышали, что в числе этих ростков есть один настоящий, жизненный, называемый любовью, и они вместо него, топча его, начинают воспитывать другой росток сорной травы, называя его любовью. Но что еще хуже: люди грубыми руками ухватывают самый росток и кричат: «вот он, мы нашли его, мы теперь знаем его, возрастим его. Любовь! Любовь! высшее чувство, вот оно!» и люди начинают пересаживать его, исправлять его и захватывают, заминают его так, что росток умирает, не расцветши, и те же или другие люди говорят: всё это вздор, пустяки, сентиментальность. Росток любви, при проявлении своем нежный, не терпящий прикосновения, могущественен только при своем разросте. Всё, что будут делать над ним люди, только хуже для него. Ему нужно одного, — того, чтобы ничто не скрывало от него солнца разума, которое одно возращает его.

Глава XXVI.

СТАРАНИЯ ЛЮДЕЙ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА НЕВОЗМОЖНОЕ УЛУЧШЕНИЕ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, ЛИШАЮТ ИХ ВОЗМОЖНОСТИ ЕДИНОЙ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ.

Только познание призрачности и обманчивости животного существования и освобождение в себе единственной истинной жизни любви дает человеку благо. И что же делают люди для достижения этого блага? Люди, существование которых состоит в медленном уничтожении личности и приближении к неизбежной смерти этой личности, и которые не могут не знать этого, всё время своего существования всячески стараются, — только тем и заняты, чтобы утверждать эту гибнущую личность, удовлетворять ее похотям и тем лишать себя возможности единственного блага жизни — любви.

Деятельность людей, не понимающих жизни, во всё время их существования направлена на борьбу за свое существование, на приобретение наслаждений, избавление себя от страданий и удаление от себя неизбежной смерти.

Но увеличение наслаждений увеличивает напряженность борьбы, чувствительность к страданиям и приближает смерть. Чтобы скрыть от себя приближение смерти — одно средство: еще увеличивать наслаждения. Но увеличение наслаждений доходит до своего предела, наслаждения не могут быть увеличены, переходят в страдания, и остается одна чувствительность к страданиям и ужас всё ближе и ближе среди одних страданий надвигающейся смерти. И является ложный круг: одно — причина другого и одно усиливает другое. Главный ужас жизни

людей, не понимающих жизни, в том, что то, что ими считается наслаждениями (все наслаждения богатой жизни), будучи такими, что они не могут быть равномерно распределены между всеми людьми, должны быть отнимаемы у других, должны быть приобретаемы насилием, злом, уничтожающим возможность того благоволения к людям, из которого выростает любовь. Так что наслаждения всегда прямо противуположны любви и чем сильнее, тем противоположнее. Так что, чем сильнее, напряженнее деятельность для достижения наслаждений, тем невозможнее становится единственно доступное человеку благо — любовь.

Жизнь понимается не так, как она сознается разумным сознанием — как невидимое, но несомненное подчинение в каждое мгновение настоящего своего животного —закону разума, освобождающее свойственное человеку благоволение ко всем людям и вытекающую из него деятельность любви, а только как плотское существование в продолжении известного промежутка времени, в определенных и устраиваемых нами, исключающих возможность благоволения ко всем людям, условиях.

Людям мирского учения, направившим свой разум на устройство известных условий существования, кажется, что увеличение блага жизни происходит от лучшего внешнего устройства своего существования. Лучшее же внешнее устройство их существования зависит от большего насилия над людьми, прямо противоположного любви. Так что, чем лучше их устройство, тем меньше у них остается возможности любви, возможности жизни.

Употребив свой разум не на то, чтобы понять — одинаково для всех людей равное нолю благо животного существования, люди этот ноль признали величиною, которая может уменьшаться и увеличиваться, и на мнимое это увеличение, умножение ноля употребляют весь остающийся у них без приложения разум.

Люди не видят того, что ничто, ноль, на что бы он ни был помножен, остается тем же, равным всякому другому — нолем, не видят, что существование животной личности всякого человека одинаково бедственно и не может быть никакими внешними условиями сделано счастливым. Люди не хотят видеть того, что ни одно существование, как плотское существование, не может быть счастливее другого, что это такой же закон, как тот, по которому на поверхности озера нигде нельзя поднять воду выше данного общего уровня. Люди, извратившие свой разум, не видят этого и употребляют свои извращенный разум на это невозможное дело, и в этом невозможном поднимании воды в разных местах на поверхности озера — в роде того, что делают купающиеся дети, называя это варить пиво, — проходит всё их существование.

Им кажется, что существования людей бывают более и менее хорошие, счастливые; существование бедного работника пли больного человека, говорят они, дурное, несчастливое; существование богача или здорового человека хорошее, счастливое; и они все силы разума своего напрягают на то, чтобы избежать дурного, несчастливого, бедного и болезненного существования и устроить себе хорошее, богатое и здоровое, счастливое.

Вырабатываются поколениями приемы устройства и поддержания этих

разных, самых счастливых жизней, и программы этих воображаемых лучших, как они называют свое животное существование, жизней передаются по наследству. Люди одни перед другими стараются как можно лучше поддержать ту счастливую жизнь, которую они наследовали от устройства родителей, или сделать себе новую, еще более счастливую жизнь. Людям кажется, что, поддерживая свое унаследованное устройство существования или устраивая себе новое, лучшее по их представлению, они что-то делают.

И поддерживая друг друга в этом обмане, люди часто до того искренно убеждаются в том, что в этом безумном толчении воды, бессмысленность которого очевидна для них самих, и состоит жизнь, — так убеждаются в этом, что с презрением отворачиваются от призыва к настоящей жизни, который они не переставая слышат: и в учении истины, и в примерах жизни живых людей, и в своем заглохшем сердце, в котором никогда не заглушается до конца голос разума и любви.

Совершается удивительное дело. Люди, огромное количество людей, имеющих возможность разумной и любовной жизни, находятся в положении тех баранов, которых вытаскивают из горящего дома, а они, вообразив, что их хотят бросить в огонь, все силы свои употребляют на борьбу с теми, которые хотят спасти их.

Из страха перед смертью люди не хотят выходить из нее, из страха перед страданиями люди мучают себя и лишают себя единственно возможных для них блага и жизни.

Глава XXVII.

СТРАХ СМЕРТИ ЕСТЬ ТОЛЬКО СОЗНАНИЕ НЕРАЗРЕШЕННОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ ЖИЗНИ.

«Нет смерти», говорит людям голос истины. «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет во век. Веришь ли сему?»

«Нет смерти», говорили все великие учители мира, и то же говорят, и жизнью своей свидетельствуют миллионы людей, понявших смысл жизни. И то же чувствует в своей душе, в минуту прояснения сознания, и каждый живой человек. Но люди, не понимающие жизни, не могут не бояться смерти. Они видят её и верят в неё.

«Как нет смерти?» с негодованием, с злобой кричат эти люди. — «Это софизм! Смерть перед нами; косила миллионы и нас скосит. И сколько ни говорите, что ее нет, она всё-таки останется. Вот она!» И они видят то, про что они говорят, как видит душевно-больной человек то привидение, которое ужасает его. Он не может ощупать это привидение, оно никогда еще не прикасалось к нему; про намерение его он ничего не знает, но он так боится и страдает от этого воображаемого привидения, что лишается возможности жизни. Ведь то же и с смертью.

Человек не знает своей смерти и никогда не может познать ее, она никогда еще не прикасалась к нему, про намерение ее он ничего не знает. Так чего же он боится?

«Она никогда еще не схватывала меня, но она схватит, я знаю наверное — схватит и уничтожит меня. И это ужасно»у говорят люди, не понимающие жизни.

Если бы люди с ложным представлением о жизни могли рассуждать спокойно и мыслили бы правильно на основании того представления, которое они имеют о жизни, они бы должны были придти к заключению, что в том, что в плотском существовании моем произойдет та перемена, которая, я вижу, не переставая происходит во всех существах и которую я называю смертью, нет ничего ни неприятного, ни страшного.

Я умру. Что же тут страшного? Ведь сколько разных перемен происходило и происходит в моем плотском существовании, и я не боялся их? Отчего же я боюсь этой перемены, которая еще не наступала и в которой не только нет ничего противного моему разуму и опыту, но которая так понятна, знакома и естественна для меня, что в продолжении моей жизни я постоянно делал и делаю соображения, в которых смерть, и животных, и людей, принималась мною, как необходимое и часто приятное мне условие жизни. Что же страшно?

Ведь есть только два строго логические взгляда на жизнь: один ложный — тот, при котором жизнь понимается, как те видимые явления, которые происходят в моем теле от рождения и до смерти, а другой истинный — тот, при котором жизнь понимается как то невидимое сознание ее, которое я ношу в себе. Один взгляд ложный, другой истинный, но оба логичны, и люди могут иметь тот или другой, но ни при том, ни при другом невозможен страх смерти.

Первый ложный взгляд, понимающий жизнь, как видимые явления в теле от рождения и до смерти, столь же древен, как и мир. Это не есть, как думают многие, взгляд на жизнь, выработанный материалистической наукой и философией нашего времени; наука и философия нашего времени довели только это воззрение до последних его пределов, при которых очевиднее, чем прежде, стало несоответствие этого взгляда основным требованиям природы человеческой; но это давнишний, первобытный взгляд людей, стоящих на низшей ступени развития: он выражен и у Китайцев, и у Буддистов, и у Евреев, и в книге Иова, и в изречении: «земля еси и в землю пойдеши».

Взгляд этот в своем теперешнем выражении такой: жизнь — это случайная игра сил в веществе, проявляющаяся в пространстве и времени. То же, что мы называем своим сознанием, не есть жизнь, а некоторый обман чувств, при котором кажется, что жизнь в этом сознании. Сознание есть искра, вспыхивающая на веществе, при известном его состоянии. Искра эта вспыхивает, разгорается, опять тухнет, и под конец совсем потухает. Искра эта, т. е. сознание, испытываемое веществом в продолжении определенного времени между двух временных бесконечностей, есть ничто. И несмотря на то, что сознание видит само себя и весь бесконечный мир и судит само себя и весь бесконечный мир, и видит всю игру случайностей этого мира, и

главное, в противоположность чего-то не случайного, называет эту игру случайною, сознание это само по себе есть только произведение мертвого вещества, призрак, возникающий и исчезающий без всякого остатка и смысла. Всё есть произведение вещества, бесконечно изменяющегося; и то, что называют жизнью, есть только известное состояние мертвого вещества.

Таков один взгляд на жизнь. Взгляд этот совершенно логичен. По этому взгляду разумное сознание человека есть только случайность, сопутствующая известному состоянию вещества; и потому то, что мы в своем сознании называем жизнью, есть призрак. Существует только мертвое. То, что мы называем жизнью, есть игра смерти. При таком взгляде на жизнь, смерть не только не должна быть страшна, но должна быть страшна по жизнь — как нечто неестественное и неразумное, как это и есть у Буддистов и новых пессимистов, Шопенгауера и Гартмана.

Другой же взгляд на жизнь такой. Жизнь есть только то, что я сознаю в себе. Сознаю же я всегда свою жизнь не так, что я был или буду (так я рассуждаю о своей жизни), а сознаю свою жизнь так, что я есмь — никогда нигде не начинаюсь, никогда нигде и не кончаюсь. С сознанием моей жизни не соединимо понятие времени и пространства. Жизнь моя проявляется во времени, пространстве, но это только проявление ее. Сама же жизнь, сознаваемая мною, сознается мною вне времени и пространства. Так что при этом взгляде выходит наоборот: не сознание жизни есть призрак, а всё пространственное и временное — призрачно. И потому временное и пространственное прекращение телесного существования при этом взгляде не имеет ничего действительного и не может не только прекратить, но и нарушить моей истинной жизни. И смерти при этом взгляде не существует.

Ни при том, ни при другом взгляде на жизнь страха смерти не могло бы быть, если бы люди строго держались того или другого.

Ни как животное, ни как разумное существо, человек не может бояться смерти: животное, не имея сознания жизни, не видит смерти, а разумное существо, имея сознание жизни, не может видеть в смерти животной ничего иного, как естественного и никогда непрекращающегося движения вещества. Если же человек боится, то боится не смерти, которой он не знает, а жизни, которую одну знает и животное и разумное существо его. То чувство, которое выражается в людях страхом смерти, есть только сознание внутреннего противоречия жизни; точно так же, как страх привидений есть только сознание болезненного душевного состояния.

«Я перестану быть — умру, умрет всё то, в чем я полагаю свою жизнь», говорит человеку один голос; «я есмь», говорит другой голос, «и не могу и не должен умереть. Я не должен умереть, и я умираю». Не в смерти, а в этом противоречии причина того ужаса, который охватывает человека при мысли о плотской смерти: страх смерти не в том, что человек боится прекращения существования своего животного, но в том, что ему представляется, что умирает то, чтò не может и не должно умереть. Мысль о будущей смерти есть только перенесение в будущее совершающейся смерти в настоящем. Являющееся привидение будущей плотской смерти не есть пробуждение мысли о смерти, но напротив —

пробуждение мысли о жизни, которую должен иметь и не имеет человек. Это чувство, подобное тому, которое должен испытывать человек, пробудившийся к жизни в гробу, под землею. Есть жизнь, а я в смерти, и вот она, смерть! Представляется, что то, что есть и должно быть, то уничтожается. И ум человеческий шалеет, ужасается. Лучшее доказательство того, что страх смерти есть не страх смерти, а ложной жизни, есть то, что часто люди убивают себя от страха смерти.

Не оттого люди ужасаются мысли о плотской смерти, что они боятся, чтобы с нею не кончилась их жизнь, но оттого, что плотская смерть явно показывает им необходимость истинной жизни, которой они не имеют. И от этого-то так не любят люди, не понимающие жизни, вспоминать о смерти. Вспоминать о смерти для них всё равно, что признаваться в том, что они живут не так, как того требует от них их разумное сознание.

Люди, боящиеся смерти, боятся ее оттого, что она представляется им пустотою и мраком; но пустоту и мрак они видят потому, что не видят жизни.

Глава XXVIII.

ПЛОТСКАЯ СМЕРТЬ УНИЧТОЖАЕТ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ТЕЛО И ВРЕМЕННОЕ СОЗНАНИЕ, НО НЕ МОЖЕТ УНИЧТОЖАТЬ ТОГО, ЧТО СОСТАВЛЯЕТ ОСНОВУ ЖИЗНИ: ОСОБЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ КАЖДОГО СУЩЕСТВА.

Но и люди, не видящие жизни, если бы они только подходили ближе к тем привидениям, которые пугают их, и ощупывали бы их, увидали бы, что и для них привидение — только привидение, а не действительность.

Страх смерти всегда происходит в людях оттого, что они страшатся потерять при плотской смерти свое особенное я, которое — они чувствуют — составляет их жизнь. Я умру, тело разложится, и уничтожится мое я. Я же это мое есть то, что жило в моем теле столько-то лет.

Люди дорожат этим своим я; и полагая, что это я совпадает с их плотской жизнью, делают заключение о том, что оно должно уничтожиться с уничтожением их плотской жизни.

Заключение это самое обычное, и редко кому приходит в голову усомниться в нем, а между тем заключение это совершенно произвольно. Люди, и те, которые считают себя матерьялистами, и те, которые считают себя спиритуалистами, так привыкли к представлению о том, что их я есть то их сознание своего тела, которое жило столько-то лет, что им и не приходит в голову проверить справедливость такого утверждения.

Я жил 59 лет и во всё это время я сознавал себя собою в своем теле,

и это-то сознание себя собою, мне кажется, и была моя жизнь. Но ведь это только кажется мне. Я жил ни 59 лет, ни 59000 лет, ни 59 секунд. Ни моё тело, ни время его существования нисколько не определяют жизни моего я. Если я в каждую минуту жизни спрошу себя в своем сознании, что я такое? я отвечу: нечто думающее и чувствующее, т. е. относящееся к миру своим совершенно особенным образом. Только это я сознаю своим я, и больше ничего. О том, когда и где я родился, когда и где я начал так чувствовать и думать, как я теперь думаю и чувствую, я решительно ничего не сознаю. Мое сознание говорит мне только: я есмь; я есмь с тем моим отношением к миру, в котором я нахожусь теперь. О своем рождении, о своем детстве, о многих периодах юности, о средних годах, об очень недавнем времени я часто ничего не помню. Если же я и помню кое-что или мне напоминают кое-что из моего прошедшего, то я помню и вспоминаю это почти так же, как то, что мне рассказывают про других. Так на каком же основании я утверждаю, что во всё время моего существования я был всё один я? Тела ведь моего одного никакого не было и нет: тело мое всё было и есть беспрестанно текущее вещество — через что-то невещественное и невидимое, признающее это протекающее через него тело своим. Тело мое всё десятки раз переменилось; ничего не осталось старого: и мышцы, и внутренности, и кости, и мозг — всё переменилось.

Тело мое одно только потому, что есть что-то невещественное, которое признает всё это переменяющееся тело одним и своим. Невещественное это есть то, что мы называем сознанием: оно одно держит всё тело вместе и признает его одним и своим. Без этого сознания себя отдельным от всего остального я бы ничего не знал ни о своей, ни о всякой другой жизни. И потому при первом рассуждении кажется, что основа всего — сознание — должно бы быть постоянное. Но и это несправедливо: и сознание не постоянно. В продолжении всей жизни и теперь повторяется явление сна, которое кажется нам очень простым потому, что мы все спим каждый день, но которое решительно непостижимо, если признавать то, чего нельзя не признавать, что во время сна иногда совершенно прекращается сознание.

Каждые сутки, во время полного сна, сознание обрывается совершенно и потом опять возобновляется. А между тем это-то сознание есть единственная основа, держащая всё тело вместе и признающая его своим. Казалось бы, что при прекращении сознания должно бы — и распадаться тело, и терять свою отдельность; но этого не бывает ни в естественном, ни в искусственном сне.

Но мало того, что сознание, держащее всё тело вместе, периодически обрывается, и тело не распадается, — сознание это кроме того еще и изменяется так же, как и тело. Как нет ничего общего в веществе моего тела, каким оно было десять лет назад и теперешним, как не было одного тела, так и не было во мне одного сознания. Мое сознание трехлетним ребенком и теперешнее сознание так же различны, как и вещество моего тела теперь и 30 лет тому назад. Сознания нет одного, а есть ряд последовательных сознаний, которые можно дробить до бесконечности.

Так что и то сознание, которое держит всё тело вместе и признает его своим, не есть что-нибудь одно, а есть нечто прерывающееся и

переменяющееся. Сознания, одного сознания самого себя, как мы обыкновенно представляем себе, нет в человеке, так же как нет одного тела. Нет в человеке ни одного и того же тела, ни одного того, что отделяет это тело от всего другого, — нет сознания постоянно одного, во всю жизнь одного человека, а есть только ряд последовательных сознаний, чем-то связанных между собой, — и человек всё-таки чувствует себя собою.

Тело наше не есть одно, и то, что признает это переменяющееся тело одним и нашим, не сплошное во времени, а есть только ряд переменяющихся сознаний, и мы уже очень много раз теряли и свое тело и эти сознания; теряем тело постоянно и сознание теряем всякий день, когда засыпаем, и всякий день и час чувствуем в себе изменения этого сознания и нисколько не боимся этого. Стало-быть, если есть какое-нибудь такое наше я, которое мы боимся потерять при смерти, то это я должно быть не в том теле, которое мы называем своим, и не в том сознании, которое мы называем своим в известное время, а в чем-либо другом, соединяющем весь ряд последовательных сознаний в одно.

Что же такое это нечто, связывающее в одно все последовательные во времени сознания? Что такое это-то самое коренное и особенное мое я, не слагающееся из существования моего тела и ряда происходящих в нем сознаний, но то основное я, на которое, как на стержень, нанизываются одно за другим различные последовательные во времени сознания? Вопрос кажется очень глубоким и премудрым, а между тем нет того ребенка, который не знал бы на него ответа и не высказывал бы этого ответа 20 раз на день. «А я люблю это, а не люблю этого». Слова эти очень просты, а между тем в них-то и разрешение вопроса о том, в чем то особенное я, которое связывает в одно все сознания. Это-то я, которое любит это, а не любит этого. Почему один любит это, а не любит этого, этого никто не знает, а между прочим это самое и есть то, что составляет основу жизни каждого человека, это-то и есть то, что связывает в одно все различные по времени состояния сознания каждого отдельного человека. Внешний мир действует на всех людей одинаково, но впечатления людей, поставленных даже в совершенно тожественные условия, до бесконечности разнообразны, и по числу получаемых и могущих быть дробимыми до бесконечности впечатлений, и по силе их. Из впечатлений этих слагается ряд последовательных сознаний каждого человека. Связываются же все эти последовательные сознания только потому, почему и в настоящем одни впечатления действуют, а другие не действуют на его сознание. Действуют же или не действуют на человека известные впечатления только потому, что он больше или меньше любит это, а не любит этого.

Только вследствие этой большей или меньшей степени любви и складывается в человеке известный ряд таких, а не иных сознаний. Так что только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое — и есть то особенное и основное я человека, в котором собираются в одно все разбросанные, прерывающиеся сознания. Свойство же это, хотя и развивается и в нашей жизни, вносится нами уже готовое в эту жизнь из какого-то невидимого и непознаваемого нами прошедшего.

Это особенное свойство человека в большей или меньшей степени любить

одно и не любить другое обыкновенно называют характером. И под словом этим часто разумеется особенность свойств каждого отдельного человека, образующаяся вследствие известных условий места и времени. Но это несправедливо. Основное свойство человека более или менее любить одно и не любить другое не происходит от пространственных и временных условий, но, напротив, пространственные и временные условия действуют или не действуют на человека только потому, что человек, входя в мир, уже имеет весьма определенное свойство любить одно и не любить другое. Только от этого и происходит то, что люди, рожденные и воспитанные в совершенно одинаковых пространственных и временных условиях, представляют часто самую резкую противоположность своего внутреннего я.

То, что соединяет в одно все разрозненные сознания, соединяющиеся в свою очередь в одно наше тело, есть нечто весьма определенное, хотя и независимое от пространственных и временных условий, и вносится нами в мир из области внепространственной и вневременной; это-то нечто, состоящее в моем известном, исключительном отношении к миру, и есть мое настоящее и действительное я. Себя я разумею, как это основное свойство, и других людей, если я знаю их, то знаю только, как особенные какие-то отношения к миру. Входя в серьезное душевное общение с людьми, ведь никто из нас не руководствуется их внешними признаками, а каждый из нас старается проникнуть в их сущность, т. е. познать, каково их отношение к миру, что и в какой степени они любят и не любят.

Каждое отдельное животное: лошадь, собаку, корову, если я знаю их и имею с ними серьезное душевное общение, я знаю не по внешним признакам, а по тому особенному отношению к миру, в котором стоит каждое из них, — по тому, что̀ каждое из них, и в какой степени, любит и не любит. Если я знаю особые различные породы животных, то, строго говоря, я знаю их не столько по внешним признакам, сколько по тому, что каждая из них — лев, рыба, паук — представляют общее особенное отношение к миру. Все львы вообще любят одно, и все рыбы другое, и все пауки третье; только потому, что они любят разное, они и разделяются в моем представлении, как различные живые существа.

То же, что я еще не различаю в каждом из этих существ его особенного отношения к миру, не доказывает того, чтобы его не было, а только то, что то особенное отношение к миру, которое составляет жизнь одного отдельного паука, удалено от того отношения к миру, в котором нахожусь я, и что потому я еще не понял его, как понял Сильвио Пеллико своего отдельного паука.

Основа всего того, что я знаю о себе и о всем мире, есть то особенное отношение к миру, в котором я нахожусь и вследствие которого я вижу другие существа, находящиеся в своем особенном отношении к миру. Мое же особенное отношение к миру установилось не в этой жизни и началось не с моим телом и не с рядом последовательных во времени сознаний.

И потому может уничтожиться мое тело, связанное в одно моим временным сознанием, может уничтожиться и самое мое временное сознание, но не может уничтожиться то мое особенное отношение к

миру, составляющее мое особенное я, из которого создалось для меня всё, что есть. Оно не может уничтожиться, потому что оно только и есть. Если бы его не было, я бы не знал ряда своих последовательных сознаний, не знал бы своего тела, не знал бы своей и никакой другой жизни. И потому уничтожение тела и сознания не может служить признаком уничтожения моего особенного отношения к миру, которое началось и возникло не в этой жизни.

Глава XXIX.

СТРАХ СМЕРТИ ПРОИСХОДИТ ОТ ТОГО, ЧТО ЛЮДИ ПРИНИМАЮТ ЗА ЖИЗНЬ ОДНУ МАЛЕНЬКУЮ, ИХ ЖЕ ЛОЖНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ ОГРАНИЧЕННУЮ ЧАСТЬ ЕЕ.

Мы боимся потерять при плотской смерти свое особенное я, соединяющее и тело и ряд сознаний, проявлявшихся во времени, в одно, а между тем это-то мое особенное я началось не с моим рождением, и потому прекращение известного временного сознания не может уничтожить того, что соединяет в одно все временные сознания.

Плотская смерть действительно уничтожает то, что держит тело вместе, — сознание временной жизни. Но ведь это случается с нами беспрестанно и каждый день, когда мы засыпаем. Вопрос в том, уничтожает ли плотская смерть то, что соединяет все последовательные сознания в одно, т. е. мое особенное отношение к миру? Для того же, чтобы утверждать это, надо прежде доказать, что это-то особенное отношение к миру, соединяющее в одно все последовательные сознания, родилось с моим плотским существованием, а потому и умрет с ним. А этого-то и нет.

Рассуждая на основании своего сознания, я вижу, что соединявшее все мои сознания в одно — известная восприимчивость к одному и холодность к другому, вследствие чего одно остается, другое исчезает во мне, степень моей любви к добру и ненависти к злу, — что это мое особенное отношение к миру, составляющее именно меня, особенного меня, не есть произведение какой-либо внешней причины, а есть основная причина всех остальных явлений моей жизни.

Рассуждая же на основании наблюдения, сначала мне представляется, что причины особенности моего я находятся в особенностях моих родителей и условий, влиявших на меня и на них; но, рассуждая по этому пути дальше, я не могу не видеть, что если особенное мое я лежит в особенности моих родителей и условий, влиявших на них, то оно лежит и в особенности всех моих предков и в условиях их существования — до бесконечности, т. е. вне времени и вне пространства, — так что мое особенное я произошло вне пространства и вне времени, т. е. то самое, чтò я и сознаю.

В этой и только в этой вневременной и внепространственной основе моего особенного отношения к миру, соединяющей все памятные мне

сознания и сознания, предшествующие памятной мне жизни (как это говорит Платон и как мы все это в себе чувствуем), — в ней-то, в этой основе, в особенном моем отношении к миру и есть то особенное я, за которое мы боимся, что оно уничтожится с плотской смертью.

Но ведь стоит только понять, что то, что связывает все сознания в одно, что то, чтò и есть особенное я человека, находится вне времени, всегда было и есть, и что то, что может прерываться, есть только ряд сознаний известного времени, — чтобы было ясно, что уничтожение последнего по времени сознания, при плотской смерти, так же мало может уничтожить истинное человеческое я, как и ежедневное засыпание. Ведь ни один человек не боится засыпать, хотя в засыпании происходит совершенно то же, что при смерти, именно: прекращается сознание во времени. Человек не боится того, что засыпает, хотя уничтожение сознания совершенно такое же, как и при смерти, не потому, что он рассудил, что он засыпал и просыпался, и потому опять проснется (рассуждение это неверно: он мог тысячу раз просыпаться и в тысячу первый не проснуться), — никто никогда не делает этого рассуждения, и рассуждение это не могло бы успокоить его; но человек знает, что его истинное я живет вне времени, и что потому проявляющееся для него во времени прекращение его сознания не может нарушить его жизни.

Если бы человек засыпал, как в сказках, на тысячи лет, он засыпал бы так же спокойно, как и на два часа. Для сознания не временной, но истинной жизни миллион лет перерыва во времени и восемь часов — всё равно, потому что времени для такой жизни нет.

Уничтожится тело, — уничтожится сознание нынешнего дня.

Но ведь к изменению своего тела и замене одних временных сознаний другими человеку пора бы привыкнуть. Ведь эти перемены начались с тех пор, как себя помнит человек, и происходили не переставая. Человек не боится перемен в своем теле и не только не ужасается, но очень часто только и желает ускорения этих перемен, желает вырости, возмужать, вылечиться. Человек был красным куском мяса, и сознание его всё состояло в требованиях желудка; теперь он бородатый, разумный мужчина, или женщина, любящая взрослых детей. Ведь ничего нет похожего ни в теле, ни в сознании, и человек не ужасался тех перемен, которые привели его к теперешнему состоянию, а только приветствовал их. Что же страшного в предстоящей перемене? Уничтожение? Да ведь то, на чем происходят все эти перемены, — особенное отношение к миру, — то, в чем состоит сознание истинной жизни, началось не с рождения тела, а вне тела и вне времени. Так как же может какое бы то ни было временное и пространственное изменение уничтожить то, что вне его? Человек уставится глазами в маленькую, крошечную частичку своей жизни, не хочет видеть всей ее и дрожит об том, чтоб не пропал из глаз этот крошечный излюбленный им кусочек. Это напоминает анекдот о том сумасшедшем, который вообразил себе, что он стеклянный, и, когда его уронили, сказал: дцинь ! и тотчас же умер. Чтоб иметь жизнь человеку, надо брать ее всю, а не маленькую часть ее, проявляющуюся в пространстве и времени. Тому, кто возьмет всю жизнь, тому прибавится, а тому, кто возьмет часть ее, у того отнимется и то, что у него есть.

Глава XXX.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ. ДВИЖЕНИЕ ЖИЗНИ ЕСТЬ УСТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО, ВЫСШЕГО ОТНОШЕНИЯ, И ПОТОМУ СМЕРТЬ ЕСТЬ ВСТУПЛЕНИЕ В НОВОЕ ОТНОШЕНИЕ.

Жизнь мы не можем понимать иначе, как известное отношение к миру: так мы понимаем жизнь в себе и так же мы ее понимаем и в других существах.

Но в себе мы понимаем жизнь не только как раз существующее отношение к миру, но и как установление нового отношения к миру через большее и большее подчинение животной личности разуму, и проявление большей степени любви. То неизбежное уничтожение плотского существования, которое мы на себе видим, показывает нам, что отношение, в котором мы находимся к миру, не есть постоянное, но что мы вынуждены устанавливать другое. Установление этого нового отношения, т. е. движение жизни, и уничтожает представление смерти. Смерть представляется только тому человеку, который, не признав свою жизнь в установлении разумного отношения к миру и проявлении его в большей и большей любви, остался при том отношении, т. е. с тою степенью любви, к одному и нелюбви к другому, с которыми он вступил в существование.

Жизнь есть неперестающее движение, а оставаясь в том же отношении к миру, оставаясь на той степени любви, с которой он вступил в жизнь, он чувствует остановку ее, и ему представляется смерть.

Смерть и видна и страшна только такому человеку. Всё существование такого человека есть одна неперестающая смерть. Смерть видна и страшна ему не только в будущем, но и в настоящем, при всех проявлениях уменьшение животной жизни, начиная от младенчества и до старости, потому что движение существования от детства до возмужалости только кажется временным увеличением сил, в сущности же есть такое же огрубение членов, уменьшение гибкости, жизненности, не прекращающееся от рождения и до смерти. Такой человек видит перед собой смерть постоянно, и ничто не может спасти его от нее. С каждым днем, часом положение такого человека делается хуже и хуже, и ничто не может улучшить его. Свое особенное отношение к миру, любовь к одному и нелюбовь к другому, такому человеку представляется только одним из условий его существования; и единственное дело жизни, установление нового отношения к миру, увеличение любви, представляется ему делом не нужным. Вся жизнь его проходит в невозможном: избавиться от неизбежного уменьшения жизни, огрубения, ослабления ее, устарения и смерти.

Но не то для человека, понимающего жизнь. Такой человек знает, что он внес в свою теперешнюю жизнь свое особенное отношение к миру,

свою любовь к одному и нелюбовь к другому из скрытого для него прошедшего. Он знает, что эта-то любовь к одному и нелюбовь к другому, внесенная им в это его существование, есть самая сущность его жизни; что это не есть случайное свойство его жизни, но что это одно имеет движение жизни, — и он в одном этом движении, в увеличении любви, полагает свою жизнь.

Глядя на свое прошедшее в этой жизни, он видит, по памятному ему ряду своих сознаний, что отношение его к миру изменялось, подчинение закону разума увеличивалось, и увеличивалась не переставая сила и область любви, давая ему всё большее и большее благо независимо, а иногда прямо обратно пропорционально умалению существования личности.

Такой человек, приняв свою жизнь из невидимого ему прошедшего, сознавая постоянное непрерываемое возрастание ее, не только спокойно, но и радостно переносит ее и в невидимое будущее.

Говорят: болезнь, старость, дряхлость, впадение в детство есть уничтожение сознания и жизни человека. Для какого человека? Я представляю себе, по преданию, Иоанна Богослова, впавшего от старости в детство. Он, по преданию, говорил только: братья, любите друг друга! Чуть двигающийся столетний старичок, с слезящимися глазами, шамкает только одни и одни три слова: любите друг друга! В таком человеке существование животное чуть брезжится, — оно всё съедено новым отношением к миру, новым живым существом, неумещающимся уже в существовании плотского человека.

Для человека, понимающего жизнь в том, в чем она действительно есть, говорить об умалении своей жизни при болезнях и старости и сокрушаться об этом — всё равно, что человеку, подходящему к свету, сокрушаться об уменьшении своей тени по мере приближения к свету. Верить же в уничтожение своей жизни, потому что уничтожается тело, всё равно, что верить в то, что уничтожение тени предмета, после вступления предмета в сплошной свет есть верный признак уничтожения самого предмета. Делать такие заключения мог бы только тот человек, который так долго смотрел только на тень, что под конец вообразил себе, что тень и есть самый предмет.

Для человека же, знающего себя не по отражению в пространственном и временном существовании, а по своему возросшему любовному отношению к миру, уничтожение тени пространственных и временных условий есть только признак большей степени света. Человеку, понимающему свою жизнь, как известное особенное отношение к миру, с которым он вступил в существование и которое росло в его жизни увеличением любви, верить в свое уничтожение всё равно, что человеку, знающему внешние видимые законы мира, верить в то, что его нашла мать под капустным листом и что тело его вдруг куда-то улетит, так что ничего не останется.

Глава XXXI.

ЖИЗНЬ УМЕРШИХ ЛЮДЕЙ НЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ В ЭТОМ МИРЕ.

Но еще более, не скажу с другой стороны, но по самому существу жизни, как мы сознаем ее, становится ясным суеверие смерти. Мой друг, брат, жил так же, как и я, и теперь перестал жить так, как я. Жизнь его была его сознание и происходила в условиях его телесного существования; значит, нет места и времени для проявления его сознания, и его нет для меня. Брат мой был, я был в общении с ним, а теперь его нет, и я никогда не узнаю, где он.

«Между ним и нами прерваны все связи. Его нет для нас, и нас также не будет для тех, кто останется. Что же это, как не смерть?» Так говорят люди, не понимающие жизни; люди эти видят в прекращении внешнего общения самое несомненное доказательство действительной смерти. А между тем ни на чем яснее и очевиднее, чем на прекращении плотского существования близких людей, не рассеивается призрачность представления о смерти. Брат мой умер, что же сделалось? Сделалось то, что доступное моему наблюдению в пространстве и времени проявление его отношения к миру исчезло из моих глаз и ничего не осталось.

«Ничего не осталось», — так бы сказала куколка, кокон, не выпустивший еще бабочку, увидав, что лежавший с ним рядом кокон остался пустой. Но кокон мог бы сказать так, если бы он мог думать и говорить, потому что, потеряв своего соседа, он бы уже действительно ничем не чувствовал его. Не то с человеком. Мой брат умер, кокон его, правда, остался пустой, я не вижу его в той форме, в которой я до этого видел его, но исчезновение его из моих глаз не уничтожило моего отношения к нему. У меня осталось, как мы говорим, воспоминание о нем.

Осталось воспоминание, — не воспоминание его рук, лица, глаз, а воспоминание его духовного образа.

Что такое это воспоминание? такое простое и, как кажется, понятное слово! Исчезают формы кристаллов, животных, — воспоминания не бывает между кристаллами и животными. У меня же есть воспоминание моего друга и брата. И воспоминание это тем живее, чем согласнее была жизнь моего друга и брата с законом разума, чем больше она проявлялась в любви. Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что действует на меня и действует точно так же как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая его невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании, точно так же, как она на меня действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, чего оно требовало от меня при его жизни. Мало того, воспоминание это становится для меня более обязательным после его смерти, чем оно было при его жизни. Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, а

увеличилась и сильнее, чем прежде, действует на меня.

Сила его жизни после его плотской смерти действует так же или сильнее, чем до смерти, и действует как всё истинно живое. На каком же основании, чувствуя на себе эту силу жизни точно такою же, какою она была при плотском существовании моего брата, т. е. как его отношение к миру, уяснявшее мне мое отношение к миру, я могу утверждать, что мой умерший брат не имеет более жизни? Я могу сказать, что он вышел из того низшего отношения к миру, в котором он был как животное, и в котором я еще нахожусь, — вот и всё; могу сказать, что я не вижу того центра нового отношения к миру, в котором он теперь; но не могу отрицать его жизни, потому что чувствую на себе ее силу. Я смотрел в отражающую поверхность на то, как держал меня человек; отражающая поверхность потускнела. Я не вижу больше, как он меня держит, но чувствую всем существом, что он всё точно так же держит меня и следовательно существует.

Но, мало того, эта невидимая мне жизнь моего умершего брата не только действует на меня, но она входит в меня. Его особенное живое я, его отношение к миру становится моим отношением к миру. Он как бы в установлении отношения к миру поднимает меня на ту ступень, на которую он поднялся, и мне, моему особенному живому я, становится яснее та следующая ступень, на которую он уже вступил, скрывшись из моих глаз, но увлекая меня за собою. Так я сознаю для себя жизнь уснувшего плотскою смертью брата и потому не могу в ней сомневаться; но и наблюдая действия этой исчезнувшей из моих глаз жизни на мир, я еще несомненнее убеждаюсь в действительности этой исчезнувшей из моих глаз жизни. Человек умер, но его отношение к миру продолжает действовать на людей, даже не так, как при жизни, а в огромное число раз сильнее, и действие это по мере разумности и любовности увеличивается и растет, как всё живое, никогда не прекращаясь и не зная перерывов.

Христос умер очень давно, и плотское существование Его было короткое, и мы не имеем ясного представления о Его плотской личности, но сила Его разумно-любовной жизни, Его отношение к миру — ничье иное, действует до сих пор на миллионы людей, принимающих в себя это Его отношение к миру и живущих им. Что же это действует? Что это такое, бывшее прежде связанным с плотским существованием Христа, составляющее продолжение и разростание той же Его жизни? Мы говорим, что это не жизнь Христа, а последствия ее. И сказав такие, неимеющие никакого значения слова, нам кажется, что мы сказали нечто более ясное и определенное, чем то, что сила эта есть сам живой Христос. — Ведь точно так могли бы сказать муравьи, копавшиеся около жёлудя, который пророс и стал дубом; жёлудь пророс и стал дубом и раздирает почву своими кореньями, роняет сучья, листья, новые жёлуди, заслоняет свет, дождь, изменяет всё, что жило вокруг него. «Это не жизнь жёлудя», скажут муравьи, — «а последствия его жизни, которая кончилась тогда, когда мы сволокли этот жёлудь и бросили его в ямку».

Мой брат умер вчера или тысячу лет тому назад, и та самая сила его жизни, которая действовала при его плотском существовании, продолжает действовать во мне и в сотнях, тысячах, миллионах людей

еще сильнее, несмотря на то, что видимый мне центр этой силы его временного плотского существования исчез из моих глаз. Что же это значит? Я видел свет от горевшей передо мной травы. Трава эта потухла, но свет только усилился: я не вижу причины этого света, не знаю, чтò горит, но могу заключить, что тот же огонь, который сжег эту траву, жжет теперь дальний лес, или что-то такое, чего я не могу видеть. Но свет этот таков, что я не только вижу его теперь, но он один руководит мною и дает мне жизнь. Я живу этим светом. Как же мне отрицать его? Я могу думать, что сила этой жизни имеет теперь другой центр, невидимый мне. Но отрицать его я не могу, потому что ощущаю ее, движим и живу ею. Каков этот центр, какова эта жизнь сама в себе, я не могу знать, — могу гадать, если люблю гадание и не боюсь запутаться. Но если я ищу разумного понимания жизни, то удовольствуюсь ясным, несомненным, и не захочу портить ясное и несомненное присоединением к нему темных и произвольных гаданий. Довольно мне знать, что если всё то, чем я живу, сложилось из жизни живших прежде меня и давно умерших людей и что поэтому всякий человек, исполнявший закон жизни, подчинивший свою животную личность разуму и проявивший силу любви, жил и живет после исчезновения своего плотского существования в других людях,—чтобы нелепое и ужасное суеверие смерти уже никогда более не мучило меня.

На людях, оставляющих после себя силу, продолжающую действовать, мы можем наблюдать и то, почему эти люди, подчинив свою личность разуму и отдавшись жизни любви, никогда не могли сомневаться и не сомневались в невозможности уничтожения жизни.

В жизни таких людей мы можем найти и основу их веры в непрекращаемость жизни и потом, вникнув и в свою жизнь, найти и в себе эти основы. Христос говорил, что Он будет жить после исчезновения призрака жизни. Он говорил это потому, что Он уже тогда, во время своего плотского существования, вступил в ту истинную жизнь, которая не может прекращаться. Он жил уже во время своего плотского существования, в лучах света от того другого центра жизни, к которому Он шел, и видел при своей жизни, как лучи этого света уже освещали людей вокруг Него. То же видит и каждый человек, отрекающийся от личности и живущий разумной, любовной жизнью.

Какой бы тесный ни был круг деятельности человека — Христос он, Сократ, добрый, безвестный, самоотверженный старик, юноша, женщина, — если он живет, отрекаясь от личности для блага других, он здесь, в этой жизни уже вступает в то новое отношение к миру, для которого нет смерти, и установление которого есть для всех людей дело этой жизни.

Человек, положивши свою жизнь в подчинение закону разума и в проявление любви, видит уж в этой жизни, с одной стороны лучи света того нового центра жизни, к которому он идет, с другой то действие, которое свет этот, проходящий через него, производит на окружающих. И это дает ему несомненную веру в неумаляемость, неумираемость и в вечное усиление жизни. Веру в бессмертие нельзя принять от кого-нибудь, нельзя себя убедить в бессмертии. Чтобы была вера в бессмертие, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо понимать свою жизнь в том, в чем она бессмертна. Верить в будущую жизнь может

только тот, кто сделал свою работу жизни, установил в этой жизни то новое отношение к миру, которое уже не умещается в нем.

Глава XXXII.

СУЕВЕРИЕ СМЕРТИ ПРОИСХОДИТ ОТ ТОГО, ЧТО ЧЕЛОВЕК СМЕШИВАЕТ СВОИ РАЗЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ К МИРУ.

Да, если взглянуть на жизнь в ее истинном значении, то становится трудным понять даже, на чем держится странное суеверие смерти.

Так, когда разглядишь то, что в темноте напугало тебя, как привидение, никак не можешь опять восстановить того призрачного страха.

Боязнь потери того, что одно есть, происходит только от того, что жизнь представляется человеку нетолько в одном известном ему, но невидимом, особенном отношении его разумного сознания к миру, но и в двух неизвестных ему, но видимых ему отношениях: его животного сознания и тела к миру. Всё существующее представляется человеку: 1) отношением его разумного сознания к миру, 2) отношением его животного сознания к миру и 3) отношением его тела к миру. Не понимая того, что отношение его разумного сознания к миру есть единственная его жизнь, человек представляет себе свою жизнь еще и в видимом отношении животного сознания и вещества к миру, и боится потерять свое особенное отношение разумного сознания к миру, когда в его личности нарушается прежнее отношение его животного и вещества, его составляющего, к миру.

Такому человеку кажется, что он происходит из движения вещества, переходящего на ступень личного животного сознания. Ему кажется, что это животное сознание переходит в разумное, и что потом это разумное сознание ослабевает, переходит опять назад в животное, и под конец животное ослабевает и переходит в мертвое вещество, из которого оно взялось. Отношение же его разумного сознания к миру представляется ему при этом взгляде чем-то случайным, ненужным и гибнущим. При этом взгляде оказывается то, что отношение его животного сознания к миру не может уничтожиться, — животное продолжает себя в своей породе; отношение вещества к миру уже никак не может уничтожиться и вечно; а самое драгоценное — разумное сознание его — не только не вечно, но есть только проблеск чего-то ненужного, излишнего.

И человек чувствует, что этого не может быть. И в этом — страх смерти. Чтобы спастись от этого страха, одни люди хотят уверить себя в том, что животное сознание и есть их разумное сознание, и что неумираемость животного человека, т. е. его породы, потомства, удовлетворяет тому требованию неумираемости разумного сознания, которое они носят в себе. Другие хотят уверить себя, что жизнь, никогда прежде не существовавшая, вдруг появившись в плотском виде и

исчезнув в нем, опять воскреснет во плоти и будет жить. Но верить ни в то, ни в другое невозможно для людей, не признающих жизнь в отношении разумного сознания к миру. Для них очевидно, что продолжение рода человеческого не удовлетворяет неперестающему заявлять себя требованию вечности своего особенного я; а понятие вновь начинающейся жизни заключает в себе понятие прекращения жизни, и если жизни не было прежде, не было всегда, то ее не может быть и после.

Для тех и других земная жизнь есть волна. Из мертвого вещества выделяется личность, из личности разумное сознание — вершина волны; поднявшись на вершину, волна, разумное сознание и личность спускаются туда, откуда они вышли, и уничтожаются. Жизнь человеческая для тех и других есть жизнь видимая. Человек вырос, созрел, умер, и после смерти ничего для него уже быть не может, — то, что после него и от него осталось: или потомство, или даже его дела, не может удовлетворять его. Он жалеет себя, боится прекращения своей жизни. В то же, что эта его жизнь, которая началась здесь на земле в его теле и здесь же кончилась, что эта жизнь его самого опять воскреснет, он не может верить.

Человек знает, что если его не было прежде, и он появился из ничего и умер, то его, особенного его, никогда больше не будет и быть не может. Человек познает то, что он не умрет, только тогда, когда он познает то, что он никогда не рожался и всегда был, есть и будет. Человек поверит в свое бессмертие только тогда, когда он поймет, что его жизнь не есть волна, а есть то вечное движение, которое в этой жизни проявляется только волною.

Представляется, что я умру, и кончится моя жизнь, и эта мысль мучает и пугает, потому что жалко себя. Да что умрет? Чего мне жалко? Что я такое с самой обыкновенной точки зрения? Я прежде всего плоть. Ну что же? за это я боюсь, этого мне жалко? Оказывается, что нет: тело, вещество не может пропасть никогда, нигде, ни одна частичка. Стало-быть, эта часть меня обеспечена, за эту часть бояться нечего. Всё будет цело. Но нет, говорят, не этого жалко. Жалко меня, Льва Николаевича, Ивана Семеныча... Да ведь всякий уж не тот, каким он был 20 лет тому назад, и всякий день он уж другой. Какого же мне жалко? Нет, говорят, не то, не этого жалко. Жалко сознания меня, моего я.

Да ведь это твое сознание не было всегда одно, а были разные: было иное год тому назад, еще более иное десять лет назад и совсем иное еще прежде; сколько ты помнишь, оно всё шло изменяясь. Что же тебе так понравилось твое теперешнее сознание, что тебе так жалко потерять его? Если бы оно было у тебя всегда одно, тогда бы понятно было, а то оно всё только и делало, что изменялось. Начала его ты не видишь и не можешь найти, и вдруг ты хочешь, чтобы ему не было конца, чтобы то сознание, которое теперь в тебе, оставалось бы навсегда. Ты с тех пор, как помнишь себя, всё шел. Ты пришел в эту жизнь, сам не зная как, но знаешь, что пришел тем особенным я, которое ты есть, потом шел, шел, дошел до половины и вдруг не то обрадовался, не то испугался и уперся и не хочешь двинуться с места, итти дальше, потому что не видишь того, что там. Но ведь ты не видал

тоже и того места, из которого ты пришел, а ведь пришел же ты; ты вошел во входные ворота и не хочешь выходить в выходные.

Вся жизнь твоя была шествие через плотское существование: ты шел, торопился итти и вдруг тебе жалко стало того, что совершается то самое, что ты, не переставая, делал. Тебе страшна большая перемена положения твоего при плотской смерти; но ведь такая большая перемена совершилась с тобой при твоем рождении, и из этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но напротив, вышло такое хорошее, что ты и расстаться с ним не хочешь.

Что может пугать тебя? Ты говоришь, что тебе жалко того тебя, с теперешними чувствами, мыслями, с тем взглядом на мир, с теперешним твоим отношением к миру.

Ты боишься потерять свое отношение к миру. Какое же это отношение? В чем оно?

Если оно в том, что ты так ешь, пьешь, плодишься, строишь жилища, одеваешься, так или иначе относишься к другим людям и животным, то ведь всё это есть отношение всякого человека, как рассуждающего животного, к жизни, и это отношение пропасть никак не может; таких было, и есть, и будет миллионы, и порода их сохранится наверное так же несомненно, как каждая частица материи. Сохранение породы с такой силой вложено во всех животных, и потому так прочно, что бояться за него нечего. Если ты животное, то тебе бояться нечего, если же ты вещество, то ты еще более обеспечен в своей вечности.

Если же ты боишься потерять то, что не есть животное, то ты боишься потерять свое особенное разумное отношение к миру, — то, с которым ты вступил в это существование. Но ведь ты знаешь, что оно возникло не с твоим рождением: оно существует независимо от твоего родившегося животного и потому не может зависеть и от смерти его.

Глава XXXIII.

ЖИЗНЬ ВИДИМАЯ ЕСТЬ ЧАСТЬ БЕСКОНЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ ЖИЗНИ.

Мне жизнь моя земная и жизнь всех других людей представляется так:

Я и всякий живущий человек — мы застаем себя в этом мире с известным, определенным отношением к миру, с известной степенью любви. Нам кажется сначала, что с этого отношения нашего к миру и начинается наша жизнь, но наблюдения над собой и над другими людьми показывают нам, что это отношение к миру, степень любви каждого из нас, не начались с этой жизнью, а внесены нами в жизнь из скрытого от нас нашим плотским рождением прошедшего; кроме того, мы видим, что всё течение нашей жизни здесь есть ничто иное, как неперестающее увеличение, усиление нашей любви, которое никогда не прекращается,

но только скрывается от наших глаз плотской смертью.

Видимая жизнь наша представляется мне отрезком конуса, вершина и основание которого скрываются от моего умственного взора. Самая узкая часть конуса есть то мое отношение к миру, с которым я впервые сознаю себя; самая широкая часть есть то высшее отношение к жизни, до которого я достиг теперь. Начало этого конуса — вершина его — скрыта от меня во времени моим рождением, продолжение конуса скрыто от меня будущим, одинаково неведомым и в моем плотском существовании и в моей плотской смерти. Я не вижу ни вершины конуса, ни основания его, но по той части его, в которой проходит моя видимая, памятная мне жизнь, я несомненно узнаю его свойства. Сначала мне кажется, что этот отрезок конуса и есть вся моя жизнь, но по мере движения моей истинной жизни, с одной стороны, я вижу, что то, что составляет основу моей жизни, находится позади ее, за пределами ее: по мере жизни я живее и яснее чувствую мою связь с невидимым мне прошедшим; с другой стороны, я вижу, как эта же основа опирается на невидимое мне будущее, я яснее и живее чувствую свою связь с будущим и заключаю о том, что видимая мною жизнь, земная жизнь моя, есть только малая часть всей моей жизни с обоих концов ее — до рождения и после смерти — несомненно существующей, но скрывающейся от моего теперешнего познания. И потому прекращение видимости жизни после плотской смерти так же как невидимость ее до рождения, не лишает меня несомненного знания ее существования до рождения и после смерти. Я вхожу в жизнь с известными готовыми свойствами любви к миру вне меня; плотское мое существование — короткое или длинное — проходит в увеличении этой любви, внесенной мною в жизнь, и потому я заключаю несомненно, что я жил до своего рождения и буду жить, как после того момента настоящего, в котором я, рассуждая, нахожусь теперь, так и после всякого другого момента времени до или после моей плотской смерти. Глядя вне себя на плотские начала и концы существования других людей (даже существ вообще), я вижу, что одна жизнь как будто длиннее, другая короче; одна прежде проявляется и дольше продолжает быть мне видима, — другая позже проявляется и очень скоро опять скрывается от меня, но во всех я вижу проявление одного и того же закона всякой истинной жизни — увеличение любви, как бы расширение лучей жизни. Раньше или позже опускается завеса, скрывающая от меня временное течение жизни людей, жизнь всех людей всё та же одна жизнь и всё так же, как и всякая жизнь, не имеет ни начала, ни конца. И то, что человек дольше или меньше жил в видимых мною условиях этого существования, не может представлять никакого различия в его истинной жизни. То, что один человек дольше проходил через открытое мне поле зрения или другой быстро прошел через него, никак не может заставить меня приписать больше действительной жизни первому и меньше второму. Я несомненно знаю, что, если я видел проходящим мимо моего окна человека, скоро ли, или медленно — всё равно я несомненно знаю, что этот человек был и до того времени, когда я увидал его, и будет продолжать быть и скрывшись из моих глаз.

Но зачем же одни проходят быстро, а другие медленно? Зачем старик, засохший, закостеневший нравственно, неспособный, по нашему взгляду, исполнять закон жизни — увеличение любви — живет, а дитя, юноша, девушка, человек во всей силе душевной работы, умирает, — выходит из

условий этой плотской жизни, в которой, по нашему представлению, он только начинал устанавливать в себе правильное отношение к жизни?

Еще понятны смерти Паскаля, Гоголя; но — Шенье, Лермонтов и тысяча других людей с только-что, как нам кажется, начавшейся внутренней работой, которая так хорошо, нам кажется, могла быть доделана здесь?

Но ведь это нам кажется только. Никто из нас ничего не знает про те основы жизни, которые внесены другими в мир, и про то движение жизни, которое совершилось в нем, про те препятствия для движения жизни, которые есть в этом существе и, главное, про те другие условия жизни, возможные, но невидимые нам, в которые в другом существовании может быть поставлена жизнь этого человека.

Нам кажется, глядя на работу кузнеца, что подкова совсем готова — стоит только раза два ударить, — а он сламывает ее и бросает в огонь, зная, что она не проварена.

Совершается или нет в человеке работа истинной жизни, мы не можем знать. Мы знаем это только про себя. Нам кажется, что человек умирает, когда этого ему не нужно, а этого не может быть. Умирает человек только тогда, когда это необходимо для его блага, точно так же, как растет, мужает человек только тогда, когда ему это нужно для его блага.

И в самом деле, если мы под жизнью разумеем жизнь, а не подобие ее, если истинная жизнь есть основа всего, то не может основа зависеть от того, что она производит: — не может причина происходить из следствия, — не может течение истинной жизни нарушаться изменением проявления ее. Не может прекращаться начатое и неконченное движение жизни человека в этом мире от того, что у него сделается нарыв, или залетит бактерия, или в него выстрелят из пистолета.

Человек умирает только от того, что в этом мире благо его истинной жизни не может уже увеличиться, а не от того, что у него болят легкия, или у него рак, или в него выстрелили или бросили бомбу. Нам обыкновенно представляется, что жить плотской жизнью естественно, и неестественно погибать от огня, воды, холода, молнии, болезней, пистолета, бомбы; — но стоит подумать серьезно, глядя со стороны на жизнь людей, чтобы увидать, что напротив: жить человеку плотской жизнью среди этих гибельных условий, среди всех, везде распространенных и большей частью убийственных, бесчисленных бактерий, совершенно неестественно. Естественно ему гибнуть. И потому жизнь плотская среди этих гибельных условий, есть, напротив, нечто самое неестественное в смысле материальном. Если мы живем, то это происходит вовсе не от того, что мы бережем себя, а от того, что в нас совершается дело жизни, подчиняющее себе все эти условия. Мы живы не потому, что бережем себя, а потому, что делаем дело жизни. Кончается дело жизни, и ничто уже не может остановить неперестающую гибель человеческой животной жизни, — гибель эта совершается, и одна из ближайших, всегда окружающих человека, причин плотской смерти представляется нам исключительной причиной ее.

Жизнь наша истинная есть, ее мы одну знаем, из нее одной знаем жизнь

животную, и потому, если уж подобие ее подлежит неизменным законам, то как же она-то — то, что производит это подобие, — не будет подлежать законам?

Но нас смущает то, что мы не видим причин и действий нашей истинной жизни так, как видим причины и действия во внешних явлениях: не знаем, почему один вступает в жизнь с такими свойствами своего я, а другой с другими, почему жизнь одного обрывается, а другого продолжается? Мы спрашиваем себя: какие были до моего существования причины того, что я родился тем, что я есмь. И что будет после моей смерти от того, что я буду так пли иначе жить? И мы жалеем о том, что не получаем ответов на эти вопросы.

Но жалеть о том, что я не могу познать теперь того, что именно было до моей жизни и что будет после моей смерти, — это всё равно, что жалеть о том, что я не могу видеть того, что за пределами моего зрения. Ведь если бы я видел то, что за пределами моего зрения, я бы не видал того, что в его пределах. А мне ведь, для блага моего животного, мне нужнее всего видеть то, что вокруг меня.

Ведь то же и с разумом, посредством которого я познаю. Если бы я мог видеть то, что за пределами моего разума, я бы не видал того, что в пределах его. А для блага моей истинной жизни мне нужнее всего знать то, чему я должен подчинить здесь и теперь свою животную личность для того, чтобы достигнуть блага жизни. И разум открывает мне это, открывает мне в этой жизни тот единый путь, на котором я не вижу прекращение своего блага.

Он показывает несомненно, что жизнь эта началась не с рождением, а была и есть всегда, — показывает, что благо этой жизни растет, увеличивается здесь, доходя до тех пределов, которые уже не могут содержать его, и только тогда уходит из всех условий, которые задерживают его увеличение, переходя в другое существование.

Разум ставит человека на тот единственный путь жизни, который, как конусообразный расширяющийся тунель, среди со всех сторон замыкающих его стен, открывает ему вдали несомненную неконечность жизни и ее блага.

Глава XXXIV.

НЕОБЪЯСНИМОСТЬ СТРАДАНИЙ ЗЕМНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ УБЕДИТЕЛЬНЕЕ ВСЕГО ДОКАЗЫВАЕТ ЧЕЛОВЕКУ ТО, ЧТО ЖИЗНЬ ЕГО НЕ ЕСТЬ ЖИЗНЬ ЛИЧНОСТИ, НАЧАВШАЯСЯ РОЖДЕНИЕМ И КОНЧАЮЩАЯСЯ СМЕРТЬЮ.

Но если бы человек и мог не бояться смерти и не думать о ней, одних страданий, ужасных, бесцельных, — ничем не оправдываемых и никогда не отвратимых страданий, которым он подвергается, было бы достаточно для того, чтобы разрушить всякий разумный смысл, приписываемый

жизни.

Я занят добрым, несомненно полезным для других делом, и вдруг меня схватывает болезнь, обрывает мое дело и томит, и мучает меня без всякого толка и смысла. Перержавел винт в рельсах и нужно, чтобы в тот самый день, когда он выскочит, в этом поезде, в этом вагоне ехала добрая женщина-мать, и нужно, чтобы раздавило на ее глазах ее детей. Проваливается от землетрясения именно то место, на котором стоит Лиссабон или Верный, и зарываются живыми в землю и умирают в страшных страданиях — ничем невиноватые люди. Какой это имеет смысл? Зачем, за что эти и тысячи других бессмысленных, ужасных случайностей страданий, поражающих людей?

Объяснения рассудочные ничего не объясняют. Рассудочные объяснения всех таких явлений всегда минуют самую сущность вопроса и только еще убедительнее показывают неразрешимость его. Я заболел оттого, что залетели туда-то такие-то микробы; или дети на глазах матери раздавлены поездом потому, что сырость так-то действует на железо; или Верный провалился оттого, что существуют такие-то геологические законы. Но ведь вопрос в том, почему именно такие-то люди подверглись именно таким-то ужасным страданиям, и как мне избавиться от этих случайностей страдания?

На это нет ответа. Рассуждение, напротив, очевидно показывает мне, что закона, по которому один человек подвергается, а другой не подвергается этим случайностям, нет и не может быть никакого, что подобных случайностей бесчисленное количество и что потому, что бы я ни делал, моя жизнь всякую секунду подвержена всем бесчисленным случайностям самого ужасного страдания.

Ведь если бы люди делали только те выводы, которые неизбежно следуют из их миросозерцания, — люди, понимающие свою жизнь как личное существование, ни минуты не оставались бы жить. Ведь ни один работник не стал бы жить у хозяина, который, нанимая работника, выговаривал бы себе право, всякий раз, как это ему вздумается, жарить этого работника живым на медленном огне, или с живого сдирать кожу, или вытягивать жилы, и вообще делать все те ужасы, которые он на глазах нанимающегося без всякого объяснения и причины проделывает над своими работниками. Если бы люди действительно вполне понимали жизнь так, как они говорят, что ее понимают, ни один, от одного страха всех тех мучительных и ничем необъяснимых страданий, которые он видит вокруг себя и которым: он может подпасть всякую секунду, не остался бы жить на свете.

А люди, несмотря на то что все знают разные легкие средства убить себя, уйти из этой жизни, исполненной такими жестокими и бессмысленными страданиями, люди живут; жалуются, плачутся на страдания и продолжают жить.

Сказать, что это происходит оттого, что наслаждений в этой жизни больше, чем страданий, нельзя, потому что, во-первых, не только простое рассуждение, но философское исследование жизни явно показывают, что вся земная жизнь есть ряд страданий, далеко не выкупаемых наслаждениями; во-вторых, мы все знаем и по себе и по

другим, что люди в таких положениях, которые не представляют ничего иного, как ряд усиливающихся страданий без возможности облегчения до самой смерти, всё-таки не убивают себя и держатся жизни.

Объяснение этого странного противоречия только одно: люди все в глубине души знают, что всякие страдания всегда нужны, необходимы для блага их жизни, и только потому продолжают жить, предвидя их или подвергаясь им. Возмущаются же они против страданий потому, что при ложном взгляде на жизнь, требующем блага только для своей личности, нарушение этого блага, не ведущее к очевидному благу, должно представляться чем-то непонятным и потому возмутительным.

И люди ужасаются перед страданиями, удивляются им, как чему-то совершенно неожиданному и непонятному. А между тем всякий человек возрощен страданиями, вся жизнь его есть ряд страданий, испытываемых им и налагаемых им на другие существа, и, казалось, пора бы ему привыкнуть к страданиям, не ужасаться перед ними и не спрашивать себя, зачем и за что страдания? Всякий человек, если только подумает, увидит, что все его наслаждения покупаются страданиями других существ, что все его страдания необходимы для его же наслаждения, что без страданий нет наслаждения, что страдания и наслаждения суть два противоположные состояния, вызываемые одно другим и необходимые одно для другого. Так что же значат вопросы: зачем, за что страдания? — которые задает себе разумный человек. Почему человек, знающий, что страдание связано с наслаждением, спрашивает себя: зачем? за что страдание, а не спрашивает себя: — зачем? за что наслаждения?

Вся жизнь животного и человека, как животного, есть непрерывная цепь страданий. Вся деятельность животного и человека, как животного, вызывается только страданием. Страдание есть болезненное ощущение, вызывающее деятельность, устраняющую это болезненное ощущение и вызывающую состояние наслаждения. И жизнь животного и человека, как животного, нетолько не нарушается страданием, но совершается только благодаря страданию. Страдания, следовательно, суть то, что движет жизнь, и потому есть то, что и должно быть; так о чем же человек спрашивает, когда он спрашивает зачем и за что страдание?

Животное не спрашивает этого.

Когда окунь вследствие голода мучает платву, паук мучает муху, волк овцу, они знают, что делают то, что должно быть и совершается то самое, что должно быть; и потому, когда и окунь, и паук, и волк подпадают таким же мучениям от сильнейших их, они, убегая, отбиваясь, вырываясь, знают, что делают всё то, что должно быть, и потому в них не может быть ни малейшего сомнения, что с ними и случается то самое, что должно быть. Но человек, занятый только залечиванием своих ног, когда ему их оторвали на поле сражения, на котором он отрывал ноги другим, или занятый только тем, чтобы провести наилучшим образом свое время в одиночной синей тюрьме, после того как он сам прямо или косвенно засадил туда людей, или человек, только заботящийся о том, чтобы отбиться и убежать от волков, разрывающих его, после того как он сам зарезал тысячи живых существ и съел; — человек не может находить, что всё это,

случающееся с ним, есть то самое, что должно быть. Он не может признавать случающегося с ним тем, что должно быть, потому что, подвергшись этим страданиям, он не делал всего того, что он должен был делать. Не сделав же всего того, что он должен был сделать, ему кажется, что с ним и случается то, чего не должно быть.

Но что же, кроме того, чтобы убегать и отбиваться от волков, должен делать человек, разрываемый ими? — То, что свойственно делать человеку, как разумному существу: сознавать тот грех, который произвел страдание, каяться в нем и познавать истину.

Животное страдает только в настоящем, и потому деятельность, вызываемая страданием животного, направленная на самого себя в настоящем, вполне удовлетворяет его. Человек же страдает не в одном настоящем, но страдает и в прошедшем, и в будущем, и потому деятельность, вызываемая страданиями человека, если она направлена только на настоящее животного человека, не может удовлетворить его. Только деятельность, направленная и на причину, и на последствия страдания, и на прошедшее, и на будущее, удовлетворяет страдающего человека.

Животное заперто и рвется из своей клетки или у него сломана нога и оно лижет больное место, или пожирается другим и отбивается от него. Закон его жизни нарушен извне, и оно направляет свою деятельность на восстановление его, и совершается то, что должно быть. Но человек — я сам или близкий мне — сидит в тюрьме; или я сам или близкий мне лишился в сражении ноги, или меня терзают волки: деятельность, направленная на побег из тюрьмы, на лечение ноги, на отбивание от волков, не удовлетворит меня, потому что заключение в тюрьме, боль ноги и терзание волков составляют только крошечную часть моего страдания. Я вижу причины своего страдания в прошедшем, в заблуждениях моих и других людей, и если моя деятельность не направлена на причину страдания — на заблуждение, и я не стараюсь освободиться от него, я не делаю того, что должно быть, и потому-то страдание и представляется мне тем, чего не должно быть, и оно не только в действительности, но и в воображении возрастает до ужасных, исключающих возможность жизни, размеров.

Причина страдания для животного есть нарушение закона жизни животной, нарушение это проявляется сознанием боли, и деятельность, вызванная нарушением закона, направлена на устранение боли; для разумного сознания причина страдания есть нарушение закона жизни разумного сознания; нарушение это проявляется сознанием заблуждения, греха, и деятельность, вызванная нарушением закона, направлена на устранение заблуждения — греха. И как страдание животного вызывает деятельность, направленную на боль, и деятельность эта освобождает страдание от его мучительности, так и страдания разумного существа вызывают деятельность, направленную на заблуждение, и деятельность эта освобождает страдание от его мучительности.

Вопросы: зачем? и за что?, возникающие в душе человека при испытывании или воображении страдания, показывают только то, что человек не познал той деятельности, которая должна быть вызвана в нем страданием, и которая освобождает страдание от его

мучительности. И действительно, для человека, признающего свою жизнь в животном существовании, не может быть этой, освобождающей страдание деятельности, и тем меньше, чем уже он понимает свою жизнь.

Когда человек, признающий жизнью личное существование, находит причины своего личного страдания в своем личном заблуждении, — понимает, что он заболел оттого, что съел вредное, или что его прибили оттого, что он сам пошел драться, или что он голоден и гол оттого, что он не хотел работать, — он узнает, что страдает за то, что сделал то, что не должно, и за тем, чтобы вперед не делать этого и, направляя свою деятельность на уничтожение заблуждения, не возмущается против страдания, и легко и часто радостно несет его. Но когда такого человека постигает страдание, выходящее за пределы видимой ему связи страдания и заблуждения, — как, когда он страдает от причин, бывших всегда вне его личной деятельности или когда последствия его страданий не могут быть ни на что нужны ни его, ни чьей другой личности, — ему кажется, что его постигает то, чего не должно быть, и он спрашивает себя: зачем? за что? и, не находя предмета, на который бы он мог направить свою деятельность, возмущается против страдания, и страдание его делается ужасным мучением. Большинство же страданий человека всегда именно такие, причины или следствия которых — иногда же и то, и другое — скрываются от него в пространстве и времени: болезни наследственные, несчастные случайности, неурожаи, крушения, пожары, землетрясения и т. п., кончающиеся смертью.

Объяснения о том, что это нужно для того, чтобы преподать урок будущим людям, как не надо предаваться тем страстям, которые отражаются болезнями на потомстве, или о том, что надо лучше устроить поезда или осторожнее обращаться с огнем, — все эти объяснения не дают мне никакого ответа. Я не могу признать значения своей жизни в иллюстрации недосмотров других людей; жизнь моя есть моя жизнь, с моим стремлением к благу, а не иллюстрация для других жизней. И объяснения эти годятся только для разговоров и не облегчают того ужаса перед бессмысленностью угрожающих мне страданий, которые исключают возможность жизни.

Но если бы даже и можно было понять кое-как то, что своими заблуждениями заставляя страдать других людей, я своими страданиями несу заблуждения других; если можно понять тоже очень отдаленно то, что всякое страдание есть указание на заблуждение, которое должно быть исправлено людьми в этой жизни, остается огромный ряд страданий, уже ничем не объяснимых. Человека в лесу одного разрывают волки, человек потонул, замерз или сгорел или просто одиноко болел и умер, и никто, никогда не узнает о том, как он страдал, и тысячи подобных случаев. Кому это принесет какую бы то ни было пользу?

Для человека, понимающего свою жизнь как животное существование, нет и не может быть никакого объяснения, потому что для такого человека связь между страданием и заблуждением только в видимых ему явлениях, а связь эта в предсмертных страданиях уже совершенно теряется от его умственного взора.

Для человека два выбора: или, не признавая связи между испытываемыми страданиями и своей жизнью, продолжать нести большинство своих страданий, как мучения, не имеющие никакого смысла, или признать то, что мои заблуждения и поступки, совершенные вследствие их, — мои грехи, какие бы они ни были, — причиною моих страданий, какие бы они ни были и что мои страдания суть избавление и искупление от грехов моих и других людей каких бы то ни было.

Возможны только эти два отношения к страданию: одно то, что страдание есть то, чего не должно быть, потому что я не вижу его внешнего значения, и другое то, что оно то самое, что должно быть, потому что я знаю его внутреннее значение для моей истинной жизни. Первое вытекает из признания благом блага моей отдельной личной жизни. Другое вытекает из признания благом блага всей моей жизни прошедшего и будущего в неразрывной связи с благом других людей и существ. При первом взгляде, страдания не имеют никакого объяснения и не вызывают никакой другой деятельности, кроме постоянно растущего и ничем неразрешимого отчаяния и озлобления; при втором, страдания вызывают ту самую деятельность, которая и составляет движение истинной жизни, — сознание греха, освобождение от заблуждений и подчинение закону разума.

Если не разум человека, то мучительность страдания волей-неволей заставляют его признать то, что жизнь его не умещается в его личности, что личность его есть только видимая часть всей его жизни, что внешняя, видимая им из его личности связь причины и действия, не совпадает с той внутренней связью причины и действия, которая всегда известна человеку из его разумного сознания.

Связь заблуждения и страдания, видимая для животного только в пространственных и временных условиях, всегда ясна для человека вне этих условий в его сознании. Страдание, какое бы то ни было, человек сознает всегда как последствие своего греха, какого бы то ни было, и покаяние в своем грехе, как избавление от страдания и достижение блага. Вся жизнь человека с первых дней детства ведь состоит только в этом: в сознании через страдание греха и в освобождении себя от заблуждений. Я знаю, что пришел в эту жизнь с известным знанием истины, и что чем больше было во мне заблуждений, тем больше было страданий моих и других людей, чем больше я освобождался от заблуждений, тем меньше было страданий моих и других людей и тем большего я достигал блага. И потому я знаю, что чем больше то знание истины, которое я уношу из этого мира и которое мне дает мое, хотя бы последнее, предсмертное страдание, тем большего я достигаю блага.

Мучения страдания испытывает только тот, кто, отделив себя от жизни мира, не видя тех своих грехов, которыми он вносил страдания в мир, считает себя невиноватым и потому возмущается против тех страданий, которые он несет за грехи мира.

И удивительное дело, то самое, что ясно для разума, мысленно, — то самое подтверждается в единой истинной деятельности жизни, в любви. Разум говорит, что человек, признающий связь своих грехов и страданий с грехом и страданиями мира, освобождается от мучительности страдания; любовь на деле подтверждает это.

Половина жизни каждого человека проходит в страданиях, которых он не только не признает мучительными и не замечает, но считает своим благом только потому, что они несутся как последствия заблуждений и средство облегчения страданий любимых людей. Так что чем меньше любви, тем больше человек подвержен мучительности страданий, чем больше любви, тем меньше мучительности страдания; жизнь же вполне разумная, вся деятельность которой проявляется только в любви, исключает возможность всякого страдания. Мучительность страдания — это только та боль, которую испытывают люди при попытках разрывания той цепи любви к предкам, к потомкам, к современникам, которая соединяет жизнь человеческую с жизнью мира.

Глава XXXV.

СТРАДАНИЯ ТЕЛЕСНЫЕ СОСТАВЛЯЮТ НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЖИЗНИ И БЛАГА ЛЮДЕЙ.

«Но всё-таки больно, телесно больно. Зачем эта боль?» спрашивают люди. «А затем, что это нам не только нужно, но что нам нельзя бы жить без того, чтобы нам не бывало больно», ответил бы нам тот, кто сделал то, что нам больно, и сделал так мало больно, как только было можно, а благо от этого «больно» сделал так велико, как только было можно. Ведь кто не знает, что самое первое ощущение нами боли есть первое и главное средство и сохранения нашего тела и продолжения нашей животной жизни, что, если бы этого не было, то мы все детьми сожгли бы для забавы и изрезали бы всё свое тело. Боль телесная оберегает животную личность. И пока боль служит обереганием личности, как это происходит в ребенке, боль эта не может быть тою ужасающею мукой, какою мы знаем боль в те времена, когда мы находимся в полной силе разумного сознания и противимся боли, признавая ее тем, чего не должно быть. Боль в животном и в ребенке есть очень определенная и небольшая величина, никогда не доходящая до той мучительности, до которой она доходит в существе, одаренном разумным сознанием. В ребенке мы видим, что он плачет от укуса блохи иногда так же жалостно, как от боли, разрушающей внутренние органы. И боль неразумного существа не оставляет никаких следов в воспоминании. Пусть каждый постарается вспомнить свои детские страдания боли, и он увидит, что у него об них не только нет воспоминания, но что он даже и не в силах восстановить их в своем воображении. Впечатление наше при виде страданий детей и животных есть больше наше чем их страдание. Внешнее выражение страданий неразумных существ неизмеримо больше самого страдания и потому в неизмеримо большей степени вызывает наше сострадание, как это можно заметить при болезнях мозга, горячках, тифах, и всяких агониях.

В те времена, когда не проснулось еще разумное сознание и боль служит только ограждением личности, она не мучительна; в те же времена, когда в человеке есть возможность разумного сознания, она

есть средство подчинения животной личности разуму и по мере пробуждения этого сознания становится всё менее и менее мучительной.

В сущности, только находясь в полном обладании разумного сознания, мы можем и говорить о страданиях, потому что только с этого состояния и начинается жизнь и те состояния ее, которые мы называем страданиями. В этом же состоянии ощущение боли может растягиваться до самых больших и съуживаться до самых ничтожных размеров. В самом деле, кто не знает, без изучения физиологии, того, что чувствительность имеет пределы, что, при усилении боли до известного предела, или прекращается чувствительность — обморок, отупение, жар, или наступает смерть. Увеличение боли, стало-быть, очень точно определенная величина, не могущая выдти из своих пределов. Ощущение же боли может увеличиваться от нашего отношения к ней до бесконечности и точно так же может уменьшаться до бесконечно малого.

Мы все знаем, как может человек, покоряясь боли, признавая боль тем, что должно быть, свести ее до нечувствительности, до испытания даже радости в перенесении ее. Не говоря уже о мучениках, о Гусе, певшем на костре, — простые люди только из желания выказать свое мужество переносят без крика и дергания считающиеся самыми мучительными операции. Предел увеличения боли есть, предела же уменьшения ее ощущения нет.

Мучения боли действительно ужасны для людей, положивших свою жизнь в плотском существовании. Да как же им и не быть ужасными, когда та сила разума, данная человеку для уничтожения мучительности страданий, направлена только на то, чтобы увеличивать ее?

Как у Платона есть миф о том, что Бог определил сперва людям срок жизни 70 лет, но потом, увидав, что людям хуже от этого, переменил на то, что есть теперь, т. е. сделал так, что люди не знают часа своей смерти, — так точно верно определял бы разумность того, чтò есть, миф о том, что люди сначала были сотворены без ощущения боли, но что потом для их блага сделано то, что теперь есть.

Если бы боги сотворили людей без ощущения боли, очень скоро люди бы стали просить о ней; женщины без родовых болей рожали бы детей в таких условиях, при которых редкие бы оставались живыми, дети и молодежь перепортили бы себе все тела, а взрослые люди никогда не знали бы ни заблуждений других, прежде живших и теперь живущих людей, ни, главное, своих заблуждений, — не знали бы что им надо делать в этой жизни, не имели бы разумной цели деятельности, никогда не могли бы примириться с мыслью о предстоящей плотской смерти и не имели бы любви.

Для человека, понимающего жизнь как подчинение своей личности закону разума, боль не только не есть зло, но есть необходимое условие, как его животной, так и разумной жизни. Не будь боли, животная личность не имела бы указания отступлений от своего закона; не испытывай страданий разумное сознание, человек не познал бы истины, не знал бы своего закона.

Но вы говорите, скажут на это, про страдания свои личные, но как же

отрицать страдания других? Вид этих страданий — вот самое мучительное страдание, не совсем искренно скажут люди. Страдание других? Но страдания других, — то, что вы называете страданиями, — не прекращались и не прекращаются. Весь мир людей и животных страдает и не переставал страдать. Неужели мы только сегодня узнали про это? Раны, увечья, голод, холод, болезни, всякие несчастные случайности и, главное, роды, без чего никто из нас не явился на свет — ведь всё это необходимые условия существования. Ведь это — то самое, уменьшение чего, помощь чему и оставляет содержание разумной жизни людей, — то самое, на что направлена истинная деятельность жизни. Понимание страданий личностей и причин заблуждений людских и деятельность для уменьшения их ведь есть всё дело жизни человеческой. Ведь затем-то я и человек — личность, чтобы я понимал страдания других личностей, и затем-то я — разумное сознание, чтобы в страдании каждой отдельной личности я видел общую причину страдания — заблуждения, и мог уничтожить ее в себе и других. Как же может материал его работы быть страданием для работника? Всё равно, как пахарь бы сказал, что непаханная земля — его страдание. Непаханная земля может быть страданием только для того, кто хотел бы видеть пашню вспаханною, но не считает своим делом жизни пахать ее.

Деятельность, направленная на непосредственное любовное служение страдающим и на уничтожение общих причин страдания — заблуждений — и есть та единственная радостная работа, которая предстоит человеку и дает ему то неотъемлемое благо, в котором состоит его жизнь.

Страдание для человека есть только одно, и оно-то и есть то страдание, которое заставляет человека волей-неволей отдаваться той жизни, в которой для него есть только одно благо.

Страдание это есть сознание противоречия между греховностью своей и всего мира и не только возможностью, но обязанностью осуществления не кем-нибудь, а мной самим всей истины в жизни своей и всего мира. Утолить это страдание нельзя ни тем, чтобы, участвуя в грехе мира, не видать своего греха, ни еще менее тем, чтобы перестать верить не только в возможность, но в обязанность не кого-нибудь другого, но мою — осуществить всю истину в моей жизни и жизни мира. — Первое только увеличивает мои страдания, второе лишает меня силы жизни. Утоляет это страдание только сознание и деятельность истинной жизни, уничтожающие несоразмерность личной жизни с целью, сознаваемой человеком. Волей-неволей человек должен признать, что жизнь его не ограничивается его личностью от рождения и до смерти и что цель, сознаваемая им, есть цель достижимая и что в стремлении к ней — в сознании большей и большей своей греховности и в большем и большем осуществлении всей истины в своей жизни и в жизни мира и состоит и состояло и всегда будет состоять дело его жизни, неотделимой от жизни всего мира. Если не разумное сознание, то страдание, вытекающее из заблуждения о смысле своей жизни, волей-неволей загоняет человека на единственный истинный путь жизни, на котором нет препятствий, нет зла, а есть одно, ничем ненарушимое, никогда не начавшееся и не могущее кончиться, все возрастающее благо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Жизнь человека есть стремление к благу, и то, к чему он стремится, то и дано ему.

Зло в виде смерти и страданий видны человеку только, когда он закон своего плотского животного существования принимает за закон своей жизни. Только когда он, будучи человеком, спускается на степень животного, — только тогда он видит смерть и страдания. Смерть и страдания, как пугалы, со всех сторон ухают на него и загоняют на одну открытую ему дорогу человеческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся в любви. Смерть и страдания суть только преступления человеком своего закона жизни. Для человека, живущего по своему закону, нет смерти и нет страдания.

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

«Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим».

«Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (От Мат.: Гл. 11).

Жизнь человека есть стремление к благу; к чему он стремится, то и дано ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть злом.

———

Прибавление 1-е.

Обыкновенно говорят: мы изучаем жизнь не по сознанию своей жизни, а вообще вне себя. Но ведь это всё равно, что сказать: мы рассматриваем предметы не глазами, но вообще вне себя.

Предметы мы видим вне себя потому, что мы видим их в своих глазах и жизнь мы знаем вне себя потому только, что мы ее знаем в себе. И видим предметы мы только так, как мы их видим в своих глазах, и определяем мы жизнь вне себя только так, как мы ее знаем в себе. Знаем же мы жизнь в себе, как стремление к благу. И потому, без определения жизни как стремления к благу, нельзя не только наблюдать, но и видеть жизнь.

Первый и главный акт нашего познания живых существ тот, что мы много разных предметов включаем в понятие одного живого существа, и это живое существо исключаем из всего другого. И то и другое мы делаем только на основании всеми нами одинаково сознаваемого определения жизни, как стремления к благу себя, как отдельного от всего мира существа.

Мы узнаем, что человек на лошади — не множество существ и не одно существо, не потому, что мы наблюдаем все части, составляющие

человека и лошадь, а потому, что ни в голове, ни в ногах, ни в других частях человека и лошади мы не видим такого отдельного стремления к благу, которое мы знаем в себе. И узнаем, что человек на лошади не одно, а два существа, потому что узнаем в них два отдельные стремления к благу, тогда как в себе мы знаем только одно.

Только поэтому мы узнаем, что есть жизнь в соединении всадника и лошади, что есть жизнь в табуне лошадей, что есть жизнь в птицах, в насекомых, в деревьях, в траве. Если же бы мы не знали, что лошадь желает себе своего и человек своего блага, что того желает каждая отдельная лошадь в табуне, что того блага себе желает каждая птица, козявка, дерево, трава, мы не видели бы отдельности существ, а не видя отдельности, никогда не могли бы понять ничего живого: и полк кавалеристов, и стадо, и птицы, и несекомыя, и растения — всё бы было как волны на море, и весь мир сливался бы для нас в одно безразличное движение, в котором мы никак не могли бы найти жизнь.

Если я знаю, что лошадь, и собака, и клещ, сидящий на ней, — живые существа, и могу наблюдать их, то только потому, что у лошади, и собаки, и клеща есть свои отдельные цели, — цели, для каждого, своего блага. Знаю же я это потому, что таковым, стремящимся к благу, знаю себя.

В этом стремлении к благу и состоит основа всякого познания о жизни. Без признания того, что стремление к благу, которое чувствует в себе человек, есть жизнь и признак всякой жизни, невозможно никакое изучение жизни, невозможно никакое наблюдение над жизнью. И потому наблюдение начинается тогда, когда уже известна жизнь, и никакое наблюдение над проявлениями жизни не может (как это предполагает ложная наука) определить самую жизнь.

Люди не признают определения жизни в стремлении к благу, которое они находят в своем сознании, а признают возможность знания этого стремления в клеще, и на основании этого предполагаемого, ни на чем неоснованного знания того блага, к которому стремится клещ, делают наблюдения и выводы даже о самой сущности жизни.

Всякое мое понятие о внешней жизни основано на сознании моего стремления к благу. И потому, только познав, в чем мое благо и моя жизнь, я буду в состоянии познать и то, чтò есть благо и жизнь других существ. Благо же и жизнь других существ, не познав свою, я никак не могу знать.

Наблюдения над другими существами, стремящимися к своим, неизвестным мне, целям, составляющим подобие того блага, стремление к которому я знаю в себе, не только не могут ничего уяснить мне, но наверное могут скрыть от меня мое истинное познание жизни.

Ведь изучать жизнь в других существах, не имея определения своей жизни, это всё равно, что описывать окружность, не имея центра ее. Только установив одну непоколебимую точку как центр, можно описывать окружность. Но какие бы фигуры мы ни рисовали, без центра не будет окружности.

Прибавление 2-е.

Ложная наука, изучая явления, сопутствующие жизни, и предполагая изучать самую жизнь, этим предположением извращает понятие жизни; и потому, чем дольше она изучает явление, того, что она называет жизнью, тем больше она удаляется от понятия жизни, которое она хочет изучать.

Сначала изучаются животныя млекопитающиеся, потом другие, позвоночные, рыбы, растения, кораллы, клеточки, микроскопические организмы, и дело доходит до того, что теряется различие между живыми и неживыми, между пределами организма и неорганизма, между пределами одного организма и другого. Доходит до того, что самым важным предметом исследования и наблюдения представляется то, что уже не может быть наблюдаемо. Тайна жизни и объяснение всего представляется в запятых, живчиках, не видных уже, а скорее предполагаемых, нынче открываемых, а завтра забываемых. Объяснение всего предполагается в тех существах, которые содержатся в микроскопических существах, и тех, которые еще и в этих... содержатся, и т. д. до бесконечности, как будто бесконечная делимость малого не есть бесконечность такая же, как и бесконечность великого. Тайна откроется тогда, когда будет исследована вся бесконечность малого до конца, т.е. никогда. И люди не видят того, что представление о том, что вопрос получает разрешение в бесконечно малом, есть несомненное доказательство того, что вопрос поставлен неправильно. И эта последняя стадия безумия — та, которая явно показывает совершенную утрату смысла исследований, — эта-то стадия и считается торжеством науки; последняя степень слепоты представляется высшей степенью зрячести. Люди зашли в тупик и тем явно обличили перед собой ложь того пути, по которому они шли; и тут-то нет пределов их восторгам. Еще немного усилить микроскопы и мы поймем переход из неорганического в органическое и органического в психическое, и вся тайна жизни откроется нам.

Люди, изучая тени вместо предметов, забыли совсем про тот предмет, тень которого они изучали, и всё дольше и дольше углубляясь в тень, пришли к полному мраку и радуются тому, что тень сплошная.

Значение жизни открыто в сознании человека, как стремление к благу. Уяснение этого блага, более и более точное определение его, составляет главную цель и работу жизни всего человечества, и вот, вследствие того, что работа эта трудна, т. е. не игрушка, а работа, люди решают, что определение этого блага и не может быть найдено там, где оно положено, т. е. в разумном сознании человека, и что поэтому надо искать его везде, — только не там, где оно указано.

Это в роде того, чтò бы делал человек, которому дали на записке точное указание того, чтò ему нужно, и который, не умея прочесть её, бросил бы эту записку и спрашивал бы у всех встречных, не знают ли они того, чтò ему нужно. Определение жизни, которое неизгладимыми буквами, в его стремлении к благу, начертано в душе человека, люди ищут везде, только не в самом сознании человека. Это тем более странно, что всё человечество, в лице мудрейших представителей своих, начиная с греческого изречения, гласившего: «познай самого

себя», говорило и продолжает говорить совершенно обратное. Все учения религиозные суть не что иное, как определения жизни, как стремления к действительному, необманному благу, доступному человеку.

Прибавление 3-е.

Всё яснее и яснее слышится человеку голос разума; человек чаще и чаще прислушивается к этому голосу, и приходит время и пришло уже, когда голос этот стал сильнее, чем голос, призывающий к личному благу и к обманному долгу. С одной стороны, становится всё более и более ясным, что жизнь личности с ее приманками не может дать блага, с другой стороны то, что уплата всякого долга, предписываемого людьми, есть только обман, лишающий человека возможности уплаты по единственному долгу человека — тому разумному и благому началу, от которого он исходит. Тот давнишний обман, требующий веры в то, что не имеет разумного объяснения, уже износился, и нельзя возвратиться к нему.

Прежде говорили: не рассуждай, а верь тому долгу, чтò мы предписываем. Разум обманет тебя. Вера только откроет тебе истинное благо жизни. И человек старался верить и верил, но сношения с людьми показали ему, что другие люди верят в совершенно другое и утверждают, что это другое дает большее благо человеку. Стало неизбежно решить вопрос о том, какая — из многих — вера вернее; а решать это может только разум.

Человек и всегда познает всё через разум, а не через веру. Можно было обманывать, утверждая, что он познает через веру, а не через разум; но как только человек знает две веры и видит людей, исповедующих чужую веру так же, как он свою, так он поставлен в неизбежную необходимость решить дело разумом. Буддист, познавши магометанство, если он останется Буддистом, останется Буддистом уже не по вере, а по разуму. Как скоро ему предстала другая вера и вопрос о том, откинуть ли свою или предлагаемую,—вопрос решается неизбежно разумом. И если он, узнав магометанство, остался Буддистом, прежняя слепая вера в Будду уже неизбежно зиждется на разумных основаниях.

Попытки в наше время влить в человека духовное содержание через веру помимо разума — это всё равно, что попытки питать человека помимо рта.

Общение людей показало им ту, общую им всем, основу познания, и люди уже не могут вернуться к прежним заблуждениям — и наступает время и наступило уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут.

Заглушить этот голос нельзя, потому что голос этот не чей-нибудь один голос, а голос всего разумного сознания человечества, который высказывается и в каждом отдельном человеке, и в лучших людях человечества, и теперь уже в большинстве людей.

ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ «О ЖИЗНИ» ПО ГЛАВАМ.

Вступление

Глава I.

Основное противоречие человеческой жизни

Глава II.

Противоречие жизни сознано человечеством с древнейших времен. Просветители человечества открывали людям определения жизни, разрешающие это внутреннее противоречие, но фарисеи и книжники скрывают их от людей

Глава III.

Заблуждения книжников

Глава IV.

Учение книжников под понятие всей жизни человека подставляет видимые явления его животного существования и из них делает выводы о цели его жизни

Глава V.

Лжеучения фарисеев и книжников не дают ни объяснений смысла настоящей жизни, ни руководства в ней; единственным руководством жизни является инерция жизни, не имеющая разумного объяснения

Глава VI.

Раздвоение сознания в людях нашего мира

Глава VII.

Раздвоение сознания происходит от смешения жизни животного с жизнью человеческой

Глава VIII.

Раздвоения и противоречия нет, оно является только при ложном учении

Глава IX.

Рождение истинной жизни в человеке

Глава X.

Разум есть тот сознаваемый человеком закон, по которому должна совершаться его жизнь

Глава XI.

Ложное направление знания

Глава XII.

Причина ложного знания есть ложная перспектива, в которой представляются предметы

Глава XIII.

Познаваемость предметов увеличивается не вследствие проявления их в пространстве и времени, а вследствие единства закона, которому подчиняемся мы и те предметы, которые мы изучаем

Глава XIV.

Истинная жизнь человеческая не есть то, что происходит в пространстве и времени.

Глава XV.

Отречение от блага животной личности есть закон жизни человеческой

Глава XVI.

Животная личность есть орудие жизни

Глава XVII.

Рождение духом

Глава XVIII.

Чего требует разумное сознание

Глава XIX.

Подтверждение требований разумного сознания

Глава XX.

Требование личности кажется несовместным с требованием разумного сознания

Глава XXI.

Требуется не отречение от личности, а подчинение ее разумному сознанию

Глава XXII.

Чувство любви есть проявление деятельности личности, подчиненной разумному сознанию

Глава XXIII.

Проявление чувства любви невозможно для людей, не понимающих смысла своей жизни

Глава XXIV.

Истинная любовь есть последствие отречения от блага личности

Глава XXV.

Любовь есть единая и полная деятельность истинной жизни

Глава XXVI.

Старания людей, направленные на невозможное улучшение своего существования, лишают их возможности единой истинной жизни

Глава XXVII.

Страх смерти есть только сознание неразрешенного противоречия жизни

Глава XXVIII.

Плотская смерть уничтожает пространственное тело и временное сознание, но не может уничтожать того, что составляет основу жизни; особенное отношение к миру каждого существа

Глава XXIX.

Страх смерти происходит от того, что люди принимают за жизнь одну маленькую, их же ложным представлением ограниченную, часть ее

Глава XXX.

Жизнь есть отношение к миру. Движение жизни есть установление нового, высшего отношения, и потому смерть есть вступление в новое отношение

Глава XXXI.

Жизнь умерших людей не прекращается в этом мире

Глава XXXII.

Суеверие смерти происходит от того, что человек смешивает свои различные отношения к миру

Глава XXXIII.

Жизнь видимая есть часть бесконечного движения жизни

Глава XXXIV.

Необъяснимость страданий земного существования убедительнее всего доказывает человеку то, что жизнь его не есть жизнь личности, начавшаяся рождением и кончающаяся смертью

Глава XXXV.

Страдания телесные составляют необходимое условие жизни и блага людей

Заключение

Прибавление 1-е

Прибавление 2-е

Прибавление 3-е

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

ВАРИАНТЫ ИЗДАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ГЛАВ КНИГИ «О ЖИЗНИ» В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЕ «НЕДЕЛЯ» ЗА 1889 ГОД, №№ 1, 2, 3, 4, 6.

В этом издании текст печатался с особым заглавием «Мысли о жизни» и подписью «Лев Толстой». Нумерация глав и подзаголовки книги сняты и кое-где заменены простой черточкой для раздела глав. Вместо цыфр для обозначения глав они разбиты на три группы, и каждая получила особый подзаголовок: «I. Любовь» «II. Страх смерти». «III. Страдания». В прямых скобках нами указываются главы книги. Варианты подводятся к основному тексту (звездочкой помечены пропуски, сделанные по цензурным соображениям).

МЫСЛИ О ЖИЗНИ.

I.

Любовь. («Неделя» № 1, столб. 22—29.)

[Глава XXII]

*Стр. 382, строки 1—3:

Слов: Служить тому началу, от которого я исшел, — Богу. Зачем? У Бога, если Он есть, и без меня найдутся служители. А мне зачем? — в Неделе нет.

*Стр. 382, строка 20:

Слов: Учение, которое всегда и называлось учением о благе — в Неделе нет.

Стр. 382, строка 21:

Вместо: указало людям — в Неделе — указывает людям.

*Стр. 382, строка 22:

Слов: не то, что могут получить когда-то, где-то, но — в Неделе нет.

*Стр. 382, строка 23:

Слов: сейчас, здесь, неотъемлемое от них — в Неделе нет.

*Стр. 382, строка 27:

Вместо: не есть благо, обещанное где-то и когда-то, а есть то — в Неделе: а то

Стр. 382, строка 38:

Вместо: это есть любовь — в Неделе: это — любовь.

Стр. 383, строка 25:

Вместо: нарушало — в Неделе: нарушает.

[Глава XXIII после отделительной черты]

Стр. 384, строка 20:

Вместо: и понимать любви — в Неделе: понимать и любви.

*Стр. 385, строка 5:

Вместо: у другого голодного ребенка — в Неделе: у другого ребенка.

*Стр. 385, строка 16:

Слов: это то чувство, по которому люди не могут стерпеть оскорбления любимому отечеству и устилают поля убитыми и ранеными, своими и чужими — в Неделе нет.

*Стр. 386, строка 25:

Слов: И не даром законник поставил Христу этот самый вопрос: кто ближний? — в Неделе нет.

*Стр. 386, строка 29:

Слов: как мы воображаем их — в Неделе нет.

*Стр. 386, строка 38 св. по стр. 387 строка 2:

Слов: Сколько бы ни уверяли — и против всех. — в Неделе нет.

*Стр. 387, строка 16:

Вместо: мною любимым — в Неделе — любимым мною.

*Стр. 387, строка 19:

Слов: Эти самые вопросы и были поставлены законником Христу: «кто ближний?» В самом деле — в Неделе нет.

Стр. 387, строка 28:

Вместо: удовлетворять других — в Неделе: — удовлетворить требованиям других.

*Стр. 388, строки 30 по 37:

Слов: Происходит то, что сказано.... похожа на жизнь человека. — в Неделе нет.

*Стр. 389, строки 12—16:

Слов: И потому приносит.... животной жизни другим. — в Неделе нет.

[Глава XXIV после отделительной черты.]

Стр. 389, строка 38 по стр. 390 строка 12:

Слов: Учение Христа и есть прививка.... любите ненавидящих вас». — в Неделе нет.

Стр. 390, строка 16:

Слов: сознания невозможности ее блага, и потому вследствие отречения от жизни личности — в Неделе нет.

Стр. 392, строка 26:

Вместо: от других — в Неделе: у других.

[Глава XXV, без всякого отделения от XXIV.]

Стр. 393, строка 1:

Вместо: отдает ему — в Неделе: когда он отдает ему.

*Стр. 393, строка 15 по строку 38:

Слов: «Кто говорит, что он во свете.... Жив только тот, кто любит. — в Неделе нет.

*Стр. 393, строка 39:

Слов: по учению Христа — в Неделе нет.

Стр. 395, строка 6:

Вместо: того, чтобы — в Неделе: чтобы.

II.

Страх смерти («Неделя» № 2, столб. 58—63, № 3 столб. 97—102, № 4, столб. 128—132.)

[Глава XXVII, Неделя № 2, столб. 58—60.]

*Стр. 398, строки 4–7:

Слов: «Я есмь воскресение.... Верить ли сему?» — в Неделе нет.

Стр. 398, строка 9:

Вместо: жизнью своей — в Неделе: жизнью.

Стр. 398, строка 23:

Вместо: Ведь то же — в Неделе: Тоже

*Стр. 399, строка 24:

Слов: и в изречении: «земля еси и в землю пойдеши» — в Неделе нет.

Стр. 400, строка 1:

Вместо: изменяющегося — в Неделе: меняющегося.

[Глава XXVIII после отделительной черты, Неделя № 2, столб. 60–63.]

Стр. 403, строка 18:

Вместо: и распадаться тело — в Неделе: распадаться и тело.

Стр. 403, строка 25:

Вместо: так и не было во мне одного сознания — в Неделе: так не было во мне и одного сознания.

Стр. 404, строка 9:

Слов: и не в том сознании, которое мы называем своим — в Неделе нет.

Стр. 404, строка 13:

Вместо: это-то самое — в Неделе: это самое.

Стр. 404, строка 37:

Вместо: любит это, а не любит этого — в Неделе: любит это, а не любит того.

Стр. 405, строка 4:

Вместо: и в нашей жизни — в Неделе: в нашей жизни.

Стр. 405, строка 28:

Вместо: и действительное — в Неделе: действительное.

Стр. 406, строка 2:

Вместо: представляют — в Неделе: представляет.

Стр. 406, строка 24:

Слов: Оно не может уничтожиться, потому что оно только есть — в Неделе нет.

Стр. 406, строка 26:

Слов: не знал бы своего тела — в Неделе нет.

[Глава XXIX, Неделя №3, столб. 97—99.]

Текст начинается с подзаголовка главы XXIX основного текста, каковой (подзаголовок) включен в текст «Недели». В остальном текст XXIX гл. перепечатан дословно (кроме нескольких орфографических поправок).

[Глава XXXI после отделительной черты, Неделя № 3, столб. 100—102.]

Стр. 413, строка 33:

Вместо: его отношение — в Неделе ошибочно: соотношение.

*Стр. 413, строка 38 по стр. 414, строка 16:

Со слов: Христос умер очень давно.... и бросили его в ямку — в Неделе нет.

Стр. 414, строка 32:

Вместо: могу гадать, если люблю гадание и не боюсь запутаться — в Неделе: могу только гадать.

Стр. 415, строка 6:

Вместо: и не сомневались в невозможности уничтожения жизни — в Неделе: и не сомневались в жизни.

Стр. 415, строки 10—19:

Слов: Христос говорил, что он будет жить.... разумной, любовной жизнью. — в Неделе нет.

*Стр. 415, строка 21:

Слов: Христос он — в Неделе нет.

*Стр. 415, строки 33—39:

Слов: Веру в бессмертие нельзя принять.... которое уже не умещается в нем. — в Неделе нет.

[Глава XXXII, Неделя, № 4, столб. 128—129.]

Стр. 416, строка 4:

Вместо: Да, если взглянуть — в Неделе: Если взглянуть.

Стр. 417, строка 6:

Вместо: Другие хотят уверить себя — в Неделе: другие верят.

*Стр. 417, строка 9 по 16:

Слов: Но верить ни в то, ни в другое.... то ее не может быть и после — в Неделе нет.

[Глава XXXIII после отделительной черты, Неделя № 4, столб. 129—132.]

*Стр. 422, строка 6:

Слов: или бросили бомбу — в Неделе нет.

*Стр. 422, строка 8:

Слов: бомбы — в Неделе нет.

III.

Страдания. (Неделя, № 6, столб. 189—195.)

[Глава XXXIV, Неделя № 6, столб. 189—193.]

Стр. 423, строка 28:

Вместо: Но если бы — в Неделе: Еслибы.

Стр. 423, строка 31:

Вместо: для того, чтобы — в Неделе: чтобы

*Стр. 424, строки 26—32:

Слов: Ведь ни один работник не стал бы.... над своими работниками. — в Неделе нет.

*Стр. 426, строки 14—19:

Слов: занятый только залечиванием своих ног.... засадил туда людей, или человек только — в Неделе нет.

Стр. 426, строка 25:

Вместо: должен был делать — в Неделе: должен был сделать.

Стр. 426, строка 26:

Вместо: должен был сделать, ему кажется — в Неделе: должен был делать, он думает.

*Стр. 427, строка 7:

Слов: — я сам или близкий мне — сидит в тюрьме, или — в Неделе нет.

*Стр. 427, строка 10:

Слов: на побег из тюрьмы — в Неделе нет.

*Стр. 427, строка 11:

Слов: заключение в тюрьме — в Неделе нет.

Стр. 428, строка 31:

Вместо: недосмотров — в Неделе: недосмотра.

[Глава XXXV после отделительной черты, Неделя № 6 столб. 193—195.]

Стр. 431, строка 32:

Вместо: при виде страданий — в Неделе: при виде страдания.

*Стр. 432, строка 39:

Вместо: были сотворены без ощущения боли — в Неделе: не имели ощущения боли.

Стр. 434, строка 17:

Вместо: Утоляет — в Неделе: Утоляют.

[Заключение, после отделительной черты, Неделя № 6, столб. 195.]

*Стр. 435, строки 9—13:

Слов: «Приидите ко Мне, все труждающиеся.... (от Мат. Гл. 11). — в Неделе нет.

———

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К ТРАКТАТУ «О ЖИЗНИ».]

* № 1.[1]

Постараюсь по пунктамъ отвѣтить на ваше письмо, за которое вамъ очень благодаренъ.

1) Мое здоровье очень хорошо. Я лежу еще, нога заживаетъ понемногу, и я понемногу могу мыслить и писать.

2) О жизни и смерти то, о чемъ я такъ много напряженно думалъ это послѣднее время и о чемъ вы, я вижу, и думали и думаете.[2] Человѣку, вамъ, мнѣ представляется въ извѣстный періодъ его жизни удивительное и ужасающее сначала внутреннее противорѣчіе его личной жизни и разума. «Я, только я, все для меня, внѣ меня все мертво — интересенъ, важенъ, дорогъ для себя только я, и я не вѣрю въ свое уничтоженіе, хочу жить вѣчно, не могу себѣ представить жизни безъ себя», и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ ужасный разумъ, соединенный въ одно съ моимъ я, говоритъ мнѣ ясно несомнѣнно[3] вопервыхъ, что я не одинъ, а что такихъ я съ заявленіемъ[4] такихъ же требованій исключительности безчисленное количество, что мнѣ неизбѣжна борьба съ этими я и погибель въ этой борьбѣ, во 2-хъ, что стремленія моего я не согласны, а прямо противорѣчивы общей жизни соприкасающейся со мной, въ 3-хъ, то, что отъ меня, отъ столь драгоцѣннаго мнѣ я, хотящаго жить вѣчно только и существующаго по моему чувству въ лучшемъ случаѣ[5] останется удобреніе для будущихъ чужихъ жизней, а то не останется ничего.

Это кажущееся страшнымъ противорѣчіе,[6] когда оно вполнѣ сознается, лежитъ между тѣмъ въ душѣ каждаго человѣка, ребенка даже, составляетъ[7] необходимое условіе[8] жизни человѣка, какъ разумнаго существа.[9] Противорѣчіе это[10] ужасно, если[11] перестать жить, дѣйствовать и смотрѣть на него.[12] Но это то противорѣчіе[13] и выростаетъ изъ жизни и сопутствуетъ жизни и видоизмѣняется вмѣстѣ съ жизнью. — Противорѣчіе это для человѣка не можетъ быть разрѣшено словами, такъ какъ оно есть основа жизни человѣка, а разрѣшается для человѣка только жизнью, — дѣятельностью жизни, освобождающей человѣка отъ этаго противорѣчія.

Жить нужно, иначе противорѣчіе разорветъ жизнь какъ разорветъ не работающій паровикъ. И дѣйствительно всѣ люди живутъ и жизнью

освобождаются отъ этаго противорѣчія, когда оно зарождается.[14] Я говорю, когда оно зарождается, п. ч. протпворѣчія нѣтъ въ зародышѣ, въ ребенкѣ, въ идіотѣ.[15] Разумъ, производящій противорѣчіе, зарождаетсянатѣхъже существахъ, живущихъ и взрожденныхъ личной жизнью. Природа, Богъ, производитъ наибольшіе результаты при наименьшемъ усиліи.[16] Разумъ не является новой силой, а рождается на той же силѣ жизни, составляетъ цвѣтъ ея.[17] Енергія жизни, проникнутая разумо[мъ], производитъ новую работу жизни тѣми же орудіями. [18]Разумъ разцвѣлъ, противорѣчіе появилось, а жить нужно, т. е. жизнь требуетъ дѣятельности, какъ падающее колесо подъ ногами лошади. — Жить надо съ разумомъ производящ[имъ] противор[ѣчіе], и является борьба жить старой личной жизнью, которою жилъ съ молода, и не слышать голоса разума, не видать противорѣчія или отдаться разуму и на пути его искать разрѣшенія.

Мы всѣ находимся въ этомъ положеніи и всегда находились въ немъ. Въ то время даже дѣтства и юности, когда мы, не глядя на это противорѣчіе, росли и развивались, для себя, только для себя, мы этимъ самымъ развитіемъ ростили въ себѣ неизбѣжный разумъ, который[19] выросши уничтожаетъ нашу личную жизнь. Никуда не уйдешь отъ этаго положенія. <Видишь людей, которые хотятъ спрятать этотъ разумъ, ставящій ихъ въ это положеніе, и видишь, какъ безпомощны ихъ усилія: спрятанный разумъ проявляется мучительно въ видѣ совѣсти, и вся жизнь ихъ, которую они хотятъ освободить отъ противорѣчія съ разумомъ, дѣлается противорѣчіемъ самой себѣ.[20] Противорѣчіе это не есть непріятная случайность, а есть законъ жизни. Для меня оно противорѣчіе, но для жизни это законъ.> Приходить время и противорѣчіе становится передъ человѣкомъ во всей силѣ: Хочу жить для себя и хочу быть разумнымъ, а жить для себя неразумно.

Мы[21] называемъ это противорѣчіемъ, когда оно въ первый разъ ясно представится намъ, и такъ оно чувствуется нами. Но противорѣчіе ли это? Можетъ ли быть противорѣчіемъ для человѣка то, что есть общій законъ его жизни. Вѣдь если такъ, то и для сгнивающаго зерна есть противорѣчіе то, что оно сгниваетъ, пуская ростокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ противорѣчіе для меня, когда я лежу,[22] и мнѣ больно, и я хочу двигаться и радоваться, или даже не больной, хочу ѣсть, наслаждаться? Въ томъ, что хочу наслаждаться,[23] а разумъ показываетъ мнѣ, что въ этомъ нѣтъ жизни. Противорѣчія нѣтъ, а есть уясненіе жизни, если я повѣрю разуму.[24] Противорѣчіе[25] только тогда, когда я не вѣрю разуму и наперекоръ ему говорю безъ всякаго основанія, что въ личномъ наслажденіи есть жизнь. Противорѣчіе было бы тогда, когда разумъ бы сказалъ, что въ наслажденіи нѣтъ жизни и нѣтъ жизни вообще, но онъ не говоритъ этаго, а говорить, что въ личномъ наслажденіи нѣтъ жизни,[26] но что есть жизнь разумная. Противорѣчіе только тогда, когда я не хочу слушать голоса разума. Разумъ показываетъ[27] необходимость перенести сознаніе жизни изъ личной жизни во что то другое, онъ

показываетъ ненужность, безсмысленность личной жизни, обѣщая новую жизнь, какъ прорастаетъ зерно, распирающее косточку вишни. Противорѣчіе только тогда, когда мы ухватились за ту внѣшнюю форму жизни, которая[28] имѣла значеніе въ свое время, но отжила. Если мы не слушали требованій разума, то мы не хотимъ[29] или не можемъ идти дальше по пути, открываемому разумомъ. Когда оболочка зерна[30] тогда, когда зерно разбило ее, хочетъ утверждать свою жизнь, то, что мы называемъ противорѣчіемъ, есть[31] только муки рожденія[32] къ новой жизни. Стоитъ только не противиться неизбѣжному уничтоженію личной жизни разумнымъ сознаніемъ и отдаться этому разумному сознанію и открывается новая жизнь какъ для рожденнаго. Не рожденный не знаетъ того, чѣмъ онъ страдаетъ, рожденный узнаетъ свою свободу. Только рожденный разумно познаетъ то, отъ чего онъ спасся своимъ рожденіемъ. <Живущій личн[ой] жизнью нерожденный жилъ для себя и сталкив[ался] съ такими же и боролся, губилъ и былъ губимъ, былъ въ несогласіи съ міромъ и умиралъ. Рожденный освобождается отъ всего этаго. То, что кажется противорѣчіемъ, есть та сила, которая рождаетъ живыхъ людей и дѣятельность добра. — Личная жизнь то, что добро это выростаетъ на личной жизни> и познаетъ благо рожденія. И рожденіе это также неизбѣжно, какъ плотское рожденіе для человѣка, дожившаго до періода яснаго внутренняго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ тотъ вопросъ, который представляется человѣку, дожившему до періода явнаго противорѣчія.

1) Я живу для своего наслажденія. Все живетъ для того же. Всякое мое наслажденіе нарушаетъ наслажденіе другихъ. Я долженъ вѣчно бороться. И если даже успѣшно буду вѣчно бороться, я не могу не бояться, что всѣ эти борящіяся за свои наслажденія существа не задавятъ меня. И страданія и страхъ. Дурно.[33]

2) Смыслъ жизни для меня мое счастье, міръ же живетъ весь вокругъ меня чѣмъ то другимъ, и весь міръ для меня безсмыслица, и 3) самое ужасное, включающее въ себя все. Весь смыслъ моей жизни — моя жизнь, икаждымъ движеніемъ, каждымъ дыханьемъ я уничтожаю эту жизнь и иду къ погибели всего. Я все это ясно вижу, не могу не видѣтъ, разумъ составляющей часть моего я, не переставая, указываешь мнѣ это. Что мнѣ дѣлать? Жить по прежнему какъ я жилъ съ дѣтства, нельзя, нельзя жить косточкой, она лопнула, выросло зерно разумъ, уничтожающій смыслъ каждаго шага жизни. Попробовать спрятать этотъ свѣтъ, забывать то, что показываетъ разумъ. Не легчаетъ. Спрятанный разумъ проявляется въ видѣ совѣсти, отравляющей всякій шагъ жизни.[34] Хочешь, не хочешь человѣкъ долженъ сдѣлать одно: похоронить свою личную жизнь, поблагодаривъ ее за все, что она дала, а она дала, выростила разумъ и перенести — не перенести, это невѣрное выраженіе, п. ч. Включаетъ понятіе произвола, а тутъ нѣтъ произвола — не перенести, а отдаться той одной жизни, которая остается послѣ уничтоженія личной жизни. Это страшно, непривычно чѹдно сначала, но дѣлать нечего. Нельзя не отдаться ей, п. ч. она одна зоветъ къ себѣ, она принимаетъ въ себя, какъ принимаетъ въ себя сосудъ падающее тѣло. Нельзя не отдаться ей, п. ч. она одна разрѣшаетъ всѣ

противорѣчія личной жизни. Личная жизнь борьба, жизнь разумная[35] есть единеніе. Личная жизнь есть несогласіе противленіе жизни міра, жизнь разумная вся въ согласіи съ жизнью міра. Жизнь личная уничтожается смертью, для жизни разумной нѣтъ смерти. Нѣтъ смерти, п. ч. человѣкъ переносить свою жизнь въ служеніе вѣчному закону міра, и потому цѣль его жизни становится не жизнь, но служеніе. Онъ умираетъ плотски на служен[іи] и не знаетъ смерти.

Но это невозможно, скажутъ тѣ, которые не могутъ отрѣшиться отъ личной жизни. Напротивъ невозможно обратное,[36] невозможно не жить внѣ себя. И всѣ люди живутъ такъ. Только это есть ихъ дѣятельная жизнь: семья, имущество, отечество и т. п.[37] Прививокъ разума, выросшій на дичкѣ жизни, есть единственный двигатель жизни. Онъ поглощаетъ все и[38] всякая деятельность жизни облекается въ разумную безличную жизнь.

* № 2.[39]

Изъ письма къ А. К. Д[итерих]съ

О жизни и смерти, то, о чемъ я такъ много напряженно думалъ это послѣднее время, и о чемъ вы, я вижу, и думали, и думаете, я вотъ что думалъ.

Человѣку, вамъ, мнѣ представляется въ извѣстный періодъ его жизни удивительное сначала внутреннее противорѣчіе:

Я, только я, все для меня, внѣ меня все мертво, живъ и потому драгоцѣненъ и важенъ для себя только я.[40] Безъ меня я не могу даже представить себѣ міра. Если я уничтожусь, то уничтожается весь міръ, и потому я, моя жизнь, драгоцѣннѣе жизни всего міра. И вмѣстѣ тотъ же я, если подумаю, вижу что[41] живу не одинъ я, а живетъ вокругъ меня съ такимъ же сознаніемъ своей исключительной ЖИЗНИ цѣлый міръ живыхъ существъ; мало того, живетъ еще безконечный міръ не живыхъ существъ. И тѣ и другія живутъ для своихъ какихъ то чуждыхъ мнѣ цѣлей и не знаютъ и не хотятъ знать моихъ притязаній на исключительную жизнь. Мало того я вижу, что всѣ эти живыя и не живыя существа для достиженія своихъ цѣлей стремятся уничтожить меня, мою жизнь и наблюдая другихъ подобныхъ мнѣ людей, я вижу, что это уничтоженіе мое неизбѣжно, что мнѣ, моей жизни, которая есть все для меня, безъ которой нѣтъ жизни, этому драгоценному мнѣ предстоитъ неизбѣжная погибель, что что бы я не дѣлалъ я непремѣнно и очень скоро начну страдать, разрушаться и умру. Умру я, то, въ чемъ одномъ я чувствовалъ и понималъ жизнь.

Противорѣчіе это лежитъ въ душѣ каждаго человѣка,[42] составляетъ

необходимое условіе жизни человѣка какъ разумнаго существа. Это есть противорѣчіе чувства исключительной личной своей жизни и разума,[43] показывающаго мнѣ, что жизнь не есть достояніе только моей личности, а всего живаго, цѣлаго міра живыхъ существъ, имѣющихъ такую же жизнь, какъ и моя.

Противорѣчіе это было бы ужасно, если бы оно являлось вдругъ. Если бы человѣкъ, жившій одной животной[44] жизнью, не зналъ ничего, кромѣ этой жизни, вдругъ бы получилъ разумъ, который бы показалъ ему, что другіе живутъ также, что другіе[45] стремятся по своимъ требованіямъ уничтожить его и что ему неизбѣжно предстоятъ страданія его личности и уничтоженіе его жизни. Но разумъ, производящій это противорѣчіе не является отдѣльно и вдругъ,[46] а выростаетъ понемногу[47] на животномъ человѣкѣ живущемъ личною жизнью. Природа, Богъ, производитъ наибольшіе результаты при наименьшемъ усиліи. Разумъ не является готовой отдѣльной силой, онъ постепенно зарождается на органической жизни. Разумъ заложенъ въ зародышъ человѣка, въ ребенка, и съ развитіемъ человѣка онъ растетъ и готовится неизбѣжное противорѣчіе. Въ то время дѣтства, юности, когда мы, не видя противорѣчія, росли и развивались, мы этимъ самымъ развитіемъ ростили въ себѣ разумъ, к[оторый] выросши, неизбѣжно привелъ насъ къ внутреннему противорѣчію, исключительности личной жизни и признанію жизни общей.

Ни одинъ разумный человѣкъ никогда и никуда не уйдетъ отъ этаго противорѣчія. Приходитъ время противорѣчіе становится передъ человѣкомъ во всей своей очевидности. Не знаю и не могу знать и любить никакой другой жизни такъ, какъ я знаю и люблю свою жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ вижу что эта моя единственно извѣстная и любимая мною жизнь есть[48] безсмысленный пузырь, выскочившій откуда то и готовый всякую секунду лопнуть и безслѣдно уничтожиться, а жизнь внѣ меня, не любимая, почти неизвѣстная мнѣ, есть настоящая вѣчная, разумная жизнь.

Это странно и страшно, но это такъ. Отъ этаго никуда не уйдешь, п. ч. это очевидно просто и несомнѣнно. И всякій знаетъ это, а если не знаетъ, то не можетъ усомниться, какъ скоро узнаетъ. Я буду въ землѣ черви, кости, а все будетъ жить. То, что для меня важнѣе всего, то погибнетъ, а что для меня не важно, то останется. «И пусть у гробового входа младая жизнь и т. д.» И безъ стиховъ это всѣ знаютъ. И въ этомъ намъ представляется страшное противорѣчіе. Зачѣмъ то, что важно и дорого то погибаетъ, и зачѣмъ то, что не важно, не дорого то останется? Но противорѣчіе ли это? Вѣдь это удѣлъ всѣхъ[49] людей, одаренныхъ разумомъ. Можетъ ли быть противорѣчіемъ то, что есть общій удѣлъ и потому законъ жизни всѣхъ разумныхъ существъ. Вѣдь если такъ, то для сознающаго зерна, положившаго свое сознаніе въ оболочку, было бы противорѣчіемъ то, что оно сгниваетъ, пуская ростокъ?

Въ самомъ дѣлѣ въ чемъ противорѣчіе? Жилъ я, жилъ для своей ЛИЧНОСТИ и не думалъ о томъ, зачѣмъ и гдѣ я живу и какой будетъ конецъ (даже одно время старательно не думалъ объ этомъ). Зналъ я, правда,[50] что другія существа живутъ, но что знаніе было очень неясное и не мѣшало мнѣ жить. Я употреблялъ это знаніе только на то, чтобы пользоваться этими другими существами для себя, зналъ я тоже и то,[51] что я умру, и отъ меня и моихъ дѣлъ ничего не останется, но объ этомъ я старался не думать и жилъ.[52] Но по мѣрѣ того, какъ я жилъ, сила разума увеличивалась во мнѣ и, постоянно увеличиваясь, сливалась съ моей личностью, съ моимъ я. Сила разума не явилась во мнѣ, какъ что-нибудь особенное, внѣшнее, какъ знаніе или искусство, которое я пріобрѣлъ и которое лежитъ во мнѣ, пока мнѣ его ненужно, и не заявляетъ никакихъ правъ, а явилась во мнѣ эта способность разума не какъ часть меня самаго, а какъ самъ я. Сдѣлалось во мнѣ соединеніе въ одно моей животной личности и моего разума. И вотъ дѣятельность этаго разума, которая сначала не доходила до конца своихъ выводовъ, а которая служила мнѣ какъ орудіе для достиженія цѣлей моей животной личности,[53] подъ конецъ заявило свои права и привела меня къ сознанію того, что мое я, моя личность не важна, а есть преходящее ничто, а важное, вѣчное существованіе есть жизнь внѣ меня. И вотъ явилось то, что мнѣ[54] представляется противорѣчіемъ. Но противорѣчіе[55] ли это? Вѣдь разумъ не какая нибудь сила внѣ меня, которая требуетъ отъ меня чего то противнаго моему существу. Мой разумъ есть такое же я, какъ и моя личная жизнь. Если бы разумъ былъ внѣ меня, то очевидно что сила одна, требующая отъ меня служенія личной жизни, а другая, требующая отрицанія ея, составили бы противорѣчіе. Но разумъ во мнѣ, онъ отъ самаго дня моего рожденія выросталъ во мнѣ. Онъ тотъ же я. И потому противорѣчія нѣтъ. Требованія разума не противорѣчія, а только новыя требованія усложнившейся жизни, какъ напримѣръ и новыя требованія половыя, зарождающіяся на томъ же человѣкѣ. Новыя требованія представляются противорѣчіемъ только тогда, когда задерживается ихъ удовлетвореніе. Пока я живу, какъ жилъ ребенкомъ, безъ требованій разума, не видя безсмысленности и тщеты личной жизни, я живу спокойно, какъ живетъ всякое животное, и противорѣчія нѣтъ; если же разумъ, составляющій мое я показалъ мнѣ, что дѣйствительная жизнь не въ моей личности, а внѣ меня, то я неизбѣжно покоряюсь велѣнію разума, переношу свою жизнь внѣ себя и тоже спокоенъ и противорѣчія нѣтъ. Есть[56] только періодъ внутренняго переворота жизни, есть вступленіе въ новую форму жизни.[57] И этотъ внутренній переворотъ представляется намъ противорѣчіемъ.

Противорѣчіе кажется намъ только тогда, когда происходитъ процессъ рожденія, человѣкъ не можетъ не разстаться съ той прежней формой жизни личной, которая имѣла значеніе въ свое время, въ дѣтствѣ, въ юности, когда росла и образовывалась личность, но которая стала стжившей, когда выросли требованія разума. Если мы въ предстоящемъ разрѣшеніи противорѣчія не отдаемся требованіямъ разума, не подчиняемъ ему требованія личной жизни,[58] это значитъ, что не

совершилось еще перемѣщеніе нашего сознанія. Но перемѣщеніе это неизбѣжно должно совершиться, п. ч. таковъ законъ жизни. Вѣдь это все равно что, если бы оболочка зерна тогда, когда зерно разбило ее, хотѣла утверждать свою жизнь. Жизнь оболочки кончилась именно п., ч. началась жизнь ростка. Точно также неизбѣжно кончилась жизнь личная, какъ скоро началась жизнь разумная. То, что мы называли противорѣчіемъ, и тѣ страданія, которыя вытекаютъ изъ него, все это только муки рожденія къ новой жизни. Нельзя противиться неизбѣжному уничтоженію личной жизни разумнымъ сознаніемъ и нельзя не отдаться этому разумному сознанію, которое уничтожаетъ противорѣчія и связанныя съ нимъ страданія, п. ч. оно неизбѣжно, какъ паденіе тѣла, [59] какъ вылупленіе зародыша, какъ рожденіе готоваго плода. Не рожденный не знаетъ того, чѣмъ онъ страдаетъ, рожденный узнаетъ свою свободу. Только рожденный разумно познаетъ то, отъ чего онъ спасся своимъ рожденіемъ и познаетъ благо рожденія. И[60] рожденіе это также неизбѣжно, какъ плотское рожденіе для человѣка, дожившаго до періода кажущагося внутренняго. противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ въ чемъ тотъ вопросъ, который представляется человѣку, дожившему до періода кажущагося противорѣчія. 1) Я живу для своего наслажденія. Все живетъ для того же. Всякое мое наслажденіе нарушаетъ наслаждеиіе другихъ. Я долженъ вѣчно бороться, и если даже успѣшно буду вѣчно бороться, я не могу не понять того, что всѣ эти борящіяся за Свое наслажденіе существа непремѣнно измучаютъ, изтерзаютъ и подъ конецъ все таки задавятъ меня. И страданія, и страхъ. Дурно. 2) Смыслъ жизни для меня мое благо, которое я вижу въ удовлетвореніи потребностей; міръ же живой весь составленъ изъ такихъ же существъ, которые всѣ ищутъ удовлетворенія своихъ потребностей и[61] удовлетворенія потребностей однихъ въ ущербъ другимъ. Весъ міръ есть огромная безсмыслица, а разумъ мой требуетъ смысла. Еще хуже. И 3) самое ужасное, включающее въ себя все предшествующее: весь смыслъ моей жизни моя жизнь, и каждымъ движеніемъ, каждымъ дыханіемъ я уничтожаю эту жизнь и иду къ погибели всего, и ото всего, что я дѣлаю, и отъ меня ничего не останется. Разумъ мой требуетъ смысла въ каждомъ моемъ поступкѣ, а вея жизнь моя, весь рядъ моихъ поступковъ есть явная безсмыслица. Это хуже всего. И все это я не могу не видѣть и долженъ жить. Я моей личной жизни требуетъ дѣятельности, а разумъ мой, составляющій тоже мое я, показываетъ мнѣ, что, что бы я ни дѣлалъ, все это глупо и безсмысленно. Что же мнѣ дѣлать?

Жить по прежнему, какъ я жилъ въ дѣтствѣ, не думая — нельзя. Можно не двигаться, не ѣсть, не спать, не дышать даже, но не думать нельзя. Думаешь, и разумъ уничтожаетъ смыслъ каждаго шага личной жизни. Попробовать спрятать этотъ свѣтъ, забывать то, что показываетъ разумъ — это можно, особенно если живешь въ средѣ такихъ же людей, выработавшихъ сложные апараты всякаго рода разсѣянія для того, чтобы не думать. Но разумъ, какъ спрятанный огонь, беретъ свое и является въ видѣ совѣсти, отравляющей всякій шагъ жизни. Для человѣка, желающаго избавиться отъ страданій вызванныхъ этимъ противорѣчіемъ, остается одно, или убить себя или отдаться той жизни,[62] внѣ своей личности, къ которой призываетъ разумъ.

Похоронить свою личную жизнь, поблагодаривъ ее за все, что она дала, а она дала, выростила разумъ, и перенести —не перенести, это невѣрное выраженіе, потому что включаетъ понятіе произвола, а тутъ нѣтъ произвола — не перенести, а отдаться той одной жизни, которая одна остается послѣ увяданія, засыханія, уничтоженія личной жизни. Это страшно, не привычно, чудно сначала, какъ чудно ребенку рождаться, но дѣлать нечего. Нельзя не отдаться ей, потому что, не отдаваясь ей, только увеличиваешь страданія раздвоившейся жизни вслѣдствіе внутренняго противорѣчія жизни, и она одна разрѣшаетъ тѣ мучительныя противорѣчія, которыя отравляютъ личную жизнь. Личная жизнь борьба, жизнь разумная есть единеніе. Личная жизнь есть несогласіе, противленіе жизни міра, жизнь разумная вся въ согласіи съ жизнью міра. Жизнь личная уничтожается смертью личности. Для жизни разумной нѣтъ смерти, потому что нѣтъ личности. Нѣтъ смерти потому, что человѣкъ переноситъ свою жизнь въ служеніе вѣчному закону міра и потому цѣль его жизни становится не жизнь, но служеніе. Онъ умираетъ плотски на служеніе и не знаетъ смерти.

Но это невозможно, скажутъ тѣ, которые находятся въ процессѣ зарожденія противорѣчія личной жизни съ разумной. Напротивъ, скажу я, невозможно обратное, невозможно разумному существу не жить внѣ себя,[63] потому что таковъ законъ жизни. И ему слѣдовали и всегда не могутъ не слѣдовать люди. Всѣ люди для того чтобы жить, дѣйствовать ставятъ себѣ цѣли внѣ себя,[64] — семья, имущество, отечество, искуство, наука, — самыя странныя увлеченія внѣ себя, собираніе извѣстныхъ книгъ, птицъ, тарелокъ[65] — что-нибудь но только дѣятельность, направленная къ цѣли внѣ себя.

Такъ жили и всегда живутъ люди, подтверждая этотъ законъ. Но и эта дѣятельность внѣ себя перестаетъ удовлетворять людей какъ скоро ихъ разумъ станетъ выше той цѣли которую они преслѣдуютъ, обсудивъ ее. Собирать..... Зачѣмъ? Набрать миліонъ? Зачѣмъ, когда ты умрешь. Освободить отечество? Зачѣмъ, когда ты умрешь и твое отечество изчезнетъ изъ памяти людей какъ какая нибудь Ниневія? Такая дѣятельность[66] людей внѣ своей личной жизни[67] доказываетъ невозможность для человѣка жить для личныхъ цѣлей, но[68] и эта дѣятельность только[69] скрываетъ на время противорѣчіе, но не устраняетъ его. Бисмаркъ, собравъ Германію и повелѣвая Европой, точно также какъ и его поваръ, приготовившій обѣдъ, к[оторый] съѣдятъ черезъ часъ, если они[70] не отреклись вполнѣ отъ личной жизни чувствуетъ неразрѣшимое противорѣчіе[71] борьбы со всѣхъ сторонъ, направленной противъ него и имѣющей точно такое же основаніе, какъ и его дѣло, тоже противорѣчіе безсмыслицы всего совершающегося въ мірѣ съ требованіями его разума, и точно тоже основное противорѣчіе смерти и личности и всего его дѣла, долженствующ[ее] обратить въ ничто его самого и всѣ труды его жизни.

Всякое дѣло, подлежащее уничтоженію, всякое дѣло, могущее быть обсуженнымъ разумомъ, не разрѣшаетъ противорѣчіе. Разрѣшить его

можетъ только такая цѣль, которая не подлежитъ обсужденію разума. И такая цѣль есть одна — удовлетвореніе самому разуму, требованіямъ разума,[72] точно также, съ той же исключительностью, съ которой я прежде удовлетворялъ требованія[73] личности. Удовлетвореніе же требованіямъ разумной природы[74] для человѣка, живущаго плотской жизнью, есть уже не цѣль, но исполненіе требованій разума, служеніе разуму. Только одна эта дѣятельность устраняетъ противорѣчіе и выводитъ человѣка изъ раздвоенія къ единству, изъ страданій къ благу, изъ смерти къ жизни, исполненію воли Бога.

Но какже служить разуму, цѣль дѣятельности котораго неизвѣстна? Цѣль его дѣятельности неизвѣстна и не можетъ быть извѣстна, п[отому] ч[то] если бы мы знали ее, мы бы стали выше, разумомъ обсудили цѣль разума, и дѣятельность разума по существу своему разумъ только освѣщаетъ.)

Человѣкъ, живущій для личныхъ цѣлей, борется съ существами, живущими также, какъ и онъ, для личныхъ цѣлей, и вслѣдствіи того боится, страдаетъ и гибнетъ[75] въ этой борьбѣ. Человѣкъ,[76] положившій жизнь въ[77] служеніи разуму,[78] видитъ неразумный законъ борьбы и противодѣйствуя ему, [79] не борется, но впередъ уступаетъ свою личность, кто хочетъ пріобрѣсть жизнь, тотъ погубитъ ее, и наоборотъ, и потому не боится не страдаетъ и не гибнетъ въ борьбѣ. Не гибнетъ, потому что[80] жизнь его въ разумной дѣятельности, разумная же дѣятельность не только не нарушается, но усиливается страданіями и смертью.

Человѣкъ служащій личнымъ цѣлямъ видитъ въ мірѣ борящихся и гибнущихъ существъ, огромное собраніе безсмысленнаго зла и противорѣчій; человѣкъ,[81] положившій свою жизнь служенію разуму, видитъ въ жизни неуклонное, неперестающее торжество разума надъ борьбою плоти.

Человѣкъ, живущій для личныхъ цѣлей, боится смерти и ненавидитъ ее. Для человѣка, служащаго разуму, нѣтъ смерти. Жизнь его перенесена въ вѣчную дѣятельность разума, не переставшаго съ начала міра переработывать міръ, и онъ служитъ ему тѣмъ орудіемъ своей личной жизни, которая дана ему теперь. Смерть для него ни что иное, какъ[82] освобожденіе его отъ того орудія, которое дано было ему въ руки теперь для работы. И тутъ ничего ни непріятнаго, ни страшнаго, потому что[83] страхъ, сожалѣніе о своей личности только настолько великъ, насколько великъ недостатокъ разумности.[84]

Но что такое этотъ разумъ, которому надо служить? — спросите вы. Человѣку дана высшая сила, свойство, властвующее надъ всѣмъ остальнымъ — эту силу, свойство мы называемъ разумъ. И вы спрашиваете, какъ его опредѣлить что онъ такое? Да чѣмъ же мнѣ опредѣлять его? Разумомъ? Я сознаю разумъ, и вы тоже, но опредѣлять его не могу. Это пусть дѣлаютъ т[акъ] наз[ываемые] философы, маратели бумаги.[85] Въ Евангеліи (всякій день удивляюсь точности,

ясности выраженій Евангельскихъ) сказано: Начало основа всего логосъ и т. д. Опредѣлять то, что не опредѣляет[ся], нельзя, не потерявъ разсудка. «Такъ всякій, какъ хочетъ, понимаетъ разумъ». Нѣтъ, если мы общаемся, то мы общаемся разумомъ, принимая впередъ его законы, вѣчные, обязательные для насъ обоихъ. Опредѣлять его нельзя, нельзя указывать цѣль его дѣятельности. Но можно и нельзя не видѣть его направленія — путь. (Опять удивительная точность и ясность Евангелія). Можно знать его путь,[86] т. е. все то, что не разумно, всѣ тѣ пути, которыхъ безчисленное количество и которые[87] ложны и отрицаніе которыхъ указываетъ единый узкій путь, т. е. линію, направленіе.

И съ тѣхъ поръ какъ существуютъ люди, они искали этотъ путь и ближе и ближе, точнѣе и точнѣе опредѣляли его. Его опредѣляли и Конфуцій, и Лаодзи, и Будда, и послѣдній опредѣлилъ Христосъ съ такою точностью, съ такимъ приближеніемъ (математически говоря), дальше котораго не пошли въ 1880 лѣтъ.

Что же такое жизнь? И что такое смерть? Жизнь, одна жизнь, которую я знаю и изъ которой заключаю о всякой другой жизни —человѣка, животнаго, инфузоріи, клѣточки есть подчиненіе всѣхъ, происходящихъ во мнѣ процессовъ,[88] животныхъ (зоологическихъ) и[89] механическихъ, химическихъ, физическихъ моей разумной дѣятельности. Жизнь есть служеніе моего организма, со всѣми происходящими въ немъ процессами химическими, физическими, механическими, разуму. Другой жизни человѣка никто не знаетъ и если называетъ состояніе, въ которомъ человѣкъ не подчиняется дѣяте[льности] разума, тоже жизнью, то необходимо раздѣлить оба выраженія. Я называю жизнью служеніе разуму (И не я такъ называю, а опять съ своей единственной въ области слова точностью это называетъ жизнью Христосъ).[90] Основное понятіе жизни, изъ котораго вытекаетъ опредѣленіе всякой жизни, есть[91] подчиненіе организма разумной дѣятельности. И потому также неправильно называть живымъ человѣка того, въ которомъ прекратились процессы разумной дѣятельности и дѣйствуютъ одни законы организма, какъ несправедливо называть живымъ животное, въ которомъ процессы химическіе,[92] механическіе не подчинены законамъ организмовъ, т. е. что животное не можетъ ѣсть, пить, двигаться, совокупляться по требованіямъ[93] законовъ организма, а[94] подчиняется однимъ законамъ низшимъ. Разумная дѣятельность даетъ намъ[95] сознаніе жизни.[96] Это сознаніе жизни связано съ процессами зоологическими, зоологическіе же связаны съ химическими и физическими. — Сознаніе это по существу своему совершенно отлично отъ[97] процессовъ зоологическихъ и хим[ическихъ],[98] которые мы наблюдаемъ въ себѣ и въ другихъ. И удивительное дѣло! Тѣ процессы, которые мы не сознаемъ орг[аническими] и хим[ическими] и которые мы назвали жизнью только по аналогіи съ нашимъ сознаніемъ, ихъ то обыкновенно (особенно въ наше, время) и называютъ по преимуществу жизнью и изъ нихъ хотятъ[99] вывести наше сознаніе жизни, которое прежде всего дано и которое мы знаемъ за одно несомнѣнное, если что-нибудь знаемъ. Изъ этаго грубаго и смѣшного (когда его разберешь), но всегда

существовавшаго заблужденія, теперь проповѣдуемаго книжниками, вытекаютъ всѣ ложные взгляды на жизнь и страхъ смертью. Я хочу узнать жизнь, какъ я ее сознаю въ себѣ (совершенно исключительно, какъ я ничего другого не знаю), и для этаго я наблюдаю то, что мнѣ совершенно чуждо, то, что не имѣетъ главнаго свойства моей жизни — сознанія разума, а только имѣетъ такое далекое подобіе съ моей жизнью, что я только по очень неточной аналогіи могу назвать и то жизнью. И изъ этихъ наблюденій я хочу опредѣлить законы своей сложной, одаренной совсѣмъ чуждымъ[100] той жизни факторомъ — разумомъ. Очевидно, что изъ такихъ попытокъ ничего выдти не можетъ. А вѣдь это самое дѣлается. Мы разумныя существа живые люди. Люди имѣютъ общія свойства съ животными и подчиняются одни закону жизни животныхъ. Животные же подчиняются законамъ біологическимъ, физическимъ, химическимъ, которые тоже мож[но назвать] явленіями жизни. И вотъ чтобы понять явленія жизни разумной, я и буду изучать химію. Я положимъ, заинтересованъ жизнью[101] генералъ-адъ[ютантовъ] и самъ[102] ген[ералъ] адъ[ютантъ] и хочу понять эту жизнь. И вотъ для этаго я дѣлаю такое заключеніе. Всѣ Генералъ адъютанты военные. Всѣ военные — люди, и стану изучать людей, чтобы понять жизнь Генералъ адъютантовъ.[103]

Есть явленія химическія, физическія,[104] есть явленія органическія. Мы ихъ видимъ, наблюдаемъ и въ себѣ и въ другихъ, но есть еще[105] явленія разума. Эти мы не только наблюдали, но знаемъ въ себѣ. Изъ нихъ то мы и сознаемъ жизнь и, если мы изучаемъ жизнь, то тутъ ее и надо изучать, и дальше ходить некуда, п[отому] ч[то] ни разума, ни сознанья мы нигдѣ не найдемъ.

И вотъ жизнь, какъ мы ее точно знаемъ, есть дѣятельность разумная. Разумная же дѣятельность есть только служеніе разуму. То что мы называемъ жизнью въ біологическихъ, физическихъ, химическихъ явленіяхъ есть служеніе организма. Жизнь же организмовъ есть служеніе разумной дѣятельности. И какъ явленія химическія, физическія подчиняютъ, видоизмѣняютъ дѣятельность организма, такъ явленія жизни организма подчиняются дѣятельности разума. И какъ есть законы сохраненія силъ и матеріи, какъ есть законъ непрерывности организмовъ, которые не умираютъ, а живутъ вѣчно, такъ точно есть законъ непрерывной разумной жизни, которая живетъ вѣчно. Когда организмъ правильно перерабатываетъ вещества, входящія въ его составъ по законамъ низшимъ, такъ онъ какъ организмъ не умираетъ. И такъ точно р[азумная] д[ѣятельность], какъ скоро она правильно перерабатываетъ организмы, входящіе въ ея составъ по законамъ орган[ической жизни], такъ она не умираетъ, а живетъ преемственно вѣчно. Умираетъ только организмъ, какъ въ организмѣ вымираютъ его составныя части.[106]

∗ № 3.[107]

1) Смѣшеніе личнаго сознанія съ разумнымъ. 2) Подчиненіе закону разума. 3) Требованіе разума. 4) Отреченіе отъ личности. 5) Возможно ли?[108] Пороки, а не требованія личности. 6) Только при признаніи жизни внѣ личности возможна жизнь. 7) И это кажется невозможно. Любовь.

∗ № 4.[109]

Какъ начинаетъ ребенокъ — игрушки, ученье, деньги, женщины, жена, дѣти, почотъ. Даже Бисмаркъ, и все таки вопросъ. Разрушеніе сознанія. Раздвоеніе. Разрѣшенія раздвоенія. Рѣшенія Христа: жизнь — любовь. Разсужденіе это самое и говорить.

∗ № 5.[110]

Оглавленіе.

1. Ходячее представленіе о жизни внѣ религіознаго опредѣленія.

2. Представленіе о томъ, что жизнь есть то, что дѣлается въ моемъ тѣлѣ — невѣрно, п[отому] ч[то] непонятно, что я называю моимъ тѣломъ.

3. Предположеніе души и сознательной и безсознательной не объясняетъ того, почему я называю мое тѣло моимъ.

4. [111] <Остается одно> Предположеніе о томъ, что жизнь есть то, чего я желаю.

5. Ходячее представленіе о жизни несостоятельно. Религіозныя опредѣленія, кот[орыми]жилоиживетъчеловѣчество, всѣ одинаково понимаютъ жизнь какъ разумное благо, но не таковъ взглядъ ученыхъ и толпы.

6. Суета жизни, толкотня у двери жизни принимается за жизнь, и эта толкотня лишаетъ человѣка возможности опомниться.

7. Ученіе и примѣръ окружающей жизни подавляютъ въ человѣкѣ понятіе истинной жизни подавляютъ въ человѣкѣ понятіе истинной жизни, но требованіе разума въ жизни неискоренимо.[112]

8. Человѣкъ говорить себѣ: я живу одинъ для своего блага. А блага жизни мнѣ быть не можетъ. Это безумно.

9. Попытка спастись отъ этого внѣшними цѣлями безуспѣшна.

10. Теоріи долга, представляемые человѣку отъ безсмысленности и бѣдственности эгоизма, не спасаютъ его.

11. Разумъ составляетъ такую же часть, какъ и личность, и разумъ отравляютъ въ человѣкѣ. Раздвоеніе.

12. Раздвоеніе есть неестественное положеніе, ложное употребленіе разума. Единство возстановляется при признаніи собою, однаго разумнаго я.

13. Смѣшеніе личнаго сознанія съ разумнымъ. Разрѣшеніе противорѣчія <разумомъ любовью. 14. Отреченіе отъ личности>.

14. Подчиненіе закону разума.

15. Требованія этаго закона.

16. Отреченіе отъ личности законъ.

17. Кажущаяся невозможность отреченія происходитъ отъ раздутыхъ разумомъ потребностей въ похоти, отъ пороковъ.

18. Только при отреченіи отъ личности <всегда> возможна жизнь и такою признавалась человѣчествомъ.

19. Но при отреченіи нѣтъ жизни. Нѣтъ силы противодѣйствующей отреченію.

20. Сила открыта Христомъ — любовь.

* № 6.[113]

Глава 1.

О томъ, какъ прежде всего жизнь понимае[тся] человѣкомъ.

Глава 2.

Внутреннее противорѣчіе жизни давно сознано лучшими людьми, но всегда были люди, не признающіе этаго противорѣчія. И теперь такъ называемая наука утверждаетъ, что и нѣтъ противорѣчія.

Глава 3.

Спорность несущественная, показывающая, что ложная наука ошибается, утверждая, что она изучаетъ жизнь вообще. Она изучаетъ только нѣкот[орыя] явленія жизни.

Глава 4.

Ложное понятіе о жизни, котораго держится наука, приводитъ ее къ самому неразумному и безнравственному ученію, потворствующему требова[ніямъ] толпы.

5.

Тысячелѣтія тому назадъ даны человечеству религіозныя опредѣленія жизни, разрѣшающія ея внутреннее противорѣчіе. Но ложная наука отводитъ людей отъ религіозныхъ рѣшеній и влечетъ ихъ къ дикости и мраку.

6.

Отчаянно положеніе людей, выросшихъ и воспитанныхъ среди ложнаго ученія міра.

* № 7.[114]

1.

Первое представление человѣка и человѣчества о жизни состоитъ въ томъ, что жизнь есть стремленіе къ благу личности.[115] Но[116] разумъ человѣка не можетъ не видѣть, что другія существа имѣютъ такое же представленіе о жизни, и потому жизнь его есть борьба одного противъ всѣхъ. Кромѣ того человѣкъ видитъ, что наслажденія, къ которымъ онъ стремится, обманываютъ его и производятъ страданіе. Кромѣ того видитъ неизбѣжность смерти.

2.

Является внутреннее противорѣчіе стремленія личной жизни и разумнаго сознанія. Противорѣчіе это извѣстно съ древности, и существуютъ разрѣшенія его — религіозныя объясненія жизни. Большинство же людей не видитъ потребности въ религіозныхъ опредѣленіяхъ, не видя противорѣчія жизни. Наука нашего времени дѣлаетъ тоже.

3.

Толпа смѣло утверждаетъ, что жизнь понятна только какъ то, что дѣлается въ тѣлѣ животнаго отъ рожденія и до смерти[117] и что[118] познаніежизнии сознаніе ведетъ къ заблужденіямъ. Наука ложная говоритъ тоже. Настоящая наука, знающая свое дѣло, не говоритъ этаго; но ложная наука утверждаетъ, что[119] жизнь можно познать изъ наблюденій. Ложная наука не даетъ себѣ отчета въ томъ, что наблюдать жизнь въ живыхъ существахъ можно только тогда, когда мы знаемъ жизнь въ себѣ, какъ стремленіе къ благу, и потому наблюденія, не затрогивая главнаго вопроса жизни, только путаютъ понятіе о ней.

4.

Ложная наука, не имѣя точнаго понятія о жизни, наблюдая явленія тѣ, которыя она называетъ живыми, теряетъ понятіе жизни и извращаетъ его — доходя до того, что не живое по своему опредѣленію называетъ живымъ и въ немъ то отъискиваетъ основу жизни. — Человѣкъ, поставивъ себѣ цѣль ложнаго блага вмѣсто истиннаго, теряетъ вѣру въ то[тъ] [120] смыслъ жизни, какъ стремленіе къ благу, и ищетъ объясненія жизни вездѣ, но только не тамъ, гдѣ оно дано ему. Наука потворствуетъ толпѣ, показывая ея отраженіе вмѣсто предмета, и представленіе о жизни человѣческой сводится на степень животнаго и хуже — борьба существъ представляется закономъ.

5.

Жизнь какъ жизнь личности есть зло и безсмыслица — это знаетъ всякій человѣкъ и знало человѣчество давно.

И давно даны человѣчеству религіозныя опредѣленія жизни, при которыхъ жизнь не безсмыслица и не зло. Опредѣленія эти даны и Конфуціемъ, и Лаодзи иБра[ми]нами, и Буддой, и Исаіей, и Христомъ. Всѣ по существу одни и тѣ же. Но толпа держится еще стараго представленія о жизни личности, и книжники стараются доказать правильность этаго отсталаго взгляда и ненужность религіозныхъ опредѣленій. Религіозныя опредѣленія называютъ суевѣріями именно п., ч. религіозныя опредѣленія были такъ важны, что переворачивали жизнь массъ. Признакъ невѣжества нашего времени — незнаніе ученій религій, которыми живетъ человѣчество. Книжники одни, признавая бѣдственность этаго, обѣщаютъ будущую жизнь, другіе обѣщаютъ здѣсь такъ устроить людей, что порознь они хоть и злы и неразумны, вмѣстѣ ихъ жизнь будетъ доброй и разумной.

6.

Люди обмануты прежде обманувши[ми] ся людьми. И бѣдный и богатый воспитываются въ ученіи о томъ, что жизнь есть только въ благѣ личнаго существованія. Доживъ до возмужалости, люди сомнѣваются въ справедливости такого пониманія жизни и спрашиваютъ. И тутъ имъ предлагаютъ ученіе о долгѣ и будущей жизни. Человѣкъ сомнѣвается, ищетъ объясненій, но объясненій нѣтъ. На спрашивающаго нападаютъ со

злобой и силой заставляютъ его подчиняться тому, чему не вѣрятъ люди, но хотятъ, чтобы вѣрили другіе. И человѣкъ покоряется и кончаетъ существованіе у дверей жизни, не вступивъ даже на порогъ ея.

7.

Но наступило время и наступаетъ, когда голосъ разума слышится людямъ, и они не могутъ удовлетвориться представленіемъ о жизни, какъ о личномъ существованіи, и объясненіе того долга, который предписываютъ нѣкоторые люди. Это возможно только, когда существованіе людей поглощено борьбой съ природой и нѣтъ общенія между людьми разныхъ вѣръ. Но теперь есть и излишекъ для средствъ существованія и есть общенія. Тотъ старый обманъ о томъ, [что] человѣкъ не долженъ вѣрить своему разуму, невозможенъ теперь: какъ только человѣкъ знаетъ людей, исповѣдующихъ другую вѣру, чѣмъ онъ, ему неизбѣжно прибѣгнуть къ суду разума. Голосъ разума нельзя заглушить теперь.

8.

Противорѣчіе жизни теперь чувствуется всякимъ мыслящимъ человѣкомъ. Обыкновенно человѣкъ, познавъ это противорѣчіе, не вѣритъ себѣ и хочетъ спастись прошедшимъ и внѣшнимъ наблюденіемъ жизни и выставленіемъ себѣ болѣе отдаленныхъ дѣлей; но это не помогаетъ, чѣмъ бы ни задался человѣкъ, онъ видитъ въ концѣ отъ себя свое гибнущее безсмысленно я. Разумъ отравляетъ человѣку жизнь, и человѣкъ начинаетъ бороться съ разумомъ, желая заглушить и даже убить. Но убить въ жизни нельзя. Оказывается, что разумъ,[121] свойственная человѣку способность, дающая ему сначала благо, подъ конецъ губитъ его жизнь. Что это значить?

9.

В наше время каждый мыслящій человѣкъ сознаетъ въ себѣ два я, отрицающіе одинъ другаго. Сознаніе безсмысленности личной жизни проявляется понемногу[122] (л. 3) и, наконецъ, человѣкъ видитъ, что жить надо и жить не зачѣмъ. Является противорѣчіе въ жизни, и человѣку кажется, что[123] жизнь его останавливается. Кажется противорѣчіе, но его нѣтъ. Это противорѣчіе есть только дѣйствіе двухъ[124] силъ, изъ которыхъ. и слагается жизнь.[125] Жизнь не останавливается, но только начинается, такъ какъ изъ этихъ двухъ силъ личнаго и разумнаго сознанія и слагается[126] дѣятельность жизни человѣческой.

<10>[127]

Если человѣкъ сознаетъ себя и животнымъ и разумнымъ, то онъ не можетъ уже не признать своей жизни въ разумномъ сознаніи, обнимающемъ жизнь личностей, а долженъ признать требования разумнаго сознанія, и тогда и не будетъ противорѣчія.[128] Подобное этому

совершается въ ростѣ животной личности при появленіи новыхъ требованій, какъ требованія половыя.[129] Происходить противорѣчіе, разрѣшающее удовлетвореніе своихъ требованій. Тоже и съ высшими требованіями разумнаго сознанія. Различіе только въ томъ, что удовлетвореніе высшихъ требованій животнаго — видно, удовлетвореніе же требованій разума не видно намъ.[130] Съ зерномъ разложеніе его — признакъ жизни. Тоже и въ животной личности, отрицаніе ея блага есть признакъ начала того, что есть человѣческая жизнь.

10.[131]

Противорѣчіе только кажется человѣку, извращенному ложнымъ ученіемъ міра. Состояніе раздвоенія, испытываемое человѣкомъ, подобно тому, что испытываетъ человѣкъ, перекрученными пальцами катающій шарикъ и чувствующій ихъ два. Человѣкъ перекрутилъ разумъ и животную личность, которая не есть жизнь, призналъ за жизнь, и ихъ стало двѣ. Но жизнь одна въ разумномъ сознаніи. Человѣкъ не можетъ не признать этого, п. ч. разумное сознаніе включаетъ личное, но не на оборотъ. Признаніе разумомъ своей личности жизнью есть заблужденіе, подобное тому, въ которое впало бы животное, признавъ закономъ своей жизни одну тяжесть. Оно бы чувствовало противорѣчіе до тѣхъ поръ, пока не познало бы, что тяжесть есть одинъ изъ низшихъ законовъ, долженствующихъ служить ей для достиженія ея цѣлей. Тоже и съ человѣкомъ. Стоитъ ему признать свою жизнь въ разум[номъ] сознаніи, и уничтожается кажущееся противорѣчіе.

12.

Люди заблудшіе[132] вѣрятъ, что сознаніе призракъ, и потому они не могутъ признать въ немъ жизнь. Для того, чтобы они могли понять жизнь, имъ надо прежде всего освободиться отъ своего суевѣрія. Освободившись же отъ своего суевѣрія, они не могутъ[133] не убѣдиться въ[134] томъ, что разумное сознаніе включаетъ въ себя животное. Пусть спроситъ себя каждый: 1) удовлетвореніе требованій какого изъ двухъ сознаній важнѣе для него, 2) какое въ дѣйствительности[135] управляетъ одно[136] другимъ и 3) въ какомъ изъ двухъ всѣ люди сознаютъ жизнь свою и другихъ людей. 1) При неудовлетвореніи разумнаго сознанія[137] наслажденія животнаго теряютъ свою прелесть, при неудовлетвореніи животнаго же благо разумнаго сознанія увеличивается.[138] 2) Разумное сознаніе можетъ велѣть животному страдать и даже убить себя. Животное же не можетъ ни на мгновеніе прекратить дѣятельность разумнаго. 3) Утверждаемъ[139] мы жизнь и въ себѣ и въ другихъ только по признаку свободы выбора поступковъ: животное мы не можемъ себѣ представить иначе, какъ подлежащимъ закону необходимости, разумное сознаніе не можемъ себѣ представить иначе, какъ подлежащимъ только своему закону разуму, т. е. свободнымъ.

13.

Что такое разумъ? Знаемъ ли мы разумъ? Разумъ есть начало и основа

всего. Все, что мы знаемъ, мы знаемъ только, п[отому] ч[то] знаемъ разумъ, и знаемъ, что всѣ знаемъ его одинаково, что онъ есть то, что соединяетъ насъ всѣхъ во едино. Разумъ есть законъ, который мы должны исполнять [въ] нашей жизни, какъ законъ жизни дерева есть тотъ законъ, который исполняетъ дерево. Законъ разума одинъ во всемъ. Только во внѣшнемъ мірѣ онъ совершается безъ нашего участія, въ насъ же подчиненъ этому закону нашей личности, есть[140] дѣло нашей жизни. Заблужденіе наше состоитъ въ томъ, что мы совершаемъ безъ нашего участія законъ подчиненія разума въ нашемъ животномъ, принимали за тотъ законъ, въ подчиненіи которому состоитъ наша рабья жизнь.

14.

Съ древнихъ временъ людямъ казалось, что изучать тотъ видимый законъ, по которому совершается существованіе человѣка, значить изучать жизнь, и на этомъ заблужденіи основывалась и теперь основывается ложная наука. Люди изучаютъ историческое внѣшнее существованіе людей и законы, которымъ подчиняется ихъ животная личность, и имъ думается, что они изучаютъ жизнь и что въ этомъ только и наука. Но изученіе существованія людей и законовъ животной личности и низшихъ законовъ, которымъ она подчинена, не можетъ открыть человѣку тотъ единственный законъ разума,[141] въ подчиненіи которому состоитъ жизнь человѣка. Знанія эти нужны и поучи тельны, но только тогда, когда не теряется изъ вида главная цѣль. Но когда, какъ это дѣлается теперь, отрицается даже возможность познанія того эакона, которому должна быть подчинена животная личность человѣка, знанія эти становятся губительны, извращая сознаніе людей.

15.

Является ложное познаніе. Ложное познаніе состоитъ въ томъ, что люди думаютъ, что знаютъ то, чего не знаютъ, и на оборотъ. Ложное познаніе это происходить отъ ложнаго представленія о жизни. При ложномъ представленіи[142] признается существующей животная личность. Она то и то, что ее составляеть, представляется познаваемымъ и извѣстнымъ, а благо разума и сознаніе непознаваемыми и неизвѣстными. Въ дѣйствительности же это какъ разъ на оборотъ. Познаваемость предмета уменьшается по мѣрѣ проявленія его во времени и пространствѣ. Совершается тоже, что съ зрѣніемъ. Отдаленіе кажется самымъ простымъ.

16.

Познаніе[143] увеличивается не вслѣдствіе проявленія познаваемыхъ предметовъ въ пространствѣ и времени, а наоборотъ. Знаемъ мы прежде всего благо, потомъ разумъ для достиженія блага, потомъ свою личность, потомъ другія живыя личности, потомъ мертвое вещество. Все наше знаніе о мірѣ есть перенесете на внѣшнія явленія того, что мы въ себѣ знаемъ. Знаемъ же мы въ себѣ стремленіе къ благу и разумъ и необходимость подчиненія этому разуму. Въ животныхъ мы знаемъ ихъ

стремленіе къ благу и подчиненіе разуму, въ веществѣ знаемъ одно подчиненіе разуму. Не по веществу мы знаемъ животныхъ и не по животнымъ себя, а на оборотъ. Весь міръ располагается для человѣка всегда въ трехъ планахъ; разумное сознаніе, животное и вещество. И истинное знаніе всегда то, которое начинается съ самаго нужнаго и доступнаго перехода къ менѣе нужному и доступному, а не наоборотъ. Намъ кажется только, что животное однообразнѣе человѣка и вещество однообразнѣе животнаго, но это кажется только по отдаленію отъ насъ (нашего закона жизни) этихъ предметовъ. Жизнь человѣческая[144] включаетъ въ себя два вида существованія: животнаго и вещества, которые существуютъ безъ усилій человѣка, только его жизнь разумная совершается имъ для его блага.[145]

17.

Жизнь есть стремленіе къ благу. Стремленіе къ благу есть жизнь. И потому сознаніе жизни нарушается одинаково и тѣмъ, что люди считаютъ благо животной личности своимъ благомъ, и тѣмъ, что они свою жизнь считаютъ жизнью животнаго. Происходить и то и другое отъ смѣшенія сознанія личности съ сознаніемъ разумнымъ. Смѣшеніе это ошибочно, п[отому] ч[то] разумное сознаніе показываетъ безсмысленность личнаго сознанія, — не умѣщается въ личномъ сознаніи. И потому отреченіе отъ блага личности есть необходимое условіе жизни разумнаго человѣка.[146] Личность имѣетъ только существованіе, разумное сознаніе, включающее въ себя личность — только имѣетъ жизнь. Живыми мы называемъ животные и растенія, когда организмъ включаетъ въ себя, подчиняя своему закону, вещество съ его законами. Также и человѣкъ. Мы можемъ называть живымъ только тогда, когда его разумное сознаніе включило въ себя, подчиняя себѣ, его жив[отную] личность. Человѣку кажется, что[147] жизнь его есть существованіе его личности, п[отому] ч[то] это существованіе видимо ему. Жизнь же невидима, но это кажется только ему, нельзя не отречься отъ личности, п[отому] ч[то] жизнь безсмысленна, и нельзя не отдаться тому одному, что остается.[148] — Вѣдь жизнь личности есть безсмыслица и неперестающая погибель, и потому признаніе ее жизнью есть не перестающее мученіе, а исходъ все тотъ же — отреченіе отъ нея совершающійся хотя бы при смерти. Дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать охотно то, что неизбѣжно совершится мучительно.

18.

Но для чего же тогда личность, съ которой нужно бороться? Для того же, для чего законы вещества, съ которыми нужно бороться животному для исполненія своего закона жизни. Личность есть не препятствіе. но орудіе жизни, которое должно тратиться. Кто хочетъ сберечь то, что должно тратиться, тотъ потеряетъ то, что должно сберечь. Человѣку должно родиться снова въ этой жизни, т. е. познать, что благо его животной жизни не есть благо, а есть другое благо открытое его разумному сознанію. Въ этомъ состоитъ ученіе конф(?) дающее[149] свѣтъ и жизнь тѣмъ, которые принимаютъ этотъ свѣтъ и жизнь также, какъ солнце даетъ жизнь зернамъ, а не землѣ. Почему одни зерна, а

другіе плесни, никто не знаетъ,[150] никто не можетъ знать, когда и какъ зарождается жизнь, п[отому] ч[то] жизнь есть жизнь, начало всего.

19.

Жизнь человѣческая проявляется во временныхъ и пространственныхъ условіяхъ, но не зависитъ отъ нихъ.[151] Существованіе совершается какъ бы въ движеніи плоскости, но[152] жизнь совершается какъ бы въ движеніи въ высоту. Это движеніе въ высоту есть подчиненіе закону разума, увеличеніе согласія съ закономъ разума[153] и не зависитъ отъ длины и ширины существованія. Жизнь начинается тогда, когда между силами, влекущими въ плоскость и силой подчиненія устанавливается борьба, и жизнь поднимается надъ плоскостью. Отъ этаго происходить колебанія жизни. Человѣкъ, поднявшись на высоту, но не вѣря въ то, что то движете и есть жизнь, видитъ гибельность своей животной жизни и ужасается и, чтобы не видать этаго, препадаетъ къ землѣ. Но человѣку надо вѣрить въ свои крылья, и жизнь его только на высоту.[154] Задержекъ и колебаній жизни только кажутся. Промежутки между періодами жизни только кажутся и временными и пространственными въ плоскости. Но ихъ нѣтъ для жизни. Жизнь есть, когда есть. Она одна есть, и для нея нѣтъ времени. Кажущійся промежутокъ въ 2 часа и 50000 лѣтъ безразличны. Для нея нѣтъ ни времени, ни пространства, п[отому] ч[то] то, что составляетъ жизнь:[155] разумъ и подчиненіе ему животнаго существованія[156] внѣ пространственно и временно.

20.

Разумному человѣку[157] ясно, что благо и жизнь личности невозможны и что возможны только[158] благо и жизнь разумныя. И въ самомъ дѣлѣ. Мысленно разсматривая то, что должно произойти въ жизни человѣка при перемѣнѣ пониманія жизни, человѣкъ видитъ, что 1) законъ міра не есть борьба, а есть согласіе и взаимопомощь, и потому личная жизнь, состоящая въ подчиненіи разуму, нѣтъ борьбы, а есть возможность согласія т. е. цѣли поставленныя мнѣ разумомъ. 2) Стремленіе къ личнымъ наслажденіямъ замѣнилось бы поддержаніемъ равнаго стремленія[159] съ моею — жизнью всѣхъ другихъ существъ. 3) Смерть представилась бы не бѣдствіемъ, а явленіемъ согласія съ закономъ разума. Допустивъ это, человѣкъ не можетъ не видѣть, что таковъ законъ разума, управляющій міромъ. Допустивъ жизнь въ личности, весь міръ былъ огромная злая безсмыслица, допустивъ жизнь въ подчиненіи разуму, весь міръ есть нѣчто разумное и благое, стремящееся къ далекой но опредѣленной, благой и достижимой цѣли. И только при этомъ допущеніи существующія личныя влеченія получаютъ наибольшее удовлетвореніе. Но мало и этаго, человѣкъ видитъ, что въ этомъ движеніи законъ всей прошедшей жизни человѣчества. Мало и этаго. Подтвержденіе того, что въ этой жизни человѣкъ находитъ и въ своемъ сердцѣ въ чувствѣ любви, влекущемъ непосредственно къ тому что указываетъ разумъ.

21.

Не заботиться о благѣ своей личности кажется невозможнымъ людямъ, положившимъ свой разумъ на увеличеніе своихъ потребностей. Онъ не вѣритъ возможности этаго. Бѣдный трудящійся человѣкъ не будетъ оспаривать требованія разума, но развитой человѣкъ всѣ силы разума употребляетъ на отрицаніе его. Происходить это отъ того, что разумъ его направленъ не на то, что нужно.[160] Животная личность и не можетъ доказывать законности своихъ требованій и, если бы могла, то требованія эти такъ малы и легко удовлетворимы, что и не придется отстаивать ихъ. — Отстаиваетъ человѣкъ не потребности, а порочныя привычки, какъ пьяница — похмѣлье. Люди все, что они имѣютъ и къ чему привыкаютъ, считаютъ своими потребностями. И удовлетвореніе этихъ потребностей скрываетъ отъ нихъ ихъ жизнь. Есть даже ученіе о потребностяхъ. Но ученіе это глупо: потребностей или нѣтъ никакихъ, или ихъ безчисленное количество. Потребность есть условіе животнаго существованія. А условій столько же, сколько же радіусовъ въ центрѣ. Потребности можно сравнить съ шариками, способными раздуваться. Стоить сознать одну изъ нихъ, чтобы она задавила всѣ остальныя.

22.

Существуетъ ученіе о томъ, что развитіе потребностей[161] есть высшее развитіе человѣка. Люди всѣ силы разума употребляютъ на развитіе ихъ, и жизнь ихъ истинная вся заглушается потребностями. Говорятъ, нельзя отречься отъ личности, да никто и не требуетъ отреченія отъ личности.[162] Отреченіе отъ личности также невозможно, какъ и отреченіе животнаго отъ окисленія. Нужно не отреченіе отъ личности, а нужно не признавать свою жизнь въ удовлетвореніи требованій личности. И потому учете о томъ, что жизнь не въ личности, съ древнѣйшихъ временъ извѣстно человѣчеству. И напрасно думаютъ, что матерьяльный прогрессъ можетъ скрыть отъ людей это положеніе. Люди пережили ступень сознанія, на которой ясно, что жизнь человѣческая не можетъ быть въ его личномъ благѣ, а потому вернуться назадъ нельзя, надо признавъ это положеніе — идти дальше.

23.

Жизнь для[163] цѣли личности невозможна, а разумное сознаніе указываетъ другія цѣли, но человѣку съ извращенньмъ сознаніемъ кажется, что цѣли эти не влекутъ его къ себѣ. И потому жить не зачѣмъ. И философы составляютъ теоріи жизни объ уничтоженіи ея, а простые люди убиваются. Похоти личности загромоздили всю жизнь, и человѣку кажется, что если[164] удовлетвореніе ихъ невозможно, то за[165] вычетами ихъ ничего уже не остается. А между тѣмъ, въ этомъ то невидимомъ за похотями остаткѣ и есть вся жизнь. Но свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. Ученіе истины знаетъ дилемму безумнаго существованія или отреченія отъ него и разрѣшаетъ его. Ученіе истины полно обличеній лживости личнаго блага, указываетъ людямъ ихъ истинное благо. Благо это. Благо это, свойственное, извѣстное человѣку и разрѣшающее всѣ противорѣчія, чувство любви. Чувство это разрѣшаетъ и противорѣчіе

борьбы, отдавая себя другимъ, и наслажденій и страданій, перенося свою дѣятельность изъ наслажденій гибнущихъ въ помощь другимъ и спасающихъ отъ страха смерти.

24.

Люди всѣ знаютъ чувство любви и то, что оно разрѣшаетъ противорѣчіе и даетъ благо, но имъ кажется, что это одно изъ многихъ настроеній, въ которыхъ не можетъ быть вся жизнь. Люди, непонимающіе жизни, утверждаютъ, что любовь есть непосредственное чувство[166] и что можно любить однихъ, не любя Бога, и ровно всѣхъ.[167] То, что они называютъ любовью, есть совсѣмъ другое чувство, чѣмъ то, которое этимъ словомъ называетъ ученіе истины. Любовь есть проявленіе уже разумной жизни. Любовь какъ предпочтеніе къ извѣстнымъ лицамъ, не имѣетъ главнаго свойства любви полнаго удовлетворенія себя и благой дѣятельности. Любовь, не имѣющая въ своей основѣ разумнаго сознанія, не можетъ быть благомъ, дѣятельностыо ни для себя, ни для другихъ и потому не есть любовь. Любовь, какъ предпочтеніе выражается, какъ нелюбовь и часто ненависть къ другимъ. Она и не можетъ быть иною. Но кромѣ того, проявленіе дѣятельности любви для людей, не понимающихъ жизни, невозможно безъ разсужденій, уничтожающихъ возможность любви.[168] Человѣкъ, понимающій подъ любовью предпочтете однихъ существъ другимъ, не можетъ предаться никакой дѣятельности любви, не обдумавъ вопроса о томъ, не нарушаетъ ли онъ одной любви, предаваясь другой. Кто ближній?

25.[169]

Всѣ люди связаны, всѣ блага личныя пріобрѣтаются одними въ ущербъ другимъ.[170] Человѣкъ любитъ многихъ, и потому ему надо рѣшить, какой любви отдаться, одной или другой, теперешней малой или будущей большой. Взвѣсить этаго нельзя, и потому въ выборѣ онъ будетъ руководиться только тѣмъ, что ему пріятнѣе, т. е. не любовью къ себѣ. Любви въ будущемъ нѣтъ, любовь есть только въ настоящемъ.[171] Люди, непонимающіе жизни, не могутъ имѣть и любви.[172] Люди же, понимающіе жизнь въ животн[омъ] сутществованіи и свои предпочтенія называющіе любовью, становятся злѣе животныхъ. Чувства предпочтенія есть дичокъ, на который прививается любовь.

26.

Прививка истинной любви есть[173] подчиненіе животной[174] личности закону разума.[175] Она начинается только при отсѣченіи всѣхъ дикихъ побѣговъ животной личности. Не вслѣдствіи любви люди отрекаются отъ блага животной личности, а[176] отреченіе отъ блага животной личности дѣлаетъ возможнымъ произрастаніе любви. Предпочтете однихъ, другихъ не только не спасаетъ отъ бѣдственности животной жизни, но также увеличиваетъ эту бѣдственность. Только любовь, выросшая изъ подчиненія личности закону разума, даетъ полное удовлетвореніе и благо. Любовь[177] возможна только для человѣка, находящегося въ согласіи съ міромъ; человѣкъ же, понимающій жизнь въ животной

личности, всегда во враждѣ съ міромъ и потому не можетъ любить. Ему прежде чѣмъ любить, надо откинуть и все то, что стоитъ между нимъ и любовью. Любовь есть жертва собой и потому возможна только для человѣка, не пользующагося чужими жизнями, человѣку у котораго нѣтъ преградъ для жертвы своей личностью любимому предмету.

27.

Любовь есть жертва собой, и потому то она разрѣшаетъ всѣ противорѣчія и она то и есть сама жизнь. Любовь это какъ любовь къ жертвѣ, извѣстная каждому въ дѣтствѣ, есть сама сила жизни. Но люди видятъ этотъ маленькій ростокъ и или захватывають или затаптываюсь его, а воспитываюсь вокругъ него ростки сорныхъ травъ, которые заглушаютъ ихъ.

28.

[178]Люди знаютъ, что ихъ животная жизнь погибельна, что единственно доступное благо есть любовь, и вмѣсто того, чтобы отдалять обманчивое благо и стремиться къ истинному, они дѣлаютъ обратное. Страхъ смерти увеличиваетъ борьбу за существованіе и жадность къ наслажденіямъ, и это увеличиваетъ страхъ смерти. Борьба за существованіе чѣмъ напряженнѣе, тѣмъ больше отдаляетъ отъ себя единственную возможность блага — любовь. Люди,[179] не понимая или не признавая того, что благо ихъ животной жизни есть ноль, равный всякому другому нолю, всѣ силы свои употребляютъ на умноженіе этаго ноля. Вырабатываютъ поколѣніями представленія о хорошей и дурной жизни, и на достиженіе лучшей жизни направлена вся дѣятельность людей. И имъ кажется, что подчиненіе[180] себя разуму и жизнь любви есть погибель жизни. Какъ въ горящемъ домѣ баранамъ кажется, что вытаскивающіе ихъ, хотятъ сжечь ихъ.

29.

[181]Голосъ истины говоритъ людямъ, что нѣтъ смерти; но они видятъ и боятся ея. Смерть свою никто изъ нихъ не можетъ знать и видѣть, но они видятъ ее, какъ видятъ привидѣніе. Но вѣдь они живутъ среди смерти, пользуются смертью, разсчитываютъ на смерть. Смерть есть самое естественное явленіе, такъ чего же они боятся? Есть два логически взгляда на жизнь: одинъ что жизнь есть смерть, другой что жизнь есть жизнь. И ни при томъ, ни при другомъ нельзя бояться смерти; п[отому] ч[то] для перваго взгляда она всегда есть, а для 2-го ея никогда нѣтъ. Животное не боится смерти, и разумное существо не можетъ бояться ея. Страхъ не отъ смерти, а отъ неопредѣленности взгляда, отъ перехода отъ однаго къ другому. Страшно имъ только жизнь, которую они теряютъ, когда не должно бы терять ее.

30.

Страхъ смерти происходитъ отъ предположенія, что существованіе плотское совпадаетъ съ жизнью, и потому уничтоженіе плотского существованія должно быть и уничтоженіе жизни. И они боятся потерять

свое особенное я, которое имъ кажется жило въ ихъ тѣлѣ и выражалось ихъ сознаніемъ, но вѣдь этаго нѣтъ. Тѣла не было однаго, также и не было сознанія однаго. Есть только рядъ послѣдовательныхъ прерывающихся сознаній. Сонъ. Если есть одно особенное я, то оно должно быть не въ сознаніи, а въ томъ, что связываетъ послѣдовательныя сознанія въ одно. Связываетъ сознанія въ одно то, что называется характеромъ, что есть особенное отношеніе къ міру каждаго живаго существа. Только это[182] мы знаемъ, какъ основу жизни, и въ себѣ и въ другихъ существахъ. Основа эта[183] не совпадаетъ съ существованіемъ, и потому уничтоженіе тѣла и сознанія не можетъ служить признакомъ уничтожения этаго особеннаго я.[184]

31.

Мы боимся потерять при смерти свое пространственное тѣло и свое временное сознаніе, но[185] мы и то и другое теряемъ и не боимся. Если мы боимся, то мы боимся потерять то, что соединяетъ и то другое въ одно? Потерять же этаго мы не можемъ, п[отому] ч[то] это не явилось съ нашимъ рожденіемъ, а живетъ внѣ времени. Это есть особенность моего отношенія къ міру, къ добру и злу. И это въ сознаніи моемъ представляется мнѣ независимымъ отъ времени, по разсужденію же всегда наблюдаемымъ представляется происшедшимъ отъ причинъ, скрывающихся въ безконечномъ времени и пространствѣ, т. е. тоже внѣ ихъ. Тѣло и сознаніе временныя[186] прекращаются, но истинное сознаніе своего отношенія къ міру не можетъ прекратиться, п[отому] ч[то] оно живетъ внѣ времени и пространства.

32.

Смерть видна только человѣку, не понимающему жизнь въ своемъ отношеніи къ міру и въ простр[анственномъ] и временномъ существованіи. Для такого человѣка вся жизнь есть смерть. Для человѣка же, положившаго жизнь въ установленіи согласнаго съ разумомъ отношенія, движеніе временной жизни, огрубеніе членовъ, ослабленіе, устареніе есть увеличеніе жизни, а прекращеніе плотскаго существованія есть начало новой жизни. Вѣдь есть только, истинно есть отношеніе къ міру и, когда есть это отношеніе и выработано новое, неумѣщающееся въ существованіи, то нельзя думать и говорить о смерти. Существованіе и жизнь въ обратномъ отношеніи: увеличеніе одной уменьшаетъ другую, и на оборотъ.[187] Думать что человѣкъ умираетъ съ плотской смертью, все равно что думалъ человѣкъ, вообразившій, что его тѣнь онъ самъ, когда бы онъ пересталъ видѣть свою тѣнь.

33.

«Но какъ же отрицать смерть, когда мы видимъ уничтоженіе жизни. Человѣкъ былъ и его нѣтъ»? Какъ нѣтъ? А что значитъ то, что какъ дѣйствовалъ на меня умершій человѣкъ при жизни, также дѣйствуетъ онъ и теперь. Его жизнь входитъ въ меня, становится моей жизнью. Становясь на ступень, на которую онъ сталъ, я начинаю видѣть, гдѣ

онъ, но и, наблюдая внѣ себя, я вижу, что онъ дѣйствуетъ на людей какъ растущее живое, но не умирающее.[188] Сократъ дѣйствуетъ на[189] людей, переворачивая имъ жизнь. Они живутъ послѣдствіями его жизни. «Да и это и есть жизнь. Послѣдствія же [1 не разобр.] Да[190] [1 не разобр.] и есть его жизнь. — Я не вижу только пространственнаго и временнаго центра, но центръ есть. Каковъ онъ, не знаю, но знаю, что то, что была его жизнь, то и осталось. На этихъ людяхъ мы можемъ видѣть основу, по которой они не сомнѣвались въ своемъ безсмертіи. Они видѣли въ этомъ существовали жизнь, къ которой они шли. И видѣли свѣтъ впереди себя и позади свѣтъ, разливаемый[191] новымъ центромъ жизни на людей. Вѣру въ безсмертіе нельзя принять по довѣрію, надо ее сдѣлать. Зерно повѣритъ въ жизнь, только когда проростетъ.

∗ № 8.[192]

11.

Но удивительное дѣло! Люди съ родившимся разумнымъ сознаніемъ продолжаютъ утверждать, что жизнь не въ этомъ разумномъ сознаніи, а въ животной личности. Зерно проросло и утверждаетъ, что жизнь въ немъ, а не въ росткѣ.

«Да», говорятъ люди, «правда, что человѣку кажется иногда, что въ немъ есть два я, но это иллюзія. И иллюзія не есть я животной личности, которое не можетъ про себя знать, но иллюзія въ томъ самомъ разумномъ сознаніи, которое отрицаетъ жизнь одной личности. Существуетъ, дѣйствительно существуетъ только то, что подлежитъ наблюденію: подлежитъ же наблюденію животная личность человѣка. То же, что человѣку кажется, что дѣятельность этой животной личности управляется разумнымъ сознаніемъ, есть обманъ. Кажущіяся независимыми проявленія этого сознанія всѣ зависятъ отъ физическихъ причинъ. Поврежденія мозга, гипнотизмъ и сотни другихъ явленій показываютъ, что проявленія разумнаго сознанія всѣ находятся въ зависимости отъ матеріальныхъ причинъ. Человѣкъ лишается этаго сознанія и продолжаетъ жить, и потому проявленія сознанія суть послѣдствія дѣятельности животной личности.

<Безъ земли подъ кореньями не могла бы вырости груша. Если вынуть землю изъ подъ нея, не будетъ груши, поэтому появленіе груши есть послѣдствіе дѣятельности земли.> Совѣстно распутывать такой нелѣпый софизмъ, но софизмъ этотъ, не смотря на свою нелѣпость, составляетъ догматъ вѣры, такъ называемыхъ ученыхъ нашего времени.

<Животное даже мы признаемъ живымъ только тогда, когда оно[193] какъ Буридановскій оселъ не можетъ взять одну или другую вязанку сѣна, и

когда оно[194] можетъ выбрать.

Свобода, которую мы чувствуемъ въ себѣ какъ самую жизнь, есть для насъ и призракъ всякой другой жизни. Безъ этаго сознанія свободы мы не имѣли бы понятія ни о какой другой жизни.>

То обстоятельство, что въ разумномъ сознаніи являются перерывы и прекращенія, происходящія отъ внѣшнихъ причинъ, столь же мало доказываетъ то, что она есть произведете внѣшнихъ причинъ, какъ и то, что груша, выросшая на деревѣ, есть произведете земли подъ ея кореньями.

И чтобы вывести понятіе груши изъ земли, необходимо надо придумать сложную миѳологію происхожденія органическаго изъ неорганическаго, въ которомъ ничего не будетъ реальнаго, то самое, что дѣлаетъ наука, стараясь показать возможность происхожденія органическаго изъ неорганическаго и разумнаго изъ животнаго.

Разсужденіе о томъ, что нарушеніе законовъ животнаго существованія нарушаетъ и жизнь, доказываетъ только то, что существованіе животнаго можетъ продолжаться безъ жизни, такъ же какъ и существованіе вещества можетъ продолжаться безъ существованія животнаго и что мы разсматриваемъ не жизнь, а сопутствующія ей обстоятельства. Точно такъ же какъ, разсуждая о томъ, что перенесете земли изъ подъ корней груши въ другое мѣсто нарушило бы ростъ груши, доказываетъ только, что земля можетъ быть и безъ груши, и что мы разсматриваемъ не грушу, а землю.

Грушу мы разумѣли какъ растеніе, плодъ, произрастающій при извѣстныхъ условіяхъ; такъ же и жизнь мы разсматриваемъ какъ разумное сознаніе, являющееся при извѣстныхъ условіяхъ, и груша остается груша, и разумная жизнь остается жизнью, несмотря на ложныя разсужденія людей, толкующихъ объ землѣ для опредѣленія груши и о существованіи животнаго для опредѣленія жизни. Жизнь ни своя, ни чужая, никакая жизнь не мыслима безъ разумнаго сознанія, управляющаго матеріяльными условіями, тѣми самыми условіями, которымъ подчинено животное существованіе. Такъ какъ же можетъ опредѣленіе условій животнаго существованія опредѣлять жизнь, которая состоитъ въ управленіи ими?

И въ себѣ и въ другихъ существахъ мы понимаемъ жизнь только какъ подчиненіе закону, который находится въ насъ и составляетъ нашу жизнь.

Не только въ людяхъ, но даже животныхъ мы такъ понимаемъ жизнь. Въ себѣ мы признаемъ жизнь только до тѣхъ поръ, пока въ насъ есть возможность управлять своимъ животнымъ: какъ только мы въ бреду или спимъ, мы не сознаемъ себя живыми, и нѣтъ для насъ никакой жизни и внѣ насъ. Точно также жизнь въ другихъ людяхъ мы признали только до тѣхъ поръ, пока признаемъ за ними возможность подчиненія животнаго разумному сознанію.

Если лишенный дѣйствія всѣхъ своихъ членовъ человѣкъ въ состояніи подчинить свое животное своему разуму, мы признаемъ человѣка вполнѣ живымъ и относимся къ нему какъ къ живому; но если человѣкъ находится въ простомъ или гюпнотическомъ снѣ, въ бреду, въ агоніи, въ бѣшенствѣ и дѣлаетъ самыя сильныя и быстрыя движенія, мы не относимся къ нему, какъ къ живому. Признаемъ живымъ только потому, что предполагаемъ невозможность того подчиненія, которое въ себѣ сознали признакомъ нашей жизни.

«Въ животномъ, а не въ разумномъ сознаніи, отвѣчаютъ люди нашего времени. То въ чемъ одномъ мы въ себѣ знаемъ жизнь, то, въ чемъ мы въ другихъ знаемъ жизнь, тотъ единственный признакъ, по которому мы признаемъ жизнь не въ себѣ и въ другихъ, то, что властвуетъ надъ животною личностью, все это иллюзія, а дѣйствительно есть то, чего мы не могли бы знать, если бы у насъ не было этой иллюзіи. — Того мы не видимъ, а это видимъ», говорятъ они. Вѣдь это все равно, что если бы человѣкъ признавалъ иллюзіей самаго себя, а только тѣнь, которую онъ можетъ видѣть, признавалъ бы действительно существующей.

Онъ бы не говорилъ, что на тѣни повторяются тѣ движенія, которыя я дѣлаю, а говорилъ бы, что я повторяю тѣ движенія, которыя дѣлаетъ тѣнь и то сознаніе дѣлаемыхъ ими движеній называлъ бы иллюзіей.

Заблужденіе это удивительно, тѣмъ болѣе, что оно касается самаго важнаго для человѣка предмета, его жизни; но оно и происходитъ только отъ того, что оно касается этаго самаго важнаго предмета. Заблужденіе это въ той же своей сложной, квази-научной формѣ, въ которой оно представляется намъ, вѣдь есть ничто иное, какъ послѣдній, отчаянный и безумный крикъ животной личности, побораемой выросшимъ въ немъ разумнымъ сознаніемъ. Это муки родовъ и безумное сопротивленіе тому, что должно совершиться. Разсужденіе это безумно, но оно не можетъ быть инымъ, потому что это есть только крики отчаянія погибающей въ борьбѣ животной личности.

Но мало этаго: человѣкъ убиваетъ себя. Люди, непризнающіе жизнь разумнаго сознанія, а въ животной личности, какъ нѣчто вполне понятное, говорятъ: человѣкъ убилъ себя. Если бы они дѣйствительно признавали разумное сознаніе человѣка иллюзіей, они бы никогда не решились сказать такія безсмысленныя, по ихъ взгляду на человека слова. Сказать, человѣкъ, животная личность убилъ себя, все равно, что сказать: стаканъ самъ разбилъ себя. Животное не можетъ убить себя, какъ стаканъ не можетъ себя разбить. Тѣ животныя, которыя убиваютъ себя въ борьбе съ другими, только погибаютъ въ борьбѣ, при чемъ смерть происходитъ безсознательно, отъ неправильнаго дѣйствія ихъ органа, противъ самихъ себя. И убиваютъ себя не они сами, а тѣ очевидныя, матеріальныя условія, въ которыя они поставлены.

Но человѣкъ безъ всякой борьбы съ внѣшнимъ міромъ, безъ всякихъ видимыхъ матеріальныхъ причинъ убиваетъ себя только вслѣдствіи

внутренней, известной каждому человѣку неудовлетворенности разумнаго я. Я — животное, хочетъ жить, но разумное я не удовлетворено, и разумное я велитъ животному я, полному жизни и требованій личности, убить самаго себя. И животное я покоряется и со страхомъ, и съ ужасомъ беретъ ножъ, пистолетъ, петлю, и дѣлаетъ то, что прямо противоречить его закону жизни животной личности — убиваетъ себя.

Самоубійство и сознаніе возможности самоубійства самымъ грубымъ, но очевиднымъ образомъ, исключающимъ всякое сомнѣніе, показываетъ человѣку, въ какомъ изъ двухъ я животнаго или разумнаго — истинная жизнь человѣка. Тогда какъ разумное я можетъ велѣть животной личности убить себя, животная личность, какъ бы сильно она ни заявляла въ человеке свои права́, ничего не можетъ противъ разумнаго я. Она не можетъ не только заставить разумное я уничтожить себя, какъ заставляетъ это делать разумное я съ животнымъ; но не можетъ ни на мгновеніе изменить, остановить деятельность разумнаго я. Разумное я можетъ все сделать надъ животнымъ: можетъ заставить его не есть, не спать, не дышать даже, и делаетъ это.

Животное я не можетъ надъ разумнымъ ничего. Все усилія животнаго я противъ разумнаго обращаются только на себя, на животное я, и не затрогиваютъ даже разумнаго я. Животное я хочеть заставить разумное я забыть, не думать. И все, что оно делаетъ для этой цѣли: и вино, и суета и опіумъ, все губитъ только животное я, а разумное я все помнитъ, все думаетъ. Въ чемъ же жизнь человека? Въ животномъ или разумномъ сознаніи?

Вѣдь разсужденія эти импозируютъ людямъ только потому, что много людей сошлись въ нихъ и выработали цѣлый научный жаргонъ для отстаиванья ихъ, но разсужденія эти такъ же жалки, нелепы и понятны, какъ и то, что мы безпрестанно слышимъ, отъ одного человека, находящагося въ процессе борьбы животнаго и разумнаго сознанія: несомненно одно то, что передо мной яблоко, а во рту слюни отъ желанія его съесть, остальное все мое знаніе о томъ, отчего произошло это яблоко и что мое отношеніе къ нему, это все иллюзія.

Но что бы не говорили люди, возведшіе въ теорію борьбу разумнаго сознанія, какъ бы ни старались они своими софизмами остановить ростъ этаго разумнаго сознанія и доказать людямъ, что его не существуетъ, а существуетъ одно животное, человѣкъ съ проснувшимся разумнымъ сознаніемъ не понималъ и не можетъ понимать жизнь иначе какъ подчиненіе животной личности разумному сознанію: нѣтъ этаго подчиненія и человѣкь ничего не знаетъ о жизни: какъ только начинается жизнь, такъ человѣкъ ее понимаетъ и не можетъ понимать иначе, какъ подчиненіе животной личности разумному сознанію.

Но если даже одни изъ людей, не имѣющихъ истиннаго пониманія жизни, тѣмъ или другимъ способомъ увѣрили себя, что ихъ ожидаетъ личное безсмертіе, или другіе, которыхъ очень много, успокоили себя, часто безсознательно, разсужденіемъ Эпикура о томъ, что смерти я не увижу, такъ какъ меня не будетъ, тѣ и другіе люди, удаливъ отъ себя представленіе о неизбѣжности смерти, никогда не въ состояніи, если они не имѣютъ истиннаго пониманія жизни, помириться съ представленіемъ объ ожидающихъ ихъ, угрожающихъ имъ со всѣхъ сторонъ неизбѣжныхъ страданій.

Смерть еще ничего, мы научились жить безъ страха смерти, но страданія? Страданія вотъ что ужасно! — говорятъ они обыкновенно, подъ этимъ общимъ словомъ страданій смѣшивая три разные понятія о страданіяхъ: страданія свои тѣлесныя личныя, которыя собственно и составляютъ для нихъ главный ужасъ, потомъ видъ страданій другихъ людей, потомъ свои нравственныя страданія.

Замѣчательное явленіе: утвержденіе о томъ, что утверждали стоики, что страданій нетъ, что страданія это суевѣріе, произведете нашего воображенія, утвержденіе это изъ себя выводить людей, боящихся страданій и утверждающихъ то, что это есть главное бедствіе жизни. Люди защищаютъ действительность страданій какъ какую-то драгоценность, какъ опору моего міросозерцанія, которую они [ни] за что не хотятъ и не могутъ уступить. И защищая свое представленіе о страданіяхъ, всегда <нарочно> смешиваютъ все три рода страданій: личныя животныя, страданія другихъ и нравственныя страданія, умышленно подменяя одно другимъ. Человекъ былъ богатъ, знатенъ и обеднелъ и попалъ въ такое положеніе, что 30 лѣтъ кормился въ проголодь, мерзъ, былъ унижаемъ и заболелъ и померъ подъ кучей камня.

Человека посадили въ тюрьму, и онъ пробылъ тамъ 30 летъ. Вагонъ въ 6 тысячъ пудовъ, упавъ, навалился на человека и придавилъ ему половину тѣла. Онъ лежитъ подъ 6 т. пудами и молитъ о томъ, чтобы его убили скорее. Другой кондукторъ въ столкновеніи поездовъ прижатъ къ паровику и паръ выжигаетъ ему внутренности. На пыткѣ выворачиваютъ ногти и сдираютъ кожу. Вотъ первый видъ страданій. И все это можетъ быть со мною. Развѣ это не ужасно?

Ужасно, и не можетъ быть не ужасно для человѣка, понимающаго свою жизнь какъ плотское существованіе. Вся жизнь такого человѣка проходила только въ томъ, чтобы увеличить свои наслажденія. Наслажденія же ничто иное, какъ противоположная сторона страданій. [196] Завернувшійся листокъ въ постели Сибарита было его страданіе, постель, какой ему хотѣлось,было его наслажденіе. Голодъ страданіе, обжорство наслажденіе. Середины нѣтъ для человѣка, полагающаго съою жизнь въ плотскомъ существованіи. Всѣ его состоянія — наслажденія или страданія. И для такого человѣка и нищета, и тюрьма, и вагонъ, и паръ, и пытка — страданія. Но какже это можетъ быть страданіемъ для человѣка, понимающаго свою жизнь въ подчиненіи личности разуму? Ни въ одномъ изъ этихъ примѣровъ страданія не случилось ничего такого,

что препятствовало бы теченію жизни, какъ ее понимаетъ человѣкъ. Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нѣтъ ничего даже такого, чтобы нарушало теченіе свободной разумной жизни, какъ ее понимаетъ такой человѣкъ. То, что онъ прежде богатый, лишенъ возможности ѣсть много и грѣться, когда хочется тѣлу, и состарѣлся, и заболѣлъ, все это для него только условія, облегчающія для него дѣло его жизни — подчиненіе личности закону разума. Тоже и съ заключеннымъ. Страданія его вытекаютъ изъ представленія о томъ, что ему надобно бы и можно бы быть свободными Но развѣ не тоже самое будетъ съ его тѣломъ при параличѣ, старости? 6000 пудовъ лежитъ на животѣ. Какъ это ужасно! Но что же тутъ болѣе ужаснаго, чѣмъ то, чему мы, какъ говорятъ, подлежимъ и подвергаемся каждую секунду — залетитъ одна изъ биліоновъ летающихъ бактерій, и я безъ 6000 пудовъ буду точно также лежать и также умру. Тоже съ кранами пара, прожигающими мнѣ животъ. Довольно защелкнуться кишкѣ, и будетъ хуже и больнѣе пара. Ужасно, какъ говоритъ Эпиктетъ, погибнуть въ этомъ бушующемъ бездонномъ океанѣ. Новѣдь довольно ведра воды, чтобы захлебнуться, вся вода океана, за исключеніемъ ведра, лишняя. — Страданіе тутъ кажется только ужаснымъ. Тутъ ясно, что ужасъ не въ дѣлѣ, а въ воображеніи. А воображеніе можетъ сдѣлать и то, что укусъ блохи для однаго будетъ мучительнѣе крановъ для другаго. Но нѣтъ, больно, просто больно, ужасно больно, не можетъ быть не мучительно, ужасно больно, когда отдираютъ ногти или съ живого сдираютъ кожу. Разумѣется больно, никто и не споритъ противъ этаго; но если бы тотъ, кто сдѣлалъ боль, отвѣчалъ бы намъ, онъ отвѣтилъ бы, навѣрно, такъ, какъ къ великой досадѣ моей всегда отвѣчалъ мнѣ мой забіяка товарищъ дѣтства. Бывало, ударить меня. Я разсержусь и скажу: «да вѣдь это больно». «Я затѣмъ и ударилъ, чтобъ было больно», отвѣчаетъ онъ мнѣ. Также бы и намъ отвѣтили: боль затѣмъ и сдѣлана, чтобъ было больно. А больно затѣмъ, что это намъ нетолько нужно, но что намъ нельзя бы жить безъ того, чтобы намъ не бывало больно. Но тотъ, кто сдѣлалъ это больно, сдѣлалъ такъ мало больно, какъ только было можно, а благо отъ этаго больно сдѣлалъ такъ велико, какъ только было можно. Вѣдь кто знаетъ, что самое первое ощущеніе нашей боли есть первое и главное средство сохраненія нашего тѣла, что если бы этаго не было, то мы всѣ дѣтьми давно бы на свѣчкѣ и въ печкахъ сожгли для забавы все свое тѣло. Боль сохраняетъ существование человѣка, пока растетъ эта личность, и тоже самое боль разрушаетъ эту личность, когда личность по закону жизни должна быть уничтожаема. Боль тѣлесная оберегаетъ личность, пока въ ней зрѣетъ разумное сознаніе и сопутствуетъ уничтоженію личности, помогаетъ разумному сознанію въ подчиненіи себѣ личности. Пока боль служить обереганіемъ личности, какъ это происходитъ въ ребенкѣ, боль эта не можетъ быть тою ужасающею мукой, какой мы знаемъ боль въ тѣ времена, когда мы страдаемъ отъ ней, находясь въ полной силѣ разумнаго сознанія. Пусть каждый постарается вспомнить свои дѣтскія болѣзни, страданія, и онъ видитъ, что объ нихъ нѣтъ и воспоминанія. Впечатлѣніе же наше о страданіяхъ дѣтей есть больше наше, чѣмъ ихъ страданіе и относится къ другому ряду страданій, происходящихъ отъ вида страданій другихъ. Внѣшнее выраженіе

страданій неразумныхъ существъ неизмѣримо больше самаго страданія и потому, въ неизмѣримо большей степени вызываетъ наше сострадaніе, какъ это можно замѣтить при болѣзняхъ мозга, горячкахъ, тифахъ и всякихъ агоніяхъ.

Въ тѣ времена, когда не проснулось разумное сознаніе, боль служить огражденіемъ личности, она не мучительна, въ тѣ времена, когда въ человѣкѣ есть возможность разумнаго сознанія, она, боль есть помогающее средство отреченія отъ личности, и по мѣрѣ пробужденія этаго сознанія становится все менѣе и менѣе мучительной.

Въ сущности только находясь въ этомъ состояніи, мы можемъ и говорить о боли, п[отому] ч[то] только съ этаго состоянія и начинается жизнь. И въ этомъ состояніи разумнаго сознанія — предѣлы боли, представляющіеся столь неизмѣримо растянутыми для людей, полагающихъ жизнь въ животномъ существовали, въ состояніи истинной жизни; предѣлы боли съуживаются до без конечно малаго, до того только необходимаго остатка, который облегчаетъ, помогаетъ движенію жизни подчиненія личности разуму. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ безъ изученія физіологіи того, что чувствительность боли имѣетъ предѣлы, что при усиленіи боли до извѣстнаго предѣла или прекращается чувствительность — обморокъ, отупѣніе, или смерть. Увеличеніе боли, стало быть, безпредѣльная величина. Ощущеніе же боли, мы тоже всѣ знаемъ, можетъ увеличиваться отъ нашего воображенія до безконечности. Можно довести себя до положенія Сибарита, до того чтобы чувствовать ужасъ боли отъ укола булавкой; можетъ увеличиваться безъ предѣловъ, но также и можетъ уменьшаться. Мы всѣ тоже знаемъ, какъ можетъ человѣкъ, покоряясь боли, впередъ предполагая ее больше, чѣмъ она есть, покоряясь ей, свести ее до нечувствительности, до испытанія нѣкотораго самоудовлетворенія въ мужественномъ перенесеніи ея. Не говоря уже о людяхъ, какъ Гусъ, мученики, даже политическіе мученики, которые подъ вліяніемъ духовнаго подъема не ощущали боли, простые солдаты только изъ мужества переносили безъ крика и дерганія считающіеся мучительными операціи. Предѣлы боли есть и очень недалеки, предѣлъ подчиненія личности разуму есть полное отреченіе отъ личности, т. е. полное отсутствіе ощущенія боли. Мученія боли дѣйствительно ужасны для людей, положившихъ свою жизнь въ плотскомъ существованіи. Да какже имъ и не быть ужасными, когда та сила разума, данная человѣку для уничтоженія сознанія страданій, направлена только на то, чтобы увеличивать ихъ. Боль ощущается человѣкомъ и въ предшествующемъ его жизни существованіи и въ жизни его только для его блага. Какъ у Платона есть миѳъ о томъ, что Богъ опредѣлилъ сперва людямъ срокъ жизни 70 лѣтъ, но потомъ, увидавъ, что людямъ хуже отъ этаго, перемѣнилъ на то, что есть, и сдѣлалъ то, что теперь, что люди не знаютъ часа своей смерти, такъ такимъ же можно представить миѳъ о боли, показывающій смыслъ ея. Да если бы люди сотворили людей безъ ощущенія боли, очень скоро, если бы сами люди не догадались дать имъ эту боль, люди бы стали просить о ней, п[отому] ч[то] немыслима бы была безъ нея счастливая радостная и свободная жизнь людей. Для

человѣка, понимающаго жизнь какъ подчиненіе своей личности закону разума, страданія личной боли[197] не только не есть зло и пугало, но есть такая же пособница, охранительница его жизни истинной, какою она представляется по отношенію личности. Не будь боли, ребята сожгли бы себѣ пальцы, не будь боли болѣзни, старости, страданій для тѣла, съ которымъ связано разумное сознаніе, оно бы не могло такъ легко и свободно подчинять личность закону разума. Для человѣка, имѣющаго разумѣніе жизни, страданіе тѣла, боль не зло, но благо.

Какъ ни возставай противъ этаго вывода, какъ ни ахай, какъ ни утверждай, что это только слова и сумашествіе, какъ ни старайся люди, не понимающіе жизни, откинуть это разсужденіе и утверждать неизбѣжность и подчиненность всѣхъ людей страданіямъ и боли, имъ нельзя этаго сдѣлать. Если все предшествующее разсужденіе справедливо, если справедливо, что жизнь есть подчиненіе закону разума, если даже это несправедливо, но если есть возможность для нѣкоторыхъ людей — назовемъ ихъ сумашедшими, и люди такіе были, и есть ученіе такого сумашествія, — то нельзя отрицать того, что для такихъ людей то, что мірскіе люди называютъ страданіемъ, зломъ, болью будетъ благомъ. И такимъ людямъ — сумашедшимъ, положимъ, — будетъ легче, радостнѣе жить на свѣтѣ, и мало того: съ такими сумашедшими всѣмъ намъ будетъ легче и радостнѣе жить, чѣмъ съ несумашедшими. Такъ значитъ хорошо такое ученіе.

«Но вы говорите, скажутъ на это, про страданія свои личныя, но какже отрицать страданія другихъ? Видъ этихъ страданій вотъ что самое ужасное», не совсѣмъ искренно скажутъ люди. Страданія другихъ? Да страданія другихъ, то, что вы называете страданіями, не прекращались и не прекращается. Весь міръ стонетъ отъ этихъ страданій. Неужели мы только сегодня узнали про нихъ? Роды, раны, увѣчья, голодъ, холодъ, болѣзни, старость — вѣдь это условія существованія. Вѣдь это то самое, уменьшеніе чего, помощь чему и составляетъ содержаніе моей разумной жизни. То самое, во имя чего я отрекаюсь отъ личности. То самое, для чего дано мнѣ мое личное существованіе, и потому сочувствіе и пониманіе лишеній страданій личности. Я былъ ребенкомъ и помню это, и потому мнѣ больны страданія ребенка, и я неудержимо влекомъ къ тому, чтобы свои разумныя силы употребить на служеніе ему. Онъ, ребенокъ, своими страданіями взываетъ ко мнѣ какъ къ тому, что былъ я, и я безсознательно жалѣю его, хочу помочь, и разумное сознаніе мое говоритъ мнѣ, что это самое я и долженъ дѣлать; это и есть мое дѣло жизни: поддержать, сохранить тоже существованіе, въ которомъ можетъ быть жизнь. Тоже съ старикомъ, съ больнымъ, со всѣми страданіями плотской жизни. Страданія эти суть та работа единственная, которая мнѣ предстоитъ. Какже я матерьялъ своей работы могу понимать, какъ страданіе? Все равно какъ пахарь бы сказалъ, что непаханная земля его страданіе. Непаханная земля можетъ быть страданіемъ только для того, кто хотѣлъ бы видѣть пашню, но не хочетъ или не можетъ пахать. Страданія другихъ могутъ быть страданіями для тѣхъ, которые понимаютъ жизнь въ чемъ нибудь иномъ, чѣмъ въ служеніи людямъ, и потому желали бы видѣть людей счастливыми, а не желаютъ служить имъ. «Но нравственныя страданія»,

говорятъ еще. Нравственныя страданія самыя ужасныя, и какже отрицать ихъ. И подъ нравственными страданіями очень часто, говоря это, разумѣютъ самыя разнообразныя вещи. Я люблю человѣка, ребенка, и онъ умираетъ. Это нравственное страданіе. «Богъ далъ, Богъ и взялъ», сказалъ Іовъ. «Не говори: у меня взяли, а говори: я отдалъ и что мнѣ дали на время», говоритъ Эпиктетъ. Но слова эти намъ кажутся словами, и люди, непонимающіе жизнь, говорятъ, что то, что они не имѣютъ того, чего хотятъ, или лишены того, что ихъ радовало, что это нравственное страданіе. Человѣкъ никогда не былъ и не можетъ быть лишенъ того, что дано ему для его блага, возможности подчиненія своей личности разуму для служенія міру. Лишеннымъ онъ себя считаетъ только тогда, когда онъ не себя считаетъ слугой міра, а міръ и выбранныя изъ него вещи или лица считаетъ назначенными для того, чтобы служить его счастью. Для человѣка, имѣющаго разумѣніе жизни, не можетъ быть такъ называемыхъ нравственныхъ страданій ни въ смертяхъ нѣкоторыхъ людей, ни въ ихъ отдаленіи отъ насъ, ни въ дурной жизни ихъ, ни въ чемъ томъ, что не зависитъ отъ разумѣнія самаго человѣка. Не можетъ быть, п[отому] ч[то] большее или меньшее благо жизни человѣка, имѣющаго разумѣніе, состоитъ только въ большемъ или меньшемъ служеніи людямъ, а мѣра этаго служенія не можетъ зависѣть отъ существованія и поступков другихъ людей, а только отъ большаго или меньшаго напряженія служенія. Нравственное страданіе есть только одно — заблужденіе, уклоненіе отъ пути жизни. И страданіе это еще болѣе благодѣтельно чѣмъ тѣлесная боль. Страданіе это указываетъ всякій разъ уклоненіе отъ единаго пути. И избавленіе отъ него тутъ же, рядомъ съ страданіями, и такое, что, каково[198] бы ни было уклоненіе, возвращеніе на путь вознаграждаетъ все и даетъ полное удовлетвореніе.

* № 10.[199]

Глава XXXIV.[200]

ЖИЗНЬ ИСТИННАЯ НЕ ПОДЛЕЖИТ СТРАДАНІЯМЪ.

Но если бы даже одни люди, тѣмъ или другимъ доводомъ увѣрили себя, что ихъ ожидаетъ личное безсмертіе, или другіе, которыхъ очень много, успокоили бы себя часто безсознательно разсужденіемъ Эпикура о томъ, что смерти я не увижу, такъ какъ меня не будетъ, когда будетъ смерть, тѣ и другіе люди, удаливъ отъ себя представленіе о неизбѣжности смерти, никогда не въ состояніи, если они не имѣютъ истиннаго пониманія жизни, помириться съ представленіемъ объ ожидающихъ ихъ, угрожающихъ имъ со всѣхъ сторонъ неизбѣжныхъ страданій. Смерть еще ничего, мы научились жить безъ страха смерти; но страданія? Страданія, вотъ что ужасно! — говорятъ они. <Обыкновенно подъ этимъ общимъ словомъ страданій, смѣшиваютъ три разныя понятія о страданіяхъ: страданія свои тѣлесныя, личныя,

которыя собственно и составляютъ главный ужасъ, потомъ видъ страданій другихъ людей, потомъ свои нравственныя страданія.>

И удивительное дѣло: утвержденіе о томъ, что утверждали не одни стоики, но и всѣ люди, мыслившіе о жизни, что <страданія суть произведения нашего воображенія, что> нашъ взглядъ на страданія можетъ или до безконечно большаго увеличить или до безконечно малаго уменьшить страданія, это утвержденіе изъ себя выводитъ людей, боящихся страданій и утверждающихъ <то, что это есть главное бѣдствіе жизни> то, что страданія — положительное зло, нисколько не зависящее отъ нашего взгляда на нихъ. Люди защищаютъ <дѣйствительность> неотвратимость и мучительность страданій, какъ какую то драгоцѣнность, какъ опору своего міросозерцанія, которую они ни за что не хотятъ и не могутъ уступить. И защищая свое представленіе о страданіяхъ, эти люди всегда смѣшиваютъ въ одно разные рода страданій, умышленно подмѣняя одно понятіе другимъ, страхъ передъ возможностью своихъ личныхъ животныхъ страданій — боли, состраданіе или видъ страданій другихъ и нравственныя страданія свои и другихъ людей, всѣ эти роды страданій кажутся имъ несомнѣннымъ ничѣмъ не уменьшаемымъ и, главное, ничѣмъ не оправдываемымъ зломъ.

«Человѣкъ привыкшій къ роскоши обѣднѣлъ, голодаетъ, мерзнетъ и принужденъ жить во вшахъ».

«Человѣкъ молодой, живой, полный силы сидитъ въ одиночномъ заключеніи».

«Вагонъ въ 6 тысячъ пудовъ, упавъ, навалился на человѣка и придавилъ ему половину тѣла. Онъ лежитъ подъ 6-ю тысячами пудами въ страшныхъ мученіяхъ. Вотъ первый видъ страданій, отравляющій жизнь людей».

«И все это можетъ быть со мною. Развѣ это не ужасно?»

Ужасно; и не можетъ быть не ужасно для человѣка, понимающаго свою жизнь, какъ плотское существованіе. Вся жизнь такого человѣка проходила только въ томъ, чтобы увеличивать свои наслажденія. Наслажденія же не что иное, какъ противоположная сторона страданій. Постель изъ розовыхъ листьевъ было наслажденіе сибарита, завернувшійся листокъ въ постели было его страданіе.

Средины нѣтъ для человѣка, полагающаго свою жизнь въ плотскомъ существованіи. Всѣ его состоянія — суть состоянія наслажденія, или страданія. И для такого человѣка богатство и здоровье и вытекающая изъ него возможность удовлетворенія своимъ похотямъ — наслажденія, нищета и нездоровье, и связанныя съ ними лишенія — страданія.

Возможность переходить и переѣзжать съ мѣста на мѣсто, видѣть тѣхъ людей, которые ему нравятся — наслажденіе, тюрьма — страданіе. Состояніе, при которомъ нигдѣ ничего не болитъ, и человѣкъ чувствуетъ незадержанную ничѣмъ дѣятельность своего тѣла —

наслажденіе. Завалившійся на животъ вагонъ — страданіе.

Но такъ же, какъ для человѣка, понимающаго свою жизнь въ подчиненіи личности разуму, не можетъ быть наслажденіемъ его богатство, т. е. средство потворствовать своей личности и утверждать ее, какъ не можетъ быть наслажденіемъ свобода передвиженія и видъ тѣхъ или другихъ людей, какъ не можетъ быть наслажденіемъ сознаніе жизненности своего тѣла, такъ не можетъ быть и страданіемъ состояніе противуположное этимъ наслажденіямъ. Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нѣтъ ничего такого, чтобы препятствовало теченію разумной и любовной жизни, какъ ее понимаетъ такой человѣкъ или хоть сколько-нибудь нарушало ее. То, что онъ, прежде богатый, лишенъ возможности ѣсть много и грѣться, когда хочется тѣлу, и состарѣлся и заболѣлъ, все это для него только условія, давнымъ давно извѣстныя и ожидаемыя и привѣтствуемыя имъ, какъ облегчающія для него дѣло его жизни — подчиненіе личности закону разума. То же и съ заключеннымъ. Страданія его вытекаютъ изъ представленія о томъ, что его тѣлу надобно бы и можно бы быть свободнымъ. Но для человѣка, полагающаго жизнь въ подчиненіи закону разума, нисколько не важна внѣшняя свобода или несвобода его тѣла. Для него важно подчиненіе его тѣла закону разума, а подчиненіе точно такъ же иногда еще и болѣе возможно въ тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ. 6000 пудовъ лежитъ на животѣ человѣка, раздавивъ его, какъ это ужасно? Но что же тутъ болѣе ужаснаго, чѣмъ то, чему мы, какъ говорятъ, подлежимъ и подвергаемся каждую секунду — залетитъ одна изъ билліоновъ летающихъ бактерій, и я безъ 6000 пудовъ буду точно также лежать и также умру. Но вотъ> Кондукторъ въ столкновеніи поѣздовъ прижатъ къ паровику и паръ выжигаетъ ему внутренности. На кораблѣ люди поѣдаютъ другъ друга и медленно умираютъ отъ голода. На пыткѣ выворачиваютъ ногти и сдираютъ кожу, человѣкъ похороненъ живой и просыпается въ гробу.

Развѣ это не положительное зло и такое несомнѣнное, что никакія разсужденія не могутъ уменьшить его? Вотъ это то ужасно, говорятъ люди, точно какъ будто прямо изъ рая, изъ того мѣста, гдѣ они никогда не видали и не производили страданій. Точно страданія, которыя они сами производятъ и сами испытываютъ и воображаютъ великая не только новость, но и неожиданность. Когда они съ такимъ ужасомъ разсказываютъ про того человѣка, который подвергся ужаснымъ страданіямъ, они какъ будто подразумѣваютъ то, что самое ужасное въ этомъ дѣлѣ то, что съ человѣкомъ этимъ, попавшимъ въ тюрьму или подъ вагонъ, или умирающимъ отъ голода или рака случилось что то такое, чего никакъ не должно было случиться, какъ будто человѣкъ всякій предназначенъ только для того, чтобы пить, ѣсть, курить папироски и веселиться, и вдругъ такая непріятная неожиданность. Точно какъ дѣти, которые перебили другъ другу носы и потомъ удивляются, что это больно. Вѣдь хорошо бы было человѣку возмущаться противъ страданій своихъ и людскихъ, если бы онъ самъ не производилъ ихъ. А то вся наша жизнь проходитъ въ томъ, что производимъ свои и чужія страданія, и потомъ удивляемся на нихъ, возмущаемся и готовы обвинять въ этихъ страданіяхъ всѣхъ, только не себя: т. е. тѣхъ,

которые производятъ ихъ. У человѣка ракъ, и мы ужасаемся на его страданія, да посмотрите на прошедшую жизнь его, и вы увидите, что не смотря на всѣ предостереженія, которыя давалъ ему законъ жизни, онъ старательно дѣлалъ себѣ его. Люд[и] умираютъ безъ помощи въ страшныхъ мученіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, на поляхъ сраженій, на корабляхъ, въ тюрьмахъ. Да кто же сдѣлалъ эти войны, дороги, корабли, тюрьмы, и кто гналъ этихъ людей туда? Но нѣтъ, отвѣчаютъ на это, есть люди, которые наслѣдовали страшныя мучительныя болѣзни отъ предковъ, есть люди, которые никакъ уже сами ни въ чемъ не виноватые, что попали подъ вагоны и въ тюрьмы, на войну. Но дѣло не въ виноватости, а въ причинѣ страданій, и причину эту намъ нельзя не видѣть. Если бы люди любили другъ друга — не могли бы одни изъ нихъ умирать съ голода, не было бы войнъ, тюремъ, не было бы возможности проѣзжающимъ задавить человѣка. А если я участвую въ порядкахъ, мучающихъ людей болѣзнями, голодомъ, тюрьмами, ранами, крушеніями, то причины страданій, которымъ подверженъ и я, очевидны, они во мнѣ, въ моей жизни.

[201]Въ томъ то и дѣло, что человѣкъ не можетъ жить для себя однаго, не можетъ спастись одинъ, что нѣтъ для человѣка однаго его личнаго блага. Въ томъ то и дѣло, что заблужденіе человѣка производитъ страданіе человѣка, страданіе человѣка есть послѣдствіе заблужденія человѣка. Человѣкъ же, заблуждающійся и страдающій, не есть одинъ личный человѣкъ, я, Л. Н., а человѣкъ это всѣ люди и теперь живущіе и прежде жившіе и тѣ, которые будутъ жить. — Это сынъ человѣческій, какъ называетъ это Евангеліе. И жилъ, и живетъ, и можетъ жить въ насъ только онъ, этотъ Сынъ Человѣческій, тотъ, который не только связанъ, но есть одно со всѣми людьми, который своими страданіями выкупаетъ и свои и чужіе грѣхи, своими заблужденіями производитъ свои и чужія страданія и своими избавленіями отъ заблужденій избавляетъ себя и другихъ отъ страданій. Ничто не доказываетъ съ такой очевидностью, какъ страданія, невозможность человѣку отдѣлить себя отъ другихъ людей и жить для своего личнаго блага.

* № 11.[202]

Глава XXXIV.

ЗАЧѢМЪ СТРАДАНІЕ?

Но если бы даже и удалось людямъ ложными разсужденіями или суетой и возбужденіемъ страстей скрыть отъ себя ужасъ смерти, человѣкъ, не имѣющій истиннаго пониманія жизни, никогда не помирится съ представленіемъ объ ожидающихъ его, отчасти испытываемыхъ имъ, угрожающихъ ему со всѣхъ сторонъ неизбѣжныхъ страданій. Смерть еще

ничего, мы научились жить безъ страха смерти, но страданія? Зачѣмъ страданія? говорятъ люди. Зачѣмъ эти ничѣмъ необъяснимыя и неоправдываемыя, глупыя и жестокія страданія? Зачѣмъ то, чего не должно быть, спрашиваетъ человѣкъ.

Кондукторъ при столкновеніи поѣздовъ прижатъ къ паровику, и паръ выжигаетъ его внутренности. На полѣ сраженія раненные безъ помощи ползаютъ, корчась отъ боли. На кораблѣ люди поѣдаютъ другъ друга и медленно умираютъ отъ голода. Башибузуки выворачиваютъ ногти и сдираютъ кожу съ живаго, человѣкъ похороненъ живой и просыпается въ гробу. Зачѣмъ это? Этаго не должно быть. Страданія всегда представляются человѣку чѣмъ то такимъ, чего не должно быть...[203]

Для жизни здѣсь въ пространственныхъ и временныхъ условіяхъ; для жизни личности объясненія страданій нѣтъ и не можетъ быть: <причины страданій и потому объяснение ихъ выходитъ за предѣлы личности и въ пространствѣ и во времени. Они находятся въ той истинной жизни, сознаніе которой дано человѣку.>

Страданіе есть неразумное необъяснимое зло. Смыслъ, сила жизни только въ стремленіи къ благу. И вдругъ является какая то таинственная сила, нарушающая это благо и производящая зло. Зачѣмъ она? Или зачѣмъ моя жизнь, какъ стремленіе къ благу? Еще, положимъ, если я пью, объѣдаюсь, развратничаю, страданія болѣзней, которыя я наживаю, могутъ быть объяснены. Страданія эти указываютъ мнѣ предѣлъ наслажденій, необходимость умѣренности въ нихъ. Положимъ даже, что и страданія въ тюрьмахъ, на поляхъ сраженій, при крушеніяхъ показываютъ мнѣ, что не надо дѣлать тюрьмы, сажать въ нихъ, не надо воевать. Но уже это объясненіе представляется сомнительнымъ для міросозерцанія личной жизни. Положимъ, что я буду всѣ силы употреблять на то, чтобы уничтожить тюрьмы, войны, крушенія, я не исполню этаго въ своей жизни и самъ подвергнусь этимъ страданіямъ, такъ изъ чего же я хлопоталъ? Но еще непонятнѣе страданія наслѣдственныя: отецъ мой или дѣдъ пилъ или былъ сифилитикомъ, и я родился уродомъ и страдаю всю жизнь. Зачѣмъ? За что? Разсужденіе о томъ, что потомство казнится за грѣхи родителей, и я своими страданіями служу иллюстраціей этой истины, не объясняетъ ничего. Я хочу блага для себя, а не быть иллюстраціей чего то для другихъ. Зачѣмъ мнѣ эти страданія и за что? И еще непонятнѣе, такъ непонятно для личнаго міросозерцанія, что ничего даже и придумать нельзя: страданія людей, съ бухта барахта зарытыхъ живыми подъ землею въ Лисабонѣ или въ Вѣрномъ, или просто случайно заражающихся жестокой болѣзнью и страдающихъ мучительными страданіями годами. Тутъ уже нѣтъ никакого подобія объясненія, а такъ просто ходитъ по свѣту какая то злоба, называемая то Богомъ, то дьяволомъ, то случаемъ, ходитъ и бьетъ и мучаетъ людей, тѣхъ, кого вздумается, не давая никому никакого ни отчета, ни объясненія.

∗ № 12.[204]

Глава XXXIV.

Вариант первый.[205]

Если бы человекъ не зналъ ничего про смерть, одни страданiя, испытываемые имъ и другими людьми, приводятъ человѣка къ признанию своей жизни внѣ личности.

Но если бы человѣкъ, не понимающiй истинной жизни, и увѣрилъ себя, какъ магометанинъ, въ томъ, что послѣ смерти его ожидаетъ въ раю продолженiе его жизни, или бы, успокоившись разсужденiемъ Эпикура о томъ, что смерти онъ не увидитъ, такъ какъ его не будетъ, когда будетъ смерть, и съумѣлъ бы скрыть отъ себя ужасъ смерти, одни страданiя, испытываемыя имъ самимъ и другими людьми, привели бы его неизбѣжно къ отрицанiю своей личности и къ признанiю своей жизни внѣ ея.

Вариант второй.[206]

«Но положимъ, что это все можетъ такъ казаться», жизнь можетъ казаться безсмертною, скажутъ люди, не имѣющiе жизни и опытомъ ея не познавшiе; «но какже объяснить страданiя» скажутъ они. Зачѣмъ? За что всѣ эти ужасныя страданiя, которыми полонъ міръ. Зачѣмъ, за что одинъ человѣкъ мучается годами ракомъ, параличемъ, попадаетъ въ одиночное заключенiе, попадаетъ Башибузукамъ, которые сдираютъ съ него кожу, зачѣмъ дѣти такъ ужасно страдаютъ? Зачѣмъ земля проваливается отъ землетрясенiя именно подъ Лисабономъ, подъ Вѣрнымъ, и люди заживо погребаются въ землѣ? Зачѣмъ эти мученiя? За что? однимъ эти мученiя, а другiе доживаютъ въ благоденствiи до глубокой старости и безболѣзненно умираютъ. Зачѣмъ, за что это дѣлается? говорятъ люди, не понимающiе жизни. Имъ кажется, что эти то безсмысленныя страданiя очевиднѣе всего опровергаютъ разумный смыслъ жизни, истиный <тогда какъ ничто, очевиднѣе этихъ самыхъ, кажущихся безсмысленными страданiй, не утверждаетъ его.> Человѣкъ мучается голодомъ, страшной болѣзнью, или сидитъ 20 лѣтъ въ одиночномъ заключенiи, или ползаетъ съ оторванными ногами по полю сраженiя, или кондукторъ въ крушенiи прижатъ къ кранамъ паровика, и паръ выжигаетъ ему внутренности, или ребенка мучаетъ злодѣй, и мы ужасаемся — зачѣмъ эти страданiя? За что эти страданiя? И, не получая никакого разумнаго отвѣта, они говорятъ — жизнь не имѣетъ никакого разумнаго смысла. Но отчего же этаго не должно быть?[207]

Жизнь не имѣетъ смысла, человѣкъ живетъ для своего блага, а внѣ его существуетъ безсмысленная [?] сила, губящая и мучащая его. Разсужденiе показываетъ человѣку, что сила эта подлежитъ общимъ законамъ, что губится извѣстное количество людей и что для того,

чтобы ему не подпасть подъ эту силу, надо одно — дѣйствовать, какъ и эта сила, безъ разбора губить другихъ, сохраняя себя (такъ и дѣлаетъ большинство) и терпѣть свое положеніе: понять, что онъ попалъ въ работники къ шальному и жестокому хозяину, который и нанималъ съ уговоромъ, что онъ сдеретъ шкуру безъ всякаго основанія съ кого ему вздумается, и доживать срокъ ему, жить какъ можно лучше. Но человѣкъ не можетъ успокоиться, и всякій разъ какъ на его глазахъ обдираютъ его товарищей или особенно, когда дѣло доходитъ до него, не можетъ не возмущаться и не спрашивать, за что? Зачѣмъ? Не можетъ не чувствовать въ глубинѣ души, что этаго не должно быть.

Зачѣмъ, за что страданія, говорятъ люди, невѣрующіе въ возможность объясненія этихъ страданій. И этимъ самымъ вопросомъ о томъ, зачѣмъ страданія, они уже утверждаютъ то, что страданія это то, чего не должно быть. И въ самомъ дѣлѣ, это не можетъ быть иначе, п[отому] ч[то] понятіе страданій, вѣдь есть ничто иное, какъ сознаніе того, чего не должно быть. Вся жизнь человѣческая проходитъ въ страданіяхъ и такихъ положеніяхъ, въ которыхъ онъ чувствуетъ, что съ нимъ совершается то, чего не должно быть. Человѣкъ обжегся горячимъ чаемъ — этого не должно быть, сѣлъ на гвоздь — этаго не должно быть. Я голоденъ, я озябъ — всего этаго не должно быть, и я дѣлаю то, что должно быть, дую на чай, вынимаю гвоздь, вырабатываю пищу, дѣлаю одежду.

Вариант третий.[208]

<«Положимъ, что всѣ эти росказни о душѣ, добрѣ, о любви, о будущей жизни, все это старыя бабы выдумали, и мы умѣемъ жить и умирать спокойно, смѣло и бодро, безъ суевѣрій; но страданія? Это уже не старыя бабы выдумали <а это фактъ и нельзя отрицать его>. Вонъ человѣкъ голодаетъ, мерзнетъ — завтра это можетъ со мной, случиться, и нѣчто подобное уже я испытывалъ, вонъ у человѣка ракъ, параличъ и страшныя мученья, которыя ничѣмъ утишить нельзя, намеки и на это я уже испытывалъ, а вонъ человѣка посадили въ одиночное заключеніе, а вонъ тому ноги оторвало, и онъ ползаетъ безъ помощи по полю сраженія, а вонъ тѣмъ, инымъ башибузуки сдирали съ живыхъ кожу, а того жарили на огнѣ. А тѣ провалились при землетрясеніи и похоронены живыми. И все это, можетъ случиться со мной, и уже многое я испыталъ похожее. А вотъ вотъ начнется что-нибудь. Вотъ что ужасно, вотъ почему невозможна жизнь безъ разумнаго пониманія ея. Зачѣмъ страданія?[209] Не можетъ не задавать себѣ вопроса человѣкъ, не понимающій жизни, и отвѣта онъ не можетъ получить никакого кромѣ того, что это сдѣлано кѣмъ то на зло ему, <что это сдѣлано чортомъ, который и является единственной силой внѣ его самаго> какой то положительной силой. Человѣкъ живетъ для себя для своего блага, и злой Богъ, или судьба, или случай, или чортъ <для своего удовольствія> дѣлаетъ ему зло в видѣ страданій. Таково, сколько бы они ни старались затемнить, скрыть отъ самихъ себя, таково основное міросозерцаніе людей, не разумѣющихъ жизни. Не признавая никакой

другой жизни, кромѣ жизни личности, начавшейся здѣсь, они должны признать еще другую силу, самую важную для ихъ жизни, ту, которая производитъ страданія. И сила эта представляется самой нелѣпой, какую только можетъ себѣ представить человѣкъ>. Я хочу дѣлать любимое мною и полезное дѣло, и вдругъ меня схватываетъ зубная боль, и я трое сутокъ валяюсь, корчась отъ боли. Или я живу, не дѣлаю ничего дурнаго, и вдругъ залетѣла бактерія, или поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, и я потерялъ все: и жену, и дѣтей, и здоровье, я обреченъ доживать свою жизнь въ страшныхъ мученіяхъ калѣкой. Ребенокъ милый растетъ, радуется, радуетъ другихъ, и вдругъ ужасающія страданія и смерть. <И эти случайности на волоскѣ висятъ надъ каждымъ изъ насъ, и мы всѣ уже испытывали ихъ отчасти, и рано или поздно всѣ подвергнемся той или другой ужасной случайности. Есть ли тутъ какой нибудь смыслъ? И возможно ли разумному существу жить въ такихъ условіяхъ?

Вѣдь если бы люди только дѣлали тѣ выводы, которые неизбѣжно слѣдуютъ изъ ихъ страданій, ни одинъ человѣкъ не сталъ бы жить въ такихъ невозможныхъ условіяхъ. Ни одинъ работникъ не пошелъ бы къ хозяину, который бы уговоромъ поставилъ то, что, если ему вздумается, онъ позволитъ работнику жить спокойно, а если вздумается, то будетъ вытягивать изъ него и его дѣтей жилы, сдирать кожу или поливать горячей смолой, дѣлать то, что онъ на глазахъ нанимающагося дѣлаетъ по своей фантазіи съ своими работниками. Не столько смерть, сколько страданія должны привести разумное существо къ отрицанію личной жизни.>

Предположеніе о томъ, что за страданія мои здѣсь я буду награжденъ тамъ, не имѣетъ никакого основанія. Тотъ Богъ, который наградитъ меня тамъ за мои страданія здѣсь, сдѣлаетъ это только потому, что Онъ справедливый. Если же онъ справедливый, то Ему нельзя было и подвергать людей незаслуженнымъ страданіямъ, какъ я это вижу на дѣтяхъ. При такомъ разсужденіи невольно напрашивается библейское изрѣченіе Бога о томъ, что онъ взыщетъ на потомствѣ грѣхи предковъ. Но если жизнь каждаго человѣка есть жизнь личная, начинающаяся здѣсь, то родившееся отъ виноватыхъ родителей не можетъ быть виноватымъ, и Богъ, карающій его, есть Богъ злой и несправедливый, и не есть Богъ, и нѣтъ Бога, а есть только какая то противная разуму человѣка злая сила, которая губитъ и мучаетъ людей безъ всякаго смысла и толка. Ничто очевиднѣе страданій, <испытываемыхъ людьми,> не показываете людямъ невозможность пониманія своей жизни какъ личнаго существованія, начавшагося съ рожденія и кончающагося смертью.

<Такъ и смотритъ большинство людей на силу, управляющую міромъ. И только отъ того все зло міра, что такъ смотрятъ люди на эту силу и на міръ.

Есть злая сила, губящая меня и всѣхъ, кого попало, по своей прихоти. Она можетъ завтра погубить меня, и потому буду дѣлать все, что могу,

чтобы она не сгубила меня. И ограждая себя, буду дѣлать тоже, что и она дѣлаетъ: буду также безучастно губить людей, какъ и она губитъ. И такъ и дѣлаютъ люди; но сколько бы они ни старались, губящая сила сильнѣе ихъ, добирается и до нихъ, и для нихъ разрушается весь ихъ трудъ, и міръ представляется имъ тою же жестокой безсмысленностью, еще болѣе жестокой, п[отому] [что] они видятъ, что всѣ ихъ усилія, все пропало даромъ. И вся жизнь опять та же жестокая безсмыслица. Испытываемое страданіе неизбѣжно вызываетъ въ человѣкѣ вопросъ, что дѣлать, чтобы этого не было, и попытки избавиться отъ страданія. Если страданіе продолжается, вопросъ видоизмѣняется, человѣкъ уже спрашиваетъ, зачѣмъ эти страданія? <И если оно еще продолжается и онъ не видитъ, зачѣмъ, онъ уже спрашиваетъ, за что?>

И въ 99 случаяхъ изъ 100 испытываемыхъ страданій человѣкъ получаетъ отвѣтъ на эти вопросы. На вопросъ, что дѣлать, чтобы прекратилось страданіе, отвѣтъ — перестать дѣлать то, что производитъ ихъ. На вопросъ: зачѣмъ? отвѣтъ чтобы впередъ ты не заблуждался, не отступалъ отъ закону, не грѣшилъ. <За что? За то, что ты отступилъ отъ закона — согрѣшилъ.> Опытъ жизни устанавливаете въ сознаніи человѣка связь причины и слѣдствія между заблужденіемъ преступленіемъ закона, грѣхомъ и страданіемъ.>[210]

Глава XXXIV.

Вариант четвертый.[211]

ЗАЧѢМЪ СТРАДАНІЯ?

«Но положимъ, скажутъ люди, не разумѣющіе жизни, что можно или увѣрить себя въ нескончаемости своей жизни, или просто не думать о смерти и не бояться ея, такъ какъ живой, пока онъ живой, никогда не увидитъ смерти, но страданія? Какой разумный смыслъ могутъ имѣть страданія? <Зачѣмъ страданія?»

Людямъ, не разумѣющимъ жизни, представляется, что жестокость беззаконность страданій, которыхъ не знаютъ одни и которымъ подвергаются другіе, очевиднѣе всего другаго доказываютъ невозможность разумнаго объясненія жизни, а между тѣмъ, именно эти то страданія очевиднѣе всего приводятъ людей къ необходимости признанія жизни въ ея истинномъ разумномъ значеніи.> <Зачѣмъ страданія голода, холода, труда, который необходимъ для избавленія себя отъ этихъ бѣдъ? Зачѣмъ страданія дѣторожденія? Зачѣмъ страданія дѣтей? — спрашивалъ себя человѣкъ еще въ древности и отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Но отвѣты эти оказываются недостаточными. И въ новое время невольно ставятся еще новые вопросы.> Зачѣмъ надо провалиться землѣ именно подъ Лисабономъ или Вѣрнымъ и произвести страшныя страданія тысячъ людей? Зачѣмъ тифоны, наводненія, болѣзни и произведенные ими страданія тысячъ? <Налетаетъ тифонъ, и въ страшныхъ мученіяхъ умираютъ тысячи людей, молодыхъ, старыхъ, женщинъ, дѣтей. Земля

проваливается подъ Лисабономъ или подъ Вѣрнымъ, и люди зарыты живыми. Болѣзнь является, чума, холера, проказа, и опять безцѣльныя страданія. Мало того, мы всѣ родиться не можемъ безъ того, чтобы не заставить страдать нашихъ матерей. Какой тутъ смыслъ? Зачѣмъ эти всѣ страданія?

Зачѣмъ изъ 100 000 семействъ именно одно гибнетъ и обгараетъ въ пожарѣ и переноситъ страшныя мученія. Другая случайность, прихоть тирана или борьба политическихъ партій, и зачѣмъ именно этотъ человѣкъ забрасывается въ одиночное заключеніе и проводитъ[212] тамъ 20 лѣтъ въ страшныхъ нравственныхъ мученіяхъ? Зачѣмъ этотъ, а не другой кондукторъ попадаетъ въ крушеніи подъ кранъ паровика, и горячій паръ выжигаетъ ему внутренности? Зачѣмъ башибузуки нападаютъ именно на эту беззащитную деревню и сдираютъ кожу съ живыхъ именно этихъ, а не другихъ дѣтей? Человѣкъ просто заражается или наслѣдуетъ отъ родителей болѣзнь[213] и проводитъ всю жизнь въ страшныхъ мученіяхъ. Зачѣмъ изъ 100 солдатъ одинъ остается на полѣ сраженія съ оторванными членами и безъ помощи умираетъ въ страшныхъ страданіяхъ. Люди голодаютъ цѣлыми селами, болѣютъ, пухнутъ и умираютъ въ страшныхъ страданіяхъ.> Зачѣмъ, наконецъ, неизбѣжныя страданія холода, голода и борьбы съ ними, зачѣмъ страданія дѣторожденія? Какой смыслъ страданій? Зачѣмъ оно? Съ недоумѣніемъ, почти съ негодованіемъ спрашиваютъ люди. Что это значитъ? спрашиваютъ люди, точно, какъ будто страданія, которымъ они подвергаются, представляется имъ чѣмъ то новымъ и неожиданнымъ; точно они сами только что пришли изъ рая, въ которомъ люди никогда не испытывали никакихъ страданій, а не родились и выросли въ томъ мірѣ, въ которомъ вся жизнь ихъ и другихъ людей, происходившая на ихъ глазахъ, всегда и была подвержена всѣмъ этимъ страданіямъ, въ томъ мірѣ, въ которомъ всѣ тѣ радости, которыя они испытывали, покупались именно этими страданіями, что страданія эти, которыя такъ возмущаютъ ихъ, такъ связаны съ ихъ жизнью, что не будь того, что производитъ эти страданія, не было бы и всего того, что составляетъ ихъ благо жизни. Не было бы рожденіе, производящее страданія матерей, не было бы ихъ самихъ. Не было бы вѣтра, производящаго наводненіе и тифоны, не было огня внутри земли, не было бы и жизни на ея поверхности, ничего. Но мало того, люди не хотятъ видѣть и того, что они сами даже производятъ тѣ страдания, которыя возмущаютъ ихъ. Не селись они въ тѣсныхъ городахъ, при которыхъ по статистикѣ извѣстно, что сгораетъ извѣстный % людей, не было бы страданій сгорающихъ людей. Не враждуй они между собой, не было бы политическихъ партий, вслѣдствіи которыхъ люди мучаются въ тюрьмахъ. Не заводи они войны съ ея ужасами, не было бы тѣхъ страданій раненныхъ и брошенныхъ. Не старайся они какъ можно быстрѣе передвигаться и передвигать предметы съ мѣста на мѣсто, не было бы желѣзныхъ дорогъ съ извѣстнымъ % несчастій. <Тоже съ болѣзнями, тифами, голодомъ, замерзаніемъ, почти со всѣми страданіями людей, которые такъ страшно возмущаютъ насъ.> Человѣкъ попалъ подъ одну изъ этихъ случайностей, и мы возмущаемся, точно какъ будто съ человѣкомъ случилось не то самое, что и должно

случиться. Вѣдь мы знали, что по статистикѣ столько % на каждый родъ несчастій, родовъ же несчастій ужасно много (я думаю столько же, сколько людей), и потому случается только то самое, что должно случиться, и возмущаться нечему.[214]

Глава XXXIV.

Вариант пятый.[215]

НЕПОСТИЖИМОСТЬ СТРАДАНІЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ПРИЗНАЮЩИХЪ ЖИЗНЬ ВЪ СУЩЕСТВОВАНІИ ЛИЧНОСТИ, ЕСТЬ НОВОЕ И САМОЕ СИЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НЕСКОНЧАЕМОСТИ <ЗЕМНОЙ> ЖИЗНИ.

<Но положимъ, скажутъ люди, не разумѣющіе жизнь, что можно тѣмъ или другимъ способомъ, или увѣривъ себя въ нескончаемости жизни, или суетой и заботами жизни[216] скрыть отъ себя ужасъ смерти и жить, не боясь ея, но страданія?>

«Но хорошо, положимъ, что жизнь наша здѣсь есть постоянное, непрекращающееся увеличеніе разумной и любовной силы, начавшееся до этаго существованія и переходящее со смертью въ другое невидимое нами, положимъ, что это такъ, какое же при такомъ пониманіи жизни имѣютъ смыслъ страданія? Тѣ безцѣльныя, безсмысленныя страданія, которымъ подвергаются почему то одни люди и избавляются другіе; и страданія такія, которыя не могутъ быть ни для кого нужны и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасныя и жестокія? Не смотря ни на какія разсужденія они возмущаютъ нашу душу и явно несомнѣнно показываютъ намъ безсмысленность нашей жизни». Зачѣмъ нужно, чтобы изъ сотенъ тысячъ семей именно это одно жило именно въ это время въ томъ домѣ, въ которомъ была труба съ сажей и одна лѣстница и чтобы на глазахъ матери сгорѣли ея дѣти и она сама перенесла бы тѣ страшныя мученія обжоговъ, въ которыхъ она умерла? Зачѣмъ надо именно этому солдату изъ тысячи попасть подъ ядро, оторвавшее ему обѣ ноги, и быть брошену на полѣ сраженія и умирать въ страшныхъ мученіяхъ? Зачѣмъ именно этому попасть въ одиночное заключеніе и, забытому тамъ, просидѣть 20 лѣтъ? Зачѣмъ кондуктору попасть въ крушеніи поѣзда подъ краны паровика, чтобъ ему медленнымъ огнемъ выжигало внутренности? Зачѣмъ надо землѣ провалиться именно подъ Лисабономъ или Вѣрнымъ и заживо зарыть невинныхъ людей? Зачѣмъ тифоны, наводненія, голодъ, чума, болѣзни, мучающіе и губящія однихъ и обходящія другихъ? Зачѣмъ <наконецъ> страданія холода, голода — нужды и борьбы противъ нея? Зачѣмъ муки дѣторожденія? Зачѣмъ случайность страданія дѣтей младендевъ?» спрашивали себя еще въ самой глубокой древности и до сихъ поръ не могутъ не спрашивать люди. И люди, не понимающіе жизни, признающіе жизнь только въ существованіи здѣсь отъ рожденія и до смерти, никогда не могутъ получить никакого отвѣта на эти вопросы. А отвѣты на эти вопросы необходимы для жизни. Безъ этихъ отвѣтовъ нельзя жить.

И не находя отвѣтовъ на эти вопросы, люди не понимающіе жизни говорятъ — жизнь не можетъ быть нѣчто разумное, жизнь безсмысленна.

Съ глубочайшей древности еще люди себѣ ставили эти вопросы. Зачѣмъ общія людямъ страданія нужды и борьбы съ нею, необходимость страданій труда (такимъ трудъ ручной представлялся въ древности), зачѣмъ муки дѣторожденія, зачѣмъ страданія дѣтей и случайность страданій однихъ, а не другихъ? И наша библейская мудрость отвѣчала, что страданія нужды и дѣторожденія это наказаніе, искупленіе прежняго грѣха, а страданія дѣтей и случайность страданій это наказаніе за грѣхи родителей. Если мы находимъ въ страданіяхъ человѣка, предающагося порокамъ и излишествамъ, тотъ смыслъ, что эти страданія какъ бы научаютъ его тому воздержанію, которое нужно для его блага, если мы находимъ въ страданіяхъ злаго человѣка, дѣлающаго зло другимъ, тоже предостережете въ его ложной дѣятельности, какъ бы далеко мы не прослѣживали ту связь, которая находится между причинами дурной жизни и слѣдствіемъ ея, страданіями, въ большинствѣ страданій, мучающихъ людей, мы не можемъ видѣть этой связи, и страданія представляются намъ прямо безсмысленной жестокой потѣхой какой то злой силы, мучающей на право и на лѣво того, кого вздумается.

Предположенія о томъ, что есть справедливый Богъ, награждающей и карающій, не разрѣшаетъ противорѣчія, п[отому] ч[то] если Богъ караетъ и награждаетъ людей тамъ за страданія здѣсь, то онъ дѣлаетъ это только п[отому], ч[то] онъ справедливый. Если же онъ справедливый, то онъ не могъ и подвергать людей незаслуженнымъ страшнымъ страданіямъ, какъ мы это видимъ на дѣтяхъ. То, что Богъ взыскиваетъ на дѣтяхъ грѣхи родителей, ничего не объясняетъ, если люди начинаютъ жить здѣсь. Ребенокъ ни въ чемъ не виноватъ, за что же съ него сдираютъ съ живаго кожу? Богъ, карающій и мучающій невинныхъ есть Богъ не только несправедливый, но злой и неразумный, т. е. нѣтъ Бога. Предположеніе же о томъ, что страданія суть слѣдствіе нашихъ заблужденій, объясняетъ только очень малую долю страданій такихъ, связь которыхъ съ заблужденіями намъ очевидна. Но и при этомъ объясненіи оставляетъ главный вопросъ безъ отвѣта. Хорошо, я страдаю отъ головной боли, отъ того, что я выпилъ вина, или я вернулся съ разбитымъ лицомъ отъ того, что пошелъ драться на кулачки; тутъ есть выводъ о томъ, что не надо пить и не надо драться, и страданія имѣютъ объясненіе. Но если я и пойму, что страданія мои отъ голода или отъ заключенія въ одиночной тюрьмѣ или отъ пожара, или отъ раны на войнѣ происходятъ отъ дурнаго устройства общежитія людей, я вижу несомнѣнно, что мои усилія переустроить не могутъ избавить меня отъ этихъ страданій, объясненіе это оставляетъ въ сторонѣ главный и единственно важный для меня вопросъ, почему это страданіе должно было постигнуть именно меня и что мнѣ дѣлать, чтобы его не было.

Но есть еще другіе и самые обычные роды страданій, при которыхъ объясненія уже не только ничего не даютъ, но какъ будто даны только для того, чтобы посмѣяться надо мной. Я изувѣченъ въ провалившемся Вѣрномъ, п[отому] ч[то] таковы геологическіе законы, или я страдаю

отъ сифилиса, п[отому] ч[то] мой отецъ былъ боленъ, а болѣзнь наслѣдственна или п[отому] ч[то] въ меня залетѣла такая то бактерія.

Глава XXXIV.

Вариант шестой.[217]

НЕОБЪЯСНИМЫЯ СВОИМИ ОШИБКАМИ И НИЧѢМЪ НЕОПРАВДЫВАЕМЫЯ СТРАДАНІЯ ЛЮДЕЙ СУТЬ НОВОЕ И САМОЕ СИЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НЕКОНЧАЕМОСТИ ЖИЗНИ.

«Но хорошо, положимъ, что жизнь истинная не есть жизнь личности, начинающаяся и кончающаяся здѣсь и что потому смерть не нарушаетъ разумнаго смысла жизни, но страданія, испытываемыя людьми въ этой жизни, страданія безцѣльныя, случайныя, ничѣмъ неоправдываемыя страданія? Достаточно однихъ этихъ страданій для того, чтобъ разрушить всякій разумный смыслъ, приписываемый жизни?» говорятъ люди, указывая на тѣ ужасныя, ничѣмъ необъяснимыя страданія, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ. Зачѣмъ землѣ надо провалиться именно подъ Лисабономъ и Вѣрнымъ и зарыть живыми невинныхъ людей — дѣтей? Зачѣмъ одной матери изъ 1000 на своихъ глазахъ потерять всѣхъ дѣтей и самой обгорѣть и умерѣть въ страшныхъ страданіяхъ? Зачѣмъ всѣ эти наслѣдственныя страданія и болѣзни? спрашиваютъ себя люди и не находятъ разумнаго отвѣта.

<И человѣкъ спрашиваетъ и испытываетъ эти страданія и, глядя на страданія другихъ, спрашиваетъ себя, отъ чего и для чего эти страданія? Спрашиваетъ себя о причинѣ и цѣли этихъ страданій. И всегда человѣкъ не можетъ не спрашивать себя объ этомъ. Это первые вопросы, представляющіеся человѣку. Обыкновенно думаютъ, что разуму человѣческому свойственно вообще отъискивать причины видимыхъ ему явленій, что простая любознательность влечетъ человѣка къ исслѣдованію причинъ и слѣдствій видимыхъ явленій и что въ числѣ этихъ явленій находятся и тѣ, которыя производятъ его страданія. Но это совершенно несправедливо: человѣку не свойственно изъ простой любознательности отъискивать причины и слѣдствія всѣхъ явленій міра: изслѣдовать почему солнце встаетъ и садится и что отъ этаго бываетъ или почему у рыбы нѣтъ крыльевъ и что отъ этаго происходитъ и т[ому] подобныя явленія, которыхъ въ мірѣ безчисленное количество. Человѣку свойственно изслѣдовать только свои страданія, отъ чего и для чего они? Только свои страданія и приводятъ человѣка къ и[з]слѣдованію всѣхъ другихъ явленій міра. И съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, человѣкъ не переставалъ и не перестаетъ изслѣдовать причину страданій и изыскивать средства избавленія отъ нихъ. Въ этихъ изслѣдованіяхъ и вытекающихъ изъ нихъ дѣятельности и состояло и состоитъ все познаніе человѣка. Съ самаго перваго проблеска сознанія человѣкъ и человѣчество, поражаемые страданіями, старается познать причину его, чтобы предотвратить это страданіе, если оно не нужно для его блага и выучиться переносить его и уменьшить его, если онъ познаетъ, что страданіе это необходимо для его блага. Вся жизненная

животная дѣятельность человѣка есть ничто иное какъ избавленіе себя отъ страданій, причина которыхъ понята, и перенесеніе и облегченіе страданія, цѣль котораго постигнута. Вся личная жизнь человѣка отъ пробужденія и до сна, отъ рожденія и до смерти наполнена именно этимъ.>

Казалось бы человѣкъ до такой степени окруженъ со всѣхъ сторонъ страданіями своими и чужими, до такой степени его наслажденія связаны не только съ чужими страданіями, но и съ своими собственными, что пора бы человѣку привыкнуть къ страданію какъ къ неизбѣжному условію жизни и не спрашивать себя, зачѣмъ страданіе. Не удивляться страданію, какъ чему то неожиданному, чему то такому, чего не должно быть. Человѣкъ вѣдь никогда не спрашиваетъ себя, зачѣмъ противоположное страданію, зачѣмъ наслажденіе? <Сколько бы не думалъ человѣкъ о неизбѣжности страданія, онъ никогда не можетъ перестать смотрѣть на него какъ на то, чего не должно быть, всегда спрашиваетъ себя зачѣмъ оно?>

Человѣку нужно знать, зачѣмъ страданія потому, что человѣкъ понимаетъ и не можетъ понимать иначе страданія какъ то, чего не должно быть, какъ то, что должно быть уничтожено, какъ то, что должно служить поводомъ для его дѣятельности, имѣющее цѣлью уничтоженіе его.

Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ сознаетъ себя человѣкъ и все человѣчество, вся животная дѣятельность людей вѣдь состоитъ только въ томъ, чтобы, находя причины страданій, избавляться отъ нихъ.

Человѣкъ испытываетъ страданія голода и узнаетъ причину страданій — отсутствіе пищи, и выводъ, дѣлаемый имъ изъ этаго, выражается въ его дѣятельности, состоящей въ работѣ для приготовленія пищи.

Человѣкъ обдираетъ ноги по камнямъ, и выводъ состоитъ въ дѣятельности приготовленія обуви. Такъ это вообще, но въ частности тоже происходитъ и въ каждую минуту съ каждымъ изъ насъ. Я сѣлъ на гвоздь, мнѣ больно, я отъискиваю причину, и слѣдствіе вытекаетъ само собой. Я устраняю гвоздь или пересаживаюсь на другое мѣсто. Вся жизнь сложена изъ страданія[218] и избавленій отъ него и, когда эти состоянія имѣютъ для насъ ясную причину и послѣдствіемъ его является дѣятельность, устраняющая страданія, мы и не чувствуемъ ихъ какъ страданія и не замѣчаемъ ихъ.

Но испытываемыя нами страданія усложняются: причины ихъ и дѣятельность для устраненія ихъ выходятъ за предѣлы нашей личной и страданія представляются намъ необъяснимыми. Но понятіе наше о страданіяхъ, почерпнутое нами изъ нашего личнаго опыта, остается то же. Страданія, причины которыхъ мы не видимъ въ своей жизни, остаются все тѣмъ же, чѣмъ то такимъ, чего не должно быть, что произошло отъ ошибки (заблужденія грѣха) и что должно быть исправлено. Какъ бы непонятна не была причина страданія, какъ бы

невозможно ни было исправить ошибки, произведшіе его, страданія мы все таки понимаемъ какъ то, что произошло отъ ошибки, за которую мы наказаны, и что должно быть исправлено и искуплено. Мы не можемъ[219] представить себѣ безъ этихъ условій страданія.

Кто-нибудь виноватъ и кто-нибудь долженъ искупить. И тутъ то для человѣка, понимающаго свою жизнь какъ существованіе отъ рожденія до смерти, безсмысленность страданія, когда я, не имѣя другой жизни какъ личную, могу быть причиной страданій внѣ моей жизни, и страданіями,[220] своей личной жизнью долженъ выкупать ошибки прежнихъ людей.

Для человѣка, понимающаго свою жизнь, какъ существованіе, начинающееся здѣсь, нѣтъ и не можетъ быть никакого объясненія страданій, того самаго, что важнѣе всего въ жизни человѣка. И какъ хорошо мы не умѣли бы разными разсужденіями устранять мысль о смерти, однихъ страданій, угрожающихъ и постигающихъ со всѣхъ сторонъ человѣка, совершенно достаточно, чтобы несомнѣнно убѣдить его въ безсмысленности, ничтожности и такой бѣдственности жизни, что гораздо лучше убить себя сразу какимъ нибудь легкимъ и короткимъ способомъ, чѣмъ подвергаться всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ ужасамъ страданій, которые со всѣхъ сторонъ ждутъ человѣка. — Вѣдь если бы люди дѣлали только тѣ выводы, которые неизбѣжно слѣдуютъ изъ ихъ міросозерцанія, человѣкъ, понимающій свою жизнь, какъ личное существование здѣсь, ни минуту бы не остался жить. Вѣдь ни одинъ работникъ не пошелъ бы жить къ хозяину, который уговоромъ бы поставилъ то, что если ему вздумается, онъ позволитъ только нѣкоторое время работнику жить спокойно, но, если вздумается, то будетъ жарить его и тѣхъ, кого онъ любитъ, живыми, или сдирать кожу, или вытягивать жилы <и тоже дѣлать со всѣми тѣми, кого любитъ работникъ>, дѣлать то, что онъ на глазахъ нанимающагося дѣлаетъ уже со всѣми своими работниками. Если бы люди дѣйствительно вполнѣ понимали жизнь такъ, какъ они говорятъ, что ее понимаютъ, ни одинъ отъ одного страха страданій не остался бы жить ни одной минуты.

Да, ничто очевиднѣе страданій и неизбѣжнаго ужаса передъ ними, не показываетъ людямъ невозможность понимать жизнь какъ существованіе только здѣсь и необходимость понимать ее какъ нѣчто, выходящее за предѣлы этой жизни.

Объясненіе то, что есть Богъ, награждающій тамъ за страданія здѣсь, ничего не объясняетъ, потому что, если Богъ награждаетъ людей тамъ за страданія здѣсь, то онъ дѣлаетъ это только потому, что онъ справедливый. Если же онъ справедливый, то онъ не могъ и подвергать людей незаслуженнымъ ужаснымъ страданіямъ здѣсь. Если же Богъ, какъ это говорится въ Библіи, взыскиваетъ на дѣтяхъ грѣхи родителей, то это еще хуже. Ребенокъ ни въ чемъ не виноватъ, за что же съ него сдираютъ съ живаго кожу? Богъ, карающій и мучающій невинныхъ, есть Богъ нетолько несправедливый, но злой и не разумный, т. е. нѣтъ Бога. Объясненіе же, что люди прежде согрѣшили, и искупленіе всѣхъ

этихъ грѣховъ взялъ на себя Искупитель, и что потому страданій этихъ нѣтъ больше, только голословно отрицаетъ то, что есть. И никакая вѣра въ то, что нѣтъ тѣхъ страданій, которыя есть, не уничтожитъ моего вопроса о томъ, зачѣмъ страданія.

Всѣ эти объясненія ничего не объясняютъ: объясняетъ только одно: то, что тотъ грѣхъ, который сдѣланъ до моей земной жизни и страданія отъ котораго я несу, сдѣланъ мною же и что всякій грѣхъ, который я сдѣлаю въ своей жизни, я же и понесу въ страданіяхъ слѣдующихъ поколѣній.

Объясненіе возможно одно въ сознаніи своей жизни въ жизни внѣ себя въ жизни всего міра. Въ томъ то и дѣло, что человѣкъ не можетъ жить одинъ для себя однаго, не можетъ спастись одинъ, что нѣтъ для человѣка однаго его личнаго блага. Въ томъ то и дѣло, что заблужденія человѣка производятъ страдания человѣка; страданія человѣка суть послѣдствіе заблужденій человѣка. Человѣкъ же заблуждающійся и страдающій не есть одинъ личный человѣкъ, я, Левъ Николаевичъ, а человѣкъ — это всѣ люди и теперь живущіе и прежде жившіе и тѣ, которые будутъ жить — это сынъ человѣческій, какъ называетъ это Евангеліе. И жилъ и живетъ и можетъ жить въ насъ только онъ, этотъ сынъ человѣческій, тотъ, который не только связанъ, но есть одно со всѣми людьми, который своимъ страданіемъ выкупаетъ и свои и чужіе грѣхи, своимъ заблужденіемъ, производитъ свои и чужіе страданія и своимъ избавленіемъ отъ заблужденія избавляетъ себя и другихъ отъ страданій.

Любовь есть та положительная сила, которая соединяетъ людей въ одно. Страданія это та же отрицательная сила, показывающая намъ невозможность нашего отдѣленія другъ отъ друга. Для любви нѣтъ страданія; страданія чувствуются только тѣмъ, кто хочетъ разорвать связь, соединяющую людей. Это та цѣпь, боль отъ которой онъ чувствуетъ, стараясь разорвать ее. <Страданія чувствуются только тѣмъ, кто хочетъ разорвать эту цѣпь.

Страдаю я или другой человѣкъ. Что же это значитъ? Это значить то, что обозначилось заблужденіе, грѣхъ, отъ котораго еще не избавился я или другіе люди, значитъ, что для меня обнаружилось то заблужденіе, которое должно быть исправлено. Неужели мы бы хотѣли, чтобы заблужденія наши были бы скрыты отъ насъ, чтобы мы гибли, не замѣчая этаго?>

———

Комментарии А. И. Никифорова[221]

«О ЖИЗНИ».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ.

3 мая 1886 г. Л. Н. Толстой познакомился с приехавшей в Ясную поляну Анной Константиновной Дитерихс, будущей женой В. Г. Черткова, сотрудницей «Посредника» и ближайшей виновницей создания книги Толстого «О жизни».

Летом того же 1886 г. «Лев Николаевич возил сено для бедной вдовы и, ударившись ногой о телегу, долго после страдал от этого ушиба, получив рожистое воспаление и другие осложнения. Ему долго пришлось лежать» (Воспоминания С. А. Толстой, ТЕ, 1912 г.). Произошло это около 4 августа, потому что С. А. Толстая в письме к А. А. Фету от 15 августа 1886 г. писала: «Сижу теперь 11-й день у постели Льва Николаевича. Он нас ужасно напугал. Началось с жара в 40°, рвоты и боли в ноге. Жар всё время не проходит; на ноге язва, нарыв и рожа. Он страшно страдает, исхудал и ослаб».

Болезнь была настолько серьезная, что Толстой думал о смерти. В письме к А. А. Толстой (точно не датированном) он пишет: «О ноге там говорят, что воспаление накостницы и рожа и т. п., но я знаю очень хорошо, что главное в том, что я «помираю от ноги», как говорят мужики, т. е., нахожусь в положении немного более близком к смерти, чем обыкновенно, и именно от ноги, которая указывает на себя болью. И это положение, как и вы прекрасно говорите, — чувствовать себя в руке Божией — очень хорошее, и мне всегда желается в нем быть и теперь не желается из него выходить» (ПТ, стр. 344). Письмо дальше высказывает ряд мыслей о смерти и жизни, темы, которые очень значительно захватывают внимание Толстого, как он сам несколько позже придается в ответе на письмо А. К. Дитерихс. Последняя именно в период этой болезни — 12 сентября 1886 года из Петербурга написала, а 16 сентября послала Толстому длинное письмо, в котором, извинившись за беспокойство, сообщала Толстому свои тревоги за его здоровье. «Я знаю, писала она, что это маловерие и что не следует бояться за вас, когда вы сами так спокойно и здраво относитесь к явлению смерти. Вспоминаю ваше письмо и Фейнермана письмо к О. Озмидовой о смерти и вечности и помню, что они произвели на меня должное впечатление, они совпали с моим настроением. Именно тогда я много думала о смерти и старалась выработать в себе полное примирение с возможностью умереть каждый день, каждый час... Вот и это время я неспокойна, мне тяжело, невольно тяжело, что я всё мучаюсь, думая о вашей болезни. В такие минуты я чувствую, что почва уплывает из-под ног и что вопросы, цепляясь один за другой, наполняют мою слабую голову и затуманивают ее. — Зачем смерть, когда

такие люди так нужны? Что мне докажет целесообразность этого? Куда девать это чувство, вносящее разлад в мои мысли, как победить его, согласовать с разумом, сделать его законным, и действительно ли оно законно? Вопросы эти теснятся в моей голове и, сознаюсь, дорогой Лев Николаевич, что чувство не мирится с теми ответами, которые изобретает мой рассудок. Я не могу знать, конечно, что нужней, т. е. лучше будет способствовать распространению учения Истины, ваша ли возможно долгая жизнь или скорая смерть? Но я знаю ведь, что вы, произведший глубокую волну в жизни духа всего человечества, вы бессмертны (если не вы лично, то — то, что в вас таково). Казалось бы, что, сознавая всё это, горевать и оплакивать таких людей тем более грешно и малодушно, это значило бы считать всю работу вашу бесплодной. А тем не менее бывают минуты, когда скорбь и боль сильней всего, и тогда я чувствую только одно, что помимо всего того, что вечно в вас, вы лично нужны и дороги нам, потому что вы — Лев Николаевич, и никто другой не может быть им...». Далее А. К. Дитерихс писала о смирении, самоотречении, браке и семье. (См. настоящее издание т. 85, стр. 392 и сл.)

Толстой начал свой ответ на это письмо в самом начале октября 1886 г. В письме к В. Г. Черткову от 4 октября 1886 г. Толстой сообщает: «...От А. К-ны давно получил длинное хорошее письмо и вместо того, чтобы коротко ответить, начал по пунктам на все ее мысли. А так как одна из мыслей была о жизни и смерти, то, о чем я так много заново думал, то и начал об этом и до сих пор всё пишу, т. е. думаю, записываю. Напишите ей, чтобы она на меня не обижалась. Впрочем я это передал ей с Бирюковым» (ТЕ, 1913, стр. 40). По всем палеографическим признакам именно эти первоначальные записи «по пунктам», делавшиеся однако не сразу, а в несколько приемов на отдельных почтовых листках, и представлены рукописью № 1, по которой они публикуются выше (№ 1 черновых вариантов).[222]

Письмо однако не было окончено. Толстого отвлекла художественная работа. 20 октября он начал «Власть тьмы», которую закончил в ноябре. Черновые же листки начатого ответа, вероятно, по просьбе А. К. Дитерихс, узнавшей от П. И. Бирюкова об их существовании, были к ней пересланы, а может быть были переданы даже самим Толстым Анне Константиновне. Она в своих воспоминаниях, рассказывая о пребывании в Москве у Толстого зимой 1886 года, сообщает:

«Я сижу около большого стола у окна и занимаюсь чем-то. Входит Лев Николаевич с листками тетрадки в руках:

— А мужа вашего нет?... А я вот принес ему мои черновички, — он хорошо в них разбирается...

И он кладет листки на стол, около меня.

— Это всё то же, — отвечает он на мой вопрос, — о чем мы с ним начали переписываться... Да, вот я — уже простите — кажется, так и не отослал к вам этого письма.....

И он садится тут же у стола.

Я что-то говорю о том, как бы хотелось поскорей прочесть его статью «О жизни» целиком...

— Ну, да конечно, прочтете... Всё надеюсь, что авось, разрешат хоть эту книгу.....

Не могу вспомнить и передать в точности, что именно говорил Лев Николаевич на тему «о жизни и смерти», — это слишком серьезная тема, которую не решаюсь передать «своими словами», а точно не запомнила» (А. К. Черткова — «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» — ТТ, 2, стр. 91).

В воспоминаниях А. К. Чертковой есть неточность: о «книге» «О жизни и смерти» Толстой зимой 1886 г. еще не думал. Но приведенная сценка показывает, что со своим ответом на письмо А. К. Чертковой Толстой познакомил ее, повидимому, сам. Во всяком случае в ноябре 1886 года черновые листы «О жизни и смерти» были уже у Чертковых в Воронежской губернии. Об этом можно заключить по фразе в письме В. Г. Черткова к Толстому из Россоши Воронежской губ. от 9 ноября 1886 г.: «Вообще, если за последнее время я лично не получал писем от вас, то зато пришлось вынести много радости и пользы из некоторых ваших писем к другим людям. Напр, к Гале (черновые листки о жизни и смерти)»... (т. 85 наст. изд., стр. 412). Галей В. Г. Чертков называет ставшую осенью 1886 г. его женой А. К. Дитерихс.

Анна Константиновна переписала присланные к ней черновые листки и оставила у себя одну копию (см. Описание, рукопись № 2).

В то же время очевидно у Чертковых с мыслями Толстого о жизни и смерти познакомился редактор «Русского богатства» Л. Е. Оболенский, который в письме к Льву Николаевичу от 6 ноября 1886 года, посылая Толстому выдержку из его ответа А. К. Чертковой, писал: «Посылаю вам выписку из одного вашего частного письма, которое бы мне было желательно распространить путем помещения в «Русском богатстве». А быть может захотите сделать какие-либо изменения и добавления. В этом отрывке удивительно хорошо формулировано, как неизбежное условие жизни, поглощение личной жизни служением жизни общей». Толстой отвечал Оболенскому 14—15 ноября: «Спасибо за присылку выписки, дорогой Леонид Егорович. В таком виде неконченной она невозможна. Постараюсь закончить и тогда пришлю вам. (См. т. 63, наст. издания.) 14-го же ноября в письме к В. Г. Черткову Толстой пишет: «Нынче получил от Оболенского письмо с выпиской из письма к вам о смерти и жизни. Хорошо бы докончить, сказать, что думаю. Спасибо, что прислал». Очевидно, копия № 3 (см. Описание) и была той выпиской, которая была послана Л. Е. Оболенским Толстому и с которой началась дальнейшая работа его над письмом, превратившимся позже в целую книгу. Может быть, смерть матери С. А. Толстой в Крыму 11 ноября (С. А. Толстая ездила в Крым и должна была, вернувшись, рассказывать об этой смерти, происшедшей на ее глазах) не прошла также мимо внимания Толстого. Во всяком случае, как показывает с одной стороны дата ответа Оболенскому (14 ноября) и с другой стороны дата штемпеля на рукописи № 6 (12 декабря) несомненно, что на конец ноября и начало декабря 1886 г. падает полная переработка первого чернового варианта и превращение его во второй вариант будущей книги

«О жизни». Этот второй вариант послужил отправной точкой для первой редакции[223] книги и издается нами под № 2 — черновых вариантов. Он отличается от первого полной переделкой части текста и заменой значительной, вычеркнутой части первого варианта двумя большими вставками, написанными на особых, листах (Описание №№ 4 и 5).

Вероятно, о втором варианте речь идет в письме из Москвы к В. Г. Черткову от 18 декабря 1886 г., где Толстой сообщает: «Еще последнее время урывками писал продолжение и уяснение письма к А[нне] К[онстантиновне] (знаете?)»

Этот второй вариант статьи Толстой снова посылает Чертковым, потому что В. Г. Чертков из Петербурга в письме от 2 января 1887 года пишет: «...Вашу статью о жизни и смерти мы внимательно переписываем и надеемся на этих днях вам выслать...» 15 января 1887 г. он же сообщает Толстому: «...Листки о жизни и смерти будут вам высланы, надеюсь, завтра...» 21 янв. 1887 г. Толстой отвечает Черткову, что «...ценную посылку с рукописями до сих пор не получал, а жду их очень» (ТЕ, 1913, стр. 43). Но 23-го уже января Лев Николаевич ему же из Москвы пишет, имея в виду рукописи «О жизни»: «...За переписку моей метафизической чепухи (я пробежал ее) очень, очень благодарен...» (ТЕ, 1913, стр. 45). В. Г. Чертков из Петербурга 24 января отвечает Толстому: «... Меня беспокоит то, что вы не получили еще посланных мною заказных посылок. Я послал вам три. Сначала те рукописи, о которых говорил в письме, и при них переписанные листки «О жизни и смерти»..... Если будете продолжать «О жизни и смерти», а кончить эту вещь непременно следовало бы по важности ее содержания, то не забудьте написать о том, что вы мне говорили, когда мы ходили по бульвару — о 3-х составных частях человека: тело, порода и вечная сторона...» В приписке к этому письму 26 января добавлено: «...я получил ваше письмо, в котором вы сообщаете, что получили рукописи»... Таким образом 23 января 1887 года Толстой имел уже копию с второго варианта. (Это была рукопись — Описание № 8). Другая копия была оставлена Чертковым у себя (Описание № 7).

В январе же месяце 1887 г. Толстой приступает к работе над копией. В январском письме этого года из Москвы к И. Б. Файнерману Толстой сообщает: «...пишу общее рассуждение о смерти и жизни, которое мне кажется нужным. Я кое-что читал вам» (Тенеромо, «Воспоминание о Л. Н. Толстом и его письма», изд. ж. «Образование». 1906, стр. 187). На январь 1887 г., повидимому, приходятся две переделки черновика, принятого за основу дальнейшей работы (т. е. изданного нами под № 2). Первая переделка (Описание № 8) состояла в ряде крупных перестановок частей текста для логической концентрации близких мыслей и в расширении отдельных мест вставками; была введена концовка с особенным подчеркиванием темы смерти. Исправленный текст первой переделки был скопирован и снова правлен — получилась вторая переделка (Описание № 9, 10, 11), в которой рядом с сокращениями и перестановками произведена некоторая стилистическая правка и внесена большая вставка на особом листе с темой о тождестве процессов жизни человека, животных и растений. Самый конец второй переделки дан в форме вопросов, ясно показывая установку статьи на дальнейшее расширение.

Февраль и март месяцы 1887 г. несколько осложнили работу Толстого и дали новый толчок для ее продолжения. Этим толчком явились встречи в Москве с философом профессором Н. Я. Гротом. По данным любезно предоставленным нам проф. К. Я. Гротом, Н. Я. Грот начал свою деятельность в Москве с осени 1886 года, но познакомился с Толстым несколько раньше.

В письме Толстого к В. Г. Черткову от начала апреля 1885 года из Москвы значится: «Познакомился я здесь с Гротом-философом, он мне очень понравился — надеюсь не столько потому, что он разделяет мои взгляды». В письме к брату от 7 декабря 1886 г. Н. Я. Грот пишет: «Был я на-днях у Льва Толстого и проболтал о философии часа два», а в письме от 13 декабря: «Сегодня был у меня, но, к сожалению, не застал, Лев Толстой». В начале февраля 1887 г. Н. Я. Грот был выбран временным вице-председателем Психологического общества. В письме к брату К. Я. Гроту от 5 февраля он пишет, что готовит реферат о свободе воли к первой неделе поста, и добавляет: ,,Сегодня были в Румянцевском музее — вторично для осмотра — встретили там Льва Толстого, и я с ним час с лишком прогулял по бульварам и проспорил о «науке»“. 12 февраля Н. Я. Грот пишет матери: «Третьего дня вечер провел у Толстого. Застал его шьющим сапоги. Он мне читал одно свое рассуждение о бессмертии разума. Моя статья «о душе» на него повлияла — он сам говорит»... Через день, т. е. 14 февраля Н. Я. Грот пишет к родителям: «В четверг вечером у меня были Л. Н. Толстой, А. А. Фет и Гиляров, и я им читал свой реферат о свободе воли для Психологического общества. Толстому он очень понравился. Он просидел дольше всех с 7½ до 11 часов, и мы много болтали и спорили о частностях, ибо в общих положениях мы вполне согласны». В письме к брату от 18 февраля Н. Я. Грот сообщает о том же, а также добавляет: «Сегодня хочу сходить к Толстому» (очевидно, побеседовать перед предполагавшимся около 24 февраля докладом). 1 марта в письме к матери Н. Я. Грот уже рассказывает о состоявшемся в среду вечером заседании Психологического общества и чтении своего реферата. Присутствовал и Л. Н. Толстой. «Толстой сидел против меня, и его сочувственное присутствие меня очень ободряло», «прения продолжались от 10 до 12½ и назначено на будущий четверг еще заседание для прений и споров».[224] О втором заседании Н. Я. Грот сообщает родителям в письме от 9 марта: «Бывшее в четверг заседание было очень интересно. Оно длилось от 8 до 12... Был и Толстой, стоявший за мои основные положения... В пятницу он будет читать в Психологическом Обществе маленький реферат в дополнение к моему — Понятие жизни — и мы думаем после оба эти реферата напечатать вместе от Психологического Общества и в пользу философского журнала, могущего возникнуть в будущем...»[225] Сам Толстой о первом заседании 25 февр. 1887 г. Московского Психологического Общества сообщает в письме к Н. Н. Страхову 26 февраля 1887 г.: «Вчера — вы удивитесь — я был в заседании психологического общества. Грот читал о свободе воли, я слушал дебаты и прекрасно провел вечер, не без поучительности и главное с большим сочувствием лицам общества. Я начинаю выучиваться не сердиться на заблуждения (Б, III, стр. 67).

В мартовском письме 1887 г. к В. Г. Черткову из Москвы он сообщает: «....очень занят был над мыслями о жизни и суеверии смерти...»

С. А. Толстая следит за работой мужа. 3 марта 1887 г. в Москве она записывает в свой дневник: «Левочка написал повесть из времен первых христиан, теперь работает над статьей «о жизни и смерти» (Дневник С. А. Толстой, стр. 137), 6 марта запись: «Переписала «о жизни и смерти» и сейчас перечла (стр. 137). 9 марта С. А. Толстая записывает: «Левочка пишет статью «о жизни и смерти» новую для чтения в Университете в Психологическом обществе» (стр. 139), 14 марта: «Лев Николаевич уехал с Н. Н. Ге (сыном) в Университет в Психологическое общество, будет читать свою новую статью «О жизни и смерти». Мы с Ге спешили ее переписывать, и я весь день сегодня писала... Левочка много работал над этой статьей, и она очень мне нравится» (стр. 139). В тот же вечер сестре С. А. Толстая пишет: «Весь день писала, переписывала Лёвочкину статью «О жизни и смерти» (философия), которую он в настоящую минуту читает в университете в Психологическом обществе. Статья хорошая и без задора и без тенденции и чисто философская... Всё это время Левочка очень много работал над этой статьей... (Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 14 марта 1887 г.) О самом докладе Толстого сообщает довольно подробно в неизданном письме к матери от 16 марта Н. Я. Грот. В письме этом рассказывается, что Толстой очень сильно волновался перед докладом, совещался с Гротом и даже колебался, выступать ли. Он даже условился с Н. Я. Гротом, что может быть не явится на заседание, и просил поставить первым пунктом заседания 14 марта продолжение прений по докладу Грота. В день доклада Толстой хорошо выспался и, чтобы быть свежим, явился на заседание, переполненное публикой благодаря ожидавшемуся его выступлению, лишь к 10 часам вечера. Доклад и прения продолжались до 12½ часов. Некоторые подробности этого выступления Толстого описывают газеты «Русские ведомости» и «Новое время». Последняя в № 3973 от 22 марта 1887 г. в статье Л. Б. «Понятие жизни. Сообщение графа Льва Толстого» писала между прочим: «Во избежание многочисленного стечения публики заседание это было объявлено закрытым....» В 8 часов началось заседание, приступили к прениям по докладу Н. Я. Грота: «Прения эти продолжались около 2 часов, вплоть до приезда графа, который, как это было известно раньше, не мог поспеть к началу заседания. Граф взошел в залу, когда все присутствующие, после перерыва, вновь заняли свои места. Он торопливо прошел к тому месту, которое было для него оставлено, видимо, не желая обращать на себя внимания, и, заняв его, обратился к присутствующим со следующими словами: «Я должен просить у вас извиненія, господа, что не мог явиться во-время, и потому, чтобы не задерживать вас долго, я начну свое сообщеніе со второй части». «Лучше сначала, граф», раздались протестующие голоса. «Нет, право, так лучше будет», возразил граф, «позвольте мне остаться при моем решении», и он принялся за чтение». Газета «Русские Ведомости» в № 73 от 16 марта 1887 г. дополняет эту справку: «членов общества собралось на это заседание более, чем когда-нибудь, — человек 70, очевидно привлеченных сообщением графа Л. Н. Толстого. Читая по писанным листам, граф Лев Николаевич пропустил первую часть своего рассуждения и начал прямо со второй, так сказать с сути вопроса, взгляды даровитого писателя не могли не заинтересовать глубоко слушателей и вызвали ряд замечаний и вопросов со стороны гг. Астафьева, Бугаева, Коленова и др. В виду позднего времени заседание было затем закрыто, но беседы отдельных членов с гр. Л. Н. Толстым

продолжались некоторое время и после заседания». Обе газеты поместили стенографические записи (с купюрами) доклада Толстого.«Новое Время» в том же № 3973 дало более полную стенограмму доклада (которая в виду близости текста к черновикам книги «О жизни» во второй редакции и издается нами в качестве Приложения 1–го), «Русские ведомости» в № 78 от 21 марта в виде особого фельетона под заглавием: «Понятие жизни (Извлечение из реферата Л. IL Толстого)». При этом «Русские ведомости» объявили: «Сообщение гр. Л. Н. Толстого будет напечатано, как мы слышали, в «Трудах Психологического Общества», но часть его появится также скоро в одном Петербургском журнале».[226]

В письмах конца марта и начала апреля Толстой сам определяет характер этой двухмесячной работы. В письме к П. И. Бирюкову (вероятно 20 марта 1887 г.) Толстой сообщает: «соскучился я о вас, милые друзья (обращаюсь к вам и Чертковым), беспрестанно о вас думаю. Верно оттого, что последнее время так был увлечен своими мыслями о жизни и смерти, что мало думал, так теперь наверстываю. Я всё еще не кончил и всё уясняю себе больше и больше. Когда кончу, то напечатаю у Оболенского последнюю, по моему лучшую версию, если он хочет и цензура пропустит (нецензурного кажется нет ничего)» (Б, III, 67). И дальше в том же письме: «Кое что я прибавил, уяснив себе, к моим мыслям о жизни и смерти, что мне кажется ясно и полезно знать. Сообщу вам, когда оставлю эту работу и возьмусь за другую». (См. т. 64 настоящего изд.). Н. Л. Озмидову 24 марта 1887 г. из Москвы он пишет: «Я теперь уже более месяца занят писанием о том, что есть жизнь. Хочется и надеюсь выразить совсем просто и ясно, что жизнь есть совсем не та путаница и страдания, которые мы себе представляем под этим словом, а нечто очень простое, ясное, легкое и всегда радостное» (Сочинения, М. 1911, XX, стр. 132).

2 апреля 1887 г. из Москвы он пишет В. Г. Черткову: «...очень я увлекся своей работой о жизни и смерти. Месяца полтора ни о чем другом не думаю ни днем, ни ночью. Вы, верно, думаете, что напрасно. Очень может быть, но не могу иначе, и работа, мне кажется, не толчется на месте, а подвигается и даже приближается к концу. Работа потому меня затягивает, что работаю для себя и для других: себе наверное много уяснил, во многом себя утвердил, и потому надеюсь, что хоть немного также подействует и на некоторых других» (ТЕ, 1913, стр. 50). Того же 2 апреля Г. А. Русанову: «Я уехал из Москвы для уединения. Работаю над мыслями о жизни и смерти, переделываю то, что читал, и очень мне предмет этот кажется важен. Кажется, что разъяснение этого, т. е. того, что именно есть жизнь (у Христа это разъяснено), разъяснение Христово для людей, которые не хотят понимать Евангелия — это очень важно, нужно, прибавит счастья людям. Видите, какие гордые мысли! Что делать, они есть, и они–то поощряют к работе». («Вестник Европы» 1915, 3, стр. 12.)

С. А. Толстая также сообщает об усиленной работе Толстого в марте месяце: «Лев Николаевич очень занят своей работой по поводу статьи «О жизни и смерти», которую он читал в университете. Он ее после чтения несколько раз уже переделывал и всё еще усиленно над ней работает..... Статью свою Лев Николаевич будет печатать в отчете Психологического общества, и мы немедленно ее вам пришлем. Я бы вам

ее переписала, да он переделывает ее так часто и быстро, что не знаешь еще, в каком виде будет настоящее» (Письмо С. А.Толстой к А. А. Фету от 23 марта 1887 г.). «Очень интересно одно — это Левочкина статья «О жизни и смерти»; некоторое из нее было в «Новом времени», но без связи и не совсем так напечатано. Он опять ее всю переделал и очень над ней работает»..... (Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 1 апреля 1887 г.). Надо думать также, что не без влияния на усиленную работу над статьей в марте месяце прошли факты смертей ряда лиц, хорошо знакомых Толстому. Во всяком случае С. А. Толстая сообщает в письме к А. А. Фету от 23 марта: «Лев Николаевич..... озабочен очень эти дни умиранием Перфильевой, жены губернатора. Это его старый друг, и несчастная эта Прасковья Федоровна третий день в агонии (у ней рак в желудке), всех всё-таки узнает и радуется приходу друзей. Хотя Лев Николаевич этого не говорил, но мне приходит часто в голову, что это умирание теперь особенно интересует и волнует его, потому что именно этот вопрос, вопрос о жизни и смерти, его интересует больше всего в данную минуту, когда он об этом пишет».... Она же в письме к Т. А. Кузминской от 1 апреля 1887 г. пишет: «Тут в Москве всё хоронили: Полиньку Перфильеву похоронили..... Ник. Як. Львов, спирит известный..... Смерть Крамского[227] тоже нас очень поразила».....

Приведенные записи показывают, что Толстой в феврале и марте 1887 г. находится через посредство Н. Я. Грота в интенсивной связи с Московским Психологическим обществом и именно от него получает серьезный толчек к дальнейшей работе над «О жизни и смерти». Это во-первых. А во-вторых, результатом этого общения была установка работы Толстого на статью для журнала, редактируемого Оболенским. Если отправным моментом замысла была установка на ответное письмо, то работа с января по март ясно определила установку замысла на журнальную статью. Наконец, в-третьих, к началу апреля Толстой считал, что работа «приближается к концу».

В чем же конкретно в рукописях отразилась эта двухмесячная работа Толстого?

Прежде всего была скопирована вторая переделка и в результате новой очень заметной правки получилась третья переделка статьи (Описание №№ 12,13). Ее особенности — опыт деления на десять глав, при нескольких вставках ряд значительных пропусков (один в пять страниц) и общая логико-стилистическая правка всего текста (личная форма обращения — «я» заменена безличной: «он», «человек» и т. п.). Датируется эта переделка самым началом марта месяца.

В мартовской же обложке находится и первая правка начала третьей переделки (Описание №№ 14, 15, 16), сделанная по особой копии с первых пяти глав третьей переделки (т. е. с № 12). Особенности правки сводятся к большой вставке в конец 4-й главы (темы: кто хочет сберечь жизнь, тот потеряет ее; ученые спорят о зарождении жизни, а что такое жизнь — не знают: ни деятельность клеточек, ни деятельность человека как животного — жизнью не являются, жизнь дает разумное сознание), к сокращению части текста (выкинуты страницы с темами о внутреннем противоречии человека, о раздвоении разумного и животного сознания) и к попутной общей стилистической правке всего

текста.

Нужно сказать, что начало статьи, несмотря на ее общий характер, всё еще сохраняло свою первоначальную эпистолярную форму. Толстой замечает это, и по новой копии с первой правки начала делает вторую правку начала третьей переделки (Описание №№ 17, 18, 19). В ней заново пишется начало. Вот его текст вместо зачеркнутого прежнего:

«Я хочу сообщить не психологическое разсужденіе, а просто нѣкоторыя мои наблюденія и мысли о жизни и смерти, основываясь на такихъ понятіяхъ и выражаясь такими словами, которые понятны всѣми безъ всякого приготовленія. — Вотъ эти наблюденія и мысли: Я живу хорошо. Давно ли? Погляжусь въ зеркало, попробую побѣгать, тогда узнаю, что я слабъ и старъ; но безъ этаго не могу по тому, какъ я чувствую жизнь, — сказать давно или недавно я началъ жить. Если спросить себя хорошенько, не думая о тѣлѣ, то кажется, что жилъ я всегда. Но начнешь соображать и видишь, что не всегда, а вотъ люди говорятъ, что родился я 58 л[ѣтъ] тому назадъ и по всѣмъ разсчетамъ это вѣрно. Но чтожъ, развѣ съ тѣхъ поръ, какъ я родился, я такъ все и жилъ, всѣ 58 лѣтъ. Стану соображать, вижу, что нѣтъ. Лѣтъ 20 я проспалъ не жилъ, потомъ дѣтства почти не помню — помню только урывками, потомъ и въ молодости и въ зрѣлости....» и т. д.

Кроме того во второй правке две крупные вставки с сравнениями сознания со змеей, обвившейся вокруг шеи, и с темой о раздвоении сознания (образ беременной женщины). Наконец, дана некрупная стилистическая правка и снято деление на главы. Эта вторая правка в дальнейшем коде работы использована только отчасти (Описание № 18 и 19), начало же (Описание № 17) не использовано совсем.

Произведенные правки начала третьей переделки не удовлетворили Толстого, и он возвращается к уже правленным рукописям третьей переделки (Описание №№ 12 и 13) и на них же накладывает новый слой поправок, превративших рукописи в четвертую переделку первой редакции. В ней заново пишется начало — рассуждение, вводится ряд крупных перестановок, сокращений и дополнений и производится стилистическая правка (между прочим возвращается к личным формам местоимений вместо принятых в третьей переделке безличных). Общее направление работы — композиционно-логическое и стилистическое.

Далее Толстой составляет сборную рукопись, в которую частью механически были перенесены листы из четвертой переделки и из правок ее начала, частью переписанные листы, и сложный конгломерат рукописей автор правит, создавая новую пятую переделку первой редакции (Описание №№ 20–26). Главнейшие ее особенности: большая вставка на особом листе в начале текста с темой, что вопрос о существе жизни по линии физических объяснений уводит в бесконечность, приводятся стихи: «Da steh’ ich nun, ich armer Tor! und bin so klug als wie zuvor».[228] Деление на главы спутано, отдельные рукописи хранят следы старой разбивки, на других поставлены несколько новых обозначений глав. Проведена по всему тексту заметная логико-стилистическая правка с крупными сокращениями, перестановками, вставками, причем к концу текста

правка превращается в сплошную слово за словом (Описание 24, 25). Таким образом пятая переделка шла в сторону расширения тематики и логико-стилистической общей правки текста.

Как указано выше, в конце февраля у Толстого возникает мысль под влиянием бесед с Н. Я. Гротом выступить с докладом в Психологическом Обществе. Этот доклад Толстой составляет следующим образом. Посещение заседаний Психологического Общества несомненно наводит его на мысль написать особую статью, направленную против науки и ученых. Эта особая статья — будущее «Вступление» к книге «О жизни». На обложке рукописи вступления № 28 рукой С. А. Толстой сделана запись: «Предполагается читать в Университете в Психологич. Обществе», а заключительная фраза той же рукописи явно адресована к живой слушающей — аудитории: «Вот такой опыт исследования о жизни и ее свойствах и я хотел бы предложить вам». Таким образом писалось «вступление», вероятно, между 25 февраля (заседание — на котором возникла мысль о докладе Толстого) и 14 марта (день доклада Толстого). Это «вступление» и составило первую непрочитанную 14 марта часть реферата Толстого. Из нее Л. Н. Толстой прочитал только самый конец (Сравни осн. текст стр. 322 строка 29 со слов: «Допустим невозможное, — то, что всё, что желает познать теперешняя наука о жизни...» с началом Реферата на стр. 881 наст. тома). Второй, прочитанной частью реферата был текст копии с пятой переделки первой редакции, перед заседанием подправленный Толстым (т. е. рукописи №№ 35—43). Другими словами, Толстой нес 14 марта к докладу уже в готовом виде текст второй редакции статьи «О жизни и смерти», состоящей из будущего вступления и статьи. Рукопись содержала 41 нумерованный лист в 4-ку.[229]

Несколько слов о работе над вступлением. Черновик вступления, его первая редакция (Описание № 27), очень сильно снабженный авторскими поправками, которые сводятся лишь к иным формулировкам той же тематики, отдается в копировку и прорабатывается еще раз. В результате получается вторая редакция вступления (Описание № 28). Эта редакция вступления получает: полную переработку конца 3-й главы, заново написанную 4-ю главу с темой и полемикой о задачах науки, измененный образ мельницы конной на образ мельницы водяной и в связи с этим поправки отдельных мест текста, получает ряд некрупных вставок, перестановок и сокращений и общую стилистическую правку текста. В главном вторая редакция определяет текст вступления, дошедший до основного текста книги «О жизни». Многие места ее перешли в основной текст буквально.

Вторая редакция вступления была подвергнута довольно заметной правке (см. Описание №№ 29—34): Эта правка проводилась дважды по всему тексту вступления и несколько раз по частям и очень вероятно, что именно к ней относится запись С. А. Толстой в дневнике от 14 марта: «Мы с Ге спешили ее переписывать, и я весь день сегодня писала... Левочка много работал над этой статьей, и она мне очень нравится». Главная работа этой правки была направлена на главы 3 и 4 вступления, т. е. на понятие жизни (осн. стр. 316, строка 12 по стр. 319 строка 37) и на полемику с наукой (осн. стр. 320—323).

Написанная таким образом особо первая часть доклада для

Психологического общества, как сказано, была присоединена к пятой переделке статьи «О жизни и смерти». С. А. Толстая при перебелении текста пятой переделки сочла было доклад органическим началом статьи и пронумеровала первые главы статьи цыфрами «5» и «6» (продолжение к четырем главам вступления). Но Л. Н. Толстой не принял этого объединения, чувствуя органическую разнородность двух статей и определил докладу быть «вступлением» к статье.

Именно это крупное и тематическое и композиционное расширение и усложнение статьи «О жизни и смерти» особым вступлением дает право говорить о возникновении новой второй редакции ее (Описание №№ 29, 35–43, в последних верхний крупный слой поправок сделан позже). Нужно сказать, что в момент этого соединения и самая статья, т. е. беловой текст ее, была стилистически подправлена, но не очень значительно.

Несомненно в ближайшие же дни после 14 марта Толстой производит очень крупную переработку статьи (без вступления) второй редакции. (Вероятно, здесь имели значение и прения по докладу.) Во всяком случае между 14 и 19 марта возникает первая общая правка второй редакции. Она наслоилась непосредственно на текст реферата (т. е. хранится в тех же рукописях №№ 35–43, составляя в них большую часть правочного слоя). Сущность ее сводится к следующему: а) вторая редакция получила заново написанное начало статьи. Приводим его полностью:

«Все, что только дѣлали и дѣлаютъ люди, они дѣлаютъ для жизни своей и другихъ людей, и только потому, что они живые, и другіе люди живые. Жизнь есть и цѣль и средство. И мыслятъ и трудятся люди только въ жизни и для того, чтобы имѣть жизнь и наслаждаться ею. Все въ жизни и все для жизни. Что же такое сама эта жизнь? Люди обыкновенно и не задаютъ себѣ вопроса, считаютъ, что это то ужъ навѣрно всѣмъ одинаково извѣстно и всѣми одинаково понимается. И дѣйствительно есть такое пониманіе жизни, которое всѣми одинаково разумѣется — отъ безграмотнаго и ребенка и до ученаго мудреца. Жизнь — это то, что со мной происходитъ въ моемъ тѣлѣ со времени рожденія моего тѣла до его смерти. Мы говоримъ живъ ребенокъ, какъ бы онъ малъ не былъ, старикъ, какъ бы онъ старъ не былъ, пока происходитъ въ его тѣлѣ то, что происходитъ въ моемъ, жива лошадь, собака, курица, мышь, пока по нѣкоторымъ признакамъ въ ихъ тѣлахъ происходитъ тоже, что и въ моемъ. И спору въ этомъ нѣтъ, и всѣ понимаютъ другъ друга.

Если бываютъ расширенія этаго понятія въ одну и другую сторону, какъ напримѣръ, то, что мы микроскопическую клѣточку называемъ живою, или душу умершаго или духовъ спиритовъ называемъ живыми, то мы знаемъ, что это нѣкоторое уклоненіе отъ основнаго понятія, и это не мѣшаетъ ясности нашего всѣмъ извѣстнаго понятія о жизни: того, что происходитъ въ нашемъ и подобнымъ намъ тѣлахъ отъ дня рожденія и до смерти. Изъ этаго понятія вытекаютъ, въ виду его составляются и на немъ строятся всѣ наши философскія, научныя, общественныя житейскія разсужденія и въ ясности этаго понятія о жизни мы не имѣемъ никакого

сомнѣнія. — Но такъ ли это? Такъ ли ясно это понятіе о жизни, какъ о чемъ то происходящемъ въ нашемъ тѣлѣ со времени рожденія и смерти, какъ это представляется?

Я думаю, что нѣтъ, и что сложность этаго понятія, различіе значеній, которые мы ему приписываемъ, и есть источникъ всѣхъ, безъ исключенія всѣхъ заблужденій, отъ которыхъ страдаютъ люди».

б) Затем вторая редакция получает крупные вставки (описание №№ 35, 36) с темами о раздвоении человеческой личности, отречении разумного я от личности, об условности всех радостей и огорчений. в) Наконец, проведена сплошная и очень интенсивная общая логико-тематическая и стилистическая правка текста, многое сокращено, перефразировано. Общую тенденцию работы Толстого над правкой второй редакции поэтому, пожалуй, можно определить как стремление значительно укрупнить объем небольшой по первоначальному замыслу статьи.[230]

19 марта Толстым была написана особая конечная часть для второй редакции, которая с позднейшими поправками составила главы XXXI и XXXII основного текста. Черновик (Описание № 44) дался Толстому очень легко: на нем нет больших поправок. Постановка даты показывает, что автор предполагает как бы близость окончания работы. В ближайшие же дни С. А. Толстая перебеляет этот черновик (ркп. № 45), а Л. Н. Толстой обращается к правке начала статьи.

Первая правка начала статьи второй редакции (без вступления), по-видимому, сделана около 28 марта (Описание №№ 46—50). Правка была довольно основательной. Часть начала правилась по новой копии (Описание №№ 46, 49, 50), часть по рукописям второй редакции. Сущность правки сводилась к: а) полной логической перекомпановке материала (иногда с помощью механической перестановки листов), б) к расширению текста новыми вставками (введены темы о религиозных решениях вопроса смысла жизни, о болях и ранах телесных, о душе как носителе жизни, о законе борьбы в жизни, о достижениях культуры как обмане, о жизни богатых и бедных и др.) и в) к основательной и сплошной логико-стилистической обработке данной части текста.

С первой правки начала второй редакции была сделана копия (Описание №№ 51—55), и 31 марта Толстой просматривает часть вступления (Описание 31, 32, 34) и новую копию начала статьи. Результатом просмотра является вторая правка начала, которая сводится к следующему: а) перепутавшееся и частью стершееся деление статьи на главы теперь производится заново, намечено 14 глав. Причем во время специального просмотра с черным карандашом в руках Толстой к главам на полях приписал карандашные заголовки, именно: 1. «Вульгарное внѣрелигіозное понятіе жизни», 2. «Внѣрелигіозное свободное понятіе», 3. «Предположеніе души не обязат. понятіе», 4. «Жизнь процессы, но это безсмысленно», 5. «Понятіе жизни изъ ея цѣли также безсмысленно», 6. «Люди приписываютъ понятіе жизни возможности жизни», 7. «Воспитаніе и отуманеніе въ ложномъ понятіи жизни». Однако снабжение глав заголовками не доведено до конца. б) Весь текст копии подвергнут сплошной логической переработке (пропуски, перестановки, стилистическая работа). Среди вставок имеются крупные,

например, с новыми темами о призрачности телесного я, с цитатами из Конфуция, браминов, Будды, Моисея, Христа, которые дошли (правда с позднейшими переделками) до основного текста (на стр. 327–328).

Вероятно, в самом начале апреля 1887 г. Толстой, перебелив части второй правки начала, делает общий свод всех полученных в результате правок рукописей и прорабатывает этот сводный текст еще раз. Так получается третья редакция (см. Описание, стр. 808), которую можно назвать сводной рабочей. Она нумеруется общей пагинацией 1–60 (последние листы остаются ненумерованными). Особенности этой новой редакции сводятся к следующему. Вступление оставляется почти без поправок. Статья же, во-первых, очень заметно расширяет сравнительно со второй редакцией объем и тематику. Статья растет. Наиболее крупные новые темы: жизнь это «то, что̀ делает человек или животное для сохранения своей личности и достижения блага (Описание № 58), жизнь есть стремление к невозможному сохранению своей личности (Описание № 59), человек всегда смотрит на всё глазами своей среды (Описание № 60), учения мира, отводящие человека от решения вопроса о цели жизни, навязывают ему обязанности семейные, гражданские и т. п. (Описание № 61), жизнь должна быть согласна с разумным сознанием (Описание № 64), и написанная заново целая большая глава о страданиях. Во-вторых, весь текст третьей редакции обновлен путем сильнейшей логической и частично композиционной (путем перестановок) правки текста второй редакции. В-третьих, разбивка на главы оставлена не проясненной. Кое-где намечены будущие главы через знак «NN». Таким образом третья редакция дала почти полностью новый текст статьи, хотя и писанный по канве второй редакции. От третьей редакции дошло до основного текста несколько строк и часть вновь написанной главы в виде гл. XXXV основного текста. Новую главу о страданиях мы издаем под № 9 черновых вариантов.

Создание третьей редакции статьи «О жизни и смерти» чрезвычайно крупный момент в истории работы Толстого. Так, повидимому, ощущает этот момент и сам автор. В уже цитированном письме к В. Г. Черткову от 2 апреля 1887 г. он пишет, что работа подвигается и даже приближается к концу. Но если Толстой 2 апреля еще думал, что работа «приближается к концу», то 4 апреля в письме к С. А. Толстой он пишет «...начал «Жизнь»... Вчера был Буткевич и Фейнерман» (ПЖ, стр. 307). Повидимому, именно третью редакцию, составляющую результат крупного, как указано, увеличения объема и переработки текста, Толстой и ощущает как «начало» новой волны работы. Последующие апрельские письма Толстого к разным лицам определенно показывают, что эта волна работы в апреле очень сильна. Несомненно к первым числам апреля относится не датированное апрельское письмо Толстого к С. А. Толстой, где он пишет: «Утро вчера много занимался; писал совсем новую главу: «О страдании» — боли... Пересматривал, поправлял сначала. Как бы хотелось перевести всё на русский язык, так, чтобы Тит понял. И как тогда всё сокращается и уясняется. От общения с профессорами — многословие, трудословие и неясность. От общения с мужиками — сжатость, красота языка и ясность».... (ПЖ, стр. 310).

В ответ на это письмо С. А. Толстая писала 15 апреля: «Вместо желанного, художественного, ты стал писать о страданиях. Впрочем этот вопрос меня интересует. Когда же конец этой статье? А хорошо

бы, если б ты разделил ее на главы и назвал бы каждую главу по содержанию. Как это всегда помогает пониманью. Например: о боли, о радости жизни, о труде, о душе и т. д.». В последней точке зрения поддерживает Толстого и В. Г. Чертков, который 9 апреля из Петербурга пишет: «Не думайте, что я не сочувствую вашей работе над выяснением значения истинной жизни и недоразумения, называемого смертью. Я теперь всё более понимаю, что желательно только делать то, к чему влечет, а помимо этого вопрос, который вы выясняете, очень важный и выяснение его нужно людям. Для скольких людей всё было бы ясно, если б только они поняли, в каком смысле нет и не может быть смерти и что смерть может существовать только для тех людей, которые отождествляют свою жизнь с своею органической оболочкой, что так же бессмысленно, как и отождествлять свою жизнь, например, с испражнениями своего тела. Одного только я немножко боюсь — это того, чтобы вы не писали об этом, имея в виду одну образованную среду. Если вы это сделаете по старой привычке, то будет очень жаль и скажете много ненужного. Всё, что нужно людям, поддается выражению в общедоступной форме. Я в этом твердо убежден. И это прекрасное мерило для того, чтобы проверять, что действительно нужно, что нет. Ужасно хотелось бы мне прочесть, что вы написали».

11 апреля Л. Н. Толстой пишет Н. Н. Ге: «Чтение мое, о котором вы спрашиваете, это мысли о жизни и смерти, которые мне дороги и нужны и которые я поэтому стараюсь себе уяснить. Может быть, и другим пригодится. Колечка вам расскажет, а как будет в окончательной форме, то пришлю вам». 16 апреля к С. А. Толстой: «Вчера был день нехороший для писанья, не выспался, но нынче прекрасно работал, хотя всё еще не кончил... осталось на раз.. » (ПЖ, стр. 313). В тот же день к В. Г. Черткову: «Занят очень своей работой. Ваш совет, как всегда, хорош. Надо перевесть по русски. И я это стал делать, живя в деревне, имея перед собой не профессоров, но людей...» (ТЕ, 1913, стр. 51). Н. Л. Озмидову 18—19 апр. 1887 г.: «Долго не отвечал вам, дорогой... от того, что был очень хорошо занят своим писанием о жизни и смерти.... Я всё время, как писал вам, занят своей работой, зачавшейся во время моей болезни, подбодренный психологическим обществом. Многое для себя уяснил. Кабы Бог дал, чтобы и другим на пользу» (Письма, т. 64). В 20-х же числах апреля 1887 г. П. И. Бирюкову: «Работал о жизни и смерти так, как не бывает в городе, а сделал, как наверно вам покажется, мало. Но теперь существенное кончено, расположено по частям, остаются поправки, которые можно сделать и по корректурам» (т. 64)

Чувство близости к окончанию статьи, повидимому, было в середине апреля у Толстого, потому что, кроме указанного письма к Бирюкову, о том же писала С. А. Толстая в письме к А. А. Фету от 19 апреля: «Вчера вернулся из деревни Лев Николаевич. Он там жил, наслаждался и работал почти три недели. Статья его пришла к концу, но еще не печатается»... Того же 19 апр. 1887 г. сам Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Я всё писал свою статью, Количка переписывал, и мы чудно прожили две недели...» Но несколько позже — именно 24 апреля (?) ему же: «Статья моя о жизни и смерти всё не кончается и разростается в одну сторону и сокращается и уясняется в другую. Вообще же я вижу, что не скоро кончу, и если кончу, то напечатаю ее отдельной книгой, без цензуры, и потому не могу дать ее Оболенскому. И это меня

огорчает. Будьте моим посредником между ним, чтобы он не огорчился и на меня не имел досады. Я постараюсь заменить это чем-либо другим. Пожалуйста, поговорите с ним и напишите мне» (Письма, т. 64, а также Б, III, стр. 68).

25 апреля к С. А. Толстой: «С 12 до 4-х очень усердно работал, всё с начала и всё к улучшению, наверное» (ПЖ, стр. 314). В тот же день В. Г. Черткову: «Я всё работаю над жизнью и смертью и что дальше, то яснее. Эта работа для меня ступень, на которую взбираюсь. Во время работы этой приходят мысли из той же работы, которые могут быть выражены только в художественной форме, и когда кончу или перерву, Бог даст, то и напишу...» (ТЕ, 1913, стр. 52). 30 апреля к С. А. Толстой: «Вчера нездоровилось и ничего не работал. Но нынче дождик теплый, и я здоров и работал» (ПЖ, стр. 315). В том же апреле в письмах, не датированных точно, еще имеются упоминания о работе над статьей: «Всё работаю, и всё еще не запутался, а подвигаюсь к лучшему...» (ПЖ, стр. 308). «Нынче по обыкновению занимался, а Колечка и Фейнерман переписывали» (ПЖ, стр. 312).«Утро я опять всё, часов 5 под ряд, работал над своей «Жизнью». Всё хорошо подвигается. Но вчера устал и почти не выходил, и оттого вчера был в унылом духе, и из другой комнаты слушал ребят. Но здоров и спал хорошо, и опять всё утро работал» (ПЖ, стр. 308), «...Читаю для отдыха прекрасный роман Stendhal'a – «Chartreuse de Parme» и хочется скорее переменить работу. Хочется художественной»... (ПЖ, стр. 310). «Работалось плохо... » (между 25–30 апр. ПЖ, № 310). Наконец, Толстой в апреле же знакомит с рукописью Н. Н. Ге, который в конце апреля пишет Толстому: «...Я прочел о «Жизни и смерти», всё там до того верно, что я иначе не мог думать и многое буквально говорил своим. Это у вас восторг. Это сама правда! Не думать так нельзя».[231]

К сожалению, среди дальнейших рукописей Толстого нет даже ориентировочных дат, которые бы позволили приурочить последующие этапы работы к определенным месяцам. Поэтому правильнее охарактеризовать работу Толстого по письмам и в последующие месяцы и затем уж перейти к обзору творчества по рукописям.

В мае месяце увлечение работой еще продолжается. В письме 2 мая из Ясной поляны к С. А. Толстой Лев Николаевич пишет: «Тем для писанья напрашивается столько, что скоро пальцев недостанет считать, и так и кажется, сейчас сел бы и написал. Что Бог даст после окончания «О жизни и смерти». Ведь будет же конец. А до сих пор нет. Предмет-то важен и потому хочется изложить как можно лучше. Ты думаешь, что хуже, а мне кажется, что нет...» (ПЖ, стр. 316). 3 мая ей же: «Нынче работал над своим писаньем»... (стр. 317), 4 мая ей же: «Нынче почти не писал...» (стр. 318), 5 мая ей же: «Нынче утром прекрасно работал. Самая сердцевина статьи, которая мне недоставала, нынче для меня уяснилась. И мне очень весело от этого»... (стр. 319). В тот же день в письме к И. Б. Файнерману: «Я всё работаю над той же работой, и всё, кажется, уясняется» (И. Тенеромо, «Воспоминание о Л. Н. Толстом и его письма», стр. 189). В тот же день к Н. Н. Ге: «по утрам пишу. Всё то же и всё, как мне думается, с пользой для дела» (т. 64). 8 мая в письме к С. А. Толстой: «Я два дня дурно сплю и потому вял и не работается; а не работается, и на душе не бодро. Павел Иванович усердно переписывает (ПЖ, стр. 321). 10 мая ей же:

«Нынче мы тихо работали с Павлом Ивановичем (он усердно переписывает)» (ПЖ, № 317). 14 мая к Н. Н. Ге: «...Я всё копаюсь в своей статье. Кажется, что это нужно, а Бог знает. Хочется поскорее кончить, чтобы освободиться для других работ, вытесняющих эту...» 18 мая В. Г. Черткову: «П. И.[232] третьего дня уехал в Москву, прожил с неделю, и мне очень радостно было с ним. Он переписал мне всю мою статью, которую я опять вновь переделываю».... 20 мая Н. Н. Страхову: «Я всё работаю над мыслями о жизни и смерти — не переставая, и всё мне становится яснее и важнее, Очень хочется знать Ваше отношение к этому» (т. 64). К В. Г. Черткову 30 мая 1887 г.: «Я всё живу в своей работе о жизни и смерти. И очень сильно живу ею»...

В июне работа продолжается. Очевидно в ответ на признание Л. Н. Толстого Н. Н. Страхову в чтении книг последнего («Основные понятия психологии и физиологии, Спб. 1886 и «О вечных истинах», Спб. 1887), Страхов 4 июня отвечает Толстому: «Вы пишете, что мои мысли и книги много помогли Вам — это мне такая награда, похвала, гордость, что выше и быть не может» (ПС, стр. 353). Страхов добавляет: хочу «вникнуть в то, что Вы писали о жизни и смерти — жду не дождусь свидания с Вами» (там же, стр. 354). 12 июня к Н. Л. Озмидову: «...сяду за свою работу о жизни и смерти, которая всё не отпускает меня и радостно поглощает всего» (т. 64).

18 июня С А. Толстая в дневник записывает: «...больше месяца, что я тут, и Лев Николаевич всецело занял меня переписываньем для него статьи «О жизни и смерти», над которой он усиленно трудится уж так давно. Только что перепишешь всё — опять перемарает, и опять снова. Какое терпение и последовательность» (Дневник С. А. Толстой, стр. 140). 21 июня она же записывает: «Сегодня он всё переправлял свою статью «О жизни и смерти» и всё после обеда косил в клинах, в саду» (там же, стр. 142). Сам Толстой в июне (без числа) пишет И. Б. Файнерману: «...Я всё за своей работой «О жизни и смерти». Не могу оторваться, не кончив. Живу ею. Не знаю, грешу ли, но оторваться не могу» («Воспоминания о Л. Н. Толстом и его письма», стр. 185).

В июле месяце работа приближается к концу. 2 июля С. А. Толстая записывает в дневник: «Левочка занимается покосом и 3 часа в день пишет статью. Дело к концу» (стр. 143), 3 июля там же: «И вот я переписываю статью Левочки «О жизни и смерти», и он указывает совсем на иное благо»... (стр. 143). 4 июля наконец об окончании работы Толстой извещает В. Г. Черткова: «Я кончил свою статью, посылаю печатать, всё ею занимался, а кроме того покосом, и время очень полно».... 7 июля П. И. Бирюкову: «Свою статью о жизни и смерти всё писал и пишу, и очень усердно, однако посылаю набирать. Страхов был и одобрил; это меня поощрило» (т. 64, см. также Б, III, 68). 8 июля И. Б. Файнерману: «Много работал и продолжаю работать над писанием «О жизни и смерти» (т. 64 и «Воспоминания о Л. Н. Толстом и его письма», стр. 177). Чертков 7 июля в ответ на письмо Толстого от 4 июля пишет: «Я рад, что вы кончили вашу статью. У меня к вам большая просьба, дорогой Л. Н., не можете ли вы присылать мне сюда корректурные листы этой статьи, если у вас будет лишний экземпляр. И мне, и нам всем здешним вашим братьям, так хочется прочесть ее и этим путем ближе слиться с вашею жизнью за всё это время, что мы вас лично не видели. Пожалуйста, если только возможно, сделайте это. Это

может оказаться полезным и для других в том случае, если издание этой статьи встретит какое-нибудь механическое препятствие, так как мы здесь скорее кого-либо другого перепишем всё, что вы пишете, так как имеем на то время и особенно дорожим каждым вашим словом... Не знаю представляете ли вы себе, какой радостный день будет для нас всех тот, когда получим эту статью». 21 июля 1887 г. Толстой сообщает В. Г. Черткову: «Я немножко нездоров и всё занят своим писанием о «Жизни и смерти» и нынче утром...»

Очевидно Толстой как-то ознакомил со своей статьей В. Г. Черткова, потому что последний 26 июля в ответ на письмо Толстого от 21 июля пишет: «...Какую чудную статью вы написали. Пожалуйста присылайте нам корректурные листы, по мере получения вами, если окажется свободный экземпляр. Если вам нужно что переписать поскорее, то присылайте мне. Переписчиков здесь много — и все люди одного духа с вами. Если есть у вас какие-нибудь черновые, вам ненужные, то вы бы присылали их сюда. Хоть по ним я пожил бы с вами».

В конце июля Толстой уже «спешит» заканчивать работу и прибегает даже к помощи сразу многих переписчиков. Об этом рассказывает гостившая в это время в Ясной поляне А. А. Толстая: «Лев, имея спешную работу для отсылки в Москву [это была переписка «О жизни»], просил меня и других помочь ему в этом деле. Нас рассадили по парочкам на отдельных столах, каждую даму с кавалером; составилось шесть пар. Мне достался А. М. Кузминский, и мы сидели отдельно в маленькой гостиной, другие же все в большой зале. Он диктовал, а я писала. Совсем неожиданно вдруг стали попадаться такие неуклюжие фразы, что я невольно вспомнила «непроходимые болота», как выразился раз о Толстом Тургенев, и не могла решиться ни переступить болота, ни передать печати в этом виде. Кузминский, хотя и соглашался со мной, но считал невозможным простым смертным поправлять Толстого. Я, однако ж, настояла на своем. В это время Лев, прохаживавшийся по комнатам от одного стола к другому, подошел и к нам.

— Savez vous, mon cher, que je viens de corriger votre prose au grand scandale de votre beau frère»,[233] — сказала я.

— Et vous avez eu parfaitement raison, je ne tiens qu'à l'idée et ne fais aucune attention à mon style»,[234] — ответил мне Лев Николаевич» (ПТ, стр. 40).

И хотя последняя дата над рукописью в июле еще не поставлена, но всё же конец июля — почти окончание рукописной работы над книгой. Окончательная дата будет поставлена 3 августа, но уже в конце июля несомненно в связи с окончанием книги Толстой приглашает в Ясную Поляну Н. Я. Грота. Грот был в Ясной поляне 28 и 29 июля, в день приезда сильно разболелся мигренью, что объясняет своеобразное начало письма его к родителям из Ясной поляны 29 июля: «В 9 ч. вечера я выполз, меня накормили и напоили чаем и затем Л. Н. читал нам до 121/2 ч. (с перерывами) свой реферат о жизни, который значительно переделал. Ему хотелось непременно услышать мое мнение. Сегодня он дочитал его до конца после завтрака». Приписка к письму в 61/2 час. вечера гласит: «До обеда (с самого завтрака) Лев Николаевич читал продолжение своего сочинения и всё еще не

кончил»...

Другая участница этого чтения гр. А. А. Толстая так рассказывает о нем: «На другой день он [Толстой] предложил прочитать кое-что из переписанного нами; это было философское сочинение, под заглавием «Жизнь»; так как он адресовался ко мне, то я и отвечала: «Буду очень рада услышать образчик вашей мудрости, но вряд ли я пойму что-нибудь: философия чужда мне наравне с санскритским языком». — Если вы не поймете, то это будет, конечно, не ваша, а моя вина, но я надеюсь, что этого не будет, — отвечал Лев. — В семь часов мы все собрались около него; он был особенно весел и любезен. —«Какая же у меня дивная аудитория!» — шутил он, окидывая нас взглядом: «Какие представители: Ал. М. Кузминский, как прокурор, представитель юриспруденции, Николай Яковлевич Грот, сам профессор философии, и, наконец», прибавил он, указывая на меня, «Графиня — представительница религии» (вот поистине незаслуженная честь). — Чтение продолжалось около двух часов. Я поняла гораздо более, чем ожидала; были места прекрасные, но сердце мое не дрожало и не горело. Мне казалось, что я то сижу в анатомическом кабинете, то, что я бегаю по кривым дорожкам в полуосвещенном лабиринте и всё сбиваюсь, путаюсь и не могу вздохнуть свободно... Разумеется, об этом я не поведала никому, и если останавливала чтение каким-либо вопросом, то это единственно для того, чтобы дать другим слушателям возможность сказать свое слово, так как замечала, что у Грота и других скопилось много возражений на языке, но он, как и другие, не дерзал перебивать учителя; впрочем Лев был очень снисходителен к его мнению, и вечер окончился прекрасно, загладив впечатление предыдущих бурь». (ПТ, стр. 41.)

На последнем листе шестой, т. е. последней рукописной редакции собственноручно Толстым поставлена дата «3 Августа 1887 г.». Это был день, когда рукопись была отправлена в печать. С. А. Толстая в дневнике 4 августа записала: «Вчера вечером повез П. И. Бирюков статью «О жизни» в печать. Слова о смерти выкинул. Когда он кончил статью, он решил, что смерти нет». (Дневник С. А. Толстой, стр. 145.) Несомненно к тому же 4 августа 1887 г. относится и приведенное у Бирюкова (Б, III, стр. 68) письмо Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову: «П[авел] И[ванович] милый вчера уехал и увез в типографию статью о жизни. Начал я писать о жизни и смерти, а когда дописал, оказалось, что вторую часть заглавия пришлось выкинуть, потому что для меня по крайней мере это слово потеряло совершенно то значение, какое я ему придавал в заглавии. Дай то Бог, чтобы хоть на некоторых читателей она произвела то же действие.... Я теперь после долгого времени в первый день без определенной начатой работы, и всё мне открыто во все стороны, и это очень весело» (ТЕ 1913, стр. 55). Это последнее сведение о работе над рукописями. Дальнейшие сведения говорят о начавшемся печатании и работе Толстого над корректурами.

Охватывая приведенные свидетельства, мы видим, что Толстой в течение апреля, мая, июня и июля месяцев 1887 г. целиком занят книгой «О жизни». Сопоставление свидетельстве состоянием рукописей дает право предположительно датировать и ход самой рукописной работы. Как показано выше, на начало апреля падает возникновение третьей редакции. Работа над правками третьей редакции и над четвертой

приходится на апрель и май, потому что в рукописях этих текстов преобладают копии рук не С. А. Толстой, которая в это время была в Москве, а других переписчиков (очевидно П. И. Бирюкова, Н. Н. Ге младшего). Вернувшаяся в деревню в середине мая С. А. Толстая снова перебеляет правки Толстого и таким образом пятую и шестую редакции книги надо отнести на вторую половину мая, июнь и июль месяцы 1887 года. Обращаюсь к характеристике этапов рукописной работы Толстого после начала апреля месяца.

Текст третьей редакции автора не удовлетворил. Он мирится только с начальной частью, а две трети текста подвергает копировке по частям и правке этих частей порознь, причем частичные правки (см. Описание №№ 70–83) были настолько значительны, что почти не оставляют камня на камне от первоначального текста третьей редакции. Главная работа шла по линии логико-стилистического переформирования материала и в общем не сдвигает основного тематического массива статьи, что, как увидим дальше, происходит в четвертой редакции. Нужно сказать, что рукописи частичных правок третьей редакции вошли механически в четвертую и потому хранят несколько слоев правок. Так именно более крупные в смысле тематическом правки этих рукописей надо отнести к последующей работе автора. Если спросить, дала ли эта правочная работа над третьей редакцией что-нибудь для основного текста, то надо ответить отрицательно. От разных рукописей из этих правок в ряд глав перешли по нескольку строк, фраз или слов толстовских вставок. Таким образом кроме вступления и глав XXXI, XXXII и XXXV, доведенных до близости к основному тексту, полученных еще ранее, остальная часть книги еще будет формироваться позже.

Повидимому, в конце апреля или начале мая месяцев Толстой сводит воедино всё исправленное, подвергает его основательнейшему просмотру, снабжает целым рядом крупнейших вставок, среди коих заново написанная глава о любви, и логико-стилистической обработке, и таким образом получает четвертую редакцию, которая может быть названа 2-й сводной рабочей редакцией (как она составилась см. Описание стр. 811). В смысле приближения к основному тексту и эта редакция дает немного: Несколько небольших кусков в несколько строк по разным главам да наметку важных глав о любви (XXII, XXIII, XXV и XXVI). Правда, самый текст этих глав основного текста формируется конкретным образом позже в виде наслоений на этот черновик, но думается, что написание этого черновика важный пункт работы данного этапа. Мне кажется, что именно к этому черновику (Описание № 89) и относится фраза Толстого в письме к С. А. Толстой от 5 мая: «Нынче утром прекрасно работал. Самая сердцевина статьи, которая мне недоставала, нынче для меня уяснилась. И мне очень весело от этого» (ПЖ, стр. 319). Сердцевина книги «О жизни» именно главы о любви. Они датируют четвертую редакцию началом мая месяца. Но если Толстой еще далек от приближения к окончательному тексту, то сравнительно с третьей редакцией и ее частичными правками четвертая редакция должна рассматриваться как новый шаг по пути крупного расширения тематики статьи (отдельные новые темы указаны в Описании стр. 812) и именно прояснения основной темы книги — о любви. В этом, а также в логико-стилистическом обновлении состоят ее специфические особенности в отличие от третьей редакции.

Полученный текст четвертой редакции перебеляется полностью тремя переписчиками (копии А, Б, В)[235] и подвергается сначала небольшой почти только стилистической обработке (первая переделка 4-й редакции).[236] Затем полученный текст подвергается ряду частичных правок (Описание 126–143), за которыми следует общая большая правка (вторая переделка 4-й редакции) (см. Описание стр. 817 пункт V), а за нею сложная серия новых частичных правок текста (Описание №№ 146–196), коснувшаяся однако лишь первых двух копий А и Б четвертой редакции. Третья рукопись В была отложена. Насколько значительна была эта правочная работа над четвертой редакцией показывает уже тот факт, что с разных частей текста в период работы была сделана 21 копия (большей частью рукой С. А. Толстой) и внесено до десятка автографических вставок на отдельных листах, не считая сложнейшей правочной работы автора по копиям. Точно охарактеризовать эту работу Толстого над книгой можно было бы только в особом исследовании. Здесь же уместно указать, что главная линия устремлений автора в работе правочной над четвертой редакцией прежняя: это продолжающийся процесс расширения тематики и, главное, поиски новых логических формул для намеченных основных тем. Строго говоря, стилистическая работа в собственном смысле в четвертой редакции и ее обработке была невелика и попутна, и большинство стилистических правок, отмеченных в описании рукописей, относятся к позднейшим 5 и 6 редакциям, куда эти рукописи механически попадали.

Другое важное, что можно сказать о правках четвертой редакции, это то, что в них начинают отсеиваться и отстаиваться отдельные куски текста, сохранившиеся или целиком или сравнительно слабо деформированными в позднейшей работе до основного текста книги. Таковы во-первых совершенно законченное работой вступление к книге «О жизни», которое в позднейших 5 и 6 редакциях уже совершенно не затрагивается обработкой, и которое в виде, полученном в 4-й редакции, и идет в печать, и во-вторых таковы отдельные места в главах основного текста I, II, III, IV, VI, VII, VIII, XI–XVII, XX–XXIX. Причем главы XXII и XXVIII в бо̀льших своих частях сформированы именно на данном этапе работы.

Если верна датировка самой четвертой редакции началом мая месяца, то правочная работа, вероятно, приходится на вторую половину мая и июнь 1887 года.

Произведя кропотливую правочную работу над 4-й редакцией (причем в сводке отдельных частей и копий принимала участие С. А. Толстая, которая нумеровала, например, особой пагинацией внизу листов сводную рукопись и на стр. 822 (Описания), Толстой сам еще раз производит общую сводку всего материала статьи (отложив в сторону готовое вступление), нумерует эту сводку собственноручной пагинацией постраничной 1–289 и таким образом получает (см. Описание стр. 822) пятую (третью сводную) редакцию текста. Собственно весь процесс правки 4-й редакции и был дифференцированным процессом перевода ее в вид 5-й редакции. Одновременно с пагинацией, как кажется, Толстой сделал попытку упорядочить и общую конструкцию статьи, выросшей в книгу. Была сделана общая наметка деления на 32 главы, которые, однако, не совпадают еще с главами основного текста.

Текст пятой редакции затем подвергается сложнейшей и мозаически-мелкой обработке (Описание №№ 197–292). Разбив книгу на несколько кусков, Толстой беспощадно относится к большей части созданного за десять месяцев текста, и весь процесс работы его состоит в том, что он рассыпает каждый кусок на мелкие листки, правя их порознь, отдавая в перебелку, затем соединяет исправленное в новые своды, чтобы снова править, рассыпать и сводить. Если сказать, что первые 60 страниц пятой редакции знали за время переделок 13 разных копий и три общих сводки, что страницы 61–76 знали 9 разных копий и три общих сводки, что страницы 77–289 знали крупные перестановки, 38 разных копий, несколько вставок, пять новых пагинаций, один конспект всей книги, один конспект части книги, что следовательно вся правка пятой редакции знала не меньше 60 разных частичных копий, то станет понятным, что к концу этой работы оставалось сравнительно немногое в тексте нетронутым и что к 6-й редакции текст книги почти полностью обновился.

В каком направлении велась правка 5-й редакции, показывает прежде всего сравнение объема ее с финалом правки. 289 страниц превратились в 410, т. е. текст в среднем увеличился почти на 40 %. Были вчерне сформированы в виде особых вставок значительные части глав XXIII, XXV, XXVII и XXXII и была произведена полная логико-стилистическая переделка текста. Кое-что из вставочной работы над пятой редакцией вошло и в другие главы (III, VII, VIII, IX, XV, XVIII, XIX, XX, XXIV, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI и в прибавления). Чрезвычайно характерна для отдельных мест книги полная перестановка, перекомпоновка текста. Любопытно также, что в этом именно этапе работы Толстой, повидимому, моментами сам начинал терять в потоке правок ясность сознания целостности книги. Ничем иным нельзя объяснить появление целых двух новых конспектов книги именно в период правочной работы над пятой редакцией, кроме приведенного уже выше, созданного еще в периоде работы над 4-й редакцией. Конспект для первых шести глав набрасывается на рукопись № 215, т. е. в конце работы над первым куском пятой редакции (издается нами в черновых под № 6). Наконец, после первой же частичной проработки третьего куска (вторая пагинация) эта потребность в конспективном охвате целого становится окончательно необходимой, и Толстой пишет большой на 10 лл. конспект всей книги в виде 33-х глав, представляющий сжатую и сформулированную кратко маленькую книгу «О жизни» (Описание № 247, издается нами под № 7 черновых вариантов).

Как указано выше, правочная работа над пятой редакцией в конце концов превратила книгу в шестую редакцию, которая была последней рукописной. Она хранится в мозаически составленной рукописи № 293. Вследствие этой мозаичности трудно точно выделить все поправки, внесенные в эту последнюю рукопись автором. Несомненно одно, что общая правка шестой редакции носила только мелко стилистически грамматический характер. Самое крупное изменение — была пометка к пропуску и действительный пропуск в печати целой главы 11 полемической (Описание № 236, в виду ее интереса она печатается под № 8 черновых вариантов). 3 августа 1887 г. было датой окончания работы над рукописью книги «О жизни», слова о смерти выброшены из заглавия. Вечером того же дня П. И. Бирюков повез книгу в Москву для печатания. Однако шестая редакция книги не была последней.

Начавшееся печатание вызывает новый и такой значительный приступ работы автора над корректурами, что можно говорить — окончательный текст книги получился только как особая седьмая (корректурная) редакция. Что же для основного текста книги дает шестая редакция? Она дает значительное количество глав основного текста почти готовыми, именно главы I, IX—XIII, XV—XVII, XX—XXIII, XXV—XXVII, XXIX—XXXII, заключение и текст трех прибавлений, но еще без выделения их в прибавления. Этих глав корректурные поправки коснулись очень мало. Вторая группа глав подверглась в корректурной редакции очень крупной переделке и таким образом хранит в основном тексте от шестой редакции лишь куски текста. Это главы III, IV, VIII, XIV, XVIII, XIX, XXIV, XXVIII, XXXV. Наконец, третья группа глав почти не сохранила следов текста шестой редакции или вообще была написана заново в корректурной редакции. Это главы II, V, VI, VII, XXXIII, XXXIV (в некоторых из этих глав от шестой редакции сохранено по несколько строк; главы XXXIII и XXXIV написаны заново).

3 августа вечером П. И. Бирюков увез книгу в Москву, а 8 августа датированы первые корректурные гранки. Таким образом печатание началось тотчас вслед за окончанием книги. Бирюков сообщает: «Когда я, пробыв несколько дней, собрался ехать в Москву, Лев Николаевич дал мне с собой всю рукопись с поручением сдать в набор в типографию Мамонтова, что я и сделал. При этом Лев Николаевич просил меня передать профессору Гроту его просьбу продержать корректуру. Этим он хотел искусственно оторваться от своей работы». (Б, III, стр. 68.) Однако Толстой и сам продолжает работу над корректурами, и руководит корректурами Н. Я. Грота, и даже при случае совместно с ним правит текст. Все три случая представлены сохранившимися корректурными листами (см. Описание). Но кроме того об этой работе имеются и прямые свидетельств а ее участников.

15 августа 1887 г. Л. Н. Толстой пишет Г. А. Русанову: «Надеюсь скоро получить корректуры статьи о жизни. Как только будет возможно, вышлю вам» (т. 64).

13—20 авг. 1887 г. (издатель ошибочно датирует 1888 г.) Толстой пишет М. А. Новоселову: «Я всё лето много работал над сочинением о жизни — начал печатать». («Новый путь» 1903, I, стр. 152.) 6 августа В. Г. Черткову: «Я после своего писания О Жизни ничего еще не начал и не получил еще корректур».

С. А. Толстая в дневник заносит под 19 августа 1887 г. «Начали печатать статью, но шрифт нехорош, будут перебирать набор» (стр. 146). 22 августа Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Я начал набирать, но теперь прошу прислать мне всё, чтобы исправить» (т. 64). С. А. Толстая в дневнике 25 августа: «Левочка всё сидит над статьей, но энергия его как будто упала для этой работы» (стр. 146). 27 августа 1887 г. Толстой в Дневнике записывает: «Поправляю свою печатающуюся статью, но дело идет очень медленно». В сентябре сам Толстой сообщает И. Б. Файнерману: «Работаю письменную работу. Всё кончал «О жизни». Печатается. Верно, не пропустят» (И. Тенеромо, «Воспоминание о Л. Н. Толстом и его письма», стр. 179).

В. Г. Черткову в письме от начала сентября: «Я всё с своей работой о

Жизни»... 15 сентября ему же: «Статья набрана больше половины; я всё переделываю и, кажется, запутался — хочу сделать лучше, а сделаю хуже»... 7 октября в письме к Н. Н. Ге: «Я всё время работал над своей книгой о жизни и дошел уже кажется до того предела, даже перешел, что всякая работа над ней портит. Она печатается. Буду стараться меньше копаться. Тем более, что затеял другое — художественное». В октябре же (1—20) П. И. Бирюкову: «Посылаю один лист корректуры и прошу типографию пересылать вперед один лист мне сюда, а один в Москву для пересылки Черткову...» (т. 64). И С. А. Толстая в письме к Т. А. Кузминской от 27 октября 1887 года сообщает: «Левочка всё в Ясной.... Пишет он.... всё статью»....

8 ноября 1887 г. Толстой П. И. Бирюкову: «...поправляю и довольно много и с увлечением последние главы о жизни. Должно быть на следующей неделе всё будет отпечатано» (т. 64).

10 ноября Н. Н. Страхову: «О жизни печатается. Грот с удивительным усердием держит корректуры; на будущей неделе должно быть всё будет набрано, и к концу месяца, вероятно, наступит решение вопроса для цензуры — сжечь пли нет. Жалко будет, — я имею смелость думать, что многим эта книга будет утешением и опорой. Разумеется употреблю все старания, чтобы в случае непропуска оставить вам экземпляр» (ТТ, 2, стр. 53—55). 18 ноября С. А. Толстая пишет Т. А. Кузминской: «Левочка всё занят корректурами своей статьи, которая на-днях должна выйти из печати и поступить в нашу кровожадную цензуру».

19 ноября 1887 сам Толстой из Москвы В. Г. Черткову: «... Мои же занятия: корректуры и дополнения и исправления статьи....» 20 ноября П. И. Бирюкову: «Занят преимущественно исправлениями и добавлениями «О жизни», которая вся набрана и более 3/4 напечатана»... (т. 64).

1 декабря В. Г. Черткову: ...«Хочется очень мне побывать у вас, да всё не могу кончить последнюю главу своей книги, а не кончив, не следует уезжать...»

1 декабря Н. Н. Ге: «Я всё переделываю и кончаю почти уж отпечатанную книгу о жизни, но чувствую себя слабым для этой работы и потому идет дело медленно...»

6 декабря 1887 г. В. Г. Черткову: «Я всё время вожусь над последними главами «О жизни», раз 30 переделывал, и, кажется, уясняется. И я задержал печатание». 15 декабря ему же: «Я всё время занят окончанием своей статьи и не свободен. Теперь зарекся больше не переделывать...» П. И. Бирюкову 19 декабря: «Я свою статью совсем кончил, до праздника будет отпечатана» (т. 64). С. А. Толстая в письме от 16 декабря сообщает Т. А. Кузминской: «Левочка всё не кончил печатать своей статьи и теперь дело подходит к концу. Это печатание его очень занимало, он никуда не стремился, поправлял корректуры, изменял, бегал по типографиям и был весел».

С другой стороны, Толстой руководит корректурной работой Н. Я. Грота. В середине сентября он пишет Н. Я. Гроту: «Je vous prend au mot, дорогой Николай Яковлевич, и прошу вас держать мои корректуры. Воздержусь от выражения моей благодарности и пишу прямо о деле. 1)

Корректуры подписывайте к печати, если не найдете ничего такого неладного, о котором бы надо списаться со мной. О цензурности совсем не думайте и не принимайте в соображение. 2) Если милость ваша будет делать синтаксические изменения и исключения (поправки), делайте, чем больше, тем лучше. 3) По существу не делайте мне возражений. Я уж слишком много переработал эту работу, и всякие замечания, особенно одобрительные, очень путают меня. Остальное и подробности передаст П. И. У нас Фет, и я заработался, и потому с трудом собираю мысли и больше не пишу». («Н. Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах», стр. 212–213.) Грот ответил 30 сентября согласием: «Только что был у меня Павел Иванович с Вашим письмом и поручением. От души рад, что могу быть Вам полезен, и приложу всё старание, чтобы сделать дело как можно лучше. В случае серьезных сомнений позвольте всё-таки прибегать к Вам....» (т. 64). В октябре 11–12 Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Гроту пожалуйста, скажите, что «вступление» я отнес к примечаниям, но потом думаю, что надо оставить его «вступлением» и колеблюсь. Не будет ли он так добр решить это за меня. А еще то, что я желал бы просмотреть то, что идет после тех глав, которые мы с вами переправили. Пожалуйста, скажите то же и в типографии. Они теперь мне ничего не посылают. Представьте себе, что у Канта всё то же самое сказано, и чудесно во многих местах» (Б, III, стр. 68). Самому Н. Я. Гроту Толстой пишет 13 октября: «Я писал П. И. Бирюкову, прося его передать вам мои некоторые просьбы о печатании, но так как он может не скоро быть в Москве, то повторю их. Есть «вступление», напечатанное мелким шрифтом: я надписал на нем, чтобы его печатать, как прибавление к концу книги, но потом усомнился, не лучше ли оставить его вступлением. Будьте добры, прочтите это вступление и решите — оставить ли его вступлением или отнести к прибавлениям. В пользу его говорит то, что оно наводит читателя на главный смысл книги, против него говорит дурной тон его. У меня весы стоят совсем ровно, так что ваше мнение пускай перевесит в ту или другую — т. е. решите вы. Еще я просил о том, чтобы следующие после 20-й главы или около того (после тех корректур, которые я последние вернул) мне бы присылали корректуры сюда. Это последнее, вероятно, сделает П. И. Бирюков, когда приедет, а до его приезда до этой главы не дойдет дело, и вам не надо будет беспокоиться. Очень, очень благодарю» («Н. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах», стр. 219–221). Н. Я. Грот ответил 25 октября: «Прочел Ваше вступление (прибавление) и нахожу, что его надо напечатать, как вступление, в начале. Это прекраснейшая вещь, которая не только полезна, но и необходима, как подготовка ума читателя к чтению остальной» (т. 64).

Наконец, и Н. Я. Грот сообщает родным о своей доле работы над книгой «О жизни» Толстого в письме от 4 сентября К. Я. Гроту: «Я веду усердно лекции и занятия со студентами. А тут еще работа подвернулась: Л. Н. Толстой попросил читать корректуры его сочинения «О жизни» (ок. 15 печ. лл.), дав самые широкие полномочия — подписывать к печати, вычеркивать и поправлять стиль и проч. Эта работа доставляет мне большое удовольствие по интересу моему к статье, которую я вызвал (к жизни), но тяжеленько возиться с его иной раз невозможным слогом». Через месяц 4 октября матери: «Сегодня утро просидел за стилистическими поправками в корректурах Толстого. У него есть невозможные обороты, которые приходится переделывать. Но он сам мне дал на это право, написав: «Если милость Ваша будет

делать синтаксические изменения и исключения (помарки), делайте — чем больше, тем лучше». Я пользуюсь этим правом осторожно, но не могу не пользоваться. Сочинение «О жизни» будет иметь 35 глав, около 15 листов печатных. Очень рад этому поручению, ибо работа его о жизни мною отчасти вызвана к жизни, и я чувствую за нее некоторую ответственность». 14 октября в письмах к брату и матери Н. Я. Грот пишет, что очень занят, но, впрочем, корректуры Толстого отнимают не так много времени (не более 6 часов в неделю), и добавляет в письме к матери: «Сегодня подписал к печати 1-й лист (после 4-й корректуры), а в наборе всего 4 листа. Но эту вещь не пропустят, конечно, так как он и тут нападает немного резко на фарисеев, т. е. духовенство наше»... 28 октября (к матери): «...на днях пошлю тебе несколько листов (в корректурах уже ненужных) сочинения Толстого. Третьего дня Л[ев] Н[иколаевич] был у меня — он заезжал в Москву проездом к Черткову, а сегодня вернется совсем. Он ужасно доволен моей работой и не знает, как благодарить. Хочет мне помогать переводить Макса Мюллера. Мы с ним даже поцеловались от прилива чувств». 8 ноября — брату: «Занятия идут сносно, хотя я ничего не пишу... главное — добросовестно правлю корректуры Толстовские: осталось уже немного: с Толстым вижусь почти ежедневно, ибо нас соединяет общее дело. Иногда вместе гуляем до типографии. Я его очень люблю, и он меня, кажется тоже. У нас в характере, стремлениях, идеях столько общего, что συγουσία [сосуществование] необходима и всегда радостна»... 9 ноября матери: «С корректурой Толстого дело идет к концу, и потому я это время особенно занят — разом держишь листов 5—6 в наборе, и приходится ежедневно получать новые оттиски... Сейчас он зайдет ко мне, и мы вместе понесем корректуры в типографию». 21 ноября К. Я. Гроту: «корректуру Толстого кончаю на следующей неделе. Вижусь с ним ежедневно. Он часто заходит в 3 часа дня, и мы идем пешком в типографию (в Леонтьевский переулок) — взад и вперед. Его книжку я так полюбил, что мне будет недоставать ее, когда корректура кончится». Наконец, упоминания о Толстом и работах над корректурами его книги у Н. Я. Грота оканчиваются кратким упоминанием в письме к матери от 24 ноября, писанном на обеде у Фета: «Лев Николаевич простужен и сидит дома. Я только что у него был».

Из приведенных свидетельств уясняется, что книга «О жизни» печаталась в типографии А. И. Мамонтова и что корректуру держал и сам Толстой и Н. Я. Грот, а иногда оба вместе. Эти обстоятельства надо учесть и при изучении корректур книги «О жизни». Наконец, книга печаталась около пяти месяцев (август — декабрь), так как имеются корректуры с типографскими датами от декабря.

Корректуры книги «О жизни» сохранились не все. Почти не сохранились верстанные листы, недостает многих гранок. Но и то, что сохранилось, показывает очень большую работу, проделанную Толстым после шестой редакции.

Работа эта свелась к следующему.

Как сказано выше, первые корректурные гранки датированы 8 августа. Это были 12 полос вступления (№ 294) и 7 полос начала книги (№ 297). Затем последовали 12 августа гранки 8—22 (№ 298) и 14 августа 23—36-

я (№ 299). Этот материал объединяет собою вступление и первые 10 глав шестой редакции книги. Нужно сказать, что эта группа гранок не подверглась серьезной переработке. Начальные гранки хранят лишь следы легкой стилистической подчистки текста, небольшие вставочки, мелкие сокращения и правку орфографии и пунктуации. Но чем дальше от начала, тем правка делается крупнее, вычеркиваются большие куски, особенно с полемическими выпадами против мнений ложной науки, а на гранках 23–36 даже произведена некоторая перекомпоновка текста путем разреза и перестановки гранок. С вступлением у автора позже — в октябре — были колебания, не перенести ли его в прибавление.

Вторая группа гранок падает на сентябрь месяц. Таковы не датированные гранки 37–46 (№ 321), датированные 28 сент. гранки 47–60 (№ 322), 4 сентября гранки 61–74 (№ 328), а также вторые гранки вступления от 21 сентября (№ 295) и верстанные гранки первых восьми глав 28 сентября (№№ 300–314). Сентябрьская работа Толстого над гранками представляется уже очень сложною. Менее всего изменилось вступление. В нем снято деление на шесть мелких глав, сняты при немногих цитатах имена — Blainville, Спенсера, сокращен конец и проведена общестилистическая правка текста. Фундаментальнейшей переработке подвергнуты первые 10 глав книги, которые в сентябре были уже сверстаны. Эта верстка переделывалась несколько раз по частям, каждый раз отдельные исправления переписывались набело и снова правились. Общие результаты этой работы состояли в том, во-первых, что количество глав изменилось с 10 до 8, во-вторых, каждая глава была снабжена специальным довольно подробным подзаголовком — нечто в роде конспекта или тезиса главы, в-третьих, часть текста механически выделена и перенесена в конец книги в виде трех прибавлений, в-четвертых, Толстой спустил под текст те сноски, которые в основном тексте читаются на стр. 332, 333, 334, 339 и 342. Если говорить о работе над отдельными главами, то надо сказать, что глава 1 основного текста получилась из гл. 1 верстки 28 сент.; гл. II из перекомпоновки глав II и V верстки; гл. III из конца гл. V верстки; гл. IV из перекомпоновки глав III и IV верстки; глава V из гл. VI верстки; гл. VI из глав VII и VIII верстки; гл. VII из гл. X; гл. VIII из гл. IX верстки; а конец гл. III, начало IV и гл. VII верстки были превращены последовательно в 1, 2, 3 прибавления. Таким образом мы видим большую конструктивно-логическую работу автора над первыми главами уже сверстанных было листов, причем восемь глав основного текста кроме I и III обновили полностью или в большей своей части и самый свой текст.

Эта большая работа над первыми главами в корректуре отразилась и на корректурах последующих глав. Сентябрьские гранки 37–74, уже названные выше и охватывающие следующие семнадцать глав шестой редакции (12–26 и ошибочные 25 и 26-я), тоже снабжаются подзаголовками, четким делением на 14 глав (IX–XXIII) и местами подвергаются очень серьезной перекомпоновке и обработке. В частности главой IX основного текста сделана часть гранок, вырезанных из партий 14 августа, главы 13 и 14 шестой редакции объединяются в одну XI, причем о них возникает мысль, как это помечено на гранках (Описание № 321), не перенести ли в прибавление. Над гранками 47–60 производится кроме общей логико-стилистической и орфографической работы также конструктивно-логическая работа, а главное эти гранки

обогащаются большими вставками (№№ 323–327), которые составляют две почти полностью новых главы: XVIII и XIX основного текста, т. е. происходит и расширение тематики. Только партия гранок 61–74 (т. е. № 328 Описания) подвергается сравнительно небольшой корректурной правке.

Октябрь месяц принес следующую группу корректур: третьи гранки вступления (№ 296) – 24 октября, новый набор текста в виде гранок 3 и 7 октября с особой копии первых глав, переделанных в сентябре (№№ 314–317), вторые гранки глав IX–XII основного текста – 13 октября (№ 320), вторые гранки 28 окт. с части XX и начала XXIII гл. основного текста (№ 331), третьи гранки с последней группы 31 октября (№ 332) и первые гранки продолжения текста, т. е. главы часть XXIII–XXVIII основного текста, тоже 31 октября (№ 333). Вторые и третьи из этих гранок правлены или только Н. Я. Гротом или им же совместно с Толстым. Но все октябрьские корректуры носят на себе исправления стилистические с немногими сокращениями или вставками Толстого. К октябрьским корректурам примыкают и хронологически и по несложности правок также не датированные гранки конца XXVIII гл. (№ 335) основного текста, XXIX–XXX (№ 338), XXXI–XXXII (№ 339, 340, 341) и гранки главы, позже исключенной автором (№ 342). Наконец, в октябре же верстали вступление и листы 1-й и 3-й, исправленные Н. Я. Гротом. (Верстка собрания Шохор-Троцкого.) В конце же октября были подписаны к печати первые листы книги, как об этом сообщает Толстому С. А. Толстая в письме от 22 октября 1887 года: «Милый друг Левочка, приходил ко мне сегодня Грот; он подписал к печати два листа первых, но их еще не печатали, Павел Иванович ошибся. Сейчас я прочла три первых листа корректур, и всё складно, и ошибок нет. Но заглавия глав нельзя сделать мельче, чем они есть; это только следующий номер шрифта. Можно сделать или гораздо мельче, т. е. мельче самой статьи, или точно таким же шрифтом, что очень некрасиво. Грот говорит, что статья во многом очень выиграла, но жалеет, что она получила слегка полемический характер, чего прежде не было. Это самое и я говорила. Занимается он корректурами с большой любовью, но кропотливо; четыре раза переправляет».

В ноябре месяце имеем: 10 ноября гранки глав VI, VII, VIII основного текста (№ 318), 10 ноября первые гранки главы XXXV и заключения осн. текста (№ 343), и 15 ноября вторые гранки глав XIII – половина XX осн. текста (№ 330). Ноябрьские корректуры несложны, правятся частью Н. Я. Гротом, частью Толстым главным образом стилистически и со стороны орфографии. Только над концом гл. XXXV Толстой работает значительно. Интересно также, что Толстой выпустил в процессе работы над гранками этой части значительную часть главы о нравственных страданиях (по рукописи № 69 публикуется нами под № 9 черновых вариантов). От 15 ноября сохранилась и сверстанная корректура 1-го листа (№ 368), а от 4 ноября верстка лл. 8, 9 и 14-го, правленная Н. Я. Гротом (см. Описание, стр. 841).

В ноябре же Толстой упорно работает над двумя новыми главами к книге XXXIII и XXXIV основного текста (№№ 351–367). Глава XXXIII вообще новая для книги, глава XXXIV заново написанная на тему о страданиях вместо вынутой главы (т. е. главы, черновой текст которой нами публикуется под № 9 черновых текстов), в дальнейшей работе начало

этой большой вставки перерабатывалось как особая XXXIV глава основного текста о страданиях, средняя часть после переработки составила главу XXXV основного текста, а конец, превращенный в процессе работы в особую главу о нравственных страданиях, в корректурах совершенно исключен и в основной текст не попал. Интересно, что работая над корректурами этой главы (часть ее опубликована нами под № 10 черновых вариантов — Описание № 344), Толстой пытался ее поправить (см. текст, публикуемый под № 11 черновых вариантов — Описание № 345) — но и эту правку забраковал и начал писать главу заново. Однако и эти новые попытки долго не приводили к желательному результату. Он написал целых шесть черновых этюдов (Описание, №№ 354 — 357, мы все их печатаем под № 12, как типичный образец характера работы Толстого над книгой о жизни) прежде, чем остановился окончательно на одном.

От 12 декабря сохранились гранки новых глав (№ 363), а 19 декабря датированы верстанные листы последних глав книги (№ 369). Эта верстка не была последней, как показывает сличение ее с самым изданием. Думается, что на декабрь падают третьи и частью вторые гранки разных мест книги и большая часть корректур в верстке, не сохранившихся среди рукописей. (Сохранилась верстка немногих листов от 15 и 17 декабря. См. верстка собрания К. С. Шохор-Троцкого. Описание, стр. 840).

К январю 1888 года книга была отпечатана полностью. Печатный текст, как показывает даже краткий обзор работы автора над корректурами, представляет действительно особую, новую ее редакцию, в которой помимо крупного изменения текста части глав, произведена сравнительно с шестой редакцией и перекомпоновка текста, и расширение тематики, и некоторое композиционное изменение (введены новые главы и три прибавления. Самый заголовок «заключение» тоже введен в корректурах), и произошло даже, пожалуй, некоторое расширение идеи книги: первоначальная идея любви обогащена в новых главах более выпукло поставленной идеей оправдания страданий, зла на земле.[237]

Эпиграфы были внесены в книгу в последних верстанных листах и поставлены на особом листе после титула. (См. Описание, стр. 841, собрание Шохор-Троцкого.) Оглавление появилось тогда же путем механической сводки всех подзаголовков.

Так писалась и дорабатывалась во время печатания книга Толстого «О жизни».

Вот краткий ретроспективный взгляд на процесс создания отдельных глав этой книги:

Вступление сформировано во 2—4 редакциях.

Гл. I вся составлена мозаично, беря начало в нескольких строках. 2-й редакции.

Гл. II на 3/4 создана в 7 редакции, а в остальной 1/4 хранит текст от 2 ред.

Гл. III образовалась в 3–7 редакциях.

Гл. IV образовалась в 4–7 редакциях.

Гл. V вся целиком образована в 7 ред. кроме нескольких строк в начале и конце, которые идут через все редакции до 2-й вглубь.

Гл. VI – на 2/3 в 7 редакции, остальной текст от 2–6 редакций.

Гл. VII – на 3/4 в 7 редакции, остальной текст от 5–6 редакций.

Гл. VIII – на 1/2 в 7 редакции, остальной текст от 3–6 редакций.

Гл. IX – в 4–7 редакциях.

Гл. X – в 1–7 редакциях.

Гл. XI – несколько фраз от 2–3 редакциях, а главный текст в 4, 5, 6 редакциях.

Гл. XII – в 3–6 редакции, 1/5 текста в 7 редакции.

Гл. XIII–несколько фраз в 1–3 ред., большая часть в 4–6 редакциях.

Гл. XIV–в 4–7 редакциях.

Гл. XV – в 1–6 редакциях.

Гл. XVI в 4–6 редакциях.

Гл. XVII главным образом в 4 редакции, немного в 5–6 редакциях.

Гл. XVIII на 1/2 в 7 редакции, остальной текст в 4–6 редакциях.

Гл. XIX на 2/3 в 7 редакции, остальное в 5–6 редакциях.

Гл. XX – в 4–6 редакциях.

Гл. XXI – главным образом в 4 редакции, немногое в 5–6 редакциях.

Гл. XXII главным образом в 4 редакции, немногое в 5–6 редакциях.

Гл. XXIII – в 4–6 редакциях.

Гл. XXIV на 1/3 в 7 редакции, остальное в 4–6 редакциях.

Гл. XXV – в 4–6 редакциях.

Гл. XXVI – в 1–6 редакциях.

Гл. XXVII – в 1–7 редакциях.

Гл. XXVIII – на 1/3 в корректурной–7-й, на 2/3 в 4–6 редакциях.

Гл. XXIX — в 5—6 редакциях.

Гл. XXX — в 5—7 редакциях.

Гл. XXXI — в 1—6 редакциях.

Гл. XXXII — в 1—6 редакциях.

Гл. XXXIII и XXXIV —в 7 редакции.

Гл. XXXV на 3/4 в 3—6 редакциях и на 1/4 в 7—й редакции.

Заключение в 1—7 редакциях.

Прибавления в 4—7 редакциях.

Хронология работы приблизительно следующая:

Работа над Первой редакцией падает на время с октября 1886 г. по март 1887 г. Вторая редакция получена около 14 марта 1887 г. Третья редакция — к началу апреля 1887 г. Четвертая редакция к началу мая 1887 г., пятая редакция — конец мая и июнь 1887 года. Шестая редакция июль и начало августа 1887 г., седьмая редакция работалась в августе—декабре 1887 года.

Из вопросов, связанных с историей работы Толстого над книгой «О жизни», два слова об источниках. Строго говоря никакими специальными источниками Толстой не пользовался. Цитат из Евангелия и философов (Конфуция, Будды, Спенсера, Blainville и др.) очень немного и затем, если даже они могли списываться иногда из источников, то весь процесс работы над книгой был столь мозаично-кропотливым, что все эти цитаты, к тому же небольшие, раздроблялись на мелкие части и терялись в собственных словах автора. В числе источников возможно некоторое влияние чтения книг Н. Н. Страхова, Канта, бесед с Н. Я. Гротом и его статей, бесед и писем В. Г. Черткова. В письме 11 февраля 1888 г. В. Г. Чертков напоминает Толстому о разговоре в гостинице о бессмертии. 20 марта 1889 г. он же пишет Толстому: «Я как-то раз посылал вам несколько листков из своей записной книжки, и вы писали мне, что были рады этому. Теперь посылаю вам еще несколько мыслей оттуда же, записанных уже больше года тому назад. Последнюю мысль я записал в то время, когда вы писали «О жизни», и был потом рад видеть, что вы там эту же мысль изложили полнее, шире и точнее. Попросите Машу[238] при случае вернуть мне эти листки». Но все эти влияния не могут ни в какой мере быть названы источниками Толстого, и книга «О жизни» после изучения процесса ее создания, может быть названа целиком оригинальной.

Насколько важное значение придавал сам Л. Н. Толстой книге «О жизни», показывает письмо его от 17 окт. 1889 г. к В. В. Майнову: «Вы спрашивали, какое сочинение из своих [я считаю] более важным? Не могу сказать какое из двух: «В чем моя вера?» или «О живни» (т. 64).

ИСТОРИЯ ПЕЧАТАНИЯ.

В результате печатания книги под наблюдением Толстого и Н. Я. Грота появилось в свет отдельное издание ее 1888 года, единственное полное, проводившееся под непосредственным наблюдением автора: «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. О жизни». Москва. 1888. Типография А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевский пер., № 5, 8°, стр. XXI + 3 ненумерованных + 275 + 1 ненумерованная + XI стр. Издание запрещенное и уничтоженное цензурой. Известны пока три экземпляра его: один несброшюрованный во Всесоюзной Библиотеке имени В. И. Ленина и принадлежавший С. А. Толстой; два экземпляра в библиотеке ГТМ № 257-а — сброшюрованные и в переплете, один с записью о получении из Гос. Книжного фонда в Ленинграде 10.IV.1925 г.

Во время печатания Толстой охотно говорит о книге с друзьями. Так 20 сентября 1887 г. он пишет Н. Л. Озмидову: «Очень бы хотелось поскорее сообщить вам мою статью о жизни, я уверен, что она придется вам по сердцу. Вопрос о единстве того закона разума, которого проявления мы видим вне себя в природе и который мы сознаем в себе, как закон своего блага — там, я надеюсь, изложен хорошо. Закон единый, различие только в том, что там мы видим, как он исполняется, но исполняем не мы, а в себе мы не видим его, но должны неизбежно исполнять его для своего блага». (Письма, т. 64.) В сентябре же Ив. Ив. Попову: «Статьи о жизни у меня нет, но я печатаю ее отдельной книгой, в которую она разрослась, и постараюсь доставить ее вам» (т. 64, см. также ПТС, II, № 358). В сентябре — октябре В. И. Алексееву: «Хотелось бы мне вам послать свою статью о жизни. Я начал с заглавием о жизни и смерти, но когда кончил, то вычеркнул слова «и смерти», потому что слова эти потеряли свой смысл. Знаю, что многие, и наш милый друг Алексей Алексеевич [Бибиков], которого целую, посмеются над этим и скажут страшное слово «мистицизм», но вы, вероятно, согласитесь со мной... Статья печатается, да еще корректур всех нет. А когда будут, пошлю вам» (т. 64). В декабре И. Б. Файнерману: «Вчера только кончил совсем свою статью о жизни. После завтра пойдет в цензуру. Если пропустят, пришлю вам тотчас, а нет, то несколько погодя» (т. 64). Таким образом во время печатания к Толстому направляются с разных сторон не только вопросы, но и запросы на книгу. 3 октября еще В. Г. Чертков в письме

к Толстому просит у него корректуру: «Как хотелось бы мне прочесть и попитаться этой статьей, о которой я много слышу от П[авла] Ивановича].[239] Если вы будете писать Гроту, то не можете ли Вы, добрый Л. Н., попросить его получать из типографии еще одну последнюю корректуру, кроме тех двух, что он вам доставляет, и сохранять ее у себя для меня. Я бы поручил П[авлу] И[вановичу], когда он бывает в Москве, забирать у него этот экземпляр, по мере того, как корректура будет подвигаться. Мне так хотелось бы прочесть, что можно, из этой статьи теперь»...

Толстой в каком-то виде удовлетворяет это желание, потому что в письме от 30 октября В. Г. Чертков сообщает: «...Мы дочитали ваши корректурные листы. Как это хорошо и как это поднимает. Пожалуйста, пришлите продолжение лишь только возможно, так это нам хочется и нужно»... Беседа о книге Толстого идет и в письмах ноябрьских (письма В. Г. Черткова от 19 ноября, 20 ноября 1887 г). Н. Н. Страхов сравнивает Толстому его книгу и по теме и по направлению с книгами Фихте (ПС, стр. 358). В письме от 5 ноября Страхов просит: «Я часто вспоминаю о вашей печатающейся книге и думаю, что если ее задержат, то мне не скоро придется ее читать. Если вам можно как-нибудь этому помочь, то очень прошу вас об этом. Как бы мне важно было прочесть теперь то, что я читал в Ясной» (ПС, стр. 360). 6 ноября: «Дай Бог, чтобы пропустили Вашу книгу» (ПС, стр. 364). Разговор о книге поднимает В. Г. Чертков и в декабрьских письмах к Толстому (от начала декабря и 11 дек. 1887 г. в ответ на письма Толстого от 1 и 6 декабря).

Беседы Толстого с друзьями подбадривают его в работе, но, как видно из приведенных выше высказываний Н. Я. Грота и Н. Н. Страхова, у друзей были опасения за цензурную судьбу книги. Эти опасения оказались не напрасными. 5 января 1888 года С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской: «Нашу статью «О жизни» передали в духовную цензуру, значит она погибла. Очень досадно, и убыток». Сам Толстой в письме к Н. Н. Страхову от 24 января 1888 года сообщает: «Книга «О жизни» всё в духовной цензуре. Едва ли пропустят. Во всяком случае пришлю вам». (ТТ, 2, стр. 56.) В письме к Л. Ф. Анненковой 28 февраля 1888 г. (в издании неверно датировано 1889 г.) Толстой пишет: «Книга о жизни всё еще находится официально на рассмотрении духовной цензуры (скоро три месяца) и экземпляры продолжают быть запечатаны; те же, которые у нас с женою есть, все расхватаны и тотчас берутся, как только возвращаются. — Как только будет свободный экземпляр, то пошлю вам». (ПТС, I, стр. 175, № 140). Того же 28 февраля Г. А. Русанову: «....Вопрос «О жизни» всё еще не решен, не дают ответа из духовной цензуры. Я надеюсь, что пропустят, а нет, то закажу списать для вас. Если же пропустят, оставлю вам экземпляр» (т. 64). В феврале же 29-го Бирюкову он пишет: «Жизнь» до сих пор в духовной цензуре, и так как нет ответа, то и не посылается для печатания за границей» (Б, III, стр. 85). То же в письме к В. Г. Черткову 2 марта: «О жизни» до сих пор в духовной цензуре». К марту перспектива безнадежности разрешения очевидно выяснилась, потому что В. Г. Чертков 5 марта пишет: «Дорогой Л[ев] Н[иколаевич], прошу вас, пожалуйста, если только есть возможность, попросите, чтобы вам дали еще один экземпляр вашей статьи «О жизни» раньше, чем ее могут запретить. Мне очень хотелось бы и нужно иметь экземпляр как для внимательного и спокойного прочтения, так и для переписки для других...» Толстой продолжает давать книгу друзьям. В апреле 1888 г. Н. Н. Ге пишет Толстому: «получил я «О жизни», прочел, всё понял и счастлив. Брат мой Осип Николаевич переписывает... («Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге». Переписка, со вступительной статьей С. П. Яремича. Знакомство Н. Н. Ге с Л. Н. Толстым, изд. «Academia». М.-Л. 1930, стр. 110)... «Книга ваша превосходна...» (там же).

5 апреля выяснился ответ цензуры. Книга была представлена в отпечатанном виде в Московский Цензурный Комитет. «Этот последний,

рассмотрев, представил ее Синоду, заявив в своем заключении (25 января 1888 г. № 126), что Толстой в этой книге выставил руководством «не слово Божие, а единственно и исключительно человеческий разум», что эта книга внушает недоверие к догматам и порицает любовь к отечеству и потому на основании ст. 4 и 265 Цензурного устава «подлежит безусловному запрещению». 5 апреля 1888 г. Синод «слушал» и, согласившись с замечанием Цензурного Комитета, постановил «запретить» и обязать типографию сдать в Архив Комитета цензуры все 600 экземпляров» (Н. Апостолов, «Толстой и русское самодержавие», Госиздат, М., 1930, стр. 87 со ссылкой на дело № 2264 архива Синодальной канцелярии). Архиепископ Херсонский Никанор в частном письме к Н. Я. Гроту 13 мая 1888 г. так объясняет это осуждение: «Я читал Толстовскую Жизнь в святейшем синоде, не дочитал. Он — ум, правда, тонкий, изворотливый, даже скажем — инде глубокий. Но всё это сцепление самых... шитых нитками софизмов... Жизнь осуждена Московским Духовно-Цензурным Комитетом. Свят. Синоду оставалось только утвердить... Кстати. Мы без шуток собираемся провозгласить торжественную анафему Фофанову, его учителю Толстому, быть может и Пашкову, да и другим кстати» (Н. Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах». СПБ. 1911, стр. 330).

Итак, русской цензурой книга была запрещена. Толстому оставалось распространять ее прежним путем, т. е. путем переписки, нелегальной печати и печатания за границей. В переписку книгу он посылает В. Г. Черткову и И. Б. Файнерману. Последнему он пишет в июле 1888 г.: «Посылаю вам две прекрасные книжки «Посредника» и «О жизни». Если перепишете «О жизни», то пришлите назад» (И. Тенеромо, «Воспоминание о Л. Н. Толстом и его письма», стр. 169). В. Г. Чертков сообщает 11 сентября 1888 г. о нескольких литографированных экземплярах книги «О жизни» и просит послать один А. И. Эртелю. Д. А. Хилков в письме к В. Г. Черткову от 28 ноября 1888 г. сообщает о присылке Толстым ему, Хилкову, книги «О жизни» для списывания.

С другой стороны, Толстой думает о переводе книги за границей. Первый перевод — на французский язык начат был С. А. Толстой еще в ноябре 1887 г., как она сама сообщает об этом Т. А. Кузминской в письме от 18 ноября: «Я начала переводить на французский язык эту статью Левочки «О жизни». Перевожу уж третью тетрадь, да не знаю, годно ли будет. Очень трудно, да и не знаю французского философского языка; есть выражения, которые даже философы наши, как Грот, не находят, как переводить». Той же Т. А. Кузминской С. А. Толстая сообщает и в позднейших письмах о ходе перевода. 5 января 1888 года: «Теперь я ее [статью «О жизни».] перевожу на французский язык. Больше половины перевела и буду печатать за границей и по-русски и по-французски». 25 января: «Все сижу и кончаю перевод на французский язык статьи «О жизни», которая запечатана цензурой и передана в цензуру духовную. Либо запретят совсем, либо много вычеркнут. Пока ответа нет». 6 февраля: «Перевод на французский язык «О жизни» я кончила и дала двум французам поправлять, хочу печатать за границей. Сама же статья всё в духовной цензуре и так там и замерла; книга же запечатана в числе 600 экземпляров в типографии». Перевод С. А. Толстая заканчивает под редакцией проф. Тастевэн и издает в Париже под заглавием Comte Léon Tolstoï. De la vie, seule traduction revue et corrigée par l’auteur. Paris. C. Marpon et E. Flammarion,

éditeurs, 26 rue Racine, près l'Odéon. Без обозначения года, 8°, XXI, 308 p. На обороте титульного листа значится: «La traduction de cet ouvrage est de Madame la Comtesse Tolstoï et de M. M. Tastevin». Вышел, повидимому, в 1889 г. (пометка на переплете).

Некоторые главы этого перевода были просмотрены Толстым и послужили ему для исправления русского текста. Он говорил, что «в переводе, как в зеркале, виднее ошибки рисунка, и ему было полезно взглянуть на это отражение его мыслей» (Б, III, стр. 70). Упомянутый Бирюковым просмотр Толстым перевода, очевидно, имеет в виду его поправки на рукописи № 389. Сохранилась рукопись перевода только глав с XXIX до конца. Поправки Толстого в этих главах коснулись главным образом стилистической стороны, изменены отдельные слова и целые фразы, причем имеются случаи даже исключения фраз в несколько строк. На русском тексте поправки французского перевода отразились, повидимому, в очень ничтожных случаях и главным образом в конце книги. Это датирует часть перевода С. А. Толстой декабрем 1887 г., когда заканчивалось печатание отдельного издания книги «О жизни», в корректуры которой Толстой и мог внести поправки из французского текста. Французский перевод сделался достоянием русской публики очень быстро и вызвал в 1890 г. сочувственный пересказ кн. Д. Цертелева: «Учение гр. Л. Н. Толстого о жизни («Русское обозрение», 1890, 7, стр. 268—296) и полемические «Письма о книге гр. Л. Н. Толстого «О жизни» проф. А. А. Козлова («Вопросы философии и психологии» 1890, кн. 5—8, и отдельно. М. 1891, 8°, 126 стр.).

Отношение самого Толстого к французскому переводу находим в дневниковой записи 19 марта 1889 г.: «читал «De la vie» по-французски. Очень показалось плохо-искусственно, хотя и не лживо».

Другой перевод книги «О жизни» был сделан на английский язык американкой I. Hapgood. 29 янв. 1888 г. В. Г. Чертков пишет Толстому: «...Статья ваша о Жизни переписана нами и вчера послана мною американской переводчице в Петербург»...

29 февраля 1888 г. Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Мисс Hapgood вчера прислала мне статьи и двух американок: и то и другое неинтересно. Вообще, если можно, скажите ей: 1) что статьи ее неинтересны мне, я всё знаю об этом, а 2) то, что я боюсь, судя по поправкам французского перевода «О жизни», который я делаю, чтобы в ее переводе не было неточностей. Виноват тут я неясностью своего языка, и потому хорошо бы проверить ее перевод. Это, верно, не отказался бы сделать Страхов». (Б, III, стр. 85).

Действительно, в июне 1888 г. Н. Н. Страхов сообщает Толстому: «Недавно я усердно занимался и Вашею книгою «О жизни». Из Америки пришли, наконец, корректуры перевода, сделанного г-жею Hapgood; она просмотрела их и дала мне, говоря, что не нашла никаких затруднений при переводе, так что у нее нет вопросов предложить мне. Действительно, я убедился, что она в совершенстве понимает Ваш подлинник, а перевод ее меня привел в восхищение совершенною точностью, буквальною передачею текста и тою ясностью, которая свойственна английской речи. К несчастью, она меня торопила, и я успел просмотреть только вторую половину книги. В пяти-шести местах

я нашел чуть заметные пятнышки, в которых отчасти виновата была рукопись; она всё поправила и теперь уже отослала назад. Вообще я убедился, что Ваша книга явится в Америке в наилучшем виде, какого можно желать. Седовласая г-жа Гапгуд очень привлекательное существо... Жизнь есть любовь и нет другой жизни, стоющей этого названия — какая тема. А они — запретили Вашу книгу». (ПС, стр. 371.) Вероятно, и письмо к М. А. Новоселову, где Толстой сообщает: «Моя книга переводится за границей», относится к 1888 г. (а не к 1889, как указано в сборнике ПТС, I, стр. 178, № 142).[240]

Американский перевод m-me Hapgood вышел в Нью-Йорке в 1888 году: Is. Hapgood: Life by Count Lyof N. Tolstoi. Authorized translation by Isabel F. Hapgood. New-York. Thomas I. Crowel et C°. 1888. 12°. 295 p. Интересно, что в нем оказалось 34 главы, вместо 35 глав подлинника, так как переводчица соединила главы XVIII и XIX, трактующие одну и ту же тему, в одну главу. С ведома ли Толстого сделано это объединение — установить трудно. Перевод мисс Hapgood вызвал переиздание его в Лондоне в 1889 г. и в Нью-Йорке в 1899 г. В 1902 г. появился в Christchurch второй перевод книги «О жизни» на английский язык Mabel и Agnes Cook, а в 1904 г. в Лондоне и Бостоне одновременно третий перевод проф. Leo Winter. Делались какие-то попытки переводить книгу и на немецкий язык. В Дневнике Толстого 28 ноября 1888 года упоминается: «Пришел Hermann (?) переводить о жизни, дал ему...»

Вслед за английским переводом стали появляться переводы на другие языки. Так, известны: перевод на датский язык 1889 г., два перевода на чешский язык 1895 и 1904 гг., два перевода на немецкий язык (один 1891 г. и другой, дату коего установить не удалось), один на итальянский язык 1908 г.[241] Все переводы, кроме английского первого и его переизданий, содержат 35 глав.

Одновременно с первыми переводами книги на французский и английский языки, делается попытка издать хоть часть книги и на русском языке. Весьма возможно, что инициатива этой попытки шла не от самого Толстого. В номерах 1, 2, 3, 4 и 6 за 1889 год петербургской еженедельной газеты «Неделя», издававшейся П. А. Гайдебуровым, появились из книги «О жизни» — главы: XXII—XXV, XXVII—XXXV и заключение, с особым заглавием: «Мысли о жизни» и тремя подзаголовками: «I. Любовь». «II. Страх смерти». «III. Страдания». Статьи в каждом номере газеты подписывались «Лев Толстой». Это было первое легальное издание[242] в России части книги «О жизни». Текст изданных в «Неделе» глав заметно сокращен, в ряде случаев несомненно по цензурным соображениям (купюры рассуждений о Христе, тюрьмах, бомбах и т. п.) и местами подправлен. Трудно допустить, чтобы это было сделано без ведома Толстого. Это и был текст «О жизни», широко в последующие годы распространявшийся в русских изданиях.[243] Поэтому все разночтения данного издания с основным текстом (кроме красных строк и пунктуации) мы приводим выше на стр. 451—456 в виде особого списка. Текст «Недели» перепечатывался с экземпляра издания 1888 г., как показывает во многих случаях его пунктуация. Вышеназванными изданиями: 1888 г., «Недели» и первых переводов на французский и английский язык и ограничиваются, насколько известно пока, издания, в которых сам Л Н. Толстой принимал большее или

меньшее участие. О каком-нибудь прямом участии автора в других заграничных и русских изданиях у нас нет никаких свидетельств.

Первое полное заграничное издание книги «О жизни» было женевское: «О жизни» графа Л. Н. Толстого. Издание М. К. Элпидина. Genève. M. Elpidine, Libraire-éditeur. 68, rue du Rhône, 1891. 8°, 188 стр. Это издание сделано с издания 1888 г. В нем снят третий эпиграф на стр. 313 основного текста, при главах снято слово «глава», подзаголовки набраны вместо жирного шрифта курсивом, введен целый ряд новых красных строк, а также допущено несколько, правда, некрупных ошибок, перестановок слов и даже пропусков слов. Главы обозначены арабскими цыфрами. Без оглавления.

Но особенно популярным и послужившим оригиналом для перепечатки было «Полное собрание сочинений запрещенных в России Л. Н. Толстого». Том IX. «О жизни», изд. «Свободное слово» № 70, под редакцией В. Черткова. Christchurch, Hants, England, 1903. При главах снято слово «Глава», введено много красных строк, подзаголовки набраны курсивом вместо жирного шрифта, имеется ряд ошибок мелких, перестановок и пропусков. Главы обозначены арабскими цыфрами. Особое «содержание глав» (= Оглавлению издания 1888) в начале книги. В этом издании редактор внес примечание из-под текста на стр. 329 в самый текст, а над словом «что» чрезвычайно умножил ударения. Наличие нескольких общих ошибок у данного издания и женевского 1891 г. сравнительно с изд. 1888 г. допускает предположение, что оба издания сделаны не непосредственно с издания 1888 г., а через посредство одной и той же не сохранившейся рукописной или гектографической копии.

Заслуживает упоминания также издание П. И. Бирюкова 1913, XIII, статья «О жизни» на стр. 244—366. Дата 1887. В примечании редактора на стр. 461 сказано: «Большое сочинение «О жизни». Проверено и напечатано по тому варианту, которое (sic) было прокорректировано самим Львом Николаевичем и проф. Гротом и издано самим Львом Николаевичем, но уничтожено цензурой. Экземпляр такого издания сохранился в Архиве кн. М. Л. Оболенской и теперь находится в Толстовском музее в Москве». Действительно, это издание устранило ряд грубых ошибок в тексте, допущенных предшествующими изданиями, но всё же полным воспроизведением издания 1888 г. оно считаться не может, так как оно приняло ряд отклонений, допущенных изданием «Свободного слова». То же в приложении к журналу «Вокруг света», 1913, том XVII, кн. XXIII, стр. 208—317.

Нужно оговорить еще случай печатания в сборнике «Дух и материя. (против материализма)». Составил Федор Страхов. М. 1902 и в одиннадцатом издании сочинений Толстого М. 1903 г. в части XIII отрывка из главы XXVII книги «О жизни» с сокращением и глав XII и XIII без изменений, но участвовал ли в этом издании отдельных глав сам Толстой, тоже неизвестно.

Для полноты изданий надо упомянуть о подпольных изданиях «О жизни» в 1880-е годы в России. Их было, несомненно, несколько. О литографированных изданиях упоминает в вышеприведенных письмах В. Г. Чертков. Нам известны два издания, сделанные гектографическим способом.

Л. Н. Толстой. О жизни, изд. «Иисусова Братства», в 4-ку (17,5 х 21,5 см.) 321 стр. Год издания был, но на экземпляре, бывшем в нашем распоряжении (ИРЛИ № 8288) от него сохранились лишь цыфра «1 г.». Книге предпослана статья «От издателя», в которой главная мысль формулируется так: «Лев Николаевич Толстой любит всею душею и, так как русский человек когда пьет, то допивается до чертиков, так Лев Николаевич, любя договаривается до бесплотных организмов, договаривается до просветления и отречения от благ личной жизни, не только людей, но и тигров, пантер, гиен и шакалов... — Для Человечества вполне достаточно иметь идеалом Иисуса. Заявлять требование на высший идеал не мог желать Лев Николаевич Толстой, вышло же оно у него так по эксклюзивности...» Самый текст книги «О жизни» издан гектографическим способом полностью и, по всем признакам, с печатного издания 1888 г., т. е. очевидно еще в период печатания книги, причем все примечания из-под текста и три прибавления включены непосредственно в самый текст, в те места, где помечены звездочками ссылки на них. Получился, таким образом, текст книги в композиции не толстовской, а произвольной.

Другое гектографированное издание без выходного листа в 4-ку (19 X 15 см.) на XXVII + 1 — 152 + 1 — XVI + 153 — 265 + XVII + 3 нен. стр. + 3 лл. чистых. В начале на гектографе: «От издателя. При проверке мною предлагаемого сочинения с печатным экземпляром оказалось, что после стр. 152 пропущено несколько листов. Означенный пробел был пополнен, но так как вторая половина книги была пронумерована, то пропущенные страницы пришлось обозначить римскими цыфрами. Чтобы не ввести читателя в сомнение относительно правильности, перестановки и распределения листов, я счел нужным предупредить его об этом». Издание сделано не по изданию 1888 г., а, повидимому, по какому-то другому. Год не обозначен.

ПЕРЕДЕЛКИ.

В конце 1888 г. у В. Г. Черткова возникает мысль сократить и изложить книгу «О жизни» более упрощенным языком. «Рукопись читалась перед несколькими крестьянами, интересовавшимися религиозными вопросами, и исправлялась сообразно с их замечаниями или пересказами. Предполагалось издать эту книгу в «Посреднике» или распространять в рукописном виде, но ни того, ни другого не удалось тогда привести в исполнение вследствие того, что Чертков был в то время занят текущими работами для «Посредника». (ТЕ, 1913, стр. 74.) Сам В. Г. Чертков сообщает: «Помню, как Лев Николаевич обрадовался и как трогательно стал меня благодарить, когда я ему высказал свое намерение приступить к упрощению слога этого произведения, для того чтобы сделать его содержание более понятным простому читателю. Начал я эту работу еще в 88 году, вскоре после выхода книги. Первые главы этого переработанного изложения просмотрены самим Львом Николаевичем, причем он, с своей стороны, вносил поправки и даже

некоторые совершенно новые вставки. Затем работа эта была прервана, и когда, много лет спустя, я опять вернулся к ней, то Л. Н. уже не располагал достаточно свободным временем для того, чтобы заниматься исправлением и обработкой ее... Ознакомившись с продолжением моего переложения «О жизни», Лев Николаевич выразил мне и на этот раз свое горячее одобрение, сделав одну только оговорку о том, что желательно было бы как можно больше сократить изложение. Но я решился воспользоваться этим указанием Льва Николаевича только лишь по отношению к тем частям изложения, где разбирались, главным образом, в полемическом духе научно-философские вопросы, свойственные лишь людям «интеллигентным» и совершенно чуждые читателям из простого народа». («Единение» 1916 № 1, столб. 10.) Специально по поводу этой переработки между Толстым и Чертковым завязалась переписка. 23 декабря 1888 г. Чертков сообщает Толстому: „Я начал перекладывать «О жизни»“. 27 января 1889 г.: «...я занимаюсь теперь упрощением изложения вашей книги «О жизни» и на этих днях вышлю вам два варианта переложения первых глав на ваш суд».

31 января или 1–3 февраля 1889 г.: «...Я же на этих днях вышлю вам начало переделки «О жизни» и продолжение «Будды» для получения вашего отзыва».

12 февраля 1889 г. Толстой в Москве записывает в Дневник: «От Черткова получил переделку «О жизни». Кажется, хорошо. Читал и поправлял очень усердно чертковское сокращение о жизни». 15 февраля он отвечает Черткову: «Получил ваши рукописи. Прочел и поправил «О жизни» — хорошо». (ТЕ 1913, стр. 74.) 7 июня 1889 г. В. Г. Чертков сообщает Толстому: «Посылаю вам также еще несколько глав переложения «О жизни». Пожалуйста, исправьте вечерком все, что неудобно изложено. Таким образом, исподволь можно будет довести эту работу до конца. А она многим нужна, я это вижу, и мне это говорят...» 18 июня уже в Ясной поляне Толстой правит эту новую порцию чертковских рукописей и записывает в Дневник: «...Поправлял еще «О жизни», присланную от Черткова».

31 августа 1889 г. В. Г. Чертков пишет Толстому: «На очереди у меня переделка «О жизни». 17 сентября: «В переделке вашей статьи «О жизни» я дошел до 26 главы, т. е. окончил о любви. На-днях пошлю вам эти главы для окончательного исправления. Сейчас Галя[244] упрощает кое-какие особенно тяжелые мысли...», 1 октября: «...хотелось бы кончить переложение «О жизни». У меня уже готов новый большой кусок. Но Галя задержала, желая еще упростить кое-какие выражения». 4–5 декабря: „Давно я вам не писал, дорогой друг, Лев Николаевич, если не считать моей приписки к посланным вам недавно дальнейшим главам переделки «О жизни»“. Сам Толстой отвечает Черткову: сначала в письме от 21 июня 1889 г.: «Нынче поправил «О жизни». Да, это полезно уяснить. Как я теперь вижу много папиросочного тумана и возбуждения и как теперь я бы написал проще, скромнее, без кокетства умственного, и оттого доступнее и яснее», а потом в письме 11 января 1890 г.: «Давно надо бы ответить вам о переделке «О жизни». Сейчас только прочел и ваше предисловие и всю тетрадь. — Да, надо излагать ясно для всех; но это не от нежелания, а от неумения. В переделке есть кое-что неладно. По моему одно, что можно сделать — это сокращать и сокращать. От этого много выиграет. Но и так возможно.

Устал; ложусь спать. Посылаю вам «О жизни», написано было дня 4 тому назад и забыли, и кроме того был болен и теперь не поправился...» (ТЕ 1913, стр. 83.) В Дневнике 3 января 1890 г. запись: «...Утром поправлял «О жизни»...»

Таким образом Толстой принимал участие в течение года в своеобразной переделке книги «О жизни» для народа. Переделка эта, не законченная, в печати появилась уже после смерти Л. Н. Толстого, в 1916—17 гг. «Об истинной жизни» Льва Толстого (Упрощенное изложение книги: «О жизни» Л. Н. Толстого, исправленное и одобренное автором), «Единение» 1916, 1—3 и 1917, 4. В виду ее интереса и активного участия в ней Толстого, издаем ее в особом приложении № 2 (на стр. 885—926).

Задачи и характер переделки В. Г. Черткова уясняются из нескольких его писем при посылке частями переделки к Толстому. Эти письма не приводим, так как они печатаются в томе переписки. Основную установку в работе своей В. Г. Чертков определяет стремлением к тому, чтобы «...изложение было понятно всякому простому читателю... держаться как можно ближе к подлиннику... прибавил я местами ссылки на пословицы...» Правка Толстого касалась главным образом стиля да внесла две-три не очень крупных вставки, сократила внесенные В. Г. Чертковым пословицы. Работа В. Г. Черткова до конца книги не доведена.

Вторая переработка книги «О жизни» принадлежит американскому юристу Болтон Голлу (Bolton Hall).[245] 15 февраля 1897 г. Э. Кросби писал Толстому: «Мой друг Болтон Голл сильно заинтересован вашей книгой «О жизни» и стремится представить ее публике с большим успехом, чем то способен сделать простой перевод. Он сделал извлечение из книги и намерен послать его на ваше одобрение. Если возможно для вас дать краткое предисловие к его работе, я уверен, что это очень поможет привлечь внимание публики». 17 февраля 1897 г. в Дневнике Толстого запись: «Письмо получил: переделка о жизни от американца», а 28 февраля в письме к В. Г. Черткову Толстой пишет: «Получил от одного американца Bolton Hall из Нью-Йорка очень хорошее сокращение книги о жизни, которую он хочет издать». Самому Bolton Hall'у Толстой 2 марта 1897 г. написал письмо, которое приводим в переводе с английского: «Милостивый Государь. Я получил вашу книгу и прочел ее. Я думаю, что она очень хороша и передает в сжатой форме совершенно правильно главные мысли моей книги. Надеюсь, что эта книга в такой новой форме будет для широкой публики полезна в том смысле, в каком я желал, более, чем оригинал. С глубокой благодарностью и пожеланием успеха вашей книге остаюсь искренно ваш Лев Толстой». (См. т. 70.) Американское издание книги Голла называлось: «Even as you and I, Parables true life», by Bolton Hall, Boston. 1900. Copyright 1897 by T. Tennyson Nealy.

В 1899 г. переделка Голла в виде особой брошюры была издана в русском переводе под заглавием: «Истинная жизнь» Больтон Голла (с английского). М. 1899, 8°, 47 стр. Дозволение цензуры дано 21 авг. 1898 г., без упоминания об авторстве Толстого, а в 1903 г. переиздана, как Толстовская с заглавием «О жизни» и особым предисловием издателя Л. Н[икифорова] о просмотре книги Толстым: Л.

Н. Толстой. «О жизни». М. 1903 (вып. VI Этико-художественной библиотеки). Предисловие: «Это извлечение из неизданного сочинения Льва Николаевича Толстого сделано англичанином Болтон Голлом и для русского издания просмотрено Львом Николаевичем. В первом издании оно вышло под названием «Истинная жизнь» Больтон Голла. Л. Н.». Сличение «Истинной жизни» и «О жизни» 1903 г. показывает, что перепечатка сделана без всяких перемен.

ПРИМЕЧАНИЯ К ОСНОВНОМУ ТЕКСТУ.

Изучение работы Толстого над книгой «О жизни» показывает, что наиболее близким к конечной воле автора текстом ее был текст отдельного издания 1888 года (см. выше, стр. 779). Именно он положен в основу нашего основного текста. Текст этого издания печатается дословно точно по новой орфографии. В оговорке нуждаются следующие моменты: 1) Пунктуация в большей части книги сохранена по изданию 1888 года, так как переделка ее на современную общепринятую создавала опасность придания новых оттенков в понимании текстов. Под гротовской корректурой пунктуации сохранилась в издании 1888 г. в значительной части пунктуация самого Толстого. Нами сняты только немногие из запятых, явно ошибочные, и внесены также немногие запятые, крайне необходимые, 2) Ударения над «что», весьма многочисленные, сохранены по изданию 1888 г. Восстанавливать их по рукописям, при полной неустойчивости употребления самим Толстым, было бы и трудно и едва ли целесообразно. Нужно только оговорить, что как в изд. 1888 г., так и в автографах Толстого ударение над «что» встречается несравненно реже, чем у позднейших переиздателей его книги «О жизни», 3) Наконец, в нашем издании в результате полной сверки текста издания 1888 г. с рукописями внесены следующие исправления:

Наше издание	Издание 1888 г.
Стр. 315, строка 19:	
вместо нее	вместо ее
Стр. 319, строка 20:	
называет (по автографу)	

называет и

Стр. 323, строка 32:

такое (по рукописи № 295; наборщик ошибочно не внес поправку автора)

всё это

Стр. 323, строка 38:

представляющему (по смыслу)

представляя

Стр. 323, строка 39:

своей (по автографу № 295)

своею

Стр. 326, строка 15:

этот мир (по ркп. № 132)

тот мир

Стр. 330, строка 19:

Лаодзы (по автографу)

Лаодзи

Стр. 331, строка 11:

магометанством (по автографу)

магометанства

Стр. 333, строка 4:

запутанны (по автографу)

запутаны

Стр. 344, строка 12:

Если не оперившийся (по автографу).

Если же оперившийся

Стр. 344, строка 36:

своей жизнью (по автографу)

своею жизнью

Стр. 345 строка 22:

признать

признавать

Стр. 346, строка 2:

этому благу (по ркп. № 229)

в это благо

Стр. 346, строка 29:

и как и когда (по ркп. № 236)

и как, когда

Стр. 347, строка 32:

Логос — Разум, Мудрость, Слово (по автографу)

Логос—разум, мудрость, Слово

Стр. 350, строка 9:

вследствии (по автографу)

вследствие

Стр. 356, строка 28:

И так (по автографу)

Итак

Стр. 359, строка 12:

животное (по смыслу)

животного

Стр. 372, строка 7:

увеличиваемым (по ркп. № 324)

увеличиваемо

Стр. 377, строка 16:

ничто иное (по автографу)

не что иное

Стр. 379, строка 32:

показывающие и по телеграфам и телефонам разглашающие (по автографу № 185; — случайный пропуск переписчика)

показывающие

Стр. 387, строка 16:

мною любимым (по ркп. № 140)

много любимым

Стр. 389, строка 26:

ничто иное (по автографу)

не что иное

Стр. 391, строка 26:

существ (по автографу № 141; ошибка в копии С. А. Толстой)

существования

Стр. 396, строки 5–6:

противуположны (по автографу)

противоположны

Стр. 409, строка 29:

и проявлении

проявлению

Стр. 426, строка 7:

платву (по автографу)

плотву

Стр. 426, строка 20:

живых существ (по автографу)

животных существ

Стр. 437, строка 34:

как и бесконечность (по ркп. № 208)

как бы и бесконечность

Кроме того, как выше указано, в текст во время правки корректур, внес ряд изменений Н. Я. Грот. Как чтения, принятые Толстым, они не снимаются с основного текста, но оговорить их необходимо.

Эти поправки, внесенные в книгу «О жизни» рукой Н. Я. Грота (кроме явных ошибок наборщиков и пунктуации), по сохранившимся корректурным гранкам и верстке следующие:

Рукопись № 296:

Стр. 313 заголовок: гранки: Первое прибавление. О ложном направлении знания — Грот: Вступление.

Стр. 320 строка 11: гранки: тогда бы было прекрасно. С новой строки: И было бы совсем, Грот: ...тогда бы было прекрасно и было бы совсем....

Стр. 320 строка 26: гранки: была алхимией — Грот: была астрологией.

Стр. 321 строка 13: верстка: сколько радиусов — Грот: сколько радиусов в шаре.

Стр. 321 строка 16: верстка: и нельзя сразу изучать со всех сторон — Грот: нельзя сразу и со всех сторон изучать явления жизни.

Стр. 321 строка 32: гранки: материя и сила. Сила движет — Грот: материя и ее энергия. Энергия движет.

Стр. 321 строка 36: гранки: отношениями сил и материи — Грот: отношениями энергий.

Стр. 322 строка 34: гранки: ясно как силы переходят — Грот: ясно, как физические энергии.

Стр. 324 строка 2: верстка: можно бы — Грот: можно.

Рукопись № 316:

Стр. 324 строка 27: гранки: не так, как себе, для того — Грот; не так, как себе, — не для того.

Стр. 325 строка 1: гранки: считает только средством — Грот: только средством.

Стр. 325 строка 3: гранки: каждое для своего маленького блага — Грот: для своего маленького блага.

Стр. 325 строка 27: гранки: он видит — наслаждений — Грот: он видит, что наслаждений.

Стр. 325 строка 29: гранки: всё становится больше и больше — Грот: всё больше и больше.

Стр. 325 строка 36: гранки: от других борящихся существ с ним и всё увеличивающимся и увеличивающимся страданиям, он видит, что существование его по самому свойству. — Грот: от других борящихся с ним существ и всё увеличивающимся страданиям по самому свойству.

Стр. 326 строка 3: гранки: ищет наслаждений — Грот: что он ищет наслаждений.

Стр. 326 строка 37: гранки: блага же — Грот: но блага.

Стр. 327 строка 7: гранки: всякому разумному и молодому и старому человеку — Грот: всякому человеку разумному...

Стр. 327 строка 12: гранки: жизнь не может быть такою — Грот: жизнь истинная не может быть такою.

Стр. 327 строка 13: гранки: с древнейших времен, уж сказал себе это человек, и с древнейших времен это внутреннее, — Грот: С древнейших времен сказал себе это человек и это внутреннее.

Стр. 327 строка 24: гранки: всё более более — Грот: всё более и более.

Стр. 327 строка 30: гранки: так одинаковы — Грот: то одинаковы.

Стр. 329 строка 30: гранки: основывают свое учение — Грот: основывают свои лжетолкования — осн. текст: основывают свои толкования (очевидно исправлено в верстке).

Стр. 330 строка 8: гранки: большей частью им — Грот: им большей частью...

Стр. 330 строка 29: гранки: и не живут и десятков лет... — Грот: и не живут иногда и десятков лет...

Стр. 330 строка 30: гранки: как и возникают — Грот: как возникают

Стр. 330 строка 34: гранки: поучениям которых жило — Грот: по которым жило.

Стр. 331 строка 1: гранки: Браминизм — Грот: Брамаизм.

Стр. 331 строка 15: гранки: тем, чем оно есть — Грот: тем, что оно есть — осн. текст: таким, какое оно есть (вероятно, в верстке).

Стр. 331 строка 19: гранки: которые разрешали свойственное разумному человеку противоречие — Грот: которые разрешали сознаваемое разумным человеком противоречие...

Рукопись № 317:

Стр. 332 строка 9: гранки: наукой, это то самое грубое первобытное представление о жизни признает единым... — Грот: наукой, признает это самое грубое первобытное представление о жизни единым...

Стр. 333 строка 31: гранки: главное свойство — Грот: главное, ее свойство.

Стр. 334 строка 36: гранки: 2-ое прибавление — Грот: См. 2-ое прибавление.

Стр. 334 строка 7: гранки: единственное руководство жизни есть инерция жизни... — Грот: единственным руководством жизни является инерция жизни...

Стр. 334 строка 16: гранки: или книжниковское — Грот: или книжническое.

Стр. 334 строка 18: гранки: ни объяснение фарисеев, ни книжников не нужны — Грот: ни объяснение фарисеев, ни объяснение книжников не нужны.

Стр. 334 строка 30: гранки: только для того — Грот: только ради того.

Стр. 335 строка 28: гранки: и самих фарисеев — Грот: и на жизни самих фарисеев.

Стр. 336 строка 9: гранки: То, что одни из сомневающихся — Грот: Одни из сомневающихся

Стр. 336 строка 11: гранки: (потери не будет, а выгода может быть большая), исполняют в свободное время все предписания фарисеев — Грот: исполняют в свободное время все предписания фарисеев (потери не будет, а выгода может быть большая).

Стр. 336 строка 16: гранки: это различие — Грот: И это различие.

Стр. 336 строка 39: гранки: это известное количество молитвенных слов для Индейца; это верность своему знамени и честь мундира для военного; это дуэль для светского человека; это кровомщение Горца; это известные кушанья в известные дни; это известного рода воспитание своих детей, это визиты; это известное убранство жилищ; это известные празднованья... — Грот: известное количество молитвенных слов для Индейца; это — верность своему знамени и честь мундира для военного, дуэль для светского человека, кровомщение для горца; это известные кушанья в известные дни, известного рода воспитание своих детей; это — визиты, известное убранство жилищ, известные празднованья...

Стр. 337 строка 35: гранки: ценится людьми — Грот: ценится ими.

Стр. 338 строка 26: гранки: чтобы жизнь его была бы благо и имела бы... — Грот: чтобы жизнь его была благом и имела...

Стр. 339 строка 14: гранки: сношенія — Грот: сношений.

Стр. 339 строка 35: гранки: то, что бы я ни делал — Грот: и что бы я ни делал.

Стр. 339 строка 38: гранки: и во мне — Грот: а во мне.

Стр. 340 строка 14: гранки: но не могу не верить — Грот: но я не могу не верить.

Рукопись № 318:

Стр. 340 строка 25: гранки: та способность, которая дает ему — Грот: которая дает ему.

Стр. 340 строка 30: гранки: свойственные существам — Грот: свойственные этим существам.

Стр. 340 строка 39: гранки: напряжения, производимого разумным сознанием мучительного внутреннего противоречия — Грот: напряжения мучительного внутреннего противоречия, производимого разумным сознанием.

Стр. 341 строка 21: гранки: он смешав представление о видимой жизни с своим сознанием, совершенно уверился — Грот: он смешал представление о видимой жизни с своим сознанием и совершенно уверился...

Стр. 342 строка 5: гранки: в утробе матери, или когда он еще не зачинался, а жили только его отец и мать. И младенец, и взрослый... — Грот: в утробе матери. И не только младенец, но и неразумный взрослый...

Стр. 342 строка 7: гранки: И потому и не имеют... — Грот: и потому они и не имеют...

Стр. 342 строка 13: гранки: и страдания, и смерть — Грот: страдания и смерть.

Стр. 342 строка 14: гранки: то противоречие — Грот: и противоречие.

Стр. 343 строка 4: гранки: с моим плотским рождением — Грот: с этим плотским рождением.

Стр. 343 строка 7: гранки: человеку никогда не представляется — Грот: человек никогда не представляет себе.

Стр. 343 строка 14: гранки: а во времени и пространстве сознает — Грот: а сознает.

Стр. 343 строка 31: гранки: и чувствует их две — Грот: а чувствует их две.

Стр. 344 строка 5: гранки: требования — Грот: требование.

Стр. 344 строка 34: гранки: как личность — Грот: как личную.

Стр. 344 строка 37: гранки: а только в подчинении себя законам вещества, которые совершаются и без его усилия, видело бы свою жизнь — Грот: а только видело бы свою жизнь в подчинении себя законам вещества, которые совершаются и без его усилия.

Стр. 345 строка 16: гранки: на обманчивом сознании — Грот: в обманчивом сознании.

Рукопись № 320:

Стр. 347 строка 12: гранки: что наслаждения не удовлетворяют его, не зная, что он умрет — Грот: не зная, что наслаждения не удовлетворяют его, что он умрет...

Стр. 347 строка 18: гранки: не может полагать свою жизнь в этой разлагающей личности — Грот: не может ставить свою жизнь в этой разлагающейся личности.

Стр. 347 строка 26: гранки: в отношении его разумного сознания — Грот: проявляющаяся в отношении его разумного сознания.

Стр. 347 строка 34: гранки: всё остальное, сам разум ничем — Грот: всё остальное — ничем.

Стр. 348 строка 11: гранки: его жизнь. Разум для человека это такой же закон — Грот: ...его жизнь, — такой же закон.

Стр. 348 строка 27: гранки: закону, совершающемуся не нами — Грот: закону, совершаемое не нами.

Стр. 348 строка 29: гранки: тогда как закон — Грот: тогда как этот закон.

Стр. 348 строка 32: гранки: в небесном теле, и мы видим в нашем теле исполнение этого закона, но не можем принимать в нем никакого участия; мы не можем по произволу ни расти, ни варить пищу, ни всасывать ее. Но закон нашей жизни — подчинения... — Грот: в небесном теле. Но закон нашей жизни — подчинение...

Стр. 349 строка 4: гранки: совершается не нами — Грот: совершается независимо от нас...

Стр. 349 строка 8: гранки: Заблуждение о том, что — Грот: заблуждение, что,

Стр. 349 строка 20: гранки: к единственному предмету — Грот: к главному предмету...

Стр. 349 строка 24: гранки: не имея в виду главного... — Грот: не имея в виду этого главного...

Стр. 349 строка 28: гранки: из этих знаний — Грот: из этих изучений...

Стр. 350 строка 3: гранки: приговор тщеты своего изучения — Грот: приговор о тщете своего изучения.

Стр. 350 строка 29: гранки: но некоторые явления (так они называют это) психические мешают... — Грот: но некоторые явления психические (так они называют их) мешают.

Стр. 351 строка 15: гранки: всякое другое и не приходит им в голову — Грот: всякое другое, не смущает их.

Стр. 351 строка 16: гранки: Не приходит им в голову и то, что — Грот: Не приходит им в голову, что.

Стр. 351 строка 21: гранка: как вынутие земли — Грот: как вред вынутия земли.

Стр. 351 строка 23: гранки: есть произведение земли — Грот: есть только произведение земли.

Стр. 352 строка 2: гранки: что должно совершаться в его жизни — Грот: что необходимо совершается в его жизни.

Стр. 355 строка 9: гранки: и в пространстве и времени... — Грот: и в пространстве и во времени...

Стр. 355 строка 16: гранки: знания о людях — Грот: знания людей.

Рукопись № 330:

Стр. 356 строка 37: гранки: и потому уже менее доступны — Грот: и потому еще менее доступны...

Стр. 356 строка 40: гранки: так же как и наша — Грот: которая также как и наша...

Стр. 357 строка 1: гранки: стремящуюся к благу и подчиняющую проявляющемуся в ней закону... — Грот: стремится к благу и подчиняет проявляющемуся в ней закону...

Стр. 357 строка 6: гранки: пространственные законы разума — Грот: пространственные проявления законов разума.

Стр. 357 строка 8: гранки: от наблюдаемости предмета... — Грот: от наблюдаемости предметов...

Стр. 357 строка 15: гранки: мы в животных — Грот: мы и в животном

Стр. 367 строка 16: гранки: подчинения для достижения его закону разума, который в животном представляется нам законом организма. — Грот: подчинения закону разума, который в нем представляется законом

организма

Стр. 357 строка 34: гранки: и потому и всё — Грот: и потому всё.

Стр. 358 строка 6: гранки: познать самого себя — Грот: познать самих себя.

Стр. 358 строка 18: гранки: закона нашей жизни и подчинены только видимым наблюдаемым законам — Грот: закона нашей жизни.

Стр. 358 строка 27: гранки: с которой бы мы могли — Грот: с которой бы могли...

Стр. 358 строка 29: гранки: Только бы, если б — Грот: Только, если б

Стр. 358 строка 32: гранки: подчиняют себе вещество, только эти — Грот: подчиняет себе вещество, — эти...

Стр. 359 строка 4: гранки: прожитые прошедшие жизни — Грот: прожитые жизни — осн. текст: прожитыми жизнями (очевидно поправка в верстке).

Стр. 359 строка 33: гранки: Жизнь человек знает прежде всего в себе: и в себе знает ее как стремление... — Грот: Жизнь человек знает в себе как стремление...

Стр. 359 строка 36: гранки: Иной жизни человек не знает и знать не может: так он знает ее в себе и вне себя. Ведь животное человек понимает... Грот: Иной жизни человеческой он не знает и знать не может. Ведь животное человек признает...

Стр. 360 строка 7: гранки: действуют одинаково одни законы механические, химические, — и мы не признаем жизни в животном — Грот: — действуют одни законы механические, химические, физические, — и мы не признаем в нем жизни животного.

Стр. 360 строка 12: гранки: закону организма личности — Грот: закону организма...

Стр. 360 строка 25: гранки: мы признаем — Грот: то мы признаем.

Стр. 360 строка 29: гранки: Жизнь эта человеческая... — Грот: Жизнь эта...

Стр. 361 строка 8: гранки: Вне власти человека уничтожить — Грот: Вне власти человека, желающего жить, уничтожить.

Стр. 361 строка 10: гранки: жизнь его — достижение блага — Грот: жизнь его есть достижение блага.

Стр. 361 строка 11: гранки: независимо от видимых — Грот: независимо от этих видимых...

Стр. 361 строка 14: гранки: Нет этого увеличения подчинения... —

Грот: Нет этого увеличения в подчинении...

Стр. 361 строка 17: гранки: в высоту большее и большее подчинение. — Грот: в высоту, это большее и большее подчинение.

Стр. 361 строка 24: гранки: сила — Грот: есть сила.

Стр. 362 строка 29: гранки: потому, что он жизнь разумного сознания не признает жизнью — Грот: потому, что жизнь разумного сознания он не признает жизнью.

Стр. 364 строка 9: гранки: человек то, что он видит происходящим в своем животном принимает за цель — Грот: человек принимает то, что он видит происходящим в своем животном, за цель.

Стр. 365 строка 23: гранки: удовлетворение которым не делается — Грот: удовлетворение их, которое не делается.

Стр. 366 строка 1: гранки: трата умаление — Грот: трата и умаление.

Стр. 366 строка 4: гранки: неперестающее противоречие и страдание не может не быть зло — Грот: неперестающим противоречием и страданием не может не быть злом.

Стр. 366 строка 30: гранки: первая будет радостно, а вторая невольно и мучительно работать — Грот: первая будет работать радостно, а вторая невольно и мучительно.

Стр. 366 строка 39: гранки: вещество и его законы — Грот: это вещество и его законы.

Стр. 367 строка 22: гранки: должно погибать — Грот: должно погибнуть.

Стр. 368 строка 13: гранки: наклюнувшегося уже... — Грот: и уже наклюнувшегося...

Стр. 368 строка 16: гранки: для наклюнувшегося семени есть... — Грот: но для наклюнувшегося семени оно есть...

Стр. 369 строка 4: гранки: только себе — Грот: блага только себе.

Стр. 369 строка 13: гранки: и не было бы смерти — Грот: и не было смерти.

Стр. 370 строка 19: гранки: то ты — Грот: то и ты.

Стр. 370 строка 28: гранки: к пресыщениям — Грот: к пресыщению.

Стр. 371 строка 24: гранки: с своей плотской смертью — Грот: с ее плотской смертью.

Стр. 372 строка 4: гранки: было зло и бессмыслица — Грот: была злом и бессмыслицей.

Стр. 372 строка 11: гранки: Но если и это — Грот: Но если это и

Стр. 372 строка 32: гранки: как теперь из страха... — Грот: как теперь, когда из страха...

Стр. 372 строка 33: гранки: будешь лишать себя самой жизни — Грот: ты лишаешь себя самой жизни.

Стр. 373 строка 2: гранки: тем она страшнее — Грот: тем она будет страшнее.

Стр. 373 строка 23: гранки: чувству страдания. — Грот: чувству сострадания...

Стр. 374 строка 3: верстка: понимают — Грот: будут понимать.

Стр. 374 строка 6: гранки: а в стремлении, согласном с законом разума... — Грот: а стремлением, согласно с законом разума...

Стр. 374 строка 10: гранки: то и человек — Грот: человек.

Стр. 374 строка 21: гранки: военные гордившиеся — Грот: что военные, гордившиеся.

Рукопись № 331:

Стр. 375 строка 39: верстка: удовлетворять им — Грот: удовлетворять их, осн. текст: их удовлетворения

Стр. 376 строка 30: гранки: в чем потребности — Грот: в чем состоят потребности — осн. текст: в чем могут состоять потребности (очевидно, поправка в верстке).

Стр. 377 строка 2: верстка: какое-нибудь тело, как животная личность человека — Грот: какое-нибудь тело.

Стр. 377 строка 33: гранки: на усиление своих похотей — Грот: на усиление их похотей.

Стр. 378 строка 5: гранки: нельзя и говорить разумному человеку об отречении — Грот: нельзя говорить разумному человеку и об отречении.

Стр. 378 строка 19: гранки: чтобы он мог бы уменьшить — Грот: чтобы он мог уменьшить.

Стр. 378 строка 39: гранки: И потому с древнейших времен... — Грот: С древнейших времен...

Стр. 379 строка 5: верстка: И сказав это — Грот: И когда он сказал это.

Стр. 381 строка 10: гранки: противоположны его личности и чужды ему — Грот: противоположны его личности.

Стр. 381 строка 21: верстка: Так разрешают вопрос недобросовестно — Грот: Так недобросовестно разрешают вопрос.

Стр. 381 строка 23: верстка: и остающиеся — Грот: и всё таки остающиеся.

Стр. 381 строка 27: гранки: самоубийство представляется... — Грот: самоубийство представляется им...

Стр. 382 строка 28: гранки: а есть то самое, самое знакомое — Грет: а есть то самое знакомое...

Стр. 383 строка 5: гранки: Деятельность по этому пути... — Грот: Деятельность на этом пути...

Стр. 383 строка 36: гранки: и последствия которого бывают — Грот: и последствием его бывают.

Стр. 384 строка 33: гранки: было бы кого любить и того, кого можно любить — Грот: было бы кого любить и был тот, кого можно любить — осн. текст: было бы кого любить и был бы тот, кого можно любить.

Рукопись № 341:

Стр. 416 строка 7: гранки: Как, когда разглядишь — Грот: Так, когда разглядишь.

Стр. 417 строка 4: гранки: т. е. его порода, потомство... — Грот: т. е. его породы, потомства...

Стр. 417 строка 14: гранки: понятие начинающейся жизни — Грот: понятие вновь начинающейся жизни.

Стр. 417 строка 14: гранки: заключает в себе прекращение жизни — Грот: заключает в себе понятие прекращения жизни...

Стр. 417 строка 19: гранки: поднявшись на вершину волны разумное сознание — Грот: поднявшись на вершину, волна, разумное сознание.

Стр. 418 строка 7: гранки: не это жалко — Грот: не этого жалко.

Стр. 418 строка 16: гранки: чтобы ему был конец — Грот: чтобы ему не было конца.

Стр. 418 строка 21: гранки: главное итти дальше — Грот: итти дальше.

Стр. 422 строка 10: верстка: что жить человеку — Грот: что напротив: жить человеку.

Стр. 422 строка 13: верстка: напротив совершенно — Грот: совершенно.

Стр. 422 строка 29: верстка: причин и следствий — Грот: причин и действий.

Стр. 422 строка 30: верстка: причины и следствия — Грот: причины и действия.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ.

Общее число рукописей и корректур книги Толстого «О жизни» — восемь папок с числом 2237 листов, с недостатком в материале нескольких листов рукописей и корректур. Некоторые из них представляют различные рукописи отдельных этапов работы, суммированные С. А. Толстой и объединенные общими обложками, иногда с датой работы. Папка А, как и все последующие, хранится в АТБ и содержит 48 единиц в количестве 300 лл. Это главным образом первая и четвертая редакции книги, а также работа корректурной редакции для части глав. Папка Б содержит 33 единицы в количестве 208 лл. главным образом черновые первой и второй редакций книги. Папка В (разбитая на две В1 и В2) содержит 109 единиц в количестве 358 лл. — главным образом черновые четвертой и пятой редакций книги. Папка Г содержит 75 единиц с количеством 314 лл. — полный текст шестой редакции и часть работы над седьмой корректурной редакцией книги. Папка Д содержит корректурные гранки и текст книги в сверстанных листах, всего 15 единиц — 280 лл. Папка Е с 56 единицами — 241 лл. смешанного состава — содержит частью материалы корректурной редакции, частью листки и рукописи различных моментов более ранних стадий работы. Папка Ж (шифр 3073) 17 единиц — 172 лл. содержит корректурные гранки и французский перевод книги.

Кроме того имеется переделка В. Г. Чертковым книги «О жизни», правленная самим Толстым и составляющая восьмую папку 5, состоящую из двух единиц на 276 лл. Она хранится также в АТБ. Наконец, в частном московском собрании К. С. Шохор-Троцкого — 88 лл. верстки книги «О Жизни».

Большая часть рукописей писана на белой или желтоватой писчей бумаге в 4-ку. Поэтому качество бумаги и формат — общие для большей части рукописей в дальнейшем описании будут указываться только в случаях отклонения от нормы. Копии делались разными руками и чернилами, но главным образом рукой С. А. Толстой синевато-лиловыми чернилами. Когда речь пойдет о копиях С. А. Толстой, палеографические справки будут указываться лишь в случаях отклонений от нормы. Равным образом можно не указывать при каждой рукописи, что поправки по копиям делались всегда собственноручно Толстым и большей частью коричневыми разной густоты чернилами. Зато пагинации для анализа рукописей имеют огромное значение — поэтому всегда оговариваются. Таким образом при дальнейшем описании на долю отдельных рукописей за вычетом названных общих признаков (белая писчая бумага, формат в 4-ку, синие чернила копий С. А. Толстой, собственноручность поправок Толстого) остаются: шифр, число листов, пагинация, краткая характеристика правочной работы и определение положения рукописи в истории работы. Самое

предлагаемое описание рукописей сознательно дано в несколько своеобразном построении. Задача описания — опыт объединения полного, точного и максимально сжатого описания рукописей с полной картиной движения всех рукописей и их отдельных частей на протяжении всего процесса работы Толстого над «О жизни». Для разрешения этой задачи в описание введена особая схематизация и особая шифровка материала.

Описание составлено так, что: 1) рукописи описываются в хронологическом порядке движения работы Толстого, т. е. разбиты на семь редакций; 2) в каждой редакции рукописи распределены на крупные переработки и правки и расположены в хронологической последовательности их возникновения; 3) наконец, каждая рукопись рассыпана на некоторое количество кусков, которые в описании следуют один за другим и, не устраняя и не затемняя их принадлежности к единому целому (рукопись), в то же время зашифрованы единым цифровым шифром, к коему присоединен шифр хранилища рукописи. Этот единый цифровой шифр дает возможность в описи очень легко, путем простой ссылки на номер, следить за движением отдельных кусков рукописей на протяжении всего процесса работы, в котором данный кусок участвует. Притом только требования удобства заставили некоторым кускам рукописей в разных рукописях давать по нескольку номеров. Первый из номеров — основной, при коем кусок описывается, другие номера ссылочные. Самая разбивка одной рукописи на несколько номерованных кусков определялась не случаем, а или судьбой данного куска в процессе работы Толстого или особым положением куска в самом собрании рукописей «О жизни».

Предлагаемый тип построения описания рукописей дает целый ряд преимуществ перед типовым обычным описанием: возможность точного учета функций каждого листка, сохранение точной инвентарно-охранной фиксации отдельных рукописей, максимальная сжатость описания и т. п.

Своеобразие описания заставляет оговорить некоторые мелочи его техники. Так, ряд автографических вставок, сделанных в отдельные рукописи на особых этапах работы, получил особые №№. Слово «продолжение № такого-то» обозначает, что данный кусок есть часть предшествующего куска, только зашифрованная особым номером.

Автограф — обозначает текст, сплошь писанный Толстым, копия — текст, писанный другой рукой и автором правленный. Начала и концы рукописей не выписываются; заглавия, подписи и записи на обложках вводятся в описание, когда они имеют интерес для истории текста. Кроме того, рукописи описания соотносятся к основному тексту. Ссылка: «Осн. текст стр. — строка —» обозначает, что из данной рукописи попали значительные куски правочной работы Толстого в основной текст целиком или с последующими незначительными поправками в корректурах (что не оговаривается). Отсутствие подобной ссылки обозначает, что от поправок рукописи не дошло до основного текста почти ничего или дошло всего несколько слов или фраз. Сравнительно небольшое число ссылок на основной текст показывает, что цельных хотя бы и некрупных кусков от правочной работы доходило до основного текста немного. Большая часть текста представляет собою непрерывную подвижную мозаично собиравшуюся массу.

Огромный рукописный и корректурный материал более 4500 страниц текста, создававшийся в течение года и нескольких месяцев скрупулезно-мозаической работой, представляет большие трудности для анализа рукописей. Поэтому предлагаемое описание их, сделанное на основании тщательного и полного изучения, является необходимым ключем не только к истории текста, но и к самим рукописям. Положение их в папках, необычайно запутанное, тем не менее отчасти детерминировано внутренним ходом всей работы автора. Рукописи и их куски в папках пронумерованы нами внизу по листам черным карандашом сплошной нумерацией от 1–2149, а в настоящем описании при каждой отдельной рукописи в конце описания в прямых скобках указывается порядковый номер листов этой единой пагинации.

Первая редакция.

α) С эпистолярным началом.

I. Рукопись первого чернового варианта.

1. А I. Рукопись-автограф, 6 лл. почтовой бумаги, писан по обеим сторонам листов, последний лист чистый. Чернила коричневые. Текст без заглавия, значительно правленный Толстым, представляет неконченное письмо к А. К. Дитерихс и печатается нами под № 1 черновых вариантов [лл. 1–6].

2. А 6. Рукопись-копия с № 1, рукой П. И. Бирюкова и А. К. Чертковой. Тетрадь в синей обложке, 16 лл., из коих только 7 первых страниц заняты копией статьи, без единой поправки Толстого; в начале пометка «Сент. 1886 г.», указывающая время написания письма к Толстому А. К. Дитерихс. Остальные листы тетради содержат копии трех писем Толстого к Л. Е. Оболенскому (28 ноября 1886 г. «Сейчас получил ваше письмо Л[еонид] Е[горович]. Вы прекрасно поставили вопрос...»; без даты: «Получил сейчас ваше доброе и умное хорошее письмо...;» без даты: «Сейчас получил ваше письмо Л[еонид] Е[горович]., оно очень обрадовало меня вашей добротой ко мне...») и одного письма к А. Г. Штанге («Ваш поступок не может вызвать ни в одном добром и не спутанном ложными традициями человеке»...). На обложке тетради запись: «№ 4. Письмо Л[ьва] Н[иколаевича] О жизни. Из этой папки взят 1 экз. письма «неоконченное письмо, послужившее началом статьи «О жизни» Л[ьва] Н[иколаевича] для дубликата 12 тома». Эта копия сделана была Чертковым для себя [лл. 26–41].

Текст первого чернового варианта под заглавием «Письмо Л[ьва] Н[иколаевича] к А[нне] Д[итерихс]» без нескольких начальных строк и с ошибками издавался несколько раз в приложениях к собраниям сочинений Толстого, указанным выше на стр. 784 примечание 2.

II. Рукопись второго варианта.

3. А 2. Вторая копия с рукописи № 1, неизвестной рукой, 7 лл. почтовой бумаги. Правка значительная чернилами и в конце приписка черным карандашом. На первых листах пагинация постраничная (1–8), остальные листы не нумерованы. Заглавие: «Из письма к А. К. Д[итерихс]» [лл. 7–13].

4. А 3. Автограф – вставка к первому листу рукописи № 3, 1 лоскут лл. Текст правлен, писан с обеих сторон, лист 2-й чистый [лл. 14–18].

5. А 4. Автограф – вставка в № 3 вместо второй ее половины, на 5 лл. + лоскуток, поправок немного [лл. 19–24].

6. А 5. Лоскут-автограф, неиспользованная вставка в № 3. На квитанции от почтовой посылки ценной, на 20 рублей, Исааку Файнерману в Кременчуг. Штамп: «Моск. Почт. Эксп. гр. ден. № 3, 12 дек. 1886 г.» [л.25].

7. А 7. Рукопись-копия с № 3, 4, 5 несколькими неизвестными почерками, 26 лл., листы 25 об. – 26 чистые. Пагинация неполная через лист. Без поправок Толстого. Заглавие синим карандашом: «О жизни и смерти. Из письма к частному лицу Льва Толстого». Эта копия Чертковым сделана для себя [лл. 42–67].

По рукописи, составленной из №№ 3 – 5, издается текст варианта под № 2 черновых вариантов.

III. Рукопись первой переделки второго варианта.

8. Б 3. Вторая копия с №№ 3, 4, 5, неизвестной рукой, 26 лл. клетчатой бумаги; пагинация через лист (1–12) и две вставки на отдельных листах. Заглавие = № 7. Правка сплошная. От этой рукописи до основного текста дошла одна строка в гл. X, евангельская цитата на стр. 398 строки 4–6, и несколько фраз в заключении [лл. 324–349].

IV. Рукопись второй переделки.

9. Б 4. Копия с № 8, неизвестной рукой, 19 лл., пагинация по листам (1, 2, 7–22, один лист вставка без пагинации). Вставки, сокращения, стилистические поправки [лл. 350–368].

10. В 24. Лл. 3, 5 и 6 из № 9 перенесены в позднейшие этапы работы (см. стр. 823) [лл. 565–567].

11. В 86. Лист 4 из № 9, 2 лл., один из них с новой пагинацией: 65–66; 63–64 [лл. 803–804]. (См. ниже стр. 823, пятая редакция).

От второй переделки дошло до основного текста несколько строк в главе X и в заключении.

V. Рукопись третьей переделки.[246]

12. Б 11. Копия с второй переделки, неизвестной рукой, 15 лл., поправки чернилами, черным, красным и синим карандашами. Пагинация

через лист, благодаря последующей перестановке, так: 0,0; 2,0; 4; 5,0; 3,0; 4; 6,0; 7,0; 8. Заглавие позже зачеркнутое: «О жизни и смерти (из письма к частному лицу)». Основных переделок два слоя (оба чернилами): один (тонкие начертания букв, много пропусков) относится к третьей переделке (этот слой восстанавливается путем сличения с ркпп. №№ 14, 15 и 24); другой слой (более жирные начертания, пунктир, восстанавливающий зачеркнутое) значительный относится к четвертой переделке. Карандашные поправки немногочисленны и составляют дополнительный просмотр. Текст содержит первые пять глав третьей переделки [лл. 382–396].

13. Б 12. То же, продолжение № 12, той же рукой, 11 лл., поправки чернилами, черным и красным карандашом. Пагинация: 0,9; 1 (недописано); 10,0; 11,0; 12,0; 13,0. Текст содержит главы 6–10 третьей переделки. Поправок и вставок на полях много. Осн. текст сохранил нескольк строк в гл. X, вставку на стр. 347 строки 31–33, и несколько слов в заключении [лл. 397–407].

VI. Рукопись первой правки начала третьей переделки.

14. Б 13. Копия с 12, неизвестной рукой, 9 лл., пагинация через лист (1–5). Поправки чернилами и черным карандашом не многочисленны (пропуски, вставки) [лл. 408–416].

15. Б 14. То же, продолжение к № 14, той же рукой, 4 лл., пагинация: 0; 6,0; два последние листа без пагинации – автографическая вставка. Поправок много мелких, крупные перестановки [лл. 417–421].

16. Б 19. То же, продолжение к № 15, той же рукой, 4 лл. Пагинация через лист: 7,0; 8,0; последние чистые. Поправки чернилами и черным карандашом [лл. 437–440].

ß) С началом – рассуждением.

VII. Рукопись второй правки начала третьей переделки.

17. Б 15. Копия с № 14, рукой С. А. Толстой, 4 лл., пагинация по лл. 1–4. Поправки: новое начало, вставка, правка стиля [лл. 422–425].

18. Б 16. Копия с № 16 и части № 15 (продолжение к № 17), той же рукой, 4 лл., пагинация по лл. 5–6, первые 2 лл. особая вставка. Поправки чернилами и красным карандашом главным образом логико-стилистические [лл. 426–429].

19. Б 20. Копия с № 15 (продолжение к №№ 17, 18), той же рукой, 6 лл., пагинация по лл. 7–12. Поправки чернилами и красным карандашом. Два слоя: один (мелкий почерк и тонкие буквы) относится к данному этапу работы, другой слой (крупный почерк, толстые начертания) относится к позднейшей, пятой переделке: этих поправок много [гл. 443–448].

VIII. Рукопись четвертой переделки.

Это второй верхний слой поправок, нанесенных на №№ 12 и 13, причем

утрачен листок-вставка начала, написанного заново (копия с него см. на листе 474 общей нумерации рукописей, т. е. в № 37).

IX. Рукопись пятой переделки.

Она составилась сложно, именно: копия с первых 7 лл. № 12 (получились №№ 20, 21, 22), копия с № 18 (получился № 23), механически включен № 16 в виде особой вставки, механически включен № 19. Этот комплекс составил текст, соответствующий полному виду № 12. Вторая часть четвертой переделки (№ 13) была перебелена в виде №№ 24, 25, 26. Получился полный текст пятой переделки, он был получен раньше 14 марта, когда уже составлена была 2-я редакция. Общая работа по этому сложному конгломерату рукописей и составляет пятую переделку. Была ли она сделана по единому сводному тексту или по отдельным слагаемым до сводки (что вероятно, т. к. общей пагинации нет) — неясно. Описание входящих в нее кусков рукописи:

20. Листок начала утрачен.

21. Б 25 лист 6. Копия с № 12 рукой С. А. Толстой, 1 л. Пагинации «6» (чернилами) и «7» (красным карандашом) более поздние. Поправки — сокращения и исправления [л. 466].

22. Б 17. Копия с № 12 (продолжение к № 21), той же рукой, 4 лл. + 1 лист вставка без пагинации. Поправок немного, на особом листе автографическая вставка [лл. 430—434].

23. Б 18. Копия с № 18, рукой С. А. Толстой, 4 лл., без пагинации. Поправки — сокращения, перестановки и большая вставка (сравнение человека с прорастающим зерном), раньше вычеркнутая [лл. 435—436, 441—442].

Б 19 (Описана выше под № 16) перенесена в виде вставки в середину № 23.

Б 20 (Описана выше под № 19) перенесена механически как продолжение № 23.

24. Е 36. Копия с № 13, неизвестной рукой, 8 лл. Пагинации три: черным карандашом (1—8) относится к пятой переделке, красным карандашом две пагинации (30—37 и 47—52, 55—56), сделанные позже. Поправки чернилами и черным карандашом многочисленны: сокращения, вставки на полях, наискось по тексту; последние листы исписаны сплошь поправками. Осн. несколько строк в гл. X; XIII (вставка стр. 358, строки 15—18; 23—28) [лл. 1634—1641].

25. А 9. Копия с № 13 (продолжение к № 24), рукой С. А. Толстой, лл., пагинаций две позднейших красным карандашом (38—39 и 57—58). Текст сплошь испещрен исправлениями. Осн. стр. 396, строки 10—18 [лл. 74—75].

26. А 32. Копия с № 13 (продолжение к № 25), той же рукой, что № 24, 2 лл., пагинаций две позднейших красным карандашом (40—41 и 53—54) и еще две позднейших внизу (4—5 и 63—64). Поправки чернилами и черным

карандашом, немного, все некрупные. До осн. дошло несколько строк в «заключении» [лл. 226–227].

Вторая редакция (с вступлением).

α) Рукописи «вступления» (входившего первоначально в реферат с заглавием: «Понятие жизни»).

I. Рукопись первого черновика (редакции) вступления.

27. Б 1. Автограф, 10 лл., пагинация чернилами рукой С. А. Толстой (1–9). На л. 8 часть текста писана черным карандашом и зачеркнута чернилами. Без заглавия. Начало: «1. Представимъ себѣ человѣка, у к. единственнымъ средствомъ къ жизни была бы конная мельница». На бумажной обложке запись С. А. Толстой: „Предисловие к «О жизни и смерти“. Писана рукопись в несколько приемов и затем сильно правлена: перестановки, вставки на полях, между строками. Текст поделен на 3 главы. Эта рукопись легла в основу вступления и от нее дошла до основного текста очень значительная часть [лл. 301–310].

II. Рукопись второй редакции вступления.

28. Б 2. Копия с № 27 рукой С. А. Толстой, 13 лл., пагинация чернилами рукой С. А. Толстой (1–8, остальные лл. не нумерованы); лл. 9, 10 об., 11–13 сплошь писаны Л. Н. Толстым, представляя новую вставную «4» главу. Без заглавия. Начало то же что в № 27 без слова «конная». Конец: «Вотъ такой опытъ изслѣдованiя о жизни и ея свойствахъ и я хотѣлъ бы предложить вамъ». На обложке запись С. А. Толстой: «1887 г. Март. 2-й Вариант предисловия к Жизни и Смерти (Предполагается читать в Университете в Психологич. Обществе)». Поправки: а) написана новая (4) глава (см. осн. текст стр. 319, строка 38 по стр. 321 строка 10 и стр. 321 строки 20–29; стр. 322, строки 19–23); б) несколько некрупных вставок (см. осн. текст стр. 314, строка 31–35; стр. 316, строки 35–39), перестановок и сокращений; в) почти заново написан конец 3-й главы (см. осн. стр. 318, строка 34 по стр. 319 кончая строкой 20); г) образ мельницы конной изменен на образ мельницы водяной, в связи с этим ряд поправок; д) общая правка стиля [лл. 311–323].

III. Рукопись правки второй редакции вступления.

29. А 11. Рукопись-копия с № 28 в окончательном виде, т. е. после ряда частичных правок и перебелок (окончательный вид получился не сразу. Сначала копия состояла из 14 лл. и складывалась так: № 29 – первые 6 лл. + № 30 паг. 7–8 + № 32 паг. 9–10 + № 29 паг. 11, 12 + № 33 паг. 13–14. Затем главы 3 и 4 подверглись частичным правкам и перебелке, в результате чего беловики правленных частей были вставлены в № 29, а черновая промежуточная работа осталась в виде кусков рукописи №№ 30–34,), рукой С. А. Толстой, 16 лл. (лист 16-й

заходит в ркп. № 56), с пагинацией первоначальной чернильной по листам (1–6, 11–12) и последующей красным карандашом (1–16). На отдельных листах двойная карандашная пагинация – след замены листков во время промежуточных правок. Заглавие рукой Л. Н. Толстого «Вступленiе». Начало то же что в № 28. Поправки чернилами (а на первых 6 лл. еще были и черным карандашом, который счищен и заменен чернильными написаниями рукой Т. Л. Толстой) не очень значительны: сокращения и стиль [лл. 86–101].

30. Б 21. Листы 7 и 8 первоначального вида № 29, рукой С. А. Толстой, 3 лл., с чернильной пагинацией на первом и третьем (7,8), лист средний вставка рукой Л. Н. Толстого с темой о клеточках организма. Поправки чернилами и черным карандашом значительны [лл. 449–451].

31. Лист 7 № 29 и Б 30. Копия с № 30, рукой С. А. Толстой, 3 лл., пагинация красным карандашом 7, 8, 9. Поправки – сокращения, вставки, перестановки. Из этой копии лист первый вошел в № 29 с пагинацией 7. Остальные два перебелены вместе с № 32 и как их беловик вставлены в № 29 (лл. 8–11) [лл. 92, 488–489].

32. Б 31. Листы 9 и 10 первоначального вида № 29, рукой С. А. Толстой, 2 лл., с чернильной пагинацией 9–10 и красным карандашом двойной: 5–6 (неясная) и 10–11 (продолжение № 31). Поправки чернилами и карандашом мелко стилистические, крупная перестановка. Беловик с этих листов как продолжение беловика с № 31 вошел в № 29 (лл. 8–11) – [лл. 490–491].

33. Б 22. Листы 13 и 14 первоначального вида № 29, рукой С. А. Толстой 2 лл., пагинация чернильная 13–14. Правка и вставки черным карандашом и чернилами. См. Осн. текст стр. 321 строка 30 по стр. 322 строка 11; стр. 322, строка 29 по стр. 323 строка 2 [лл. 452–453].

34. Б 32. Копия с № 33, рукой С. А. Толстой, 3 лл., с пагинацией красным карандашом 14–16 (продолжение пагинации № 29). Поправки небольшие стилистические и вставки. См. осн. стр. 321, строки 11–19; стр. 322, строки 4–9. Копия с данной копии вошла в № 29 в виде листов 14–16, причем сделана она была не в данном этапе работы, а позже (в третьей редакции) [лл. 492–494].

Вступление имело еще одну копию и правку – в 4-й редакции. См. ниже №№ 90, 91, 126.

β) Рукописи статьи.

Пятая переделка 1-й редакции в начальной части была перебелена, к копии присоединено вступление в той стадии, когда оно состояло из №№ 29 (лл. 1–6), 31, 32, 29 (лл. 12–13), 34, и весь текст пронумерован красным карандашом по листам: статья получила пагинацию, продолжающую вступление, именно 18–29. Значительная часть этой копии позже была раздроблена и находится в рукописях позднейших этапов работы. Первоначальный вид ее составляется из №№ 35–40. К копии были механически перенесены из пятой переделки №№ 24–26 с новой для них

пагинацией красным карандашем (30–41) и т. обр. получилась полная рукопись второй редакции. Вторая редакция получена 14 марта 1887 г., так как Толстой именно ее читал в Психологическом обществе 14 марта. Отдельные, входившие во вторую редакцию куски рукописей (кроме описанных уже номеров вступления), — следующие:

35 и 36. Б 23 и 24. Начало копии с пятой переделки 1-й редакции и автографы-вставки, 7 лл. (из них 2 лл. в лист), из них один писан рукой С. А. Толстой (пагин. 18), остальные Толстым частью черным карандашом и без пагинации. Б 24 — особая вставка с пометой Толстого: «Можно переписать, можно не переписать. Во всякомъ случаѣ отдѣльно». Автографы сильно испещрены поправками. На общей обложке рукой С. А. Толстой запись: «Еще к статье О жизни и Смерти. Марта 21. 1887». На листе 1 ею же: «Март. 1887». Дата эта поставлена по всем признакам позднее написания самой копии. Дело в том, что № 44 и 45 написаны 19 марта, а вторая редакция именно по рукописи № 35 и следующим читалась на заседании Психологического общества 14 марта. Следовательно 21 марта — дата не написания копии, а сделана позже [лл. 454–460].

37. Б 27. Копия-продолжение №№ 35–36, рукой С. А. Толстой, 4 лл., пагинация красным карандашом 19–21, 25. Поправки значительные [лл. 474–476, 480].

38. Б 26. Копия-продолжение № 37, рукой С. А. Толстой, 5 лл., пагинация красным карандашом 22–24 (вставные листы без пагинации) и последующая рукой Толстого: 9–10. Поправки очень крупные чернилами и черным карандашом и, повидимому, относятся к более поздним этапам работы, две больших вставки на особых листах. На одной из вставок наискось вписан и обведен чертой набросок-план продолжения книги (издан выше среди черновых текстов под № 4) [лл. 469–473].

39. Е 37. Копия-продолжение № 37, рукой С. А. Толстой, 1 л., пагинация красным карандашом сначала «26», потом «43» (сделана позже). Весь текст испещрен правками, перестановка. До осн. дошла вставка в гл. XV, стр. 364, строки 37–39, стр. 365 строки 6–10 [л. 1642].

40. А 8. Копия-продолжение № 39, рукой С. А. Толстой, 5 лл., пагин. красн. карандашом 27–29 (два листа вставки без пагинации сделаны позже) и позднейшая пагинация 44–46. К позднейшей же работе относится и сплошная правка: пропуски, вставки, переделки. Лист 4-й хранит зачеркнутую надпись вверх ногами: «Вѣра у всѣхъ одна». Текст охватывает бывшие 9 и 10 главы пятой переделки и на нем кончается копия с нее. Осн. стр. 367, строка 36 по стр. 368 строка 4 и стр. 366 строки 17–30 [лл. 68–72].

41. Е 36. См. выше № 24. Перенесена механически и получила пагинацию 30–37.

42. А 9. См. выше № 25. Перенесена и получила пагинацию 38–39.

43. А 32. См. выше № 26. Перенесена и получила пагинацию 40–41.

Таким образом, вторая редакция дает первый сводный текст с общей пагинацией 1—41 лл. До основного текста от нее дошло всего несколько слов и фраз в гл. I, X, XI, XIII, XV, заключение да от ркп. № 38, вставка на стр. 338, строки 10—16.

γ) Правки второй редакции.

I. Общая правка второй редакции.

Произведена между 14 и 19 марта и составляет верхний правочный слой на №№ 35—43. Правка делалась только по тексту статьи, не касаясь «вступления».

II. Рукопись особой конечной главы.

Она написана, как датируется самим Толстым, 19 марта, т. е. через пять дней после реферата и находится в рукописях:

44. Е 41. Рукопись-автограф, 7 лл. (лист 3 — в лист), пагинация рукой С. А. Толстой по листам чернилами (1—7). Нач.: «Не имею никакого основания заключать от уничтожения отражения к уничтожению предмета». В конце подпись: «Л. Т. 19 марта 1887 г.» Этот черновик после ряда позднейших поправок вошел в основной текст в виде глав XXXI и XXXII. Куски черновика сохранились в основном тексте целиком: стр. 413, строки 13—18; стр. 414, строки 7—14; 30—34, стр. 415 строки 6—14, 17—22; 30—34; стр. 417, строка 37 по стр. 418 строка 8 [лл. 1654—1660].

45. А 10. Рукопись-особая копия с № 44, рукой С. А. Толстой, 10 лл., с особой пагинацией 1—10. На первых двух листах красным карандашом пагинация 59—60 относится к третьей редакции, как и многие поправки Толстого. Текст этой рукописи издан чрезвычайно небрежно в Соч. графа Л. Н. Толстого, ч. XV. М. 1911 г. стр. 511—519 и переиздавался другими изданиями, названными на стр. 784 прим. 2. Заглавие в издании: «О жизни и смерти» — изобретение издателя [лл. 76—85].

III. Первая правка начала второй редакции.

С самого начала статьи (без вступления) второй редакции (№№ 35, 36 и первых двух лл. № 37) была сделана рукой С. А. Толстой копия (№ 46 лл. 1, 2, 4 и № 50 лл. 1—7), затем к ней Толстой делает ряд вставок на отдельных листах, а в середину копии вносятся со значительными перестановками листы 19—25 пагинации второй редакции (т. е. №№ 37, 38) и по полученному т. обр. тексту (№№ 46—50) проведена правка. Материал этой полной переработки и есть первая правка начала второй редакции. Весь он собран в одной обложке с записью С. А. Толстой: «Разрозненные листы из статьи О жизни и смерти 28 марта. 1887 г.» Отдельные куски этой правки следующие:

46. Б 25. Копия с № 35, рукой С. А. Толстой, 8 лл., с чернильной пагинацией рукой Толстого 1—8. Часть рукописи (лл. 1, 2, 4) — копия с № 35, часть (лл. 3, 5, 7, 8) заново написанные вставки, один лист (6-й) прямо перенесен из второй редакции. Поправок много и значительные [лл. 461—468].

47. Б 26. См. выше № 38. Перенесена механически и первые листы получили пагинацию рукой Толстого: 9–10. Снабжена вставками на отдельных листах.

48. Б 27. См. выше № 37. Перенесен механически без новой пагинации.

49. Б 28. Копия с № 36, рукой С. А. Толстой, 3 лл., без пагинации. Сплошь правлена, сокращена. Копия вставлена в № 48 как вставка между 3 и 4 листами ее [лл. 477–479].

50. Б 29. Копия с № 35 (продолжение к № 46), рукой С. А. Толстой, 7 лл., без пагинации. Поправок много чернилами и черным карандашом: большие сокращения, вставки, особенно в конце с обоснованием в виде трех пунктов противоположности раздвоения и любви [лл. 481–487].

IV. Рукопись второй правки начала второй редакции.

Материалы этой правки (№№ 31, 32, 34 и 51), кроме перенесенных в позднейшие переработки (№№ 52–55), находятся в обложке с чернильною записью С. А. Толстой: «Разрозненные листы к статье О Жизни и Смерти 1887 г. 31 марта» и, очевидно, датируют и самую вторую правку. Частично правка эта коснулась вступления (именно в данном этапе были сделаны отмеченные выше при описании №№ 31, 32, 34 значительные правки этих кусков), а затем новая правка коснулась части текста, полученной после первой правки (т. е. с ркп. №№ 46–50). С последней (т. е. с № 46–50) была сделана рукою С. А. Толстой полная копия (№№ 51–55), на которую и наложен рукою Толстого слой второй правки начала второй редакции. Не описанные еще куски рукописи второй правки следующие:

51. Б 33. Копия с №№ 46–50, рукой С. А. Толстой, 14 лл., без пагинации (только на первом листе красным карандашом цыфра «17». как продолжение пагин. № 34). Правка значительная, чернилами и черным карандашом, большие вставки, сокращения. До осн. дошли вставки: стр. 327, строка 33 по стр. 328 строка 7; стр. 337, строка 40 по стр. 338 строка 9; стр. 340, строки 24–33; [лл. 495–508].

52. А 12 лл. 3–5. Часть копии № 51, находившаяся в ней между лл. 1–2, рукой С. А. Толстой, 3 лл. Поправки тонким пером и черным карандашом. Поправки более толстым пером – слой позднейшего этапа работы. Пагинация красным карандашом 18–20 относится к третьей редакции [лл. 103–105].

53. Е 31. Часть копии № 51, находившаяся в ней между лл. 12 и 13, рукой С. А. Толстой, 3 лл. (один лист более поздняя вставка). Пагинация красным карандашом 36–37 относится к третьей редакции. Поправки значительные [1622–1624].

54. Е 38. Копия с №№ 46–50 – продолжение к № 51, рукой С. А. Толстой, 2 лл., без пагинации и без единой поправки Толстого. Листки в дальнейшей работе совершенно не использованные. След вертикального перегиба листков показывает, что они были исключены из работы [1643–1644].

55. Е 32. Копия с № 46–50 продолжение к № 54, рукой С. А. Толстой, 2 лл. Сплошь правлена, но часть поправок как и пагинация красным карандашом 41–42 относятся к третьей редакции. До осн. стр. 366, строка 36 по стр. 367 строка 11 [лл. 1628–1629].

Третья редакция (рабочая сводная).

α) Текст третьей редакции.

Она составилась так: Вступление в виде № 29, самая статья в виде копии с второй правки второй редакции (но не целиком, а лишь отдельных наиболее испачканных кусков ее), т. е. в виде кусков №№ 56 и 60, в которые механически перенесены из второй правки №№ 52, 53, 55, и всё это пронумеровано красным карандашом 17–42. Далее присоединена не подвергавшаяся правкам вся вторая половина текста второй редакции (№№ 39–41, 43, 42) с пагинацией 43–58 и включена в общий текст копия № 45. Весь этот свод просматривается, снабжается крупными вставками {№№ 58, 59, 69) и в результате работы над этим сводом получается третья редакция книги «О жизни и смерти». Таким образом в состав новой редакции вошли последовательно следующие куски разных предшествующих рукописей.

А 11 См. выше № 29 с прежней пагинацией 1–16 (лист 16-й в обложке № 56).

56. А 12. Копия с № 51, частью рукой С. А. Толстой, частью неизвестной, 13 лл., с пагинацией красным карандашом 17, 21–28. Поправки значительные бледными чернилами, густыми чернилами и черным карандашом. Текст поделен на главы, которые однако меняли цыфры [лл. 102, 106–111, 114–115].

57. А 12 лл. 3–5. См. выше № 52, перенесены механически в № 56 и составили листы 18–20 пагинации красного карандаша. Осн. стр. 334, строки 11–13 [лл. 103–105].

58. А 13. Автограф-вставка в № 56 между лл. 11–12, на 1 листе [л. 112].

59. А 14. Автограф-вставка в № 56 после № 58, как его продолжение, на 1 л. [л. 113].

60. Е 30. Копия-продолжение № 56, рукой С. А. Толстой. 11 лл., пагинация красным карандашом 29–35, 38–40 (один лист вставка, без пагинации). Исправления значительны. Осн. текст неск. фраз в гл. I, III, V и стр. 343, строки 31–33 образ шарика, катаемого между пальцами [лл. 1614–1621, 1625–1627].

61. Е 31. См. выше № 53. Перенесено механически в № 60 между лл. 8 и

9 с пагинацией 36–37 [лл. 1622–1624].

62. E 32. См. выше № 55. Перенесена механически в № 60 после листа 11 с пагинацией 41–42 [лл. 1628–1629].

63. E 37. См. выше № 39. Перенос с новой пагинацией «43».

64. A 8. См. выше № 40. Перенос с новой пагинацией 44–46.

65. E 36. См. выше № 41. Перенос с новой пагинацией 47–52, 55– 56.

66. A 32. См. выше № 43. Перенос с перестановкой текста и новой пагинацией 53–54.

67. A 9. См. выше № 42. Перенос с пагинацией новой 57–58.

68. A 10. См. выше № 45. Перенос. Пагинация красным карандашом сделана только на первых двух листах 59–60.

69. E 40. Автограф, 6 лл., пагинация через лист черным карандашом 1–3. Текст – особая вставная заключительная к № 68 глава, составившая отчасти черновик будущей 36 главы книги в 6-й редакции, озаглавленная там «Жизнь истинная не подлежит страданиям», однако в седьмой (корректурной)редакции замененная главой, заново написанной (см. №№ 354–357). Отчасти эта вставка составила главу XXXV основного текста, до которого дошла с правками. Весь текст вставки, как первый черновик важных глав основного текста – XXXIV и XXXV, и в значительной части своей коренным образом измененный в последующей работе автора, мы издаем под № 9 черновых вариантов [лл. 1648–1653].

ß) Частичные правки третьей редакции.

Частичная правка охватила две трети текста третьей редакции, именно весь текст, начиная с листа 29 до конца (т. е. №№ 60–69). Правки частичные были столь значительны, что не оставили от правленных кусков третьей редакции почти камня на камне. Частичные правки эти следующие:

I. Рукопись правки лл. 29–46 третьей редакции.

С них, т. е. с №№ 60–64 была сделана большая копия в виде №№ 70–75 двумя неизвестными почерками и по ней Толстой произвел правочную работу, но отслоить ее от позднейшей работы на тех же рукописях трудно. Поэтому здесь дано общее описание кусков, составлявших рукопись правки, со всеми наслоениями позднейшими.

70. A 15. Копия с № 60 (с лл. 1–5), неизвестной рукой, 8 лл., пагинация внизу по листам буквенная: a, в, c, d, e, f, g, h. Правка сплошь дважды бледными и густыми чернилами (бледные чернила – позднейшая правка). Новая разбивка на главы 6, 7, 8 (вм. бывшей одной 7). Осн. гл. V стр. 337, строки 31–39, гл. VI стр. 338, строки 19–29 [лл. 116–119, 122–123, 125–126].

71. A 18. Копия с № 60 (с лл. 6–8) и 61 (с лл. 1–5), двумя

почерками, второй — тот же, что писал № 70; 10 лл., пагинация внизу через лист чернилами 1–5. Правка дважды, как в № 70 (вставки на полях, много страниц вычеркнуто, правлено) новые главы 9, 10, 11 (прежде не было). Осн. гл. 1 (стр. 325, строки 11–23) [лл. 127–136].

72. Е 4. Копия с № 61 (с лл. 5 об. — 6 об.) и 62 (с лл. 1–2), рукой той же что № 70, 4 лл., пагинация внизу через лист 6–7. Правка сплошная значительная один раз. Новая глава 12 (вместо прежних 13, 14). До осн. несколько слов в главе XV [лл. 1468–1471].

73. А 23. Копия с № 62 (с лл. 2–2 об.), 63 и 64 (с л. 1 об.), рукой тою же, что № 72, 6 лл., пагинация внизу через лист 8, 9, 10, 12 (цыфра 11 ошибочно пропущена). Правка значительная сплошная трижды: два раза чернилами и раз черным карандашом. Главы 13 и 14 нового обозначения. До осн. несколько слов в гл. XV, XVI [лл. 150–155].

74. А 26. Копия с № 64 (с лл. 1 об. — 5) рукой тою же что № 73, 7 лл., пагинация внизу через лист: 0, 13, 14, 15. Правка не очень значительна (помечены крупные пропуски) четырежды: дважды чернилами, раз красным, раз черным карандашом. Обозначения глав нет [лл. 169–175].

75. А 27. Копия со вставки на поле листа 1 ркп. № 64, той же рукой, что № 74, 1 л., без пагинации, правок немного. Этот листок должен был первоначально следовать за № 73, но несколько позже переставлен на свое настоящее место. До осн. дошло несколько строк в гл. XVI [л. 176].

II. Рукопись особой правки № 72.

76. А 20. Особая копия с № 72, рукой С. А. Толстой, 4 лл., без пагинации. Правка сплошь (крупные вставки, пропуски, замены) трижды: два раза чернилами, раз черным карандашом. До осн. несколько слов в гл. XV [лл. 139–142].

III. Рукопись правки лл. 47 — до конца третьей редакции.

С них, т. е. с №№ 65, 67, 68, 69 сделана большая копия в виде №№ 77–79, и к ней в качестве концовки перенесен № 66, и полученная копия подверглась фундаментальнейшей и неоднократной переработке Толстого. Следовательно, отдельные куски этой копии следующие:

77. А 24. Копия с № 65 (лл. 1–5 об.), рукой неизвестной, но иной чем №№ 70–75, 6 лл., пагинация вверху по листам черным карандашом 1–6. Правка, повидимому, дважды чернилами — сплошная. До осн. дошло несколько строк в гл. X, XI [лл. 156–161].

78. Е 6. Копия с № 65 (с лл. 5 об. — 8), 67 и 68 (с лл. 1–3), рукой той же, что № 77, 25 лл., пагинация вверху по листам черным карандашом 7–30 (листок со вставкой между 26–27 лл. не нумерован). Правки дважды чернилами делают впечатление, что текст сплошь зачеркнут (сплошная логическая переработка, крупная перекомпоновка и сокращение частей), деления на главы нет. До осн. вставка в гл. XI, стр. 352, строки 12–16; несколько строк в гл. XII, XIII; несколько

строк и вставка в гл. XXVI, стр. 397, строки 19–25, 32–39; в гл. XXVII, стр. 398, строки 8–10, 14–17; стр. 401, строки 1–2 [лл. 1473–1497].

79. А 31. Копия с № 68 (с лл. 3–10) и 69, двумя почерками (один – тот же, что № 78), 32 лл., пагинация вверху по листам черным карандашом 31–62 (листы другого почерка пронумерованы еще внизу через лист: 1–2). Правка два раза чернилами, некрупная, главным образом стилистическая. Пометки глав «NN». До осн. дошла вставка в гл. XXXI, стр. 411, строка 34 по стр. 412 строка 2 и еще несколько строк. Вставка гл. XXXV, стр. 431, строки 23–29 [лл. 194–225].

80. А 32. См. выше № 66. Перенесена механически и пронумерована новой пагинацией черным карандашом по листам 63–64.

IV. Рукопись особой правки № 78.

С № 78 сделана рукой С. А. Толстой особая копия в виде №№ 81–83 и особо правлена Толстым (крупные сокращения и значительная стилистическая правка, вставки на полях невелики). Куски, составляющие копию:

81. А 25. Копия с № 78 (с лл. 1–16), рукой С. А. Толстой, 7 лл., без пагинации. До осн. дошло несколько строк в главах XI, XII, XIII [лл. 162–168].

82. А 29. Копия с № 78 (продолжение к № 81) (с лл. 16 об. –24), рукой С. А. Толстой, 8 лл., пагинация вверху по листам начинается с л. 4-го: 1 (чернила), 2–6 (черный карандаш). Правка – главным образом вычеркивания. До осн. дошли вставка в гл. XXVI, стр. 395, строки 19–21; в гл. XXVII, стр. 399, строки 23–24 [лл. 183–190].

83. А 30. Копия с № 78 (продолжение к № 82) (слл. 24–25), рукой С. А. Толстой, 3 лл., пагинация черным карандашом вверху по лл. 6–8. Поправок мало [лл. 191–193].

Четвертая редакция (2-я сводная рабочая).

α) Текст четвертой редакции.

Результат частичных правок третьей редакции Толстой сводит воедино, хотя и не делает общей пагинации. Сюда входят №№ 29, 56, 57, 58, 59 (т. е. то, что не подвергалось частичным правкам в третьей редакции), затем №№ 70, 71, 76, 73–75, 77, 81–83, 79, 80, причем, как это установимо по последующей копии, №№ 77, 81 были переставлены между 73 и 74, а 75 поставлен после 74, хотя прежде находился после 73. Кроме этого сложного состава, дающего полный текст 4-й редакции, в отдельные части его влиты очень крупные вставки-автографы на отдельных листах (№№ 84–89). Были ли вливаемы эти вставки во время

частичных правок третьей редакции или в момент ее свода в четвертую, неясно. То, что вставки хранятся в особых обложках, пожалуй, говорит в пользу второго предположения. Новый сводный текст в конечном счете дает рукопись в такой последовательности отдельных ее кусков: №№ 29, 56–59, 70 (со вставками в него 84, 85), 71 (с вставкой 86), 76 (с вставками 87, 88), 73, 77, 81, 74, 75, 89 (вставная глава), 82, 83, 79, 80 и хранится в настоящее время в папке А под №№ 11–32, охватывая лл. 86–227 общего счета листов рукописей «О жизни». Из этого конгломерата кусков остаются не описанными только автографические вставки, т. е.:

84. А 16. Автограф-вставка в № 70 между лл. 4–5, 1 л., без пагинации, с многими поправками и вставками. В конце не хватает нескольких строк, которые среди рукописей не найдены. Тема вставки: ложные учения мира зовут людей жить для семьи, общины, народа, отечества, человечества, для будущей жизни, но цели эти не могут удовлетворить человека. Вставка эта в дальнейшей работе сохранялась до последней редакции, но в корректурной редакции была заменена другим текстом и потому в основной не попала [л. 121].

85. А 17. Автограф-вставка в № 70 между лл. 6–7, 1 л., без пагинации. Тоже, повидимому, с утраченным концом, как это устанавливается сличением с последующей копией. Тема: люди перестают верить в долг, предписываемый им обществом. Осн. гл. VI, стр. 339 строки 14–27 [л. 124].

86. А 19. Автограф-вставка в № 71 после 10 листа, 2 лл., без пагинации. Дошла до осн. гл. VIII, стр. 344 строка 33 до конца гл. VIII на стр. 345 [л. 137–138].

87. А 21. Автограф-вставка в № 76 после листа 4, 6 лл., без пагинации, сильно правлена. Представляет целую главу (так и помечена «NN») на тему: благо разумного я противоположно благу личности, и представления разных людей о своем благе ошибочны. Эта глава при последующих переделках постепенно вся снята и до основного текста дошла только в гл. XXI, стр. 378, строки 10–13, 22–29 [лл. 143–148].

88. А 22. Автограф-вставка в № 76 после № 87, 1 л., без пагинации, тема: буддизм, браманизм, греческое язычество и церковное христианство – всё говорит о необходимости отречения человека от личности. До основного текста дошли только две строки в гл. XVI, стр. 365 строка 40 по стр. 366 строка 2 [л. 149].

89. А 28. Автограф – особая глава о любви, 6 лл. разных форматов (лл.1–4 в 4-ку, лл. 5–6 в лист). С поправками значительными. Глава после последующих переработок дошла в виде отрывков в главах XXII, XXIII и XXV основного текста, именно в гл. XXII, стр. 383 строки 16–20, в гл. XXIII, стр. 385 строки 21–25, стр. 386 строки 17–21, стр. 387 строки 19–25; в гл. XXV, стр. 394 несколько строк, в гл. XXVI, стр. 395 строки 14–17 [лл. 177–182].

β) Переделки и частичные правки четвертой редакции.

Четвертая редакция была целиком перебелена тремя переписчиками (А,

Б, В), затем вся книга просмотрена — получилась первая переделка 4-й ред., закончившаяся написанием особого оглавления для части книги (№ 125). Затем последовали особые просмотры и правки отдельных частей текста. Наконец, общая сплошная правка, которую можно назвать второй переделкой четвертой редакции.

I. Рукопись первой переделки 4-й редакции.

Первая переделка состояла в легком поверхностном просмотре текста всей книги (копии А, Б, В). Палеографический признак этого просмотра — очень бледные коричневые чернила. Слой поправок на тех же рукописях, наложенный густыми почти черными чернилами, очень крупный, относится к позднейшей, второй переделке четвертой редакции.

Копия А. Копия с большей половины четвертой редакции (с №№ 29, 56–59, 70, 84, 85, 71, 86, 76, 87, 88, 73, 77, 81, 74, 75 и первых 4-х лл. № 89), рукой П. И. Бирюкова, состояла из 89 лл. писчей бумаги (из них 5 лл. бумага, вырванная из ученической тетради). Пагинация особая для вступления 1–17 и особая для статьи 1–72 по листам. При последующей переработке рукопись оказалась раздробленной на следующие части:

90. Г 1. Копия с № 29, 15 лл. (из них три листа из ученической тетради), пагинаций три: чернильная Л. Н. Толстого постраничная 1–30, чернильная полистная С. А. Толстой 2–16 и внизу полистная красным карандашом окончательная пагинация перед сдачей текста в печать 1–15. Заглавие рукой Толстого «О жизни <и смерти>». Начало: «Вступленіе. Представимъ себѣ человѣка, котораго единственнымъ средствомъ къ жизни была его мельница»... Поправок немного, мелкие, почти стилистические. Пять-шесть слов правлены черным карандашом неизвестной рукой. Глава 4-я второй редакции вступления (ркп. № 29) разбита на три главы — 4, 5, 6. (По основному тексту деление это так: гл. 2 — стр. 315, строка 7; гл. 3 — стр. 317, строка 1; гл. 4 — стр. 319, строка 38; гл. 5 — стр. 321, строка 20, гл. 6 — стр. 322, строка 26). Если рассматривать данную рукопись по линии работы над вступлением, то она явится второй правкой второй редакции вступления. По ней производился типографский набор текста [лл. 867–881].

91. В 34. То же — продолжение к № 90, 2 лл. (один тетрадный), пагинация на одном рукой С. А. Толстой — 17, другой лист без пагинации занят большой автографической вставкой (см. осн. стр. 323 строка 3 до стр. 324 строка 3) [лл. 634–635].

92. В 52. То же — продолжение к № 91, 1 л., пагинация 1, так как начинает статью после вступления [лл. 686].

93. В 51. То же — продолжение к № 92, 1 л., пагинация 2. Поправки: большая вставка [л. 685].

94. В 53. То же — продолжение к № 93, 6 лл., пагинация 3–8. Сплошь правлена [лл. 691–696].

95. В 35. То же — продолжение к № 94, 2 лл., пагинация 9—10. Вставки, сокращения [лл. 636—637].

96. В 104. То же — продолжение к № 95, 2 лл., пагинация 11—12 и позднее рукой Толстого внутренние страницы пронумерованы 31—32. Сплошь правлена. Осн. вставка стр. 327, строки 9—12 (в гл. II), в гл. III стр. 330, строки 6—13 [лл. 856—857].

97. В 29. То же — продолжение к № 96, 2 лл., пагинация 13—14. Вставки [лл. 610—611].

98. Г 8. То же — продолжение к № 97, 3 лл., пагинация 15—17 и позднейшие: вверху 39—44; 52—57; внизу красным карандашом 45—47. Правлена значительно [лл. 912—914].

99. В 30. То же — продолжение к № 98, 2 лл., пагинация 18—19. Перестановки и вставки [лл. 612—613].

100. Г 10. То же — продолжение к № 99; 3 лл., пагинация 20—22 и позднейшие вверху: 49—54, 65—70, внизу красным карандашом 52—54. Сокращения, вставка, стиль. Осн. прибавление 3-е, стр. 439, строки 1—4, 23—27 [лл. 919—921].

101. В 31. То же — продолжение к № 100, 3 лл. пагинация 23—25.Вставки сплошь [лл. 614—616].

102. В 49. То же — продолжение к № 101, 2 лл., пагинация 26—27. Правки немного [лл. 682—683].

103. В 106 лист 2. То же — продолжение к № 102, 1 л., пагинация 28 и позднейшая 59—60. Вставки [л. 861].

104. В 23 лист 1. То же — продолжение к № 103, 1 л., пагинация 29 и последующие 61—62. Вставка и сокращение [л. 564].

105. В 106 лист 1. То же — продолжение к № 104, 1 л., пагинация 30 и позднейшая 57—58. Сокращение [л. 860].

106. В 23 лл. 2—4. То же — продолжение к № 105, 3 лл., пагинация 31—33 и позднейшая 63—68. Перестановки и вставки [лл. 568—570].

107. В 50. То же — продолжение к № 106, 1 л., пагинация 34. Сокращение [л. 684].

108. В 27. То же — продолжение к № 107, 30 лл., пагинация 31—61, 65—66 (один лист позднейшая вставка, не нумерован). В позднейшее время этот кусок рукописи подвергся капитальнейшей правке и листы переставлены в такой последовательности пагинации: 41, 42, 43, 35, 46, 47, оборот 45, 66, 48, 65, оборот 44, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61. 36, 37, 38, 39, вставной лист, 40; 65—66. Осн. в гл. XI, стр. 350, строки 38—39; стр. 351 строки 12—15; 33—36; стр. 351 строки 20—40; в гл. XII стр. 355 строки 9—14; гл. XIII, стр. 356 (почти целиком); стр. 357 (почти целиком); стр. 359, строки 9—17; гл. XV, стр. 364, строки 1—8; 22—30; гл. XVI стр. 365,

строки 33–36; стр. 366, строки 1–4; 30–31; стр. 367, строки 10–27; гл. XVII стр. 367, строки 32–35; стр. 368, строка 5–25; гл. XX стр. 376, строки 14–22; 30–38; стр. 375 строка 25–29 [лл. 575–604).

109. В 36. То же – продолжение к № 108, 4 лл., пагинация 62–64 и один лист вставка без пагинации. Перестановки, вставки. Осн. гл. XXI, стр. 379, строки 3–4, 22–25 [лл. 638–641].

110. В 37. То же – продолжение к №109, 7 лл., пагинация 67–72 и один лист вставка не нумерован. Сплошная правка. Осн. гл. XXIII, стр. 386 строка 32 по стр. 387, строка 4; гл. XXIV, стр. 390, строки 4–7, 22–24; стр. 391, строки 21–24; гл. XXV, стр. 393, строки 3– [лл. 642–648].

Копия Б. Продолжение копии А – копия с №№ 89 и 82, рукой С. А. Толстой, 10 лл., без пагинации. Позже рукопись раздроблена на следующие части:

111. В 38. Копия – продолжение № 110, 2 лл., правка значительная. Осн. гл. XXIV, стр. 392, строки 20–31 [лл. 649–650].

112. В 39. То же – продолжение к № 111, 1 лист. Вставки [л. 651].

113. В 47 лл. 2–6. То же – продолжение к № 112,5 лл. + один чистый. Сплошная правка. Осн. гл. XXVI, стр. 395, строки 26 по стр. 396, строка 9; стр. 396, строка 19 по стр. 397, строка 6; стр. 397, строки 26–31; гл. XXVII, стр. 401, строки 13–16 [лл. 676–680].

114. В 76. То же – продолжение к № 113, 1 л., пагинация позднейшая 226–227, внизу черным карандашом 82. Правка сплошь. Осн. гл. XXVII, стр. 399, строки 25–30; стр. 399, строка 37 по стр. 400, строка 2 [л. 774].

115. В 63. То же – продолжение № 114, 4 лл., пагинация позднейшая 228–233 (один лист без пагинации), причем к данной копии относится лишь лист 1-й. Остальные вставлены и заполнены сплошной автографической вставкой. На первом листе внизу черным карандашом пагин. 83. Осн. гл. XXVII, стр. 400, строки 2–29; гл. XXVIII, стр. 401, строка 36–38; стр. 402, строки 13–18; стр. 403, строки 10–13 и ряд фраз на стр. 402–404, гл. XXIX стр. 407–408 [лл. 726–729].

Копия В. Продолжение копии Б – копия с №№ 82 (последний лист, переписан еще раз), 83, 79, 80, неизвестной рукой (но иной чем писала часть А), 29 лл., пагинация сверху по листам. При позднейшей работе рукопись раздроблена на части:

116. В 63 а. То же – продолжение к № 115, 2 лл., пагинация 1–2 и на обороте 2-го листа позднейшая: 234. Сокращение и правка. Вычеркнуто сравнение жизни с вспыхнувшей искрой [лл. 730–731].

117. В 66. То же – продолжение к № 116, 2 лл., пагинация 3–4 и позднее 235–238. Перестановки и сокращения [лл. 741–742].

118. В 83. То же – продолжение к № 117, 4 лл., пагинация 5–6 (два

листа позднее вставки без пагинации) и более поздние постраничные 239–242; 286–289. На обороте одной вставки нарисована чернилами окружность и в ней треугольники с буквенными обозначениями углов. Осн. гл. XXXI, стр. 412, строки 3–24; стр. 413, строки 21–37 [лл. 790–793].

119. Г 57. То же – продолжение к № 118. 4 лл., пагинация 7–10 и позднейшие 243–250; 360–367. Внизу красным карандашом 200–203. Правка не очень значительная, перебелена и подклеена на лоскутах. Осн. гл. XXXI, стр. 414, строки 6–9; 26–29; стр. 415, строки 24–31 [лл., 1068–1071].

120. В 84. То же – продолжение к № 119, 4 лл., пагинация 11–13 (один лист вставка без пагинации) и позднее 251–256. Правка сплошная. Тема вставки: сознание человека изменчиво. Осн. гл. XXXII, стр. 416, строка 20 по стр. 417, строка 36; стр. 418, строка 9–35 [лл. 794–797].

121. Г 59 л. 1. То же – продолжение к № 120, 1 л., пагинация 14 и поздние: 257–258; 380–381; внизу красным карандашом 210 [л. 1078].

122. В 9. То же – продолжение к № 121, 2 лл., пагинация 15–16. Почти без поправок [лл. 529–530].

122 а. Е 23. Тоже–продолжение к № 122, 2 лл., пагинация 17–18, без поправок, переписано в № 123 с той же пагинацией 17–18 [лл. 1595–1596].

123. Г 59, лл. 2–13. То же – продолжение к № 122, 12 лл., пагинация 17–28 и позднее: 263–287; 386–409; внизу красным карандашом 213– 224 [лл. 1081–1092].

124. В 108. То же – продолжение к № 123, 1 л., пагинация 29 и позднее 288–289. В конце подпись: «Л. Толстой. 1887 3 августа» (сделана позднее) [л. 865].

124 а. Г 60. Особая копия с № 122, заменившая № 122, той же рукой, с пагинациями: вверху повторной 15–16 и позднейшими 259–262; 382–385 и внизу окончательной 211–212. Поправок почти нет [лл. 1079–1080].

Добавление Г. 125. В 109. На особом листе с пагинацией «1» рукой П. И. Бирюкова написано оглавление к большой части рукописи писца А. Толстой правил и дополнил это оглавление своей рукой, доведя число глав с 13 до 20. Автографа этого оглавления среди рукописей не найдено, но он был, так как переписчик мог сделать ошибку удвоения фразы лишь при переписке с оригинала [л. 866]. Издано нами среди черновых текстов под № 5.

II. Рукопись частичной правки вступления.

126. Г 2. Особая копия с № 91, рукой С. А. Толстой, 3 лл., с тройной пагинацией: Толстого постраничной 31–36, С. А. Толстой полистной 17–19 и красным карандашом внизу окончательной[247] 16–18. Поправок мало – словесно грамматические. По данной рукописи делался набор

[лл. 882–884].

III. Рукопись частичных правок начала статьи.

а) 127. В 52а. Особая копия с № 93, рукой С. А. Толстой, 1 л., пагинация 2. Правлена сплошь [лл. 687].

128. В 52б. Особая копия с вставки на поле № 127, 2 лл., один чистый, без пагинации. Осн. гл. IV, стр. 332 всё примечание под текстом [л. 688].

б) 129. Е 15. Автограф – заново написанное начало статьи, 1 л., пагинация «20» (продолжение № 126) [л. 1577].

в) 130. В 54. Особая копия с № 95, рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинация 9–10. Правка сплошь [лл. 697 и 702].

г) 131. В 48. Особая копия с №№ 101–102, рукой С. А. Толстой, 1 л., без пагинации. Почти сплошь зачеркнут [л. 681].

132. В 98. То же (продолжение к № 131), рукой С. А. Толстой 4 лл., с пагинацией 3–10 (постраничная). Правка сплошная [лл. 836– 839].

д) 133. В 98а. Особая копия с №№ 129 и 131, рукой С. А. Толстой, 1 л., с пагинацией постраничной 1–2 (начало к № 132). Правка сплошная. Осн. гл. I, стр. 324, строки 8–11; стр. 325, строки 1–5; стр. 326, строки 1–7 и строки 26–29 [л. 835].

е) 134. В 28. Особая копия с № 109, рукой С. А. Толстой, 5 лл., без пагинации. На особом листе вставка с темой: жизнь человека, подчиненная закону разума, не может измеряться ни пространством ни временем. Осн. гл. XIV стр. 361, строки 4–21 [лл. 605–609].

IV. Рукопись частичных правок места стыка копий А и Б.

а) Место стыка, т. е. №№ 110 и 111, 112 были Толстым значительно поправлены черными чернилами и черным карандашом (вставки, сокращения, замены, перестановки, намечены к вводу новые евангельские цитаты о любви, и внесен лист автограф–вставка с темой: не всякий человек способен к самоотверженной любви). Затем с рукописей 110–112 сделана рукой С. А. Толстой особая копия на 18 лл., пронумерованная сверху по лл. 11, 0, 12, 2–15. Нумерация однако эта позднее сделана после правки полученной копии, листки коей первоначально лежали в таком порядке: 0, 3, 12, 2, 4, 12, 13, 10, 14, 9, 11, 15 и № 137; листы же 11, 5–8 особые автографические вставки (которые дошли до осн. текста: стр. 385, строка 22 по стр. 389, строка 14). Позже копия раздроблена в виде следующих кусков.

135. В 32. Копия с №№ 110–112, 12 лл., пагинация 11, 0, 12, 2–10. Сплошная крупная правка, вставные листы. Осн. гл. XXIII, стр. 388, строки 10–18; стр. 386, строки 25–28, гл. XXV, стр. 393, строки 19–26, 27–31 [лл. 617–628].

136. В 33. То же продолжение к № 135, 5 лл., пагинация 11–15. Правка

сплошь. Осн. гл. XXIII, стр. 387, строки 4–18, 26–38; стр. 388, строки 37–40; стр. 389, строки 4–9 [лл. 629–633].

137. В 47 лист 1. То же – продолжение к № 136, 1 л., без пагинации. Вставка [л. 675].

б) С предшествующей копии (№№ 135–137), сделана особая копия рукой С. А. Толстой, на 19 лл., без пагинации. Позже раздроблена на:

138. В 45. Копия с №№ 135–137, 7 лл., без пагинации. Большие перестановки, вставки. Осн. гл XXII, стр. 382, строки 9–19 [лл. 667–673].

139. В 72. То же – продолжение к № 138, 4 лл., пагинация позднейшая внизу: черным карандашом 60–64 (цыфра 62 по ошибке пропущена), вверху: 190–193 и ошибочно последние листы еще раз 192–193. Правка сплошь. Вычеркнуто целых 6 страниц с темой: неизвестен и неопределим критерий личного блага. Осн. гл. XXIII, стр. 386, строки 5–12 [лл. 760–763].

140. Г 45. То же – продолжение к № 139, 2 лл., пагинации позднейшие 194–197; 181–184; 220–223; 280–283; внизу черным карандашом 65–66 и красным карандашом 160–161. Правок немного. Осн. гл, XXIII, стр. 387, строка 37 по стр. 388, строка 6 [лл. 1028–1029].

141. В 73. То же – продолжение к № 140, 3 лл., пагинация позднейшая: внизу черным карандашом 67–69, вверху: 198–202. Правка сплошь. Осн. гл. XXIV, стр. 389, строки 29–38; стр. 391, строки 25–30 [лл. 764–766].

142. В 46. То же – продолжение к № 141, 1 л., пагинация позднее внизу черным карандашом 70. Правка сплошь [л. 674].

143. В 74 лл. 2–3. То же – продолжение к № 142, 2 лл., пагинация позднее 207–210; внизу черным карандашом 71–73. Правка сплошь. Осн. гл. XXIV, стр. 391, строки 31–33; стр. 392, строки 1–4, 9–15; гл. XXV, стр. 394, строки 1–8 [лл. 768–769].

V. Рукопись второй переделки 4-й редакции (общая правка).

После частичных поправок отдельных мест и подстановки на эти места правленных копий, 4-я редакция составилась из следующих кусков: вступление №№ 90, 126 и Статья 133, 132, 92, 127, 128, 94, 130, 96, 97, 98, 99, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 134, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 113, 114, 115. Рукопись В (№№ 116–125), как кажется, в этот просмотр не входила. Этот текст подвергнут крупнейшей переработке, в него внесено несколько заново написанных листков (таковы №№ 144, 145), произведена логико-стилистическая правка всего текста и совершенно перекомпонованы листы рукописи № 108. Получился текст второй переделки 4-й редакции. В сущности на долю ее приходится большая часть правок, отмеченных на только что перечисленных рукописях. Все куски, входящие во вторую переделку 4-й ред., уже описаны. Неописанными остаются вставки:

144. В 52 в. Автограф-вставка в № 128, 2 лл., без пагинации. Тема: определения жизни – ложное мудрование. Осн. в гл. IV, стр. 331 строка 33 по стр. 332 строка 6 [лл. 689–690].

145. В 54а. Автограф-вставка в № 130, 4 лл., с особой пагинацией 1–4, масса поправок. Осн. прибавл. 1, стр. 437 строки 3–7; Прибавл. II, стр. 437 строки 13–18; стр. 437 строка 37 по стр. 438 строка 12; стр. 438, строки 28–34. Осн. в гл. IV вставка стр. 333, строки 17 по стр. 334 строка 3 [лл. 698–701].

VI. Частичные правки второй переделки 4-й редакции.

а) Части №№ 92, 127, 128 (с вставкой 144); 94, 130 (с вставкой 145) перебелены рукой С. А. Толстой в виде особой копии, которая особо правлена Толстым и, позже разбитая на мелкие части, составляет следующие куски:

146. В 99 – 3 лл., пагинация рукой Толстого 11–15 (продолжение № 132), последний лист чистый не нумерован. Сокращения, правка стиля [840–842].

147. Г 4–2 лл., внутренние страницы их заклеены копией с них, писанной позже рукой А. М. Кузминского, пагинация Толстого 16–19 и внизу красным карандашом 27–28. Поправок немного, мелкие [лл. 893–894].

148. В 62–6 лл., пагинация Толстого на первом и последнем листах, постраничная 20–24. Средние пять листов вычеркнуты (тема: как познается жизнь). Осн. гл. IV, стр. 333, строки 10–15; Прибавление II, стр. 438, строки 22–28 [лл. 720–725].

149. В 100–3 лл. + последний чистый, пагинация Толстого 25–30 (чистый лист не нумерован). Вставки и стилистические поправки. Осн. прибавление I, стр. 436, строки 19–23; 32–37 [лл. 843–845].

б) Часть № 96 и вся 97 перебелены рукой С. А. Толстой в виде особой копии и особо правлены Толстым. Эта копия разбита позже на куски:

150. В 105–2 лл., пагинация Толстого 33–36. Правки значительные, вставки. Осн. в гл. III стр. 330 строки 13–22 [лл. 858–859].

151. В 81–1 л., пагинация Толстого 37–38. Сокращение текста [л. 786].

в) 152. В 80. Особая копия с № 99 рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинация Толстого 45–48. Правки логико-стилистические [лл. 784–785].

г) 153. В 3. Особая копия с вставки на последнем листе № 100 и с одного листа № 101, рукой С. А. Толстой, 1 л., пагинация Толстого 55–56. Эта копия снабжена большой вставкой на поле и особом листе (последний пока в рукописях не найден). Осн. прибавл. III, стр. 439, строки 7–16, 28–30 [л. 521].

д) С частей №№ 107, 108, 134 была сделана особая копия рукой С. А. Толстой (а в средней части рукой А. М. Кузминского), на 43 лл. без особой пагинации и, повидимому, сначала правлена Толстым не очень значительно. Позже на рассыпанные листки этой копии в последующих этапах наложены Толстым более значительные исправления. Эти рассыпанные листки копии — следующие:

154. В 25 — 1 л., пагинация Толстого 69—70. Правка стилистическая [л. 571].

155. В 40 — 1 л., без пагинации. Правлен сплошь [л. 652].

156. В 41 — 1 л., без пагинации. Правлен сплошь [л. 653].

157. В 68а — 1 л., без пагинации. Сокращение и вставка. Осн. гл. XXI, стр. 378, строки 14—21 [л. 753].

158. В 78 — 2 лл., пагинации все позднейшие: внизу черным карандашом 1—2, вверху: 77—79; 123—125; 133—135. Правка мелко-стилистическая [лл. 780—781].

159. В 56 — 4 лл., пагинации позднейшие: внизу 3—6, вверху 80—87; 126—133; 136—143. Правка чернилами и карандашом значительная. Осн. гл. XV, стр. 364, строки 8—16; стр. 365, строки 9—18; гл. XVI, стр. 366, строки 4—9 [лл. 706—709].

160. В 15 — 3 лл., пагинации позднейшие: внизу 7—9, вверху 88— 93; 134—139; 144—149; 158—163. Перестановки и правка стиля. Осн. гл. XVI, стр. 367, строки 26—29; гл. XVII, стр. 368, строки 26—32 [лл. 546—548].

161. В 96 — рукой А. М. Кузминского, 1 л., пагинации позднейшие: внизу 10, вверху: 94—95; 78—79; 89—90. Вставка [л. 833].

162. Г 16 — почерком тем же что № 161, поправки Толстого переписаны другой рукой и вклеены тут же, 2 лл., пагинации позднейшие: внизу 11—12; окончательная 78—79; вверху: 96—99; 80—83; 91—94; 110—113. Правок немного [лл. 946—947].

163 В 42 — 6 лл., первые 5 лл. тем почерком, что 161—162, а л. 5 об., 6 рукой С. А. Толстой. Без пагинации. Вставки и стилистические поправки. Осн. гл. XI, стр. 349 строка 36 по стр. 350 строка 21 [лл. 654—659].

164. В 43 — рукой С. А. Толстой, как и все последующие рукописи, 4 лл., пагинация позднее внизу черн. карандашом 21—24. Правка некрупная. Осн. гл. XII, стр. 355, строки 23—29, 36—40; гл. XIII, стр. 356, строки 6—10, 12—14 [лл. 660—663].

165. В 44 — 3 лл., без пагинации. Правка некрупная. Осн. гл. XIII, стр. 357, строки 8—11; стр. 357 строка 36 по стр. 358 строка 2 [лл. 664—666].

166. В 77 — 5 лл., пагинации позднейшие: внизу 30—34, вверху: 133—

142; 117–126. Правка стилистическая. Осн. гл. XIII, 358 строки 20–22, 31–33 [лл. 775–779].

167. В 67–4 лл. (ив них один вставка) без пагинации. Текст почти весь вычеркнут, вписан заново на полях и особом листке. Осн. гл. XIV стр. 362 строки 1–15; 28–35; стр. 361 строки 28–31; 38–40; гл. XXI стр. 378 строка 39 по стр. 379 строка 3; стр. 379 строки 8–9, 13–16, 20–25; стр. 379 строка 37 по стр. 380 строка 40 [лл. 743–746].

168. В 68–6 лл., без пагинаций. Крупная переделка. Часть главы написана заново на особом листе (6-й). Осн. гл. XX стр. 375 строки 20–23; стр. 375 строка 30 по стр. 376 строка 3; стр. 376 строки 9–13; 22–29; гл. XXI стр. 377 строка 14 по стр. 378 строка 30 [лл. 747–752].

169. Г 34 лл. 1–2, – 2 лл., пагинации позднейшие; внизу 42–43, окончательная 134–135; вверху 155–158; 148–151; 166–169; 180–183; 224–227. Правок немного. Собственно эти листки должны в копии находиться между лл. 2 и 3 № 168 [лл. 1002–1003].

е) Некоторые из мелких частей предшествующей копии (д) были перебелены и правлены особо. Разбитые позже на мелкие листки они получили ряд позднейших наслоений поправок Толстого. Эти частичные копии следующие:

Особая копия с последнего листка № 107 и с №№ 155, 156 рукой С. А. Толстой находится в кусках:

170. В 25. См. выше № 154. Сюда перенесен как начало и на обороте начат новый текст копии.

171. В 7–1 л. (продолжение к № 170), пагинации позднейшие: 71–72; 81–82. Правка стилистическая [л. 527].

172. В 64–2 лл., пагинация позднейшая: 73–76. Правка значительная [лл. 732–733].

Особая копия с №№ 163, 164, 165, рукой С. А.Толстой находится в кусках:

173. В 10–7 лл., пагинации позднейшие: внизу черным карандашом

13–19, вверху 100–113, 84–97; 95–108. Правка, сокращение и стиль. Осн. гл. XI стр. 349, строки 26–29 [лл. 531–537].

174. В 26–3 лл., пагинации позднейшие: внизу черным карандашом 20–22; вверху 114–119; 98–103. Правки небольшие. Осн. гл. XII стр. 353 строки 4–5, 11–14; стр. 354 строки 9–17; стр. 355 строки 1– 4; 21–22 [лл. 572–574].

175. В 12–1 л., пагинации позднейшие: внизу черным карандашом 23; вверху: 120–121; 104–105; 106–107; 117–118. Текст весь перечеркнут черным карандашом [л. 540].

176. Г 18а – 1 л., пагинации позднейшие: внизу черным карандашом 24; окончательная 91; вверху: 122–123; 106–107; 108–109; 119–120; 135–136. Сплошь правлен [л. 960].

177. Г 20–2 лл., пагинации позднейшие: внизу черный карандашом 25–26; окончательная 97–98; вверху: 124–127; 108–111; 110–113; 121–124; 145–148. Правка – сокращение и стилистическая [лл. 966–967].

178. В 13–3 лл., пагинации позднейшие: внизу черным карандашом 27–29, вверху: 128–132; 112–116; 114–119; 125–130. Копия кончалась листом третьим с чистым оборотом, который был заполнен позже. Правки стилистические. Осн. гл. XIII стр. 357 строки 16–21; стр. 358 строка 39 по стр. 359 строка 2 [лл. 541–543].

Особая вставка в конец № 168:

179. В 69. Автограф, 2 лл., оборот второго чистый, без пагинации, испещрен поправками. Он дошел до осн. текста без больших изменений; в гл. XXII вся страница 381 и вся стр. 382 [лл. 754–755].

Особая копия с 167, 168 и 179, рукой С. А.Толстой, в кусках:

180. Г 24–3 лл., пагинации позднейшие: внизу черным карандашом 35–37; окончательная 106–108; вверху: 143–148; 127–132; 130–135; 141–146; 173–178. Правка небольшая [лл. 975–977].

181. В 57–3 лл., средний лист – вставка, пагинация внизу черным карандашом 38–39; вверху: 149–152; 140–143; 150–153. Правка значительная. Тема вставки: отречение от блага личности дает человеку удовлетворение разумному сознанию. Осн. гл. XVIII несколько строк из вставки; гл. XIX стр. 374 строки 8–33: гл. XX стр. 375 строки 4–5 [лл. 710–712].

182. Г 33–2 лл., пагинации позднейшие: внизу черным карандашом 40–41; окончательная: 132–133; вверху 153–156; 144–147; 154–157; 162–165; 176–179; 220–223. Поправок немного [лл. 1000–1001].

183. Г 34–3 лл. (сюда вошел № 169 плюс один лист новый), пагинации позднейшие: внизу 42–44; окончательная 134–136, 157–162; 148–153; 158–163; 166–171, 180–185; 224–229. Правок немного. Осн. гл. XX, стр. 377, строки 8–10 [лл. 1002–1004].

184. Г 35–2 лл., пагинация позднее: внизу черным карандашом 45–46; окончательная 138–139; вверху: 163–166; 154–157; 164 без дальнейшей пагинации на других листах; 174–177; 188–191; 231–234. Правок немного. Осн. гл. XXI, стр. 377 строки 18–20; стр. 378 строки 30–39 [лл. 1006–1007].

185. Г 37–2 лл., пагинации позднее: внизу черный карандаш 47–48; окончательная 141–142; вверху: 167–170; 158–161; 178–181; 192–195; 237–240 правок немного. Осн. гл. XXI стр. 379 строки 33–37 [лл. 1009–1010].

186. В 17–2 лл., пагинация позднее: внизу черным карандашом 49–50;

вверху: 171–174; 162–165; 182–185; 196–199. Поправок немного. Осн. гл. XXII стр. 381 строки 23–25 [лл. 552–553].

187. В 58–2 лл., пагинации позднейшие: внизу черным карандашом 51–52; вверху 175–178, 166–169. Осн. гл. XXII стр. 382 строка 39 по стр. 383 строка 5 [лл. 713–714].

188. В 55 лист 1–1 л., пагинации позднее: внизу черным карандашом 53; вверху нет. Текст почти сплошь вычеркнут [л. 703].

ж) С рукописи № 113, к которой вначале присоединена рукопись № 137, сделана рукой С. А. Толстой особая копия, которая составляется из кусков:

189. Г 48–4 лл., пагинация позднее: внизу черным карандашом 74–77 и окончательная 173–176; вверху: 211–218; 202–209; 246–253; 306–313. Правка стилистическая [лл. 1041–1044].

190. В 75–4 лл. (оборот 4-го чистый), пагинация позднее: внизу черный карандаш 78–81; вверху 219–225. Правки значительные. Осн. гл. XXVII, стр. 398, строки 18–24; стр. 398, строка 27 по стр. 399 строка 5, стр. 401 строки 16–17; стр. 400 строки 30–40, стр. 401 строки 4–14, стр. 401 строки 23–27, 28–30 [лл. 770–773].

з) Особо была сделана и правлена копия с части № 138, рукой С. А. Толстой и хранится в кусках:

191. В 55, лл. 2–3–2 лл., пагинации позднее: внизу черным карандашом 54–55; вверху без пагинаций. Правка сплошь [лл. 704–705].

192. В 70–2 лл., пагинации позднее: внизу черным карандашом 56–57; вверху 183–186. Правка значительная [лл. 756–757].

193. В 71–2 лл., пагинация позднее: внизу черным карандашом 58–59; вверху 187–189 (последняя страница чистая не нумерована). Правка крупная. Осн. гл. XXIII, стр. 388, строки 32–37; стр. 389, строки 11–16 [лл. 758–759].

и) После того как были произведены правки копий б, д, е, ж, з, С. А. Толстая присоединила к ним остатки рукописи Б (№№ 114, 115) и полученную сумму рукописей пронумеровала черным карандашом внизу по лл. 1–83. Таким образом некоторая группа листков срединных объединилась в особую рукопись. Рукопись эта сборная составилась последовательно так: №№ 158 (пагин. 1–2), 159 (пагин. 3–6), 160 (п. 7–9), 161 (п. 10), 162 (п. 11–12), 173 (п. 13–19), 174 (п. 20–22), 175 (п. 23), 176 (п. 24), 177 (п. 25–26), 178 (п. 27–29), 166 (п. 30–34), 180 (п. 35–37), 181 (п. 38–39), 182 (п. 40–41), 183 (п. 42–44), 184 (п. 45–46), 185 (п. 47–48), 186 (п. 49–50), 187 (п. 51–52), 188 (п. 53), 191 (п. 54–55), 192 (п. 56–57), 193 (п. 58–59), 139 (п. 60–64), 140 (п. 65–66), 141 (п. 67–69), 142 (п. 70), 143 (п. 71–73), 189 (п. 74–77), 190 (п. 78–81), 114 (п. 82), 115 (п. 83).

к) Наконец из сборной рукописи уже после ее составления были скопированы и отдельно правлены №№ 188, 191 и 142 и 138, именно:

194. В 18. Особая копия с № 188, 191, рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинации позднейшие вверху: 179–182; 170–173; 190–193; 204–207. Правка значительная [лл. 554–555].

195. В 60. Особая копия с части рукописей №№ 142, 138, вызванная большой перестановкой текста; рукой С. А. Толстой, 1 л., с пагинацией внизу черным карандашом повторной 70 и вверху позднейшими: 203–204; 195–196; 234–235. Правок немного [л. 716].

196. В 74, л. 1. То же — продолжение к № 195, рукой С. А. Толстой, 1 л., пагинация внизу черным карандашом 71, вверху позднее рукой Толстого. 205–206. Сплошь правлена [л. 767].

Пятая редакция (третья сводная).

α) Текст пятой редакции.

Обновленный частичными правками текст 4-й редакции Толстой сводит воедино и собственноручно густыми коричневыми чернилами вверху постранично пронумеровывает: 1–289 страниц. Законченное совершенно в 4-й редакции вступление из пятой редакции временно откладывается. Текст рукописи пятой редакции складывается из следующих частей рукописи из вышеописанных (в скобках указаны страницы новой Толстовской пагинации;: №№ 133 (1–2), 132 (3–10), 146 (11–15), 147 (16–19). 148 (20–24), 149 (25–30), 96 (31–32), 150 (33–36), 151 (37–38), 98 (39–44), 152 (45–48), 100 (49–54), 153 (55–56), 105 (57–58), 103 (59–60). 104 (61–62), 106 (63–68), 154 (69–70), 171 (71–72), 172 (73–76), 158 (77–79), 159 (80–87), 160 (88–93), 161 (94–95), 162 (96–99), 173 (100–113), 174 (114–119), 175 (120–121), 176 (122–123), 177 (124–127), 178 (128–132), 166 (133–142), 180 (143–148), 181 (149–152)т 182 (153–156), 18 (157–162), 184 (163–166), 185 (167–170), 186 (171–174), 187 (175–178), 194 (179–182), 192 (183–186), 193 (187–189), 139 (190–193), 140 (194–197), 141 (198–202), 195 (203–204), 196 (205–206), 143 (207–210), 189 (211–218), 190 (219–225), 114 (226–227), 115 (228–233), 116 (234), 117 (235–238), 118 (239–242), 119 (243–250), 120 (251–256), 121 (257–258), 124а (259–262), 123 (263–287), 124 (288–289).

В этот полный текст пятой редакции Толстой вносит две крупных вставки. Одна после страницы 54 (№ 100) — пока среди рукописей не найдена. Другая интересная тем, что это — листки, извлеченные из второй переделки первой редакции (№№ 10 и 11). Они включены после № 104 с надписью Толстого: «Вставка 3 листков между 62 и 63», тема этой вставки противоречие и раздвоение животной и разумной личностей в человеке.

β) Частичные правки пятой редакции.

Правочная работа ведется по четырем большим кускам: I — страницы 1—60 пагинации пятой редакции, II — страницы 61—76, III — страницы 77—242 и IV страницы 243—289.

I. Правки первого куска текста (страница 1—60).

а) 197. Г 3. Особая копия с №№ 133, 132, 146 (стр. 1—15), рукой С. А. Толстой, 8 лл., пагинация 1—15 (последний лист 151. 152), внизу красным карандашом окончательная 19—26 (первые 1—18 относятся к вступлению). Правка небольшая стилистическая [лл. 885—892].

б) 198. Г 4 (внутренние наклеенные листы). См. выше № 147. Копия с двух страниц 17—18, скопированная рукой А. М. Кузминского и тут же наклеенная, 2 лл., писаны с внутренней стороны, пагинация вверху рукой не Толстого 17—18. Без поправок [лл. 893 об. — 894].

в) 1. С рукописи №№ 148, 149, 96 (стр. 20—32) рукой С. А. Толстой сделана особая копия без пагинации и правлена Толстым. Она хранится в разбитых кусках:

199. В 87 лист 8, 1 л., с пагинацией позднее 21—22. Правка и перестановка [л. 812].

200. Г 6, 1 л., с пагинацией 23—24 и более поздней 35. Вставки и перестановка [л. 903].

201. В 88, лист 1, 1 л., с пагинацией 25. Перестановки, вставка [л. 814].

202. В 87, лл. 5—6, 2 лл., без пагинации, сплошь правлена, перестановки [лл. 809—810].

203. Г 6 а. 2 лл., пагинация более поздняя 36—39, внизу окончательная 37—38. Правок немного [лл. 904—905].

204. В 87, лист 9, 1 л., без пагинации, большая вставка в полторы страницы [л. 813].

205. В 88 лист 2-й, 1 л., автограф-вставка в № 201, 1 л., без пагинации. Осн. прибавл. 1, стр. 435 строки 30—33; стр. 435 строка 36 по стр. 436, строка 9 [л. 815].

2. С отдельных листов предшествующей копии (с №№ 199—205), сделаны частичные копии, именно:

206. В 87, лл. 1—4. Особая копия частей №№ 199—201, рукой С. А. Толстой, 4 лл. (один лист вставка-автограф, без пагинации). Правка значительная [лл. 805—808].

207. В 87, л. 7. Особая копия с части № 200, рукой С. А. Толстой, 1 л., без пагинации. Вставка [л. 811].

3. 208. В 87. Сводная рукопись, составленная из 206, 202, 207, 203, 204. Осн. Прибавл. 1, стр. 435 строки 18—29; стр. 436 строки 11—18;

прибавл. 2-е, стр. 437 строки 26–33; стр. 438 строки 15–20 [лл. 805–813].

4. С отдельных листов сводной рукописи № 208 рукой С. А. Толстой сделаны частичные копии, именно:

209. Г 5, лл. 1–8. Копия с №№ 206, 202, 207, 8 лл., с новой пагинацией 20–34 и внизу окончательной 29–36. Осн. прибавление 2-е, стр. 437 строки 33–37 [лл. 895–902].

210. Г 5, лл. 9–10. Копия с конца № 203 и с № 204, 2 лл., с пагинацией 40–43 и окончательной внизу: 39–40. Поправки значительные [лл. 906–907].

5. 211. Сводная рукопись, составленная из №№ 209 (пагин. 20–34), 200 (перенесенная сюда механически и обозначенная страницей 35), 203 (перенесена из 208 с пагинацией 36–39) и 210 (с пагинацией 40–43).

Таким образом стр. 20–32 пятой редакции увеличились до 20–43.

г) 1. С рукописи № 150 (стр. 33–36) рукой С. А. Толстой сделана особая копия, хранящаяся в кусках:

212. Г 7–1 л., с пагинацией 44–45, перед которой добавлены цыфры 40, 41, 42, 43, внизу окончат. 41. Сокращения и поправки стиля [л. 908].

213. В 79–2 лл., без пагинации. Большие вставки. Осн., гл. III стр. 330 строка 31 по стр. 331 строка 17 [лл. 782–783].

2. 214. Г 7 а. Особая копия с № 213, рукой С. А. Толстой, 3 лл., с пагинацией Толстого вверху 46–51 и внизу окончательной 42–44. Правка стилистическая [лл. 909–911].

д) 215. Г 9. Особая копия с №№ 152, 151 (стр. 45–48 и 37–38) (т. обр. переставленных), рукой С. А. Толстой, 4 лл.,с пагинацией Толстого вверху 58–64 (об. последнего листа ненумерован) и внизу окончательной 48–51. Почти без поправок. На последней странице этой рукописи набросан рукой Толстого конспект первых шести глав книги. (Издаем выше среди черновиков на стр. 594 под № 6) [лл. 915–918].

е) 216. Г 11. Особая копия с конца № 100 и с № 153, неизвестной рукой, 2 лл., с пагинацией, повторяющей № 153, т. е. 55–57, 57/2 и новой Толстого 71–74, вниву окончательная 55–56. Поправок немного, стилистические [лл. 922–923].

ж) 217. Г 12. Особая копия с №№ 105 и 103, рукой С. А. Толстой, 2 лл., с пагинацией продолжающей № 216: 57/3, 58, 60 и позднее Толстого: 75–78. Внизу 57–58. Несколько вставок [лл. 924–925].

218. Г 12. Особая копия с последнего листа № 217, рукой неизвестной,. 2 лл., первый лист приклеен к об. 2-го листа № 217, пагин. 78/1 79/2. Без поправок [лл. 925 об., 926].

з) Результатом работы над первым куском получилась сводная рукопись,

состоящая из №№ 197 (новая пагин. 1–15), 147 (с включением 198: пагин. 16–19), 211 (паг. 20–43), 212 (п. 44–45), 214 (п. 46–51), 98 (перенос механический с паг. 52–57), 215 (п. 58–64), 100 (п. 65–70), 216 (п. 71–74), 217–218 (п. 75–79).

II. Правки второго куска текста (страницы 61–76).

а) С №№ 104, 10 лист 1 (стр. 61–62) рукой С. А. Толстой сделана особая копия в кусках:

219. В 101, л. 1–1 л., пагинация позднейшая 61–62; 79–80. Правки значительные, вставка [л. 846].

220. В 4 л. 1 – (продолжение к № 219) – 1 л., с пагинацией 63–64. Правка значительная [л. 522].

б) С №№ 10 (лл. 2–3) и 106, 154 (стр. 63–70) рукой С. А. Толстой – особая копия на 7 лл. в рукописях:

221. В 4, л. 2-й – 1 л., пагинация 67–68; 65–66. Сплошь правлено [л. 523].

222. В 90 – 1 л., пагинация 69–70. Сплошь правлен. Осн. гл. IX, стр. 346 строки 22–38 [л. 819].

223. В 5–2 лл., пагинация 71–74 (на последнем листе еще 75). Правка значительная. Сокращение [лл. 524–525].

224. В 92–2 лл.; пагинация 75/2, 76–78. Правка сплошь [л. 824].

225. В 6–1 л., пагинация 79–80. Правка значительная, вставка [л. 526].

в) С № 172 (стр. 73–76) рукой С. А. Толстой – особая копия на 3 лл. в виде:

226. В 94–2 лл., пагинация повторяется 73–76 и новая 83–86 и еще более поздняя 84/2, 84/3, 85. Правка сплошь [лл. 829–830].

227. В 8–1 л., пагинации 76, 77; 87–88. Правка сплошь [л. 528].

г) 228. Сводка предшествующей работы в виде кусков №№: 219, 220, 11 (с новой пагинацией 65–66), 221–225, 171 (с новой пагинацией 81–82), 226–227. Эта сводная рукопись таким образом получила новую пагинацию 61–88 (рукой Толстого).

д) Сводка № 228 подвергается частичным правкам, именно:

1. Начало меняет пагинацию № 219 (сохраняет 61–62), 220 (нов. паг. 63), 11 (63–64), 221 (нов. паг. 65–66), 222 (сохраняет 69–70).

2. С №№ 223 и частично 220–221 (с новой пагинацией) делается неизвестной рукой копия в виде:

229. В 89–5 лл. (одна вставка), пагинация 65–70, 73–74. Сплошь правлен, перестановки. Осн. гл. IX, стр. 346, строки 1–11; стр. 346 строки 13–19 [лл. 816–818; 820–821].

230. В 91–2 лл. – автографическая вставка, пагинация на одном листе 75/1. Осн. гл. VII, стр. 342, строки 1–8; гл. VIII, стр. 343, строки 29–30 [лл. 822–823].

3. № 224 продолжает новую пагинацию: 75/2, 76–78.

4. 231. В 93. Копия с №№ 225, 171, неизвестной рукой (той же что и 229–230), 3 лл., пагинация 79–83, 84/1. Правка сплошь, вставки [лл. 826–828].

5. № 226 меняет пагинацию на 84/2, 84/3, 85.

6. 232. В 95. Копия с последней страницы № 226 и со всего № 227 той же рукой, что № 231, 2 лл., пагинация 86–88. Правка сплошная с большой вставкой [лл. 831–832].

7. 233. Получился новый сводный текст №№ 219, 11, 222, 229, 230, 224, 231, 226, 232 с новой пагинацией 61–88, дающий внутри полную переработку текста.

е) 234. В 101, лл. 2–5. Особая копия с № 11, рукой С. А. Толстой, 4 лл., новая пагинация 81–87 (последняя страница чистая и без пагинации). Правка значительная. Осн. гл. VII, стр. 342 всё примечание [лл. 847–850].

ж) Объединение начала № 233 (после замены в ней части текста номером 234) новой пагинацией, продолжающей полученные результаты работы над первым куском, т. е. дается пагинация № 219 (79–80), № 234 (81–87). Пагинация обрывается

з) Окончательная копия с полученной в этапах д, е, ж работы:

235. Г 13. Копия с №№ 219 и 234, четырьмя почерками (в том числе С. А. Толстой), 8 лл., пагинация вверху 80–88 (с промежуточными приставными цыфрами), внизу окончательная 59–66. Без поправок [лл. 927–934].

236. Г 14. Копия (продолжение к № 235) с №№ 229, 222, 230, 224, 231, 226, 232, рукой С. А. Толстой, 10 лл.; пагинация вверху 89–107, внизу окончательная 67–76. Правки стилистические и немного. Целая глава 11 (лл. 6–10) помечена черным карандашом позднее в шестой редакции книги к пропуску. Пропущенный текст издается нами на стр. 608 под № 8 черновых вариантов [лл. 935–944].

III. Правка третьего куска текста (страницы 77–234 и 235–242).

В работе над этим большим куском книги имеется четыре этапа:

Первый этап: частичные правки и общая смена пагинации. Если пагинацию 5-й редакции называть первой, то вторая сделана тоже рукой

Л. Н. Толстого вверху постранично чернилами. Отдельные ее моменты:

а) Стр. 77–93 (№№ 158–160) переставлены после стр. 148 (№ 180), и эта перестановка сохраняется в последующей работе.

б) Стр. 77–182 меняют пагинацию без новых перебелок текста. После перестановки ставшая началом рукопись № 161 получает пагинацию 78–79, связываясь со вторым куском в том его виде, когда он оканчивался 77-й стр. в № 227, т. е. до сводки № 228. Следовавшие за № 161 рукописи соответственно меняли пагинацию: 162 (новая пагинация: 80–83), 173 (84–97), 174 (98–103), 175 (104–105), 176 (106–107), 177 (108–111), 178 (112–116), 166 (117–126), 180 (127–132), 158 (вследствие неверно прочтенной цыфры 132 новая пагинация 123–125), 159 (продолжает ошибку: 126–133), 160 (134–139), 181 (140–143), 182 (144–147), 183 (148–153), 184 (154–157), 185 (158–161), 186 (162–165), 187 (166–169), 194 (170–173).

в) Последующие страницы: 183–234 также меняли эту пагинацию на вторую, но предварительно отдельные рукописи копировались и правились особо. Новые копии следующие:

237. В 19. Особая копия с №№ 192, 193, рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинации 174–177; 198–201; 212–215. Значительные вставки и перестановки [лл. 556–557].

238. Г 44. Особая копия с № 139, рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинации внизу: окончательная: 158–159, вверху 178–180; 202–205, 216–219; 277–279. Правки стилистические [лл. 1026–1027].

239. Г 46. Особая копия конца № 140 и с № 141, рукой С. А. Толстой. 5 лл., пагинации: внизу окончательная 162–166, вверху: 185–194; 224–233; 284–293. Правка стилистическая (лл. 1030–1034].

240. В 61. Особая копия с №№196, 143, рукой С. А. Толстой, 3 лл., пагинации: 196–201; 236–240. Правка крупная, большая вставка с темой: любовь юности подобна ростку, который постепенно захватывают руками люди. Осн. гл. XXIV, стр. 391, строки 33–40; гл. XXV, стр. 393, строки 9–14 и страница 394 строка 13 по стр. 395 строка 7 [лл. 717–719].

Особая копия с № 190, рукой С. А. Толстой на 3 лл., в виде кусков:

241. В 20–1 л., пагинация 210–211; 254–255. Правка значительная [л. 558].

242. Г 51–2 лл., пагинации вверху: 212–215; 256–259; 262–264; 322–325 и окончательная внизу 181–182 [лл. 1049–1050].

Особая копия с №№ 114, 115, 116, рукой С. А. Толстой, на 10 лл. в кусках:

243. Г 50–2 лл., пагинации: 216–219; 260–263; 258–261; 318–321, внизу окончательная 179–180. Правка стилистическая [лл. 1047–1048].

244. В 21–1 л., пагинации: 220–221; 264–265. Правка сплошь. Осн. гл. XXVIII, стр. 402, строки 6–15 [л. 559].

245. В 65–7 лл. (два – вставка), пагинации: 222–231; последующая лишь на первом листе: 266. Правка сплошная. Тема вставных листов, жизнь – особенное отношение человека к миру, которое он не может потерять. Осн. гл. XXIX, стр. 407, строки 5–9; стр. 408, строка 39 по стр. 409, строка 4; гл. XXX несколько строк [лл. 734–740].

Таким образом эти копии вместе с перенесенными механически частями составляют следующее продолжение к предшествующим страницам (б): №№ 237 (с второй пагинацией 174–177), 238 (178–180), 140 (181–184), 239 (185–194), 195 (195–196), 240 (196 bis–201), 189 (202–209) ,241 (210 – 211), 242 (212–215), 243 (216–219), 244 (220–221), 245 (222–231).

г) В полную рукопись первого этапа, содержащую страницы 78–231 второй пагинации была внесена вставка:

246. В 59. Автограф–вставка между стр. 173–174 (между № 194 и 237) 1 л., без пагинации. Вошла в осн. гл. XXIII стр. 383 строка 32 по стр. 384 строка 38 [л. 715].

д) В первом этапе работы над второй пагинацией Л. Н. Толстой пишет конспект всей книги. Это рукопись:

247. В 1. Автограф – конспект всей книги, 10 лл., без пагинации, писан по обеим сторонам листов темно-коричневыми чернилами. Издается нами на стр. 595 под № 7 черновых вариантов, содержит 33 главы [лл. 510–519].

е) Заметив ошибку во второй пагинации Толстой собственноручно ее исправляет, перенумеровывая ряд рукописей третьей пагинацией (коричневые чернила). Так исправляются пагинации у рукописей: 158 (новая пагинация 133–135), 159 (136–143), 160 (144–149), 181 (150–153), 182–185 (154–164), и на этом третья пагинация обрывается.

Второй этап: новый просмотр всего куска сначала и правка отдельных его кусков, а также новая перенумеровка страниц (четвертая пагинация) рукой С. А. Толстой лиловато-синими чернилами. Имеем:

а) Новые копии и правки отдельных мест куска г:

1. С конца ркп. № 173 и со всей № 174 рукой С. А Толстой особая копия на 4 лл., в кусках:

248. В 11 – 2 лл., пагинация 98–101; 109–112. Правка значительная. Осн. гл. XII, стр. 353 строки 15–22; стр. 354 строки 19–23; строки 32–33 [лл. 538–539].

249. Г 19 – 2 лл., пагинации 102–105; 113–116; , 142–144 и внизу окончательная 95–96 [лл. 964–965].

2. С № 166, рукой С. А. Толстой – особая копия на 5 лл. в рукописях.

250. В 14–2 лл., пагинация 120–123; 131–134. Правлена сплошь [лл. 544–545].

251. Б 6–2 лл., пагинация 124–127; 135–138; 159–170. Правка значительная [лл. 369–370].

252. Г 23–1 л., пагинация 128–129, 139–140; 171–172 и в обведенном круге (162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170) внизу окончательная 105. Правка стилистическая [л. 974].

3. 253. Г 25. Особая копия с конца № 180 и с № 158, рукой С. А. Толстой 1 л., пагинация 136–137; 147–148, 179–180, внизу окончательная 109. Правка, сокращения [л. 978].

4. С конца № 158 и со всей № 159 особая копия рукой С. А. Толстой на 5 лл., в кусках:

254. В 97–1 л., пагинации 138–139; 149–150. Большая вставка. Осн. гл. XV, стр. 363, строки 12–22 [лл. 834].

255. Г 26а – 4 лл., пагинации 140–143 (полистно); 151–157; 184–191, внизу окончательная 112–115 [лл. 981–984].

5. С конца № 160 и со всей № 181 особая копия рукой С. А. Толстой на 5 лл. в кусках:

256. В 16–3 лл., пагинации: 150–155; 164–169. Правка значительная. Осн. гл. XVIII стр. 370 строка 33 по стр. 371 строка 13; гл. XIX, стр. 374 строки 1–5 [лл. 549–551].

257. Г 30–1 л., пагинации: 156–157; 170–171; , 212–213, внизу окончательная 127. Правка стиля [л. 995].

258. Г 32–2 лл., пагинации: 158–161; 172–175; 217–219, внизу окончательная 130. Правка, сокращение [лл. 998–999].

6. 259. Г 34а. Особая копия с вставки в № 183 рукой С. А. Толстой – 1 л., пагинации: 172–173; 186–187; 230 и внизу окончательная 137. Поправки стилистические [л. 1005].

7. 260. Г 40. Особая копия с № 187, рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинации: 186–189; 200–203; , , , 203; 260–263: внизу окончательная 149–150. Перестановка и сокращение [лл. 1017–1018].

8. 261. Г 42. Особая копия с конца № 194 и с вставки № 246, рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинации 194–197; 208–211; 267–270; внизу окончательная 153–154. Правка незначительная [лл. 1021–1022].

б) Четвертая пагинация, давшая такой вид рукописи куска: 161 (сохраняет стр. 78–79), 162 (сохраняет 80–83), 173 (сохраняет 84–97), и все последующие рукописи меняют пагинацию на новую, именно: №№ 248 (пагинация 98–101), 249 (102–105), 175 (106–107), 176 (108–109), 177 (110–113), 178 (114–119), 250–252 (120–129), 180 (130–135), 253 (136–137), 254 (138–139), 255 (140–143), 160 (144–149),

256–258 (150–161), 182 (162–165), 183 (166–171), 259 (172–173), 184 (174–177), 185 (178–181), 186 (182–185), 260 (186–189), 194 (190–193), 261 (194–197), 237 (198–201), 238 (202–205). На этом четвертая пагинация обрывается, охватив 78–205 страниц.

Третий этап: полная новая перенумерация страниц, связывающая наш кусок со вторым куском в этапе, когда последний оканчивался 88-й страницей (с № 233). Эта пятая пагинация рукой С. А. Толстой коричневыми чернилами, в конце лилово-синими, большей частью по цыфрам четвертой пагинации. В конце в пятую пагинацию включаются страницы 235–242 пятой редакции, причем они частично перебелены и поправлены Толстым. Таким образом имеем:

а) С куска № 245 (конец первого этапа обработки) и с остававшейся нетронутой от пятой редакции рукописи № 117 делается копия рукой С. А. Толстой, находящаяся в кусках:

262. В 22–4 лл., пагинация 266–273. Сплошь правлена, сокращения, вставки. Осн. гл. XXVIII стр. 403 строки 4–8; 14–20, 33–38 [лл. 560–563].

263. Г 54–3 лл., пагинации 274–279; 342–347. Правка значительная. Осн. гл. XXIX стр. 407 строки 20–28; стр. 409 строки 6–10 [лл. 1059–1061].

264. В 82–3 лл., пагинация 280–285. Правка сплошь, вставки. Осн. гл. XXX стр. 410 строки 2–6; 7–16; стр. 411 строки 2–6, 10–15, 16–20; стр. 409 строки 15–30 [лл. 787–789].

б) Новая пятая пагинация объединяет рукописи следующим образом: №№ 161 (нов. паг.: 89–90), 162 (91–94), 173 (95–108), 248 (109–112), 249 (113–116), 175 (117–118), 176 (119–120), 177 (121–124), 178 (125–130), 250–252 (131–140), 180 (141–146), 253 (147–148), 254 (149–150), 255 (151–157), 160 (158–163), 256 (164–169), 257 (170–171), 258 (172–175), 182 (176–179), 183 (180–185), 259 (186–187), 184 (188–191), 185 (192–195), 186 (196–199), 260 (200–203), 194 (204–207), 261 (208–211), 237 (212–215), 238 (216–219). Здесь кончалась четвертая пагинация, но пятая захватывает текст дальше именно сводку первого этапа группу в №№ 140 (нов. паг. 220–223), 239 (224–233), 195 (234–235), 240 (236–240), 189 (ошибочно: 246–253), 241 (254–255), 242 (256–259), 243 (260–263), 244 (264–265), и далее прибавлена новая копия: 262 (266–273), 263 (274–279), 264 (280–285) и еще № 118 (286–289). Так составился полный текст третьего куска текста со страницами 89–289.

Четвертый этап: Толстой отдает в перебелку отдельные листы текста пятой пагинации, правит их и объединяет всю рукопись шестой новой пагинацией, связывая ею текст третьего куска с последней пагинацией первых двух (т. е. с ркп. № 236, которая кончалась страницей 107). Шестая последняя пагинация сделана рукой неясно чьей, может быть, С. А. Толстой, темными чернилами, следовательно имеем:

а) Копии и правки отдельных листков текста б третьего этапа:

1. 265. Г 15. Особая копия с № 161, рукой С. А. Толстой, 1 л., пагинация 108—109, внизу окончат. 77. Почти без поправок [л. 945].

2. 266. Г 17. Особая копия с №173, неизвестной рукой, 11 лл., пагинации: 95—113 (повторяющая № 173); 114—132, внизу окончательная 80—89. Правок немного, стилистические. Лл. 6 и 7 представляют писанную иной рукой и вклеенную в текст копию с № 267 [лл. 948—958].

267. А 48. Листок 6-й—копии № 266, 1 л., пагинация 105; 124—125, вследствие двух больших вставок вырезанный и замененный в № 266 двумя листами особой копии. Осн. гл. XI, стр. 351, строки 6—12, 16—23 [л. 300].

3. 268. Г 18. Особая копия с № 248, неизвестной рукой, 4 лл., пагинации: 109—115 (повторяющая № 248); 113—115 (продолжающая № 266) 133—141; внизу окончательная: 90—94. Правки, сокращения [лл. 959, 961—963].

4. С № 178, 250, делается особая копия на 6 лл. неизвестной рукой, которая состоит из кусков: №№ 269—271, именно:

269. Г 21 — 2 лл., пагинация 125—128 (повторная); 149—152; внизу окончательная 99—100. Поправка — вставка [лл. 968—969].

270. Г 22 лл. 1—3, — 3 лл., пагин. 129—134 (повторная); 152 bis — 157; внизу окончательная 101—103. Правок почти нет [лл. 970, 970а, 971].

271. В 102—1 л., пагин. 135 (повторная); 158. Зачеркнуто [л. 851].

5. 272. Г 22 лл. 3 об. — 5. Особая копия с №№ 271 и 251 неизвестной рукой, 3 лл., пагинация 157—161, внизу окончательная 104 без правок — и этот кусок подклеен к 3 листу № 270 [лл. 971 об. — 973].

6. 273. Г 26. Особая копия с № 254, рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинация 181—183; внизу окончательная 110—111. Почти без правок [лл. 979—980].

7. 274. Г 27, 28, 29. Особая копия с №№ 160, 256, четырьмя равными почерками, 11 лл., пагинации 158—168 (повторяющая № 160 и 256); 192—211, внизу окончательная 116—123 и 125—126. Лист 124-й рукописи утрачен и неизвестно где находится. Почти без правок. Осн. гл. XIX стр. 373 строки 30—36 [лл. 985—994].

8. 275. Г 31. Особая копия с части № 258, 2 лл., пагинации: (повторная); 214—216 (последняя страница чистая), окончательная внизу 128—

129. Правок мало. Осн. гл. XIX стр. 374 строки 36—39 [лл. 996—997].

9. 276. Г 36. Особая копия с вставки в № 184 рукой неизвестной, 1 л., пагинация (повторная); 235—236. Окончательная внизу: 140, без правки [л. 1008].

10. 277. Г 38. Особая копия с последней страницы № 185, неизвестной рукой, пагинация (повторная), 241—243 (последняя страница чистая) окончательная внизу 143—144, без правки [лл. 1011—1012].

11. 278. Г 39. Особая копия с № 186, двумя неизвестными почерками, 4 лл., пагинация 196—202 (повторная); 244—250; окончательная внизу 145—147. Правка небольшая [лл. 1013—1016].

12. 279. Г 41. Особая копия с № 194, рукой П. И. Бирюкова, 2 лл., пагинация 204—207 (повторная); 264—266; внизу окончательная 151—152 [лл. 1019—1020].

13. 280. Г 43. Особая копия с № 237, частью рукой П. И. Бирюкова, частью неизвестным почерком, 3 лл., пагинация 212—218 (повторная); 271—276; внизу окончательная 155—157. Без поправок [лл. 1023—1025].

14. 281. Г 47. Особая копия с №№ 195, 240, рукой С. А. Толстой, 6 лл., пагинация 234—245 (повторная); 294—305; внизу окончательная 167—172. Правок мало [лл. 1035—1040].

15. 282. Г 49. Особая копия с № 241, рукой П. И. Бирюкова, 2 лл., пагинация 254—257 (повторная); 314—317; внизу окончательная 177—178. Без правки [лл. 1045—1046].

16. С №№ 244 и 262 особая копия рукой П. И. Бирюкова, 7 лл., в рукописях:

283. Г 52—2 лл., пагинация 264—267 (повторная); 326—329; внизу окончательная 183—184. Правок мало [лл. 1051—1052].

284. В 85—5 лл., пагинация 268—276 (последняя страница чистая). Правка значительная. Осн. гл. XXVIII стр. 403 строки 21—23; 31—33; стр. 404 строки 13—20; 39—40; стр. 406 строки 20—30 [лл. 798—802].

17. С № 284 особая копия рукой С. А. Толстой на 5 лл., в кусках:

285. Г 53—2 лл., пагинация 330—333; внизу окончательная 185—186. Без правок [лл. 1053—1054].

286. В 107—3 лл., без пагинации, сплошь правка и вычеркнуто Осн. гл. XXVIII стр. 404 строки 21—35 [лл. 862—864].

18. 287. Г 53 а. Особая копия с № 286, неизвестной рукой, 4 лл., пагинация 334—341; внизу окончательная 187—190. Без правки [лл. 1055—1058].

19. С №№ 264, 118 — особая копия рукой С. А. Толстой на 8 лл.. в кусках:

288. В 103—4 лл., без пагинации. Крупно правлена, перестановки Осн. гл. XXX стр. 410 строки 17—35; стр. 411 строки 2—5 [лл. 852—855].

289. Г 56—4 лл., пагинация 334—341 (неясная); 352—359. Внизу окончательная: 196—199. Почти без правок [лл. 1064—1067].

20. 290. Г 55. Особая копия с № 288 рукой С. А. Толстой, 2 лл., пагинация 348–351; внизу окончательная 194–195. Без поправок [лл. 1062–1063].

б) Попутно с этими частичными правками или после них по всему куску проведена, как указано, шестая пагинация. Получился окончательный вид текста куска такой: №№ 265 (новая пагинация 108–109), 162 (110–113),. 266 (114–132), 268 (133–141, причем в нее механически перенесена ркп. № 176 с паг. 135–136), 249 (142–144), 175 вычеркивается, 177 (145–148), 269 (149–152), 270 (152 bis – 157), 272 (157–161), 252 (один лист с пагинацией 162–172), 180 (173–178), 253 (179–180), 273 (181–183), 255 (184–191), 274 (192–211), 257 (212–213), 275 (214–216), 258 (217–219), 182 (220–223), 183 (224–229), 259 (230), 184 (231–234), 276 (235–236), 185 (237–240), 277 (241–243), 278 (244–250), 260 (ошибочный пропуск: 260–263), 279 (264–266), 264 (267–270), 280 (271–276), 238 (277–279), 140 (280–283), 239 (284–293), 281 (294–305), 189 (306–313), 282 (314–317), 243 (318–321), 242 (322–325) (т. е. переставлены), 283 (326–329), 285 (330–333), 287 (334–341), 263 (342–347), 290 (348–351), 289 (352–359). Так составился последний вид текста третьего куска со страницами: 108–359.

IV. Правки четвертого куска текста (стр. 243–289).

а) Правки отдельных частей:

1. В № 119 отдельные правленные места переписаны на лоскутах и подклеены к той же рукописи.

2. 291. Г 58. Копия с № 120 (вместе с сделанной в эту рукопись вставкой, которая не найдена), рукой С. А. Толстой, 6 лл., пагинация этой копии первоначальная путаная, указывает на попытки перестановок текста (342–345, 360–363, 366–370); позднейшая 368–378 (последняя страница чистая не нумерована); внизу окончательная 204–209. Поправок немного [лл. 1072–1077].

3. 292. Г 61. Особая копия с № 124 неизвестной рукой, 2 лл. (три страницы чистые), пагинация 410, внизу окончательная 225. Без поправок, но с новой подписью Толстого: «3 Августа 1887 г. Л. Толстой» [лл. 1093–1094].

б) Одновременно или после этих поправок весь четвертый кусок присоединен к шестой пагинации третьего куска, составляя ее продолжение, именно: №№ 119 (новая пагинация 360–367), 291 (368–378, страницы 379-й вообще нет, она отнесена очевидно на чистую страницу № 291), 121 (380–381), 124а (382–385), 123 (386–409), 292 (410).

Шестая редакция (окончательная).

Ход работы над четырьмя кусками пятой редакции в конце привел к фактическому образованию единой большой рукописи в 1–410 страниц. Этот конечный результат представляет собою шестую (последнюю рукописную) редакцию книги. К ней было присоединено спереди механически вступление, законченное в 4-й редакции. Таким образом шестая редакция образовалась из рукописей №№ 90, 126 (вступление, с особой пагинацией 1–36 стр.) и суммы сводных кусков пятой редакции Iв, IIв, III четвертый этап б, IV б в количестве 1–410 страниц. Этот свод хранится в рукописи:

293. Г (1–61), на 229 лл., нумерованных окончательной пагинацией красным карандашом снизу по лл. 1–225 (лист 124 утрачен). Только в этой рукописи проведена сплошная нумерация глав (1–39), но недостаточно внимательно. (Между гл. 17 и 19-й нет главы, а «18» поставлено после гл. 20; не обозначена глава 23, что запутало позднее наборщиков, и они набрали цыфры глав 25 и 26 дважды.) Рукопись № 293 в бумажной обложке с надписью рукой Н. Н. Гусева черным карандашом: ”«О жизни». Рукопись, с которой набиралось. 4°, 229“ [лл. 867–1094.]

Седьмая редакция (корректурная).

В описании типографские гранки обозначаются просто словом «гранки», корректурные листы в сверстанном виде просто «верстка». «Копия» и «автограф» обозначают работу Толстого рукописную над корректурами, типографский штамп просто «штамп». Предполагаемые корректуры обозначаются «не сохранились».

I. Корректуры вступления.

294. Д 1. Гранки, набранные корпусом. Штамп 8 авг. 87, 12 нумерованных полос, 17,5 × 48,5 см. На первой полосе сбоку запись Толстого: «Все вступленіе болѣе мелкимъ шрифтомъ въ концѣ всего». Поправок мало, все некрупные, рукой Толстого. Заглавие печатное «Вступленіе» [лл. 1181–1192].

295. Д 2. Гранки, набранные более мелким шрифтом (вторые). Штамп 21 сент. 87, 8 нумер, полос 18 × 48 см. + 1л. ркп. в 4-ку с переписанной рукой не Толстого восьмой полосой. К 7-й полосе такой же кусок подклеен. Правки рукой Толстого орфографические и стилистические. Только последние две гранки почти сплошь правлены. Заглавие рукой Толстого: «Первое прибавленіе. <Опытная наука>. О ложномъ направленіи знанія» [лл. 1193–1201].

296. Ж 1. Гранки (третьи), штамп 24 окт. 87, 7 нумер, полос 12,5 × 46,5 и 16 × 47,5 см. Правка рукой Н. Я. Грота черным карандашом (орфография, пунктуация и несколько слов). Заглавие неизвестной рукой: „«О жизни» Л. Н. Толстого. 1887. Вступление“ (над зачеркнутым

заглавием № 295). Вверху вапись: «Еще раз в гранках. Н. Грот» [лл. 1702–1708].

Гранки (четвертые) с поправками ряда слов и верстка большей части вступления – не сохранились.

II. Корректуры глав I–IX основного текста.

297. Д 3. Гранки (первые), 1, 2 и части 3 глав шестой редакции. Штамп. 8 авг. 87. 7 нумер, полос (1–7-я) 17 × 46 см. Главы помечены просто цыфрами, кроме первой, которая обозначена: «Первая глава». Правка стилистическая (с крупными вставками, перестановками) рукой Толстого [лл. 1202–1208].

298. Д 4. Гранки (первые) части 3,4 5 и 6 глав шестой редакции. Штамп 12 авг. 87, 15 полос (8–22) нумерованных – 18,5 × 46 см. Правка рукой Толстого стилистическая, крупные вставки и особенно сокращения текста (вычеркнута полемика против ложной науки, против спиритов и др.). [лл. 1209–1223].

299. Д 5. Гранки (первые) глав 7, 8, 9 и 10 шестой редакции, штамп 14 авг. 87, 14 полос нумерованных в типографии 23–36, но Толстым, после изъятия двух полос (см. № 319) и разреза 29-й и 33-й полос и перестановки их, перенумерованных в 23–36, размер 17,7 × 47 см. На последней гранке рукой Толстого: «Гранки 35 и 36 пропущены, набирать дальше». Правка рукой Толстого (очень крупные пропуски и перестановки, ряд правок, правка стиля) [лл. 1224–1237].

Особую группу материалов представляет корректура-верстка первых восьми глав основного текста с обросшими ее многими рукописными дополнениями и правками на отдельных листах, неоднократно переписывавшихся копиистами. Самая верстка первоначально содержала 33 л. 13,5 × 18 см. с пагинацией постраничной 1–66.Затем отдельные места этой верстки подверглись частичной правке, остатки от которой находятся в рукописных копиях, сделанных разными руками и правленных Толстым, именно:

300. Е 1. Копия, 2 лл., сплошная правка [лл. 1461–1462].

301. Е 2. Копия, 2 лл., сплошная правка [лл. 1463–1464].

302. Е 3. Копия, 3 лл., сплошная правка [лл. 1465–1467].

303. Е 7. Автограф-вставка в верстку, 3 лл., см. осн. гл. V, стр. 335, строка 15 по стр. 336, строка 30 [лл. 1499–1501].

304. Б 7. Автограф-вставка в верстку 28 сент., 4 лл., с поправками сохранилась в виде отрывков в гл. VIII осн. текста (лл.371–374].

305. Е 8. Копия с № 304 (часть, остальные лл. в № 306), 1 л., с поправками. На обложке №№ 303–304 наискось рукой Толстого: «Очень вамъ благодаренъ за ваши прекрасные рисунки. Оба мнѣ одинаково нравятся. Мнѣ было очень пріятно» [л. 1502].

Далее верстка 28 сентября была подвергнута сильнейшей обработке, перестановкам, вставкам, и в нее вставлены особые копии с №№ 300–304. Получился текст (№№ 306 и 307), представляющий полный вид переделанного начала книги:

306. Е 13. Верстка 28 сентября (штамп на начале каждого печатного листа), снабженная дополнительными разновременно и разными почерками сделанными копиями отдельных частей, 54 лл. разного формата. Текст весь правлен (перестановки страниц, сокращения, вставки и т. д.) [лл. 1514–1567].

307. Е 14. Часть листков верстки 28 сентября (стр. 15–26, 49–52), превращенная в особые прибавления 1-е, 2-е, 3-е в конце книги, 9 лл. Правка значительная [лл. 1568–1576].

308. Е 12. Часть верстки 28 сент., оставшаяся неиспользованной от правки № 306, 5 лл. и один лоскуток. Сильно правлена [лл. 1508–1513].

Полученный в №№ 306 и 307 полный вид текста I–VIII глав копировался и правился в отдельных частях и позднее. Эти копии:

309. Е 16. – 1 л. с большой вставкой и сокращением страницы. Осн. стр. 334 [л. 1578].

310. Е 17. – 3 лл., с вставками и правкой. Осн. стр. 336 [лл. 1579–1581].

311. Е 18. – 2 лл., сплошь правленные. Осн. стр. 340 [лл. 1582–1583].

312. Е 19. – 7 лл., сплошь правленные. Осн. страницы 341, 342, 343, 344 [лл. 1584–1589, 1592].

313. Е 20. – 2 лл., сплошь правленные. Осн. часть стр. 344 [лл. 1590–1591].

Далее с полученного текста восьми глав (№№ 306–307) и последующих его правок (№№ 309–313) сделана копия, именно:

314. Г 62. Сборная копия разными почерками, 45 лл., пагинация черным карандашом 1–43 (между 22–23 лл. один лист не нумерован, а лист 27 нумерован дважды). С поправками, которые местами значительны. По этой копии набирался текст первых восьми глав книги вторично [лл. 1095–1139].

315. Е 25. Листок 14 копии № 314, замененный в ней копией, 1 л. почти сплошная вставка Толстого [л. 1598].

316. Ж 2. Гранки набора с № 314 (главы осн. I–III), штамп 3 окт. 87, 9 лл. нумерованных (1–9) полос: 19,3 × 4 см. (у гранки 8-й не хватает половины). Правка чернильная только рукой Н. Я. Грота (пунктуация и стиль). На первой гранке запись: «Прошу исправить и прислать еще раз несверстанным. Проф. Н. Грот» [лл. 1709–1717].

317. Ж 3. Гранки набора с № 314 (главы осн. IV, V и половина VI), штамп 7 окт. 87, 8 нумеров. (10–17) полос: 19,5 × 46,5 см. Правка чернилами рукой Н. Я. Грота (пунктуация, стиль). На первом листе запись; «Еще раз прислать в гранках. Ник. Грот» [лл. 1718–1725].

318. Ж 4. Гранки набора с № 314 (главы осн. конец VI, VII, VIII), штамп 10 ноя. 87, 5 нумерованных (18–22) полос: 14 × 43,5 и 15 × 51,5 см. Правка чернилами только рукой Н. Я. Грота (пунктуация, стиль) и его записи: «Еще раз прислать в гранках Ник. Грот». «Корректуру 1-го листа прошу прислать немедленно по исправлении, а 2-го и третьего если нельзя завтра, то в четверг» [лл. 1726–1730].

Вторые гранки с №№ 316–318 и верстка не сохранились.

319. Д 6. Гранки, вынутые из № 299, т. е. 14 августа, гл. 10 шестой редакции, 2 нумерованные (35–36) полосы 17, 7 × 47 см. Значительно правлены рукой Толстого, и крупные правки скопированы рукой М. Л. Толстой и подклеены сбоку к гранке, а вторая полоса скопирована целиком на двух листах бумаги, и листы подклеены к гранке. Эти две гранки были задержаны Толстым, поправлены после 28 сентября (доказательство: – наличие особого подзаголовка, какие введены только в № 306) и отправлены в типографию одновременно с № 314. Внизу пагинация красным карандашом 1–2 [лл. 1238–1240].

320. Ж 5. Гранки (вторые) с № 319 и 321 (главы IX–XII осн. текста) штамп 13 окт. 87, 11 нумер. (23–33) полос: 15 × 47 см. Правка чернильная (пунктуация и стиль) рукой Н. Я. Грота. Запись на первой гранке: «Еще раз прислать в гранках. Н. Грота [лл. 1731–1741].

Гранки с № 320 и верстка – не сохранились.

III. Корректуры глав X – нач. XXIII основного текста.

321. Д 7. Гранки (первые) глав 12, 13, 14, 15 и части 16-й шестой редакции = главам X–XIII осн. текста. Штампа с датой нет, но палеографически относятся близко к 28 сентября 87 г. и во всяком случае посланы Толстым в типографию скоро после 28 сентября, 10 нумерованных (1–10) полос (пятая разрезана пополам и из ней вырезан небольшой абзац): 19,5 × 46,5 см. Другая пагинация красным карандашом (3–12) продолжает № 319. Правка значительная рукой Л. Н. Толстого. Ряд крупных вставок скопирован рукой М. Л. Толстой и подклеен на полях. Перед гл. XI (гл. 13 и 14 шестой редакции) зачеркнутая запись Толстого: «13 и 14 главы въ концѣ книги прибавленiя NN» Кроме того несколько мелких правок черным карандашом рукой Н. Н. Страхова. Строго говоря это 37–46 гранки, продолжающие № 319 [лл. 1241–1251].

322. Д 8. Гранки (первые) глав конца 16, 17–22 шестой редакции или XIII–XVIII осн. текста, штамп 28 сент. 87, 14 нумерованных (47–60) полос разных размеров: 14 × 53; 15,5 × 46,5 и 21 × 46,5 см. Другая пагинация внизу красным карандашом 13–25 (последняя полоса без пагинации). Правка местами значительная рукой Толстого, иногда переписана и подклеена на лоскутках. Кроме того немного мелких

орфографических правок неизвестной руки. Гранки 52-я и и 53-я целиком скопированы на листках и подклеены к гранкам. На полосе 60-й ссылка на рукопись, дополняющую гранки (т. е. на №№ 323 –326) [лл. 1252–1267].

323. Е 21 и 11. Автограф – первый вариант вставки в № 322, 2 лл., листы разрознены и разложены в разные обложки, на Е 11 пагинация «5» и чистый оборот листка заполнен чернильным рисунком (толпа людей, собачка, кораблик). Начальный лист (Е 21) сплошь зачеркнут. Начало: «Да, разумное сознаніе говоритъ»., [лл. 1593 и 1507]

324. Г 72 и Е 11. Автограф – второй вариант вставки в № 322, 4 лл., с пагинацией 1–4, и концовкой к ней сделана ркп. Е 11 (см. № 323) с пагинацией «5». Эта рукопись послужила черновиком к осн. стр. 368 строка 35 по стр. 370, строка 24; стр. 371 строка 23 по стр. 373 строка 29). Интересный пример, как Толстой забегающие вперед мысли набрасывает на полях рукописи (обводя их чертой) в виде конспектов [лл. 1173–1176].

325. Е 10. Копия рукописная с № 324, рукой С. А. Толстой, 3 лл., без пагинации. Сплошная правка (сокращения, вставки, перефразы). Последние листы перенесены в № 326 [лл. 1504–1506].

326. Е 26, 27. Копия с № 325 и с переносом 6 листов из № 325, несколькими почерками, 5+6 лл. Два листа склеены вместе. Сильно правлен (сокращения, вставки, правка). Крупные вставки см. осн. стр. 370 строки 3–10; стр. 372 строки 25–32 [лл. 1599–1608].

327. Г 63. Копия рукописная с гранки 60 (см. № 322), вставки в нее (№ 326] и гранки 61-й (см. № 328), составившая гл. XVIII и нач. XIX основного текста (стр. 368, строка 35 по стр. 374, строка 7), рукой С. А. Толстой, 9 лл., пагинация внизу черным карандашом 1–9. Правок немного, мелкие. По этой рукописи производился набор в типографии [лл. 1140–1148].

328. Д 9. Гранки (первые) глав части 22, 23–26, снова 25 и 26 (ошибочное обозначение в шестой редакции), т. е. глав XVIII (часть), XIX–XXIII (часть) основного текста, штамп 4 сент. 87, 14 нумерованных (61–74) полос: 15 × 46; 16,5 ×46; 19 × 46 см., полоса 61 разрезана пополам. Внизу пагинация черным карандашом 27–39 (продолжение к № 322). Правка рукой Толстого значительная, много крупных сокращений текста [лл. 1268–1282].

329. Ж 5. См. выше № 320. Это вторые гранки глав X–XII.

330. Ж 6. Гранки (вторые) с №№ 322, 327 и части № 328, т. е. с глав XIII – пол. гл. XX осн. текста, штамп 15 ноя. 87, 21 нумерованная (34–54) полоса (причем 50-я разрезана пополам): 15 × 46,5 см. Правка чернильная (пунктуация, орфография, стиль) рукой Н. Я. Грота и Л. Н. Толстого. Запись на первой гранке: «Еще раз в гранках. Ник. Грот» [лл. 1742–1763].

331. Ж 7. Гранки (вторые) с № 328, осн. главы часть XX – нач. XXIII, штамп 28 окт. 87, 10 нумерованных (55–64) полос: 13 × 42,5 см.

Правка (пунктуация и стиль) рукой Н. Я. Грота и Л. Н. Толстого (лл. 1664–1773]

Гранки с №№ 320 (= 329), 330 не сохранились.

332. Д 14. Остаток от несохранившихся полностью третьих гранок с № 331, штамп 31 окт. 87, 2 нумерованных (48–49) полосы: 18 × 33 и 18 × 46 см. Правка пунктуации рукою Н. Я. Грота. Надпись: «Исправив, сверстать 48–64. Ник. Грот» [лл. 1301–1302].

Верстка глав X – нач. XXIII не сохранилась

IV. Корректуры глав с XXIII (большая часть) по XXXII и XXXV – заключение. Прибавления.

333. Ж 8. Гранки (первые) с ряда последующих после № 328 глав тестой редакции, т. е. с глав XXIII–XXVIII осн. текста (стр. 384 строка 39 по стр. 404, строка 38), 21 нумерованная (1–21) полоса разных размеров + 1 л. рукописной копии (рукой С. А. Толстой) со вставками в 6-ю полосу. Размеры: 18 × 46; 19,5 × 38; 17,5 × 42 см.; 18 × 36 см., штамп 31 окт. 87. Правок немного (есть ряд вставок) все рукой Л. Н. Толстого, но подписана корректура: «Еще раз в гранках. Н. Грот» [лл. 1774–1795].

334. Е 28. Рукопись автограф – вставка в гранку 6-ую № 333, I л., без пагинации [л. 1609].

335. А 36. Гранки (первые) продолжение к № 333, т. е. конец XXVIII гл. основного текста (стр. 404, строка 39 по стр. 406 строка 30), без штампа, следовательно относятся к 31 октября, 11/2 нумерованных (22–23 верх) полосы, сильно правленные рукой Толстого, снабжены крупными вставками [лл. 237–238].

336. Д 10. Рукопись автограф-вставка в № 335, 1 л. [л. 1283].

Вторые гранки с № 335, сильно правленные, не сохранились.

337. Е 55. Рукописная копия с несохранившихся вторых гранок с № 335 рукой С. А. Толстой, 3 лл., в лист, пагинация 1–3; 22, 22а, 22б. Несколько поправок рукой Толстого. С этой рукописи производился типографский набор третьих гранок с № 335 [лл. 1695–1697].

Третьи гранки, набранные с № 337, не сохранились.

338. Д 11. Гранки (первые) с гл. 32 и нач. 33 шестой редакции, т. е. гл. XXIX и начало XXX осн. (стр. 406, строка 31 по стр. 409, строка 26), 21/2 нумерованные (низ 23, 24, 25) полосы, без штампа, т. е. относятся к 31 октября, размер 18,5 × 28; 18 × 40; 16 × 46,5 см. Правок немного, все рукой Толстого. Большая вставка на поле почему-то последующими корректурами в текст не введена, вероятно по недосмотру [лл. 1284–1286].

339. Ж 9. Гранки (первые) глав 33, 34 шестой ред., т. е. главы XXX–XXXI осн. текста (стр. 409, строка 26 по стр. 415 строка 39), без

даты, т. е. продолжение к № 333 и относятся к 31 октября, 6 нумерованных (26–31) полос: 16 × 46; 19 × 37; 18 × 40 см. Правки, особенно вставки, довольно крупные рукой только Л. Н. Толстого. На гранке 27 глава 34-я (XXXI) помечена к перестановке со следующей 35-й (XXXII), но в основной текст эта перестановка не вошла [лл. 1796–1801].

340. Д 12. Гранки (первые) главы 35-й шестой редакции, т. е. главы XXXII осн. текста (стр. 416 строка 1 по стр. 419 строка 14), без даты, т. е. относятся к 31 октября, 5 нумерованных (32–36) полос: 16 × 45,5; 18 × 39; 19 × 31,5; 19 × 43; 19 × 31 см. Правки некрупные рукой Л. Н. Толстого (есть вставки) [лл. 1287–1291].

341. Ж 10. Гранки (вторые) с № 340, без даты, 5 нумерованных (32–36) полос: 20 × 37; 18,5 × 48 см. Правки рукой и Толстого (сокращения и вставки) и Н. Я. Грота (пунктуация). Надпись рукой Грота: «Еще в гранках» [лл. 1802–1806].

342. Ж 12. Гранки (первые) главы 36-й 6-й ред., т. е. главы, не вошедшей в основной текст, без даты, возможно что 31 октября, 3 нумерованные (37 – 39) полосы 17,5 × 42,5; 19 × 31,5 см. Правок очень немного мелких рукой Толстого [лл. 1817–1819].

343. Ж 13 и Д 13. Гранки (первые) глав 37, 38 и заключения 6-й редакции, т. е. глав XXXV и заключение осн. текста. Штамп 10 ноя. 87, 7 нумерованных (40–46) полос: 19 × 35; 17 × 38; 17,5 × 47 см. (Ж 13 – одна полоса, Д 13 – пять полос). Правка очень значительная рукой Л. Н. Толстого (вставки, большие сокращения). Гранки 43 и 45 переписаны рукой С. А. Толстой на особых листах и приколоты к гранкам. В процессе работы была мысль главу 38-ю 6-й редакции перенести в прибавления (о нравственных страданиях), но потом оставлена. Часть главы 38-й о нравственных страданиях – была автором изъята. Эта часть издана нами по первоначальному черновику № 69 среди текстов под № 9 черновых вариантов [лл. 1820; 1293–1300].

344. А 37 и Д 13 а. Гранки (вторые) с № 342 и Ж 13 № 343, без особой даты, но после 10 ноября, 4 нумерованные (37–40) полосы (из которых 40-я разрезана и часть ее перенесена в Д 13а) + 1 л. рукописной вставки автографа к полосе 40-й. Размер гранок: 17 × 38 см., вставка 1 л. в 4-ку исписан с обеих сторон. Начальная часть гранок сильно правлена ручкой Толстого; конечная совсем вычеркнута и заменена вставкой. Эти гранки нами издаются под № 10 [лл. 239–243 + 1292).

345. А 38 и Г 66. Копия с гранок № 344 (А 37) рукой С. А. Толстой, 1 (А 38) + 3 (Г 66) лл. в лист, пагинация 1–4. Заглавие: «Зачѣмъ страданіе? » Копия крупно правлена рукой Толстого. Предназначалась для набора, но так в текст книги и не попала. Издается нами под № 11 черновых вариантов [лл. 244, 1162–1163].

346. Ж 14. Гранки (вторые) с № 343, штамп 12 дек. 87, 6 нумерованных (40–44, 46) полос: 17,5 × 29; 17,5 × 37. Одной полосы 45-й не хватает. Она вынута сознательно. Правка рукой Толстого (значительная) и Грота мелкая) [лл. 1821–1826].

347. Е 53. Рукопись-автограф, специальная концовка для главы XXXV осн. текста (стр. 434), написанная вместо гранки 45 (к № 346) [лл. 1691–1692].

348. Ж 15. Рукописная копия с № 347, неизвестной рукой, 2 лл., несколько мелких поправок. В последующих несохранившихся корректурах вся эта концовка была переделана [лл. 1827–1828].

Вторые и третьи корректуры всех рассматриваемых глав XXIII–XXXII и XXXV–заключение не сохранились, так же как не сохранилась и верстка глав XXIII–XXXII.

349. Ж 16. Рукописная копия прибавлений, сделанная с № 307, неизвестной рукой, 9 лл. + 2 обложки, пагинация 1–9. На обложке запись: «Прибавления». Без поправок Толстого. По рукописи делался типографский набор. [1829–1839].

350. А 46. Гранки прибавлений (набраны с № 349), без даты, 3 нумерованные (1–3) полосы: 18 × 46; 18 × 40 см. Без поправок [лл. 289–291].

Верстка прибавлений не сохранилась.

V. Рукописи и корректуры вставных в гранки, особо работавшихся, глав (XXXIII–XXXIV осн.).

351. Е 29. Автограф-черновик главы XXXIII осн. текста, 4 лл., без пагинации и заглавия [л. 1610–1613].

352. А 35. Копия с № 351, рукой С. А. Толстой, 6 лл., сплошь правлены (вставки, сокращения, переделки). Первые лл. нумерованы постранично (1–5). Работа над тематикой [лл. 231–236].

353. Ж 11 – копия с № 352, неизвестной рукой, 10 лл., сильно правлена, дала четыре крупных вставки. Ср. осн. стр. 419, строки 21–30; стр. 420, строки 6–20; стр. 421, строки 29–34; стр. 423, строки 10–12. По данной рукописи набирались гранки в типографии [лл. 1807–1816].

Гранки главы XXXIII не сохранились.

354. Г 68. Черновик-автограф начала главы XXXIV осн. текста (стр. 423–431), 2 лл., без пагинации. С многими поправками. Рукопись содержит два один за другим написанных наброска к началу главы. Автором не использованы. Издаются нами под № 12 черновых вариантов [лл. 1166–1167].

355. Г 69. Черновик-автограф начала гл. XXXIV (третий набросок), 2 лл., правлены и перечеркнуты. Издается нами под № 12 черновых вариантов. В работе Толстым не использован [лл. 1168–1169].

356. Г 70. Черновик-автограф начала гл. XXXIV (четвертый набросок), 2 лл., правлены очень сильно. В работе не использован. Издается под № 12 черновых вариантов [лл. 1170–1171].

357. А 40. Черновик-автограф всей гл. XXXIV (пятый и шестой наброски), 6 лл. разного формата в лист и 4-ку), пагинация чернильная рукой Толстого: 1–4, 7–11, 13, т. е. не хватает страниц 5, 6, 12. Пятый набросок был написан на одной стороне части листов, затем зачеркнут, и на другой стороне написан шестой набросок, легший в основу дальнейших переработок главы. Оба наброска изданы под № 12 черновых вариантов [267–272].

358. Г 71. Черновик-автограф части начала XXXIV гл. (вариант к стр. 5–6 № 357), 2 лл., один чистый [лл. 1172–1173].

359. А 41, 42. Копия с № 357, рукой С. А. Толстой, 6 лл. (А 41–5 лл. и А 42–1 л.), пагинация Толстого постраничная 1–8 (последние листы без пагинации). Сплошь правлена (перестановки, большие вставки) [лл. 273–278].

360. А 43, Е 42, Е 49. Копия с № 359, рукой С. А. Толстой, 6 лл. (А 43–3 лл., Е 42–2 лл., Е 49–1 л.), без пагинации. Крупно правлена [лл. 279–281, 1661–1662, 1682].

361. Е 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50 и Г 64, л. 4 и Г 65. Копия с № 360 рукой С. А. Толстой, 21 л. Рукопись сборная и представляет сумму частных копий и правок текста. Частные рукописи следующие: Е 43–6 лл., начало главы, пагин. 1–4 и последние 2 лл. заняты особой вставкой с (осн. стр. 425, строка 35 по стр. 427 строка 20). Е 44 и Г 64, 65 – 3 лл. копия с лл. 4, 5, 6 рукописи Е 43; Е 45 – копия с середины ркп. № 360 – 1 л.; Е 46 – копия с Е 45 и продолжение – 5 лл.; Е 47 – копия с Е 46,4 лл.; Е 48 – копия с конца № 360; Е 49 механически перенесена из № 360, Е 50 – автограф-вставка в копии, 1 л. (см. осн. стр. 425 строки 1–17) [лл. 1663–1683, 1162, 1153–1154].

362. Г 64, 65. Копия с последних видов отдельных правок №361 неизвестной рукой (Г 65 – вставка, перенесенная из № 361 рукой С. А. Толстой да конец ее же копия с конца № 361), 13 лл., пагинация полистная 1–13. Правок довольно много. По этой копии текст набирался в типографии [1149–1161].

363. А 44. Гранки (первые; с № 362, штамп 12 дек. 87, 6 нумерованных (34–39) полос: 20 × 41,5; 17 × 40 см. Поправок очень немного рукой Н. Я. Грота [лл. 282–287].

Гранки (вторые) с № 363, сильно правленные Толстым, не сохранились.

364. Е 51. Автограф-вставка в несохранившиеся гранки с № 363, 3 лл. вошли в осн. текст на стр. 427, строки 34–40; 428–429; стр. 430, строки 1–36 (лл. 1684–1686).

365. Е 52. Копия с № 364, рукой С. А. Толстой, 4 лл., пагинация Толстого 1–8, вся испещрена правками и имеет пометы, указывающие к каким гранкам присоединить вставку [лл. 1687–1690].

366. Е 56. Копия с части несохранившихся вторых гранок № 363 и с № 365, рукой С. А. Толстой, 4 лл. в лист, текст с одной стороны, с

пометкой полос гранок: 39, 40, 41, 42. Правок Толстого мало, мелкостилистические. По этой копии набирался текст третьих гранок [лл. 1698–1701].

Третьи гранки с № 363 и 366 не сохранились.

367. А 45. Автограф-вставка, предполагавшаяся в строки 25–27 стр. 426 осн. текста, но помеченные к пропуску [л. 288].

VI. Сохранившиеся корректуры книги в верстке:

368. А 47. Верстка, 1-й печ. лист, штамп 15 ноя. 87, 1–16 стр. формата 13,5 × 17,5 см. Без всяких поправок [лл. 292–299].

369. А 39. Верстка 16–181/2 печ. лл., штамп 19 дек. 87, стр. 241–275 + VIII, содержат главы: конец XXXIII и XXXIV, XXXV, заключение и три прибавления. (Совпадают с теми же страницами издания книги 1888 г.). На ряде страниц рукой Толстого значительная правка (перестановки, вставки, сокращения). Эта верстка не была последней подписанной к печати [лл. 245–266].

Не сохранилась большая часть верстки книги, причем но ряду листов верстка была не одна, а две (напр. после № 369 была еще верстка тех же листов).

В частном собрании К. С. Шохор-Троцкого сохранились еще следующие верстки:

а) Верстка вступления, страницы книги I–XXI + 1 ненумерованный всего 11 лл., штамп 30 окт. 87. Это – верстка с гранок вступления (№ 297). В ней только один эпиграф – Паскаля. Он правлен рукой не Толстого. Остальной текст без поправок.

б) Верстка 16-го печ. л., штамп 15 дек. 87, стр. 241–256 (= стр. 241–256 изд. 1888 г.) с мелкими поправками рукой И. Я. Грота и его надписью: «Еще корректуру. Н. Грот». Это – первая верстка с несохранившихся третьих гранок с № 363 и 366.

в) Верстка-дублет к а и б, без штампа, но очевидно, что прислана первая часть 30 окт. 87 г., а вторая – 15 дек. 87 г., отослана в типографию 15–17 декабря 87 г., содержит: стр. I–XXI + 1 ненумерованный и 241–256, т. е. титульный лист с эпиграфами, вступление, конец XXXIII и XXXIV главу (совпадают с теми же страницами изд. 1888 г.). Текст вступления правлен мелко грамматически Н. Я. Гротом (несколько его лексических поправок оговорены выше на страницах 791–798). Текст страниц 241–256 правлен двумя почерками: значительно чернилами Толстым (сокращения и вставки) и мелко-орфографически химическим карандашом, повидимому, Н. Я. Гротом, который перенес сюда ранее сделанные на верстке б свои поправки. Эпиграф правлен чернилами тоже Гротом. На листе эпиграфа рукой Толстого под Паскалем списано: «Канта», ниже: «Братья любите Другъ друга», а рукой Н. Я. Грота помечено: «Кант (Krit. der pract. Vern. Beschluss). Рукой того же Грота на верстке надпись: «Еще прислать корректуру вместе со вступлением. Н. Грот», на стр. V: «Еще

одну корректуру. Н. Грот».

г) Верстка 16-го печ. л., штамп 17 дек. 87, стр. 241–256 (= стр. 241–256 изд. 1888 г.) с мелкими поправками и надписью рукой Н. Я. Грота: «Можно печатать. Н. Грот». Это – вторая верстка 16-го печ. листа, сделанная после исправления в.

д) Верстка 3-го печ. л., штамп. 24 окт. 87 стр. 33–48 (= стр. 33–48 изд. 1888 г.) без всяких поправок. Это – верстка со вторых гранок с № 316 – 318.

е) Верстка 8, 9 и 14-го печ. лл., штамп. 4 ноя. 87, стр. 113–114, 209–224 (= тем же страницам изд. 1888 г.) с мелкими поправками Н. Грота и его надписями на л. 8: «Еще одну корректуру. Грот», на лл. 9 и 14: «Еще корректуру. Н. Грот». Это – верстка с несохранившихся гранок с №№ 320, 329, 330.

ж) Верстка 11-го печ. л., без даты, стр 161–176 (= страницам 161–176. изд. 1888 г.) без всяких поправок. Это – верстка с несохранившихся гранок глав XXIV–XXVI.

з) Рукопись лоскуток почтовой бумаги с текстом эпиграфа из Паскаля, рукой П. И. Бирюкова.

и) Оригинал титульного листа, сделанного С. А. Толстой. Получен следующим образом: оторвана от первой части шестого издания сочинений Толстого обложка на желтой бумаге с печатным текстом recto: «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть первая. Издание шестое. Москва, Типография А. И. Мамонтова и К-о. Леонтьевский пер. № 5, 1886» и по корешку: «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть 1». Затем рукой С. А. Толстой зачеркнуто указание на издание и часть 1, а вписано: «Приложение к двенадцатой части. О жизни», для наборщика: «№ два мельче», на корешке «часть I» заменено: «О жизни». Внизу вписано и вычеркнуто: «Печатать шесть тысяч (6000): Гр. С. Толстая». Позднее уже в корректурах вместо приложения к XII части книга превращена в самостоятельную «часть тринадцатую».

Наконец, среди рукописей и корректур находится под шифром Д 15 полный несброшюрованный и неразрезанный экземпляр книги «Сочинения Гр. Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. О жизни. Москва 1888. Страниц XXI + 3 чистых + 275 + XI. На титуле надпись рукой С. А. Толстой: «Граф. С. Толстая». Книга в желтой ненаклеенной обложке [лл. 1303–1460].

Рукописи не приуроченные к моментам работы.

370. А 33. Автограф, 1 л., полстраницы текста чернилами без всяких значков о месте приурочения. Начало: «Человѣкъ воспитанный въ нашемъ мірѣ подъ вліяніемъ ученія о жизни для личнаго блага»... Повидимому,

один из вариантов самого начала первой редакции [л. 228].

371. Б 5. Автограф, 1 л., почтовой бумаги со следующим текстом чернилами без пометок, куда он относится: «Что же жизнь? На этотъ вопросъ мы по привычкѣ отвѣчаемъ, какъ на вопросъ: что столь: гдѣ онъ? Когда онъ начался и отъ чего онъ. Но отвѣта нѣть, п. ч. жизнь это самое начало я самъ» [л. 368 а].

372. Б 8. Автограф, 1 л., страница текста чернилами, со значком и пометкой С. А. Толстой «Къ 1-й странице». Тема о противоречии в человеке. К чему относится вставка, неясно. Начало: Противорѣчіе это кажется неразрѣшимымъ... » [л. 375].

373. Б 10. Автограф, 2 лл., в лист, один лист писан с одной стороны, другой с двух. Начало: «6. Но что такое отреченіе отъ личности... » Повидимому, это особый черновой вариант гл. XV осн. текста [лл. 380–381].

374. В 2. Листок, сильно потрепанный и, повидимому, служивший обложкой. Вверху несколько строк текста рукой С. А. Толстой из черновиков «О жизни». Под текстом «Вступленіе», а под ним нарисовано чернилами несколько человеческих лиц. На поле рукой Толстого: «Озмидову. Шеланет (?). Орлову. Рубиншт. Петрову». И еще ниже наискось небольшой набросок планового характера к книге «О жизни». Издаем его среди черновых текстов под № 3. Еще дальше вычисление «289 32|–; 32 × 42 = 1344; 696» [л. 520].

375. Г 67. Автограф, 1 л., оборот чистый. Небольшой вариант к стр. 329 осн. текста [л. 1165].

376. Г 73. Автограф, 1 л., несколько строк случайной фразы [л. 1177].

377. Г 74. Карандашные заметки рукой Н. Н. Страхова, 2 лл., текст только четверть страницы. Что-то в роде конспекта, вероятно, к гранкам или верстке. Вот этот текст полностью:

«3-ю и 4-ую главы (полемические) вынести назад.

Стр. 48, 49, 50 против верований в будущую жизнь, в дом (6-я глава) и вообще защита сомнения и искания.

7 глава: Не вера, а разум.

8 Разум есть помеха жизни.

9-я (61–63) Раздвоеніе между животной и разумной жизнью разрешается тем, что одна разумная жизнь есть истинная.

10-я. Неизбежность рождения разумной жизни и ее недоступность для зрения.

11-я (71–76). Животная жизнь подчинена разумной» [лл. 1178–1179].

378. Г 75. Рукопись — цитата из Паскаля, послужившая эпиграфом к книге «О жизни», рукой П. И. Бирюкова, 1 л. [л. 1180].

379. Е 5. Листок-копия рукой С. А. Толстой, 1 л., без поправок. Толстым исключен из работы [л. 1472].

380. Е 9. Автограф-вставка неясно в какую из рукописей «О жизни», 1 л., на обороте черным карандашом неизвестной рукой и с подписью S. письмо: Je suis sure que ce récit de Samarin Vous intéressera. Vous n'avez plus besoin de le renvoyer. Il a été copié pour Vous par Sophie Islénieff qui dit mille tendresses à Таничька et des respects à Sophie. Etre un jour à Ясная Поляна est le rêve de sa vie. Je vous embrasse tous mon cher Léon. S. [л. 1503].

381. Е 22. Копия рукой С. А. Толстой, 1 л., пагинация 132, без поправок, но с надписью Толстого: «пропустить» [л. 1594].

382. Е 24. Автограф, 1л., не приурочен, без пометок [л. 1597].

383. Е 33. Автограф — не приуроченный, 2 лл. [лл. 1630—1631].

384. Е 34. Автограф — листок с заметкой о Боге и жизни, чернила и карандаш, 1 л. В книге не использован [л. 1632].

385. Е 35. Автограф — несколько строк, I л. [л. 1633].

386. Е 39. Автограф, как кажется, не использованный в книге, 3 лл., сплошь правленный. Тема: как развивается у человека опыт зрения и понимания жизни [лл. 1645—1647].

387. Е 54. Автограф-вставка не приуроченная, 2 лл. [лл. 1693—1694].

388. А 34. Гранка (с дублетом) 14-ти строк текста, набранного особо, но неясно в каком этапе работы. В книгу — текст не вошел. Размер 18 × 29 см. [лл. 229—230].

Рукопись перевода глав XXIX—XXXV на французский язык.

389. Ж 17. Копия неизвестной рукой, 32 лл., пагин. 1—32 по листам. Текст писан с двух сторон с большими полями. Лл. 8 об., 12 — об., 16 — об., 23—24 об. — чистые. Текст правлен не очень значительно рукой Толстого. Содержит главы XXIX—XXXV, заключение и три прибавления. На обложке рукой С. А. Толстой запись: «О смерти. Франц. перевод, поправленный рукой Льва Николаевича» [лл. 1840—1873].

Рукописи переделки «О жизни» В. Г. Черткова.

390. З 1. Рукопись, писанная двумя почерками — В. Г. Черткова и Н. Л. Озмидова, представляет переделку книги «О жизни». Две толстые тетради в 4-ку: 1. Первая тетрадь составлена из двух тонких тетрадок, между которыми вложен ряд несшитых листов, всего 72 лл. (с обложкой), при чем во второй тетради между каждым исписанным листом вставлен чистый. Текст писан по обеим сторонам листов и дает на первых листах два вида переделки, которые объяснены на первом листе в следующей надписи рукой В. Г. Черткова: «Два варианта опыта приспособления книги «О жизни» к пониманию простого читателя. — Крупным почерком — первое наиболее близкое к подлиннику переложение. Мелким почерком — второе, наиболее упрощенное изложение». По мелкому почерку (самого В. Г. Черткова) рука Л. Н. Толстого бледно-коричневыми чернилами вела исправления, которые в большей части носят стилистический характер, но местами дают крупные вставки и сокращения. На обложке несколько карандашных пометок почерком не Толстого. Первая тетрадь содержит главы 1—10 переделки [лл. 1874—1946]. 2. Вторая тетрадь на 112 лл., половина из которых чистые, вставные между исписанными (по обеим сторонам). Почерк крупный, продолжающий первую тетрадь. По нему рукой В. Г. Черткова немного мелких поправок и также очень немного небольших поправок рукой Л. Н. Толстого коричневыми чернилами. Местами рукой В. Г. Черткова карандашом оговорены значительные пропуски и сокращения книги «О жизни», допущенные в переделке. Вторая тетрадь содержит главы 11—21 переделки с карандашной отметкой при каждой главе, какой из глав полного текста она соответствует [1947—2058]. Обе тетради в синей обложке с надписью В. Г. Черткова ,,Мое переложение «О жизни».“

По данной рукописи текст печатается в приложении № 2 на стр. 885.

391. З 2. Копия с № 390 на четырех тетрадках, первые три писаны по обеим сторонам листов от руки неизвестным почерком (на 34 лл.), четвертая по одной стороне листов на машине (на 57 лл.), всего 91 лист, в 4-ку. На первом листе чернилами: «О жизни» Льва Толстого. Переложение, примененное к пониманию простого читателя, исправленное и одобренное самим автором», черным карандашом: «Красным подчеркнуты вставки и исправления Льва Н-ча». Следов просмотра Толстым рукописи нет. В розовой обложке [2059—2149].

———

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1.

ПОНЯТИЕ ЖИЗНИ.

[Реферат Л. Н. Толстого в Московском Психологическом Обществе 14 марта 1887 г., напечатанный в выдержках, повидимому, по стенографическим записям в газете «Новое Время» 1887 № 3973 от 22 марта.]

Допустим невозможное, допустим, что всё, что желает познать теперешняя наука о жизни, всё ясно, как день! Ясно, как из неорганической материи зарождается через приспособление органическая; ясно, как силы переходят в чувство, волю, мысли; и всё это известно не только гимназистам, но и деревенским школьникам.

Мне известно, что такие-то мысли и чувства происходят от таких-то движений. Ну, и что-ж? Могу ли я или не могу руководить этими движениями, чтобы возбуждать в себе такие или другие мысли; вопрос о том, какие мне надо возбуждать в себе и других мысли и чувства, остается не только не решенным, но даже не затронутым.

Вопрос же этот и есть единственный вопрос центрального понятия жизни.

Наука предметом своим добрала некоторые явления, сопутствующие жизни, и, приняв часть за целое, назвала это явление совокупностью жизни.

Вопрос, неотделимый от понятия жизни—не вопрос о том, откуда взялась жизнь, а о том как надо жить; и только начав с этого вопроса, можно придти и к какому-нибудь решению о том, что есть жизнь.

Ответ на вопрос о том, как надо жить, представляется человеку столь известным, что ему кажется, что и не стоит говорить об этом... Жить, как лучше — вот и всё. Это кажется сначала очень простым и всем известным, но это совсем не так и просто и известно...

Понятие жизни представляется сначала человеку самым простым и ясным. Прежде всего человеку кажется, что жизнь в нем, в его теле. Я живу в теле, стало быть жизнь в моем теле. Но, как только человек начнет искать эту жизнь в известном месте своего тела, так сейчас и является затруднения. Ее нет в ногтях и волосах, но и нет в ноге, в руке, которые можно отрезать, нет и в крови, нет и в сердце, нет и в мозгу. А есть везде и нигде нет. И оказывается, что по месту ее жительства найти ее нельзя. Тогда человек ищет ее во времени, и тоже сначала кажется очень просто... Но опять, как станешь искать ее во времени, так сейчас видишь, что и тут дело не просто. Я живу 58 лет, так это выходит по метрическому свидетельству. Но я знаю, что из этих 58 лет, я 20 лет спал. Что же я жил или не жил? Потом в утробе матери, у кормилицы был, опять, жил я или не жил? Потом из остальных 38 лет большую половину, ходя, спал; тоже не знаю, жил или не жил? Немножко жил, немножко не жил; так что и во времени выходит, везде она и нигде. Тогда невольно приходит вопрос, откуда же взялась эта жизнь, которую я нигде не найду. Тут уж я узнаю... Но оказывается,

что и здесь то, что показалось мне так легко — не только трудно, но и невозможно. Оказывается, что я искал что-то другое, а не свою жизнь. Искать, оказывается, если уже искать ее, то не в пространстве, не во времени, не как следствие и причину, а как что-то такое, что я в себе знаю совсем независимо от пространства, времени и причины. Стало быть изучать себя? Как же я знаю жизнь в себе?

А вот как. Знаю я прежде всего, что живу я и живу, желая себе хорошего, желаю этого с тех пор, как себя помню и до сих пор, и желаю этого с утра и до вечера. Всё то, что живет вне меня, важно для меня, но только настолько, на сколько оно содействует тому, чтобы мне было хорошо. Мир важен для меня только потому, что он мне доставляет радости.

Но вместе с таким знанием моей жизни связывается с ней еще другое. Неразрывно с этой жизнью, которую я чувствую, связано во мне еще знание о том, что кроме меня живет вокруг меня с таким же сознанием своей исключительной жизни целый мир живых существ, что все эти существа живут для своих, чуждых для меня, целей и не знают и не хотят знать моих притязаний на исключительную жизнь, и что все эти существа для достижения своих целей всякую минуту готовы уничтожить меня. Мало этого, наблюдая уничтожение других, подобных мне существ, знаю еще и то, что мне, этому драгоценному мне, в котором одном мне представляется жизнь, предстоит очень скоро неизбежное уничтожение.

В человеке, как будто, два «я», которые, как будто, не могут ужиться друг с другом, которые, как-будто, борются друг с другом, исключают один другого.

Одно «я» говорит: «Один «я» живу по настоящему, всё остальное только кажется, что живет и потому весь смысл мира в том, чтобы мне было хорошо».

Другое «я» говорит: «Весь мир не для тебя, а для своих целей, и знать не хочет о том, хорошо ли тебе или дурно».

И жить становится страшно.

Одно «я» говорит: «Я хочу удовлетворения своих потребностей и желаний, и для этого только мне нужен мир».

Другое «я» говорит: «Всё животное живет для удовлетворения своих желаний и потребностей. Желания и потребности одних животных удовлетворяются только в ущерб другим, и потому всё животное борется друг с другом. Ты животное и потому должен вечно бороться. Но как бы успешно ты ни боролся, все борющиеся существа рано или поздно задавят тебя».

Еще хуже. И становится еще страшнее.

И самое ужасное, включающее в себя всё предшествующее:

Одно «я» говорит: «Я хочу жить, жить вечно».

Другое «я» говорит: «Ты непременно очень скоро, а может быть сейчас, умрешь, и умрут все те, которых ты любишь, и ты и они каждым движением уничтожают свою жизнь и идут к страданиям, к смерти, к тому самому, что ты ненавидишь, и чего боишься больше всего».

Это хуже всего...

Изменить этого состояния нельзя... Можно не двигаться, не спать, не есть, не дышать даже, но не думать нельзя. Думаешь, и мысль, моя мысль отравляет каждый шаг моей жизни, как личности.

Как только начал сознательно жить человек, так разумное сознание, не переставая, твердит ему одно и то же: жить тою жизнью, какою ты ее чувствуешь и видишь в твоем прошедшем, какою живут животныя, как живет много людей, как жило то, из чего ты стал тем, что ты теперь — нельзя больше. Если ты попытаешься это сделать, ты ведь не уйдешь от борьбы со всем миром существ, которые живут так же, как и ты, для своих личных целей, и они, эти существа, неизбежно погубят тебя...

Изменить этого положения нельзя и остается одно, что и делает всегда человек, начиная жить, переносить свои цели вне себя и стремиться к ним... Но как бы далеко вне себя он ни ставил свои цели, по мере просветления его разума, ни одна цель не удовлетворяет его.

Бисмарк, собрав Германию и повелевая Европой, если разум осветил для него его деятельность, должен чувствовать то же неразрешенное противоречие тщеты и неразумности всего достигнутого им с вечностью и разумностью всего существующего, как и его повар, приготовляющий обед, который через час будет съеден. Как тот, так и другой, если подумают, видят ясно, во-первых, что как целость обеда князя Бисмарка, так целость могущественной Германии держится только: первая — полицией, вторая — войском и до тех пор, пока бодрствуют и те и другие» потому что голодные хотят съесть обед, а другие национальности хотят быть так же могущественны, как и Германия, и во-вторых, что обед князя Бисмарка и могущество Германии не только не совпадают со смыслом жизни мира, но противоречат ему, и, в-третьих то, что и тот, кто готовит обед, и могущество Германии — оба очень скоро умрут и так же скоро умрут их обед и Германия, и останется жить мир, не поминая даже ни об обеде, ни о Германии, тем менее о тех, кто готовит их.

По мере усиления разумного состояния человек приходит к мысли, что никакое благо, связанное с личностью, не есть подвиг, а необходимость... Личность есть только первое состояние, с которого начинается жизнь, есть крайний предел жизни...

«Но где начинается жизнь и где она кончается?» спросят меня. Где кончается ночь и начинается день? Где на берегу кончается область моря и начинается область суши?

Есть день и ночь, есть суша и море, есть жизнь и не жизнь.

Жизнь наша с тех пор, как мы сознаем ее — движение между двумя

пределами.

Один предел есть совершенное безучастие к жизни бесконечного мира, деятельность, направленная только к удовлетворению потребностей своей личности. Другой предел — это полное отречение от своей личности, наибольшее внимание к жизни бесконечного мира и согласие с ним, перенесение желания блага со своей личности на бесконечный мир и существа вне нас.

Чем ближе к первому пределу, тем меньше жизни и блага, чем ближе ко второму пределу, тем больше жизни и блага. И потому всякий человек всегда движется от одного предела к другому, т. е. живет. Это-то движение и есть сама жизнь.

Если я говорю о жизни, то понятие о жизни неразрывно связано во мне с понятием разумной жизни.

Другой жизни, кроме разумной, я не знаю и никто ее знать не может.

Мы называем жизнью жизнь животную, жизнь организма... Всё это не жизнь, а только известное открывшееся нам состояние жизни.

Но что такое этот разум, требования которого исключают личную жизнь и переносят деятельность человека вне себя, в состояние, сознаваемое нами, как радостное состояние любви?

Что такое разум? Что бы мы ни определили, мы определяем всегда только разумом. И потому, чем же будем определять разум?

Если мы всё определяли разумом, то разум по этому самому мы определить и не можем. Но мы все не только знаем его, но только одного его несомненно и знаем одинаково.

Это тот же закон, как и закон жизни всякого организма, животного, растения, с тою только разницею, что мы видим совершающимся разумный закон в жизни растения. Закон же разума, которому мы подчинены, как дерево своему закону, мы не видим, но исполняем...

Мы решили, что жизнь есть то, что не есть наша жизнь. В этом и лежит корень заблуждения. Вместо того чтобы изучать ту жизнь, которую мы сознаем в себе совершенно исключительно, так как мы ничего другого не знаем, мы для этого наблюдаем то, что не имеет главного свойства нашей жизни — разумного сознания... Мы делаем то, что бы делал человек, изучающий предмет по его тени или отражению...

Если мы узнаем, что вещественные частицы подчиняются, видоизменяясь, деятельности организма, то мы узнали это ведь вовсе не потому, что наблюдали, изучали организм, а потому, что у нас есть знакомый нам, слитый с нами организм нашего животного, который нам знаком очень, как материал нашей жизни, т. е. то, над чем мы призваны работать, подчиняя его закону разума... Как только человек усумнился в своей жизни, как только он жизнь свою перенес в то, что не есть жизнь, так он стал несчастен и увидел смерть. Человек, сознающий жизнь так, как она вложена в его сознание, не знает ни несчастья, ни смерти, ибо

его благо жизни в одном подчинении своего же животного закону разума и это не только в его власти, но это неизбежно совершается в нем... Смерть частиц животного существа мы знаем, смерть самих животных и человека, как животного, мы знаем; но смерть разумного сознания мы не знаем и не можем знать, потому что оно-то и есть сама жизнь. А жизнь не может быть смертью...

Животное живет блаженно, не видит смерти и умирает, не видя ее. За что же человеку дано видеть это и почему оно для него так ужасно, что раздирает его душу, заставляет его убивать себя от страха смерти. Отчего это? Оттого, что человек, видящий смерть, есть человек больной, нарушивший закон своей жизни, не живущий жизнью разумной. Он то же, что животное, нарушившее закон своей жизни.

Жизнь человека есть стремление к благу, и то, к чему он стремится, то и дано ему. Свет, зажженный в душе человека, есть благо и жизнь, и свет этот не может быть тьмою, потому что есть, истинно есть для человека только этот единый свет, горящий в душе его.

Приложение № 2.

«ОБ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ» ЛЬВА ТОЛСТОГО.

(Упрощенное изложение книги: «О жизни» Л. Н. Толстого, исправленное и одобренное автором).

Глава I.

Не может быть счастлив тот, кто ищет блага для одного себя.

Живет всякий человек для того, чтобы ему было хорошо — для своего блага. Когда человек не желает себе блага, то он не чувствует даже, что живет. Человек и понять не может, чтобы можно было жить и не желать себе блага. Жить для каждого человека — всё равно, что желать блага и добиваться[248] его; и, наоборот, желать и добиваться блага — всё равно, что жить.

Человек чувствует жизнь в себе самом, и — только в себе одном. Сначала, пока он не понял истинного смысла жизни, человек думает, что благо есть только то, что благо для него одного. Ему сначала кажется, что живет, истинно живет, только он один. Жизнь других людей кажется ему не такою, как своя, она кажется ему только подобием жизни. Свою жизнь человек чувствует; а чужую жизнь он только видит со стороны. Он не чувствует ее и только потому, что

видит чужую жизнь, у знает, что и другие люди как будто живут. Что он сам живет, это каждый человек знает и не может ни на минуту перестать знать это. Про жизнь других людей человек знает только тогда, когда он хочет думать о них. Вот почему и кажется человеку, что по-настоящему живет только он один. Такой человек, если и не желает зла другим, то только потому, что ему самому неприятны страдания других. Если он и желает людям добра, то совсем не так, как себе: себе он желает добра для того, чтобы ему самому было хорошо, другим же он желает добра не для того, чтобы им было хорошо, а только для того, чтобы ему, глядя на их радость, самому было приятнее. Такой человек дорожит благом только своей жизни; ему важно и нужно только, чтобы ему самому было хорошо.

И вот, когда человек этот начинает добиваться своего блага, то он сейчас же видит, что сам по себе он не может его достичь, потому что благо это находится во власти других людей. Он всматривается в жизнь других людей и видит, что все они, как и он сам, и как все животныя, — имеют такое же точно понятие о жизни. Точно так же, как и он, они чувствуют только свою жизнь и свое благо, считают только свою жизнь важною и настоящею, и точно так же их благо находится во власти других людей. Человек видит, что каждое живое существо ищет своего собственного маленького блага, и для этого готово отнимать благо у других существ, даже лишая их жизни, — готово лишить блага и жизни его самого. И когда человек сообразит это и станет присматриваться к жизни, то он видит, что так оно и есть на самом деле: не только одно какое-нибудь существо или десяток существ, а все бесчисленные существа мира, для достижения своего блага, всякую минуту готовы уничтожить его самого, — того, для которого одного, как ему кажется, и существует жизнь. И когда человек ясно поймет это, то он видит, что трудно ему добыть себе то собственное благо, без которого, ему кажется, он и жить не может.

И чем дольше человек живет, тем больше он на деле убеждается в том, что это так. Он участвует в жизни человечества. Жизнь эта составлена из отдельных людей, которые волей-неволею связаны между собой. А между тем люди эти желают каждый своего собственного блага и для этого готовы истребить и съесть один другого. Видя это, человек убеждается в том, что такая жизнь не может быть для него благом, но будет, наверное, великим злом.

Но мало этого: «Ты тянешь, и он тянет: кто ни перетянет, а обоим падать». Если даже человек окажется сильнее других и может взять над ними верх, то и тогда разум и опыт его очень скоро показывают ему, что те удовольствия, которые он урывает для себя у других, — не настоящее благо, а только подобие блага, потому что чем больше он пользуется ими, тем больнее он чувствует те страдания, которые всегда наступают после них. Чем больше живет такой человек, тем яснее он видит, что удовольствий становится всё меньше и меньше, а скуки, пресыщения, трудов, страданий—всё больше и больше.

Но мало и этого: когда он начинает болеть и ослабевать, и видит болезни, старость и смерть других людей, то он с ужасом начинает понимать, что он сам, — то, что для него дороже всего, — с каждым часом приближается к ослаблению, старости и смерти. Кроме того, что

другие люди готовы его погубить; кроме того, что страдания его неминуемо усиливаются; кроме всего этого, такой человек начинает понимать, что жизнь его есть не что иное, как только постоянное приближение к смерти, которая непременно уничтожит столь дорогого ему самого себя со всем его благом. Человек видит, что он только и делает, что борется со всем миром, и что борьба эта ему не по силам. Он видит, что он ищет удовольствий, которые только подобия блага и всегда кончаются страданиями; видит, что он хочет сделать невозможное: удержать жизнь, которую нельзя удержать. Он видит, что, когда желает блага и жизни только самому себе, то добиться этого блага и этой жизни и удержать их он никак не может.

То, что для такого человека важнее и нужнее всего, — он сам, то, в чем одном он полагает свою жизнь, — то гибнет, то будет кости, черви; а то, что для него не нужно, не важно и не понятно — весь мир Божий, то останется и будет жить вечно. Оказывается, что та единственная жизнь, которую такой человек чувствует и бережет, — обманчива и невозможна: а жизнь вне его, та, которую он не любит, не чувствует и не знает, — она-то и есть единая настоящая жизнь. Он видит, что то, чего он не чувствует, то только и имеет ту жизнь, которую он один желал бы иметь. И это не то, что так кажется человеку, когда он унывает или падает духом. Это не такая мысль, которая находит от тоски и может пройти, когда человек повеселеет. Нет; — это самая очевидная и несомненная истина, и если мысль эта хоть раз придет человеку, или другие хоть раз растолкуют ее ему, то он никогда не отделается от нее, ничем ее из себя не выжжет.

Глава 2.

Люди давно поняли несообразность жизни только для себя, и лучшие люди всегда учили такой жизни, которая не имеет этой несообразности; но книжники и фарисеи скрывают от людей истинное учение.

Выходит, что человек сначала ищет блага только для самого себя, но не находит этого блага. Если бы он и нашел для себя что-то, похожее на благо, то всё-таки он знает, что жизнь его всё равно с каждым часом, с каждым дыханием приближается к тому, что для него есть величайшее зло, к страданиям, к смерти, к уничтожению.

Это ясно всякому, кто сколько-нибудь соображает, будь он молодой или старый, ученый или неученый. И это знали разумные люда с самых древних времен.

Давно уже люди поняли то, что если бы все люди думали только о своем собственном благе, то все они уничтожили бы друг друга, и сами бы уничтожились. Люди поняли, что такая жизнь была бы зла и бессмысленна, и что потому истинная жизнь не может быть такою. Эта невозможность живни для одного себя с давних пор была понята и указана великими мудрецами всех народов, — мудрецами и Индийскими, и

Китайскими, и Египетскими, и Греческими, и Еврейскими. С самых древних времен человеческий разум, поняв, что нет блага для отдельного человека, искал и старался понять такое благо, которое не уничтожилось бы ни борьбой людей между собою, ни страданиями, ни смертью. Просвещение людей от самых древних времен и до наших дней заключалось и заключается только в нахождении такого истинного блага человека, которое ничем не нарушается, и в уяснении его так, чтобы каждый мог понимать это.

Во все времена, у самых различных народов, великие учители указывали людям такое благо и такую жизнь, которые точно были благом и точно были жизнью. А так как все люди в одном положении, и для всех одинаково невозможно найти каждому человеку благо для себя одного, то и учения всех мудрецов о том, чтò есть истинное благо и истинная жизнь, одинаково находят и указывают его не в самом человеке, а вне его.

Китайский мудрец Конфуций еще за 600 лет до Рождества Христова сказал: «Жизнь — это распространение того света, который для блага людей сошел в них с неба».

Индийские брамины (священники) около того же времени говорили: «Жизнь — это улучшение душ, которые достигают всё большего и большего блага».

Индийский мудрец Будда, живший тогда же, сказал: «Жизнь — это отречение от себя для достижения блаженства».

Китайский учитель Лао-дзы тогда же говорил: «Жизнь — это путь смирения и унижения для достижения блага».

Еврейская мудрость говорит в Библии. «Жизнь это то, что вдунул Бог в ноздри человека для того, чтобы он через исполнение закона Божьего получил благо».

Мудрецы-стоики сказали: «Жизнь—это подчинение разуму, которое дает благо человеку».

Христос же, который жил после всех этих мудрецов, дал такое указание истинной жизни, которое соединило в себе все указания прежних мудрецов. Он сказал: «Жизнь — это любовь к Богу и ближнему, которая дает благо человеку».

Вот как, еще за тысячи лет до нас, великие мудрецы указывали людям настоящее, неуничтожаемое благо, вместо ложного и несообразного искания блага для себя одного.

Можно не соглашаться с этими мудрецами, можно предполагать, что есть другие, более верные учения о смысле жизни; но во всяком случае ясно, что мудрецы эти дают вместо искания блага для себя одного, которого нельзя получить, такое учение, по которому это благо, которого ищет человек, получается человеком. По словам их видно, что благо, которое ищет человек, достижимо. И на деле выходит, что много миллионов людей и прежде признавали и признают теперь такое

понимание жизни и блага, и показывают, что возможно вместо искания блага только для себя одного стремиться к такому благу, которое ничем не нарушается.

Но не все люди так понимают жизнь. Другие миллионы людей не понимают истинного смысла жизни и живут одною плотскою жизнью. Они не только не понимают того, что говорили мудрецы о той истинной жизни, которая спасает от бедственной жизни для одного себя, но даже не замечают того, что жизнь для одного себя не может не быть бедственна. Среди этих людей всегда были и теперь есть еще такие люди, которые считают себя учителями народа. Они сами не. понимают смысла человеческой жизни, но, как слепые вожди слепых, учили и учат других людей тому, чего сами не понимают; они учат, что настоящая жизнь человека есть именно та невозможная жизнь, при которой человек ищет блага для себя одного.

Одни из этих ложных учителей на словах исповедуют учения мудрецов, которые почитаются в их стране, но не понимают настоящего смысла этих учений. Так в христианских странах эти ложные учителя называют себя христианами, но не понимают самого смысла учения Христа. Во всех странах эти ложные учителя пристраиваются к тому из великих учений о жизни, которое в их земле почитается народом, будь это учение Браминское, Буддийское, Таосийское, Еврейское или Христианское, но вместо этих учений проповедуют свои выдумки о разных чудесных откровениях, о прошлой и будущей жизни людей и требуют исполнения выдуманных ими обрядов. Они учат, что вся земная жизнь человека в самом деле неразумна и что она может быть исправлена только верою в другую, загробную жизнь, которая приобретается исполнением внешних обрядов. Это учение фарисеев или духовенства.

Другие из этих ложных учителей, наоборот, не признают никакой другой жизни, кроме земной. Они не верят ни в какие чудеса и смело говорят, что вся жизнь человека в его плотском существовании от рождения и до смерти. Это учение книжников или теперешних ученых. Они учат, что нет ничего неразумного в том, что человек живет так, как живут все животныя — для своего личного блага и боряся с другими за свое существование.

Оба эти учения всегда враждовали и враждуют друг с другом. Духовенство и ученые наполняют мир своими спорами, и этими самыми спорами заслоняют от людей те объяснения жизни, которые были найдены мудрецами человечества и которые указывают путь к истинному благу людей.

Духовенство не понимает учений о жизни тех древних учителей, память которых почитается в той земле, где оно живет. Вместо этих истинных учений о жизни оно учит своим лжетолкованиям о будущей жизни и тем скрывает от людей объяснения жизни, которые дали истинные просветители человечества. Под конец духовенство так привыкает к тому суеверному перетолкованию, которое оно сделало из слов и жизни учителя, что ему кажется, что вся сила учения не в смысле, который давал жизни учитель, а в тех суеверных толкованиях и обрядах, которые оно придумало. А так как толкования и обряды в каждой стране

придуманы особенные свои, то духовенство уж не может видеть того единства, того объяснения смысла жизни всех истинных просветителей человечества. Бывает и то, что духовенство, понимая даже истинный смысл учения, скрывает единство учения мудрецов мира для того, чтобы удержать доверие людей к своим давнишним неразумным и ложным, особенным лжетолкованиям и обрядам.

Ученые же книжники, глядя на суеверные обряды фарисеев, не изучают тех учений мудрецов, на которых основались лжеучения фарисеев, а предполагая, что учение мудрецов и есть то самое, чему учат фарисеи, прямо не знают этих учений, считают глупыми всякие учения жизни и смело говорят, что учения великих мудрецов совсем неразумны и произошли только от грубого невежества. Книжники думают, что всё улучшение людей состоит в том, чтобы заниматься только плотской жизнью, и что ни о какой другой, духовной жизни и думать не нужно.

Глава 3.

Заблуждение ученых книжников.

И случилось удивительное дело. Учения всех великих мудрецов удивляли людей своей правдой. Хотя люди непонятливые и суеверные не могли вполне уразуметь этих учений, но величие учений и добродетельная жизнь самих мудрецов поражали их. Люди непонятливые и суеверные всегда готовы сочинять баснословные сказания обо всем том, что их поражает, но чего они не могут вполне понять, и потому они решили, что простые смертные не могли так мудро учить, и стали считать этих мудрецов полубогами и сочинять о их жизни всякие чудеса. Правда, что признание людей, хотя бы и очень мудрых, богами и приписыванье им чудесной силы есть заблуждение. Но дело в том, что возвеличивают так людей только таких, которые точно были великими мудрецами и благодетелями людей.

Ученые книжники этого не понимают и думают, что не от того, что велики учителя были, велики о них сложились чудесные сказания, а что просто без всякой причины люди взяли и выдумали басни о тех и других людях. И что, если выдуманы о каких людях басни, то эти люди или обманщики, или сами суеверные люди. А не понимают того, что такие великие мудрецы, как Брамины, Будда, Зороастр, Лаодзи, Конфуций, Исаия, Христос – только оттого и считаются полубогами и творцами разных чудес, что [их] учения были так важны, что переворачивали жизнь миллионов людей.

Заблуждение нынешних ученых людей виднее всего на том, как они смотрят на истинных учителей жизни, по которым человечество жило и образовывалось и продолжает жить и образовываться. В календарях своих образованные люди пишут, что существует 1000 вер, которые будто исповедуются всеми жителями земли. В число этих вер они включают и учения Будды, Браминов, Конфуция, Лаодзы и Христа. И

образованные люди взаправду думают, что вер — 1000, что они друг другу противоречат, что все они — вздор, и что изучать их не стоит. Эти люди стыдятся, когда они не успели прочесть самых новых умствований своих любимых ученых; но не стыдятся того, что не знают ничего о Браминах, Будде, Конфуции, Менции, Лао-дзы, Эпиктете, Исаии,— не знают даже и имени этих великих мудрецов человечества. Им и в голову не приходит, что люди в настоящее время исповедуют не тысячи вер, а только три: Китайскую, Индийскую и еврейско-христианскую (с своим отростком магометанства); что книги этих вер можно купить за 5 рублей и прочесть в две недели; и что в этих книгах, по которым жило и теперь без малого живет всё человечество, заключена вся высшая мудрость людская, — всё то, что сделало людей такими, какие они теперь. И в эти-то книги, — самые важные из всех книг, образованные и даже ученые книжники не хотят и заглядывать. Они думают, что не стоит знать того, что думали и делали те великие мудрецы, которые раскрыли людям истинное благо жизни. Книжники сами не понимают той несообразности жизни для одного себя, которая заставляет людей искать иную, разумную жизнь. Книжники смело говорят, что, так как они сами не видят этой несообразности, то ее и нет вовсе, и что у человека нет никакой другой жизни кроме плотской.

Зрячие понимают и объясняют то, что видят перед собой; слепой тыкает перед собой палкой и говорит, что и нет ничего, кроме того, что он ощупывает своей палкой.

Глава 4.

Книжники признают только плотское существование человека они думают, что вся жизнь человека только и состоит, что в жизни его тела.

Люди, не понимающие смысла истинной жизни человека, думают о жизни так:

«Жизнь это то, что делается в живом существе от рождения и до смерти. Родится человек, или собака, или лошадь,— у каждого свое особенное тело, и вот живет—живет это его тело, а потом умирает; тело гниет, идет в другие существа, а того прежнего существа уже нет. Была жизнь и кончилась жизнь; бьется сердце, дышат легкие, тело не гниет, значит жив человек, или собака, или лошадь; перестало биться сердце, кончилось дыхание, стало гнить тело — значит умер, и нет жизни. Жизнь и есть то, что происходит в теле человека или животного, от рождения его до смерти».

И вот теперь учение книжников, называющее себя наукой, признает это ложное понятие о жизни за единое истинное. Книжники пользуются наукой для того, чтобы повернуть людей назад в тот мрак, из которого они выбиваются тысячи лет с тяжелым трудом.

Книжники заблуждаются потому,что они ищут объяснения жизни не в том,

где его только и можно найти.

Мы знаем, что жить наша в том, что мы желаем себе блага. В этом желании себе блага — и основа и признак всякой жизни; и потому в этом желании себе блага и следует искать смысла жизни. Если я признаю лошадь, собаку или клеща, сидящего на ней, за живые существа, то это только потому, что я вижу в лошади, собаке, клеще то самое желание себе блага, какое я знаю в себе. И только тогда пойму, в чем благо и жизнь других существ, когда сперва пойму, в чем мое благо и моя жизнь. Для того чтобы понять всякую жизнь, я должен сначала понять свою жизнь, а для этого я должен понять самого себя,— свою душу.

Но книжники говорят, что мы заблуждаемся, когда мы хотим понять нашу собственную жизнь. Они говорят, что такого блага, к которому мы стремимся, вовсе и нет на самом деле, и что жизнь не заключается в желании себе блага. Книжники говорят, что мы поймем жизнь тогда только, когда будем понимать тело человека, животных и всяких других существ. Они не соображают того, что жизнь тела есть только часть человеческой жизни, а не вся его жизнь. Ведь, кроме жизни тела, человек сознает в себе и жизнь духовную; и потому по жизни тела никак нельзя супить о всей жизни человека. Духовную жизнь нельзя наблюдать и изучать, как можно наблюдать тело и вещество. Жизнь духа человек знает в самом себе; и когда человек знает в себе жизнь духа, то он считает ее за главное в своей жизни. Тогда видимое плотское свое существование он считает только за часть всей своей жизни, и притом — за самую неважную часть. Книжники же, вместо всей жизни человека, берут только видимую ее часть — плотское существование и начинают только одну ее изучать. Изучение это так сложно, так многообразно, так запутано, так много времени и усилия тратится на него, что книжники совсем отучаются думать о духовной жизни человека.

Не веря, в духовную сторону человеческой жизни, книжники приравняли человеческую жизнь к жизни животных, и думают, что и человек живет только для того, чтобы сохранять себя, плодиться и бороться за свое существование, как делают это и все животныя.

До такого безобразного понимания жизни довела книжников их ложная наука. Но заблуждение их ясно всякому человеку, лишь только в нем зарождается разумное понимание жизни.

Глава 5.

Люди, которые не находят смысла жизни ни у себя, ни у фарисеев, ни у книжников, живут согласно существующим обычаям, хотя и не видят в них никакого разумного смысла.

Заблуждающиеся люди находят себе помощь в ложных учениях и говорят:

«Нечего объяснять жизнь: всякий ее знает, вот и всё, и давайте жить». Они не знают, что такое жизнь и ее благо: но им кажется, что и они живут истинною жизнью. Это всё равно, как если бы волны носили человека по морю, а ему бы казалось, что это он сам плывет туда, куда ему надобно и хочется.

Родится ребенок в нужде или в достатке, и его обучают фарисеи или книжники. Пока он ребенок или юноша, он не понимает еще несообразности жизни только для себя; и потому ему не нужны еще толкования ни фарисеев, ни книжников. Он учится и руководится пока одним только примером людей, живущих вокруг него. А пример этот и фарисеев и книжников одинаков: все они живут только для блага себя самих и этому же поучают и ребенка.

Если родители ребенка или юноши живут в нужде, то он научается от них тому, чтобы приобретать побольше хлеба и денег и как можно меньше работать, для того, чтобы ему одному было как можно лучше. Если он родился в достатке, то он научается тому, чтобы жить в богатстве и почестях для того, чтобы как можно приятнее и веселее проводить время.

Бедный употребляет все свои знания только на то, чтобы увеличить достаток свой, а богатый употребляет все свои знания только на то, чтобы ему не было скучно, а было бы весело. Чем дальше живет юноша, и бедный и богатый, тем сильнее и сильнее впитывает он в себя мирское учение. Он женится, заводится семьей; а семья заставляет его хлопотать еще больше о своем достатке. Таким образом у него усиливается борьба с другими, и он всё больше и больше привыкает жить только для своего собственного блага.

Бывает так, что бедный или богатый человек задумается о том, разумно ли он живет, и он спросит себя: зачем эта погоня за большим достатком и большими удовольствиями, о которых так хлопочу я и будут хлопотать мои дети? Зачем все эти заботы, когда я вперед знаю, что они непременно кончатся только страданиями и смертью для меня и для моих детей? Если человек задумается об этом и захочет узнать правду, то редкому удается узнать те объяснения жизни, которые еще тысячи лет тому назад великие мудрецы нашли для человечества, — так плотно заслоняются от людей эти объяснения учениями книжников и фарисеев.

Фарисеи на вопрос о том: зачем эта бедственная жизнь? — отвечают: «Жизнь всегда была бедственною и должна быть такою; ты напрасно ищешь блага в теперешней нашей земной жизни, благо было прежде, но теперь потеряно людьми; оно будет опять, но не в этой жизни, а в будущей, загробной. Прошедшего блага вернуть нельзя, а для того чтобы получить благо в загробной жизни, тебе нужно исполнять обряды, которые мы предписываем».

Но тот человек, у которого зародились сомнения, видит очень ясно, что все люди всё-таки ищут своего блага, и что сами фарисеи ищут того же здесь, в этой жизни; и потому он чувствует неправду их слов, не верит им и обращается к книжникам.

Книжники говорят ему: «Все учения о другой какой-то жизни, а не о

той, какую мы видим во плоти, происходят от необразованности. Все твои сомнения — одни только праздные мечтания. Жизнь миров, земли, человека, животного, растения имеет свой порядок, свои законы; и вот эти-то законы мы и изучаем. Мы изучаем и то, что ожидает миры в будущем, как остынет солнце, и что было и будет с человеком и со всяким животным и растением. Мы можем показать и доказать, что всё так было и будет, как мы говорим. Но о твоей духовной жизни и о твоем искании блага мы ничего тебе сказать не можем. То, что мы можем сказать тебе, это ты и без нас знаешь, а именно: живешь, так и живи, как получше».

И оказывается, что человек, если задумается о своей жизни, не получит на свои сомнения никакого разумного ответа ни от фарисеев, ни от книжников, и останется попрежнему без всякого другого руководства в жизни, кроме одного желания блага себе самому.

Одни из задумывающихся людей говорят себе: «А что, как правда всё то, чем пугают фарисеи за неисполнение их предписаний?» И эти люди, ив страха наказания в будущей жизни исполняют в свободное время все предписания фарисеев, рассчитывая, что во всяком случае потери от этого не будет, а выгода может быть большая в том случае, если фарисеи говорят правду. Другие соглашаются с книжниками. Эти прямо не верят ни в какую другую жизнь, ни в какие обряды и говорят себе: «Не я один, а все так жили и живут; что будет, то будет». Так и не получают эти люди никакой помощи в своей жизни ни от фарисеев, ни от книжников.

А жить надо.

Жизнь всякого человека состоит из ряда поступков от вставания до постели. Каждый день с утра и до вечера человек должен выбирать, какие поступки он совершит из всех поступков, которые он может совершить. Фарисейское учение духовенства как будто объясняет тайны небесной жизни; ученые книжники занимаются изысканиями того, как произошли человек и весь мир и что с ними будет. Но ни то, ни другое учение не дает никакого руководства для поступков человека. А без руководства в выборе своих поступков человек не может и жить. И вот тут-то человек, волей-неволей, махает рукой на всякие рассуждения и начинает делать то, что делают люди вокруг него.

Во всяком обществе людей каждый отдельный человек большею частью живет именно так, как живут люди кругом него. Жить так, «как люди живут», делать то, что «люди делают», не имеет никакой разумной причины; но тем не менее так всегда поступали и поступают теперь многие миллионы людей: они просто и по привычке подражают тому, что делают другие вокруг них; и чем меньше человек понимает смысл своей жизни, тем сильнее властвует над ним эта привычка подражать людям.

По этой привычке китаец ставит свечки на дощечке в память своих родителей, магометанин ходит на богомолье к гробу своего пророка, индеец произносит тысячи раз под ряд одно какое-нибудь молитвенное слово, военный защищает свое знамя с опасностью для своей жизни, дворянин убивает своего собрата на поединке, кавказский горец мстит за обиженного родственника, православный в одни дни ест такие-то

кушанья, в другие — другие. По этой привычке человек убирает свое жилище, как все; празднует похороны, родины, свадьбы, как все; родители обучают своих детей, как все; словом думают, говорят и поступают все, как все. И жить, как все, такие люди называют приличием, обычаем, обязанностью, даже — священной обязанностью.

Есть даже глупые пословицы, которые повторяют, потому что все их повторяют, и которые прямо говорят, что следует подражать обычаю: «Обычай — не клетка, — не переставишь». «Не нами установилось, не нами и переставится». «Что в людях ведется, то и у нас не минется» и другие такие же.

И вот этому-то обычаю и подчиняется большинство людей. С самого своего детства человек видит, что все люди вокруг него делают то, что по обычаю принято делать, и — делают это самоуверенно, важно, словно это самое главное дело. Когда человек не знает, что ему надо делать по настоящему, то он всегда будет делать то, что делают другие, и — будет при этом уверять себя, что это очень разумно. Если он сам не понимает, зачем нужно делать то, что делают все, то он утешает себя тем, что другие люди знают это. Но на самом деле никто этого не знает, — те, другие, сами не понимают смысла этих дел и совершают их тоже только из подражания и боязни насмешки и укоров. Мы думаем, что другие требуют от нас, чтобы мы совершали эти дела; а другие думают, что мы требуем от них того же самого. И так люди невольно обманывают друг друга и всё больше и больше привыкают делать дела, смысла которых они не понимают. Люди привыкают даже думать, что в таких поступках есть какой-то таинственный смысл, непонятный для них самих. И выходит, что чем меньше люди понимают смысл этих дел, тем их считают важнее, — чем менее в них разумности, тем торжественнее они их совершают. И богатый и бедный делают то, что делают все, и они говорят себе, что они должны так поступать, — что в этом их святая обязанность. Они усыпляют свой разум тем соображением, что дела эти непременно должны быть хорошими, потому что очень много людей давным-давно их совершают и уважают. И до глубокой старости доживают люди, думая, что если они сами не знают, зачем они живут, то это знают другие. Но эти другие так же мало, как и они, знают, зачем они живут.

Так поколение за поколением вырастают, глядя на эту бессмысленную сутолку и думая, что это и есть настоящая жизнь. Они видят, что старые, седые, почтенные и всеми уважаемые люди участвуют в этой толкотне; и молодые люди уверяются, что, кроме этой безумной сутолки, другой жизни никакой нет; они сами начинают делать то же самое: они принимают участие в этой толкотне и, когда приходит смерть, уходят, не видавши истинной жизни.

Это всё равно, как если бы человек не знал, что такое собрание, и захотел бы пойти на собрание. Он подходит к дому, внутри которого происходит собрание; но у дверей он видит, как теснится и шумит толпа людей; он решает, что это и есть самое собрание, и, потолкавшись у дверей среди этой толпы, уходит домой с помятыми боками и совсем уверенный, что он был на собрании. А между тем, собрание происходило в самом доме, и человек этот даже и не попал туда.

Так бывает и с жизнью. Устраивают люди железные дороги и телеграфы и телефоны, измеряют солнце и звезды, выдумывают пушки и ружья, цари пишут письма друг другу и указы, устраивают училища, гимназии, университеты, ученые общества, торгуют, возят товары с места на место и говорят себе: «Это ли не жизнь?»

Но истинной жизни во всем этом нет: она остается в стороне. И все эти громкие дела по большей части не что иное, как давка обезумевшей толпы у дверей жизни.

Глава 6.

Внутреннее раздвоение человека, живущего мирскою жизнью.

«Но истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божья и, услышав, оживут». И время это приходит.

Одни люди говорят, что благая и разумная жизнь бывает только за гробом, в раю, а не здесь, на земле. Другие говорят наоборот, что благая и разумная жизнь бывает только тогда, когда человек живет для самого себя. Но человек, который ищет истины, не может верить ни тем, ни другим людям. В глубине души своей он чувствует, что жизнь его должна быть благом, — должна иметь разумный смысл. Отказываться же от блага в этой жизни в надежде получить блага в будущей, или же в этой жизни жить только для своего собственного, отдельного блага, которое получить невозможно, — такая жизнь есть зло и бессмыслица.

Человек размышляет так: «Мне говорят: живи для будущей жизни в раю; но если теперешняя моя земная жизнь — та жизнь, которую одну я знаю — бессмысленна, то почему же мне думать, что там, дальше, за гробом жизнь будет не бессмысленна? Напротив того, вернее думать, что если бессмысленна та единственная жизнь, которую я знаю, то и всякая жизнь сама по себе бессмысленна, и что никакой другой, кроме бессмысленной жизни, и быть не может».

«Другие говорят: живи в свое удовольствие для самого себя. Но ведь я уже знаю, что такая моя жизнь не может дать счастья».

«Что же мне делать? Жить для своей семьи? Для своей общины? Жить для своего отечества, или хотя бы для всего человечества? Но если моя собственная жизнь бедственна и бессмысленна, то так же бессмысленна и жизнь всякого другого человека, — и всякого собрания людей; а потому бессмысленна и жизнь семьи, отечества, человечества».

«Жить так, как другие? Да ведь я знаю, что другие, так же, как и я, сами не знают, зачем они живут».

Приходит время, когда ложные учения перестают удовлетворять человека, и он останавливается посреди жизни и требует объяснения.

Всё яснее и яснее слышится человеку голос разума, человек чаще и чаще прислушивается к этому голосу; и приходит время и пришло уже, когда этот голос разума стал слышнее, чем другой голос — голос плоти, призывающий к жизни для самого себя и к слепому исполнению людских предписаний. Человек всё яснее и яснее видит, что жизнь для самого себя есть пустая приманка, которая не может дать блага. Он также видит, что исполнение людских предписаний есть только обман, лишающий его возможности слушаться того разумного и благого начала, от которого он исшел. Человек уже более не может верить в то, чего он не понимает. Обман, который требовал такой слепой веры, уже износился, и нельзя возвращаться к нему.

Прежде говорили: «Не рассуждай, а верь тому, что мы предписываем. Разум обманет тебя. Одна только наша вера откроет тебе истинное благо жизни». И человек старался верить и верил. Но когда он узнал людей, которые верят в совершенно другую веру и говорят, что эта другая вера только одна настоящая, то ему пришлось решить, какая из вер вернее; а решить это он может только разумом.

Человек и всегда познает всё через разум, а не через веру. Когда человек знает одно только свое вероисповедание, то он еще может думать, что он познает через веру, а не через разум. Но как только человек знает две веры, и видит людей, исповедующих иную веру так же, как он свою, то ему неминуемо приходится решить дело своим разумом. Последователь буддийской веры, если он познает магометанскую веру и притом останется буддистом, поступит так же не по вере, а по разуму. Как только ему захочется узнать, чья вера правее, его ли старая вера, или — новая, которую ему предлагают, то он будет узнавать это непременно разумом. И если он, узнав магометанскую веру, остался буддистом, то прежняя слепая вера в Будду уже основана у него на соображениях его разума.

Стараться влить в человека духовную пищу через веру помимо разума — это всё равно, что стараться питать человека не через рот.

Люди различных вероисповеданий теперь уже настолько узнали друг друга, что увидели общую им всем разумную основу познания; и они не могут уже вернуться к прежним заблуждениям; и наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божья и, услышав, оживут.

Заглушить этот голос нельзя, потому что голос этот не чей-нибудь один голос, а голос всего разума человеческого.

Только такой человек, который не знает людей, иначе думающих, чем он, или который настолько поглощен приобретением себе насущного хлеба, что не имеет времени думать ни о чем другом, — только такой человек может еще верить в то, что его спасут те дела и обряды его веры, которые ему предписывают жрецы этой веры.

Обманы ложных учений становятся теперь ясными для большинства людей,

и только люди, забитые нуждою или отупевшие от похотливой жизни, могут еще не видеть этого обмана.

Чаще и чаще просыпаются люди к разумению истинной жизни, как бы оживают в гробах своих. И несмотря на то, что люди всеми силами стараются скрыть от себя несообразность мирской жизни, она режет им глаза.

«Вся жизнь моя есть желание себе блага», говорит себе пробудившийся человек, «разум же мой говорит мне, что блага этого для меня быть не может. Что бы я ни делал, чего бы ни достигал, всё кончится одним и тем же: страданиями и смертью, уничтожением. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумного смысла; а вместо того во мне и кругом меня я вижу: зло, смерть, бессмыслицу. Как быть? Как жить? Что делать? спрашивает себя человек, и ответа нет.

Человек оглядывается вокруг себя и ищет ответа на свой вопрос и не находит его. Он найдет вокруг себя учения, которые ответят ему на то, чего он вовсе не спрашивает; но ответа на то, что он спрашивает, он не найдет в окружающем мире. Есть только одна суета людей, делающих, сами не зная зачем, дела, которые другие делают, также сами не зная зачем.

Все живут, как будто они не сознают бедственности своего положения и бессмысленности своих дел. «Или они безумны, или я», говорит себе проснувшийся человек. «Но все не могут быть безумны: стало-быть, безумен-то я. Но нет, — тот голос разума, который я в себе слышу, не может быть безумен», говорит себе проснувшийся человек. «Пускай он будет один против всего мира, но я не могу не верить ему».

И человек страдает от этого противоречия.

Ему кажется, что разум его есть причина этого раздвоения и страдания.

Оказывается, что жизнь человека отравляется, и чем же? Его разумом, — тою высшею способностью человека, которая необходима для его жизни и которая дает ему, нагому, беспомощному человеку, возможность пользоваться одними силами природы и бороться против других, — дает ему возможность существовать и наслаждаться. Что за удивительное дело! Во всем окружающем мире все живые существа имеют то, что нужно им для их блага. Растения, насекомыя, животныя подчиняются своему закону и живут блаженной, радостной и спокойной жизнью. И вдруг в человеке высшее свойство его природы — разум его — производит в нем такое мучительное состояние, что часто — всё чаще и чаще в последнее время — человек убивает себя, только бы избавиться от того невыносимого внутреннего раздвоения, которое в нем происходит от пробуждения его разума.

Глава 7.

Внутреннее раздвоение в человеке происходит от того, что он смешивает свою животную, плотскую жизнь с своей человеческой, духовною.

Когда в человеке пробуждается разумение истинной жизни, то ему кажется, что оно разрывает и останавливает его жизнь. Но ему так кажется только потому, что он раньше считал за свою жизнь то, что не было, не есть и не могло быть его жизнью.

Человеку кажется, что он жил настоящею жизнью и когда был младенцем, ребенком, и когда был юношей и возмужалым человеком. Он жил, как ему кажется, очень давно и все время не переставая жил, и вот вдруг дожил до того времени, когда ему стало несомненно ясно, что жить так, как он жил прежде, нельзя, и что жизнь его останавливается и разрывается.

Ему казалось, что жизнь его есть то, что происходит с ним в промежутке времени от рождения до смерти. Он, глядя на видимую жизнь животных, смешал свою истинную жизнь с жизнью животной и совершенно уверился в том, что эта видимая плотская жизнь и есть его настоящая жизнь.

Но вот пробудилось в нем истинное разумение и потребовало от него то, чего плотская жизнь не может вместить. Разумение указывает ему, что он неверно понимал свою жизнь, но ложное, языческое учение мешает ему увидать свою ошибку: он не может отказаться от той мысли, что его плотское существование и есть сама жизнь, и ему кажется, что жизнь его остановилась с самого того времени, как он захотел разумной жизни. Но то, что остановилось и что он называл своей жизнью, не было его настоящей жизнью. Он называл своею жизнью свое плотское существование от рождения; но это никогда и не было его жизнью. На самом деле понятие о прожитой жизни явилось у человека только при пробуждении его разума. До пробуждения его разума у него не было никакой истинной жизни.

Во время своего ребячества человек жил, как животное и ничего не знал о жизни. Если бы человек прожил 10 месяцев, он бы ничего не знал ни о своей, ни о какой бы то ни было жизни: он так же мало знал бы о жизни, как и тогда, когда бы он умер в утробе матери. И не только младенец, но и неразумный взрослый или совершенно слабоумный человек не могут знать про то, что они живут и живут другие существа. И потому они не имеют истинной человеческой жизни.

Истинная жизнь человеческая начинается с того времени, как проявляется разумение жизни. Разумение жизни открывает человеку и его прошлую и настоящую жизнь, и жизнь других людей.

Человек думает, что он знает и может обозначить время, в течение которого происходит его жизнь, как он обозначает время жизни всяких животных. И вдруг в человеке пробуждается разумение истинной жизни, появляется духовная жизнь, которая не совпадает со временем плотского рождения человека и которую нельзя обозначить временем. И

человек не хочет верить тому, что такая жизнь, для которой нет времени, может действительно быть жизнью. Но сколько бы человек ни старался найти то время, с которого началась его духовная жизнь, он никогда не найдет его.

Когда он станет вспоминать свою прошлую жизнь, он не найдет этого начала своей духовной жизни. Ему кажется, что истинное разумение жизни всегда было в нем. Если же он в своей прошлой жизни видит нечто похожее на начало этого разумения, то начало это он видит уже никак не в своем; плотском рождении. Он ясно понимает, что происхождение его разума совсем иное, чем его плотское рождение. Когда человек думает о начале своей разумной жизни, то он никогда не думает, что оно родилось от его отца, матери, дедов и бабок, живших в такое-то время. Думая о своей духовной жизни, человек чувствует себя как бы слитым в одно с духовною жизнью других людей, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. Человек не может увидеть, откуда произошла в нем его духовная жизнь. Он чувствует, что жизнь эту нельзя приурочить ни к какому времени и ни к какому месту, но что она сливается с другими духовными жизнями так, что они входят в нее и она — в них.

И вот эта духовная жизнь, — жизнь разума, — которая пробудилась в человеке, как будто останавливает то, что люди, не пробудившиеся к истинной жизни, называют жизнью, но что на самом деле есть не жизнь, а только приготовление к жизни. Людям, не проснувшимся к жизни истинной, кажется, что жизнь их останавливается как раз тогда, когда она пробуждается.

Глава 8.

На самом деле раздвоения и несообразности нет в человеческой жизни, они являются только при ложном учении.

То мучительное состояние внутреннего раздвоения, в которое вступают люди при пробуждении в них разумения истинной жизни, происходит только от того ложного, языческого, дохристианского учения, в котором человек воспитывается и поддерживается, и по которому признается, что человеческая жизнь есть его плотское существование от рождения до смерти.

Человеку, который находится в этом заблуждении, кажется, что жизнь раздваивается в нем.

Человек знает, что жизнь его одна, а чувствует их две. С таким человеком происходит нечто подобное тому, что бывает, когда перекрутишь два пальца и между ними катаешь шарик: шарик один, а чувствуешь их два.

Человек был научен считать за настоящую жизнь одно свое плотское

существование. Но когда разум его пробудился, он взглянул на жизнь и увидал две жизни, — ту, которую он прежде считал жизнью и — ту, которая действительно есть.

Такому человеку непременно покажется, что его разум болен и извращен, раз этот разум не признает блага в плотском существовании и ищет другого блага.

Но разумный человек неминуемо убеждается в невозможности блага в жизни для одного себя. Человек непременно придет к этой мысли точно так же, как птица непременно доживает до того времени, когда полетит на крыльях вместо того, чтобы бегать ногами. Если же бывает и так, что оперившийся птенец бегает ногами, то это не значит, чтобы ему нельзя было летать. — Точно так же, если мы видим людей, у которых разумение еще не пробудилось, и которые полагают свое благо в жизни для самого себя, то это не значит, чтобы человеку нельзя было жить разумною жизнью. Пробуждение человека к истинной жизни бывает так мучительно только потому, что языческое учение мира уверяет людей, будто плотская жизнь и есть сама жизнь, а появление истинной жизни, напротив того, есть прекращение жизни.

С людьми в нашем мире, которые вступают в истинную жизнь, случается нечто подобное тому, что бывает с девушкой, от которой скрыли, что она должна быть матерью. Она чувствует свою телесную зрелость, но не знает еще, что это новое для нее состояние нужно ей для того, чтобы она была способна родить ребенка и исполнять радостные обязанности матери; и потому она считает свое состояние за болезнь и неправильность и приходит в отчаяние.

Подобное же отчаяние чувствуют люди нашего мира при пробуждении к истинной жизни.

Положение человека, в котором проснулась разумная жизнь, но который всё еще считает свою плотскую жизнь за истинную жизнь, — можно сравнить еще вот с чем:

Человеческая жизнь есть жизнь более высокая, чем жизнь животных, потому что у человека есть такой разум, какого нет у животных. Жизнь же животных выше жизни растений, потому что животныя чувствуют и соображают, чего не могут растения. Теперь положим, что какое-нибудь животное не захотело бы жить своей животной жизнью, а решило бы, что оно должно жить низшей жизнью, — такою же точно жизнью, как растения, т. е. что оно ничего не должно делать по своей собственной воле и соображению, а должно только лежать на одном месте и жить той жизнью, которая сама собою в нем будет действовать подобно тому, как действует жизнь в растениях. Такое животное чувствовало бы в себе мучительное внутреннее раздвоение. «Жизнь моя, — думало бы оно, — состоит в том, чтобы жить как растения, т. е. не двигаясь, лежать на одном месте и дышать, — так, чтобы жизнь моего тела действовала сама собой без моего участия. А вот мне хочется двигаться, питаться, искать самца или самку». И такое животное страдало бы от этого раздвоения. Для того, чтобы его страдания прекратились, такому животному нужно перестать жить жизнью растения, а начать жить тою жизнью, которая ему свойственна, как животному.

То же делается и с человеком, если он хочет жить низшею, плотскою жизнью, какою живут все животныя, вместо того, чтобы жить разумною жизнью, свойственной человеку. Жизнь разумная требует от человека не того, что требует его плотская жизнь. И потому, если человек понял то, чего требует от него высшая жизнь, но продолжает жить только плотскою жизнью, то он непременно почувствует мучительное внутреннее раздвоение. Но как животному для того, чтобы перестать страдать, нужно жить свойственной животному жизнью, а не жизнью растений, так точно и человеку для того, чтобы уничтожить в себе внутреннее раздвоение, нужно жить своею настоящею — разумною жизнью, а не жизнью животного; и тогда плотская жизнь человека станет под начало его разумной жизни и будет служить ей.

Глава 9.

Рождение истинной жизни в человеке.

Истинная жизнь всегда хранится в человеке, как хранится жизнь в зерне, и наступает время, когда жизнь эта делается видна. Истинная жизнь в человеке начинается с того, что плотская природа тянет человека к мирским, плотским удовольствиям, духовное же разумение показывает ему невозможность блага в такой жизни и указывает на какое-то другое благо. Человек вглядывается в это другое благо, которое еще далеко от него; но он сначала не в силах ясно разглядеть его, не верит в это благо и возвращается назад к плотскому благу. Но хотя разум еще и неясно указывает человеку свое новое благо, он зато уже вполне ясно показывает ему невозможность плотского блага, и человек опять отказывается от этого плотского блага и опять вглядывается в то новое благо, которое раскрывается перед ним. Разумное благо ему еще не видно ясно, но плотское благо сделалось невозможным; человеку уже нельзя продолжать наслаждаться плотскою жизнью, и он начинает по-новому понимать плотскую и духовную жизнь свою. Человек начинает рождаться к истинной человеческой жизни.

Происходит то, что происходит в природе при всяком рождении. Плод родится не потому, что он хочет родиться, не потому, что ему лучше родиться, или что он знает, что хорошо родиться; плод родится потому, что он созрел, и ему нельзя уже жить в прежнем виде; он должен начать новую жизнь не потому, что новая жизнь как бы зовет его, а потому, что прекратилась возможность жить попрежнему.

Духовная жизнь незаметно вырастает в человеке и дорастает до того, что жить ради удовольствия плоти делается для человека невозможным.

Происходит совершенно то же, что происходит при зарождении всего: то же уничтожение верна и проявление нового ростка; та же кажущаяся борьба между зерном и ростком и то же питание ростка на счет разлагающегося зерна. Разница для нас рождения духовной жизни от

видимого нами плотского зарождения состоит в том, что при плотском рождении мы видим, когда и где, из чего, как и что рождается из зародыша; знаем, что верно есть плод, что из посеянного зерна выйдет растение, что на нем будет цвет, а потом — плод такой же, как зерно, — одним словом, на глазах наших совершается весь круговорот жизни растения. Между тем, как роста духовной жизни человека мы не видим во времени, не видим круговорота ее, потому что мы сами совершаем его: наша жизнь есть ничто иное, как рождение того невидимого нам существа, которое рождается в нас и потому-то, хотя мы и знаем, но никак не можем видеть его.

Мы не можем видеть рождения этого нового существа, этого возрастания духовной жизни над плотской так же, как зерно но может видеть роста своего стебля. Когда мы начинаем замечать в себе духовную жизнь, нам кажется, что в нас происходит какая-то несообразность. Но несообразности нет никакой, как нет несообразности в прорастающем зерне. В прорастающем зерне мы видим только, что жизнь, бывшая прежде в оболочке зерна, теперь уже в ростке его. Точно так же и в человеке, в котором проснулась духовная жизнь, нет никакой несообразности, а есть только рождение нового существа, вырастание разумной жизни из жизни плотской.

Если человек живет, не всматриваясь в окружающую его жизнь, не зная, что наслаждения не удовлетворят его, что он умрет, то он не знает даже и того, что он живет, не понимает своей жизни, и тогда он не чувствует ни раздвоения, ни несообразности.

Если же человек увидал, что жизнь других людей такая же, как и его жизнь, что ему нельзя избегнуть страданий, что вся плотская жизнь его есть медленная смерть; если разумение истинной жизни стало раскрывать ему тщету плотской жизни, он уже более не может класть свою жизнь в этот обман, а будет класть ее в ту новую жизнь, которая открывается ему.

Глава 10.

Разум открывает человеку тот закон, по которому должна совершаться его жизнь.

Истинная жизнь человека состоит в том, чтобы плотскую жизнь подчинять духовной. Эта истинная жизнь начинается только тогда, когда человек познает, что его плотская, животная жизнь не может дать ему блага. Познание же это начинается тогда, когда в человеке пробуждается разумение жизни.

Но что же такое это разумение жизни? Евангелие Иоанна начинается тем, что «слово», т. е. разумение, разум, мудрость — есть начало, и что в нем всё, и от него всё. Объяснить, что такое разум, нельзя, потому что разум-то и есть то самое, что объясняет всё.

Разум нельзя объяснить, да нам и незачем объяснять его, потому что мы все не только знаем его, но только один разум и знаем. Когда мы находимся в общении друг с другом, то общаемся разумом. Мы знаем, что разум и есть та единственная основа, которая соединяет в одно всех нас живущих. Разум мы знаем вернее и прежде всего, так что всё, что мы знаем в мире, мы знаем только через разум. Мы знаем и нам нельзя не знать разума. Нельзя, — потому что разум это тот закон, по которому должны неизбежно жить разумные существа — люди. Разум для человека эти — тот закон, по которому совершается его жизнь, — такой же закон, как для животного тот закон, по которому оно питается и плодится, — как для растения тот закон, по которому растет, цветет трава, дерево, — как для мертвых тел тот закон, по которому движутся земля и светила. Этот закон разума, который мы признаем за закон нашей жизни, есть тот же закон, по которому совершается всё то, что мы видим в мире вне себя. Разница только в том, что для нас в нашей жизни — это тот закон, который мы сами должны совершать; в мире же, вне нас, всё совершается по этому закону, только без нашего участия. Всё, что мы видим в мире, вне себя, всё что совершается в небесных светилах, в животных, в растениях, во всем мире, — есть подчинение того, что существует, закону разума. Во внешнем мире, везде, во всем мы видим это подчинение закону разума; в себе же мы знаем, что это тот закон, который мы сами должны совершать.

Закон нашей человеческой жизни заключается в том, что наше животное тело подчиняется разуму, — другими словами, в подчинении нашей плоти нашему духу. И этот закон мы нигде не видим, не можем его видеть, потому что он не совершился еще, но совершается нами в нашей жизни. В исполнении этого закона, в подчинении нашей плоти нашему духу для достижения блага и состоит наша истинная жизнь.

Когда же мы не понимаем этого и принимаем существование нашей плоти за всю нашу жизнь, тогда мы отказываемся от своей истинной жизни, потому что плоть наша подлежит своим законам, не зависящим от нас. Жизнь плотская совершается независимо от нас: мы не можем сделать на голове своей ни одного волоса черным или белым. Жизнь нашей плоти, несмотря на то, что она связана с нашим разумением, происходит независимо от него, как и жизнь всякой плоти. Во власти нашей не то, чтобы сделать себя сильным или слабым, больным или здоровым, а то, чтобы и сильную и слабую, больную или здоровую плоть свою подчинить разуму, т. е. заставить исполнять то, что предписывает разум. Приписывая свойства истинной жизни нашей плоти, мы, как ленивые работники, отказываемся от заданной нам работы, на место истинной жизни подставляем то видимое существование нашей плотской жизни, которое совершается без нашего участия, и потому лишаем себя труда и награды, а потому и блага нашей истинной жизни.

Глава 11.

Истинная жизнь человеческая не зависит от места и времени.

Жизнь человека есть стремление к благу, и благо это достигается борьбой и победой духа над плотью.

Человек не знает и не может знать иной человеческой жизни, кроме разумной духовной жизни.

Животное мы признаем живым только тогда, когда, кроме вещества, из которого состоит его тело, в нем есть еще та сила жизни, которая управляет телом, заставляет его двигаться, питаться, плодиться. Если эта жизненная сила еще не начиналась или уже кончилась, то мы не признаем животное живым, но говорим, что перед нами лежит бездушное вещество.

Точно так же человека можно признавать живым истинной человеческой жизнью только тогда, когда животная жизнь в человеке подчиняется разуму. Это подчинение плотской жизни разуму и есть истинная человеческая жизнь.

Мы не признаем животной жизни там, где есть одно только бездушное вещество, — где вещество это не управляется той силой жизни, какая бывает у животных. Точно так же мы не признаем, человеческой жизни ни в других, ни в себе, как скоро нет подчинения плотской жизни разуму, как скоро в человеке действует одна только сила плоти.

Как бы ни были быстры и сильны движения человека в бреду, в сумашествии, в предсмертных судорогах, в пьянстве, в порыве страсти даже, — мы не признаем такого человека живым, не относимся к нему как к живому человеку. Мы признаем только, что человеческая жизнь может в нем проявиться в том случае, если он оправится от своего бреда, сумасшествия, опьянения. Но как бы слаб и неподвижен ни был человек, — если мы видим, что плотская жизнь его подчинена разуму, то в таком человеке мы признаем человеческую жизнь и так и относимся к нему.

Человеческая жизнь проявляется в плоти, но сущность ее зависит не от плота, а от того, насколько плоть подчиняется разуму.

Чем больше плоть подчиняется разуму, тем больше блага достигается человеком. Если в человеке не увеличивается подчинение плоти разуму, то, значит, человеческая духовная жизнь его останавливается. Если же подчинение плоти разуму увеличивается в человеке, то, значит, жизнь такого человека возвышается и усиливается. Она всё больше переходит из области плотской в высшую область духовной жизни.

Плотское существование имеет начало и конец: оно зависит от места и времени. Духовное же не знает ни начала ни конца. Это — сама сила жизни, которая поднимает нас в высоту. У этой силы нет границ, и она не зависит ни от места ни от времени.

Человеку представляется, что жизнь его останавливается и раздваивается. Но на самом деле это не так. Задержек и колебаний истинной жизни нет и не может быть: они только кажутся при ложном

взгляде на жизнь. Бывает же это вот от чего.

Человек начинает жить истинною жизнью: он как будто поднимается над жизнью животной и смотрит на нее с высоты. Он видит всю непрочность своего плотского существования, которое неизбежно кончается смертью. Человек как бы шел по площади, пределы которой ему были не видны. Потом он вдруг взлетел на высоту и сверху увидал, что площадь, по которой он шел, обрывается со всех сторон пропастями. Человек сначала не понимает, что этот подъем на высоту и есть сама жизнь, и он ужасается перед тем, что увидал с высоты. Вместо того, чтобы пригнать силу, поднимающую его в высоту, своею жизнью, вместо того, чтобы отдаться этой силе и подниматься выше и выше, человек ужасается перед тем, что открылось ему с высоты, и нарочно спускается вниз, ложится как можно ниже, чтобы не видать обрывов, открывающихся ему. Но сила просветленного разума опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает, что истинная его жизнь не находится на той площади, которая со всех сторон обрывается пропастями.

Человеку надо понять, что жизнь его только в движении в высоту, — что благо и жизнь заключается только в подчинении плоти закону разума. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, — что, если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его.

Только от недостатка веры и происходят те колебания истинной жизни, остановки ее и странное внутреннее раздвоение, которые человек замечает в себе на первых порах развития в нем духовного разумения.

Только такому человеку, который считает свое плотское существование истинной своего жизнью, кажется, что духовное разумение только временами проникало в его плотское существование. И, глядя на свое духовное разумение, человек спрашивает себя, когда и как оно в нем появилось? Но сколько бы человек ни разбирал свое прошедшее, он никогда не найдет этих времен появления духовного разумения. То ему покажется, что духовное разумение никогда не было, то кажется, что оно всегда было в нем. Когда человек полагает свою жизнь в своем плотском существовании в известном месте и в известное время, то и свое разумение он хочет измерять тою же меркой; тогда он спрашивает себя: «когда, как, сколько времени находился я в обладании разумением?» Промежутки между пробуждениями разумения существуют только для такого человека, который полагает свою жизнь в своем плотском существовании. Для человека же, полагающего свою жизнь в том, в чем она и есть, в деятельности разумения, не может быть этих промежутков.

Жизнь разумения есть. Она одна есть. Промежутки времени одной минуты или 50 000 лет безразличны для нее, потому что для нее нет времени. Жизнь человека истинная, — та жизнь, из которой он составляет себе понятие о всякой другой жизни, есть стремление к тому благу, которое достигается подчинением плоти закону разума. Ни разум, ни сила его преобладания над плотью не зависят от места или времени. Истинная

жизнь человеческая не знает никаких пределов времени или места.

Глава 12.

Истинная человеческая жизнь ведет к отречению от блага плотского существования.

Жизнь есть стремление к благу. Стремление к благу есть жизнь. Так понимали, понимают и всегда будут понимать жизнь все люди. И потому жизнь человека есть стремление к человеческому благу, а стремление к человеческому благу и есть жизнь человеческая. Люди, не понимающие истинной жизни, полагают благо человека в его плотском блоге.

Заблуждение это происходит от того, что люди смешивают плотское существование человека с его разумением. А между тем, отдельное плотское существование есть не только у человека, но и у каждого животного. Разумение же, понимание смысла жизни бывает только у человека. Разумение выше и шире плотского существования.

Животное может жить только для своего тела, — и ничто не мешает ему жить так. Оно удовлетворяет потребностям только своего тела и служит только своему роду, хотя при этом животное и не понимает того, что такое отдельное плотское существование. Разумный же человек не может жить только для своего тела. Он не может так жить, потому что он знает, что у него свое отдельное существование, а потому знает, что и другие существа имеют так же, как и он, каждое свое особое существование, — знает и всё то, что от этого происходит.

Если бы человек стремился только к благу своего тела, любил только себя, свое отдельное существование, то он не думал бы о других существах и не знал бы, что они также любят себя, как не знают этого животные; но если человек знает, что он существо, стремящееся к тому же, к чему стремятся и все окружающие его существа, он не может уже стремиться только к одному своему отдельному благу.

Человеку только кажется иногда, что когда он стремится к благу, то имеет в виду свое отдельное существование. Ошибка эта происходит от того, что человек воображает себе, что нужды его тела должны составлять главную заботу его разума.

Но разум всегда показывает человеку, что благо и жизнь не заключаются в удовлетворении его плотских нужд. Разумение неудержимо влечет человека к тому благу и той жизни, которые свойственны ему и которые не умещаются в его отдельном плотском существовании.

Обыкновенно думают и говорят, что когда человек отказывается от своего плотского блага, то он совершает подвиг. В действительности же это не есть ни достоинство, ни подвиг, потому что в этих случаях человек не может сделать иначе. Когда человек понял всю

невозможность и призрачность плотского блага, когда он понял, что истинно и прочно только то благо, на которое указывает его разумение, то он непременно отрекается от блага своего отдельного плотского существования.

Для животного жизнь есть только то, что увеличивает благо его тела. Но для человека — как раз наоборот. Такая деятельность человека, которая имеет целью достижение только плотского блага, не есть истинная человеческая жизнь.

Животное не обладает тем разумом, который показывает ему всю бедственность и непрочность его существования, и потому для него высшая цель жизни заключается в благе своего тела и в продолжении своего рода. Человеку же его разумение раскрывает истинное, духовное благо его жизни, которое не совпадает с его плотским благом.

Для человека плотская жизнь служит только ступенью, с которой он должен подняться выше для достижения истинного духовного блага, которое совсем не зависит от блага его тела.

Принято считать, будто для человека жизнь его есть кусок времени от рождения и до смерти его тела. Но это не есть жизнь человеческая; это только плотское существование человека. Жизнь же человеческая есть нечто такое, что только проявляется в плотском существовании, точно так же, как жизнь животная есть нечто такое, что только проявляется в существовании вещества.

Человек сначала думает, что цель его жизни заключается в удовлетворении требований его собственного плотского существа. И думает он так потому, что цель эта ему видна и понятна.

Другая же цель жизни, на которую указывает ему его разумение, кажется человеку непонятной, потому что она невидима. И человеку сначала страшно отказаться от видимого и отдаться невидимому.

Человеку кажутся просты и ясны требования его плотской жизни, которые исполняются сами собою и видимы и на себе и на других. Новые же, невидимые требования разумения кажутся человеку излишними, и удовлетворение их кажется ему сложным и неясным, потому что оно не делается само собою, а надо его совершать самому. Страшно и жутко отречься от прежнего ясного понятия о жизни и отдаться новому, еще смутному пониманию ее, как страшно и жутко было бы ребенку рожаться, если бы он мог чувствовать свое рождение, — но делать нечего, когда очевидно, что видимое представление плотского существования непременно кончается смертью, а невидимое сознание духа одно имеет жизнь.

Глава 13.

Плотское существование есть орудие жизни.

Никакие рассуждения ведь не могут скрыть от человека той очевидной, несомненной истины, что его плотская жизнь непременно погибает, приближается к смерти, и что потому в его плотском существовании не может быть истинной жизни.

Человек видит, что его плотское существо от рождения и детства до старости и смерти постоянно тратится и убывает и неизбежно кончается смертью. А, между тем, человек, полагающий свою жизнь в своем плотском существовании, постоянно желает, чтобы это его отдельное существование не прекращалось, но, напротив, всё дальше продолжалось. И потому такой человек как бы раздваивается. Он постоянно страдает и испытывает на себе зло, тогда как единственный смысл его жизни есть стремление к благу.

И потому отречение от блага плотского существования есть закон жизни человеческой. Если человек не исполняет этого закона свободно, подчиняясь своему разумению, то закон этот совершается в нем насильно при его плотской смерти, когда он от тяжести страданий будет желать одного: избавиться от мучительного сознания своего погибающего плотского существования и перейти в другой вид существования.

Вступление в жизнь и сама жизнь человека подобна тому, что совершается с лошадью, которую хозяин выводит из конюшни и впрягает. Когда лошадь выходит из конюшни, видит свет и чует свободу, то ей кажется, что в этой свободе и заключается ее жизнь; но ее впрягают и трогают. Она чует за собой тяжесть и, если она думает, что жизнь ее в том, чтобы бегать на свободе, она начинает биться, падает, убивается иногда. Но если она не убьется, ей только два выхода: или она пойдет и повезет, и увидит, что тяжесть не велика, и езда не мука, а радость; или отобьется от рук, и тогда хозяин сведет ее на рушильное колесо, привяжет арканом к стене, колесо завертится под ней, и она будет ходить в темноте на одном месте, страдая, но ее силы не пропадут даром: она сделает свою невольную работу, и закон исполнится и на ней. Разница будет только в том, что первая лошадь будет работать радостно, а другая невольно и мучительно.

«Но для чего дано мне это мое тело, если я, человек, должен отречься от наслаждений плотской жизни, чтобы получить истинную жизнь?» Так говорят люди, признающие свое плотское существование настоящей и единственной своею жизнью.

Плотское существование, в котором застает себя человек, и которое он призван подчинять своему разумению, есть не преграда, но орудие, которым он работает. Плотское существование для человека — это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать и, копая, тупить ее и точить, тратить, а не очищать и хранить. Это талант, данный ему для прироста, а не для хранения. «И кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее. И кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее».

В этих словах сказано, что сберечь нельзя то, что должно погибнуть и

не переставая погибает, — а что только отрекаясь от того, что погибнет и должно погибнуть, т. е. от нашей плотской жизни, мы получаем нашу истинную жизнь, которая не погибает и не может погибнуть. Сказано то, что истинная жизнь наша начинается только тогда, когда мы перестаем считать жизнью то, что не было и не могло быть для нас жизнью, наше плотское существование. Сказано то, что тот, кто будет только беречь лопату, данную ему для приготовления себе пищи, которая поддерживает жизнь, — тот, сберегши лопату, потеряет и пищу, и жизнь.

Глава 14.

Рождение духом.

«Должно вам родиться снова», сказал Христос. Не то, чтобы человеку кто-нибудь велел родиться, но человек неизбежно приведен к этому. Чтобы иметь жизнь, ему нужно вновь родиться в этом существовании духовным разумением.

Человеку дано разумение с тем, чтобы он положил жизнь в том благе, которое открывается ему разумением. Тот, кто в этом благе положил жизнь, тот имеет жизнь; тот же, кто не полагает в нем жизни, а полагает ее в благе плотского существования, тот этим самым лишает себя жизни. В этом состоит объяснение жизни, данное Христом.

Те люди, которые признают жизнью свое стремление к плотскому благу, слышат эти слова и не то, что не признают, а не понимают, не могут понимать их. Им кажутся эти слова или ничего не значащими, или значащими очень мало, означающими некоторое, напущенное на себя, чувствительное настроение. Они не могут понимать значения этих слов, объясняющих такое состояние, которое им недоступно, как не могло бы сухое, непроросшее семя понимать состояние семени, отсыревшего уже и наклюнувшегося. Для сухих зерен то солнце, которое светит на рождающееся к жизни семя, не имеет никакого особенного значения: но для наклюнувшегося семени оно есть причина рождения к жизни. Точно так же для таких людей, которые не дожили еще до внутреннего несообразия между плотскою жизнью и духовным разумением, свет солнца разума не имеет никакого особенного значения. Солнце оживляет только тех, в ком зародилась уже жизнь.

О том же, как зарождается она, почему, когда, где, не только в человеке, но и в животных и растении, никто никогда и не узнал. О рождении ее в человеке Христос сказал, что никто этого не знает и не может знать.

И в самом деле: что может знать человек о том, как зарождается в нем жизнь? Жизнь есть свет человеков, жизнь есть жизнь, — начало всего. Как же может знать человек о том, как она зарождается? Зарождается и погибает для человека то, что не живет, то, что показывается только

в известном месте и в известное время. Жизнь же истинная есть, и потому она для человека не может ни зарождаться, ни погибать.

Глава 15.

Чего требует разум.

Да, разум ясно говорит человеку, что при том устройстве мира, которое он видит вокруг себя, ему, его плоти, блага быть не может. Жизнь его есть желание блага себе — именно себе, и он видит, что благо это невозможно. Но странное дело: несмотря на то, что он видит несомненно, что благо это невозможно ему, он всё-таки живет одним желаньем этого невозможного блага, — блага только себе.

Человек, у которого разум только проснулся, но не успел еще подчинить себе плотской жизни, если он не убивает себя, то живет еще только для того, чтобы достигнуть этого невозможного блага: живет и действует такой человек только для того, чтобы благо было ему одному, чтобы все люди и даже все существа жили и действовали только для того, чтобы ему одному было хорошо, чтобы ему было наслаждение, для него не было страданий и не было смерти.

Удивительное дело: несмотря на то, что и опыт свой, и наблюдение жизни всех окружающих, и разум, несомненно, ясно показывают каждому человеку, что это недостижимо, показывают ему, что невозможно заставить другие живые существа перестать любить самих себя и принудить их любить только его, — несмотря на это, жизнь большинства людей только в том, чтобы богатством, властью, почестями, славой, лестью, обманом, как-нибудь, но заставить другие существа жить в угоду им одним.

Люди делали и делают всё, что могут, для этой цели и вместе с тем видят, что они делают невозможное. «Жизнь моя есть стремление к благу», говорит себе человек. «Благо возможно для меня только, когда все будут меня любить больше, чем самих себя; а все существа любят только себя, — стало-быть, всё, что я делаю для того, чтобы их заставить любить меня, бесполезно. Бесполезно, а другого ничего я делать не могу».

Проходят века: люди узнают расстояние от звезд, узнают их вес, узнают, из чего они состоят; а как решить, в чем благо каждого отдельного человека, как ему найти свое счастье, когда жизнь мира идет наперекор желаниям отдельного человеческого существа и делает для него благо невозможным, — всё это и теперь остается нерешенным для большинства людей, как было и для людей за 5000 лет назад.

Разум говорит человеку: да, ты можешь иметь благо, но только, если все будут любить тебя больше самих себя. И тот же разум показывает человеку, что этого блага быть не может, потому что все любят больше

всего самих себя. И потому единственное благо, которое разум показывает человеку, этот же самый разум от него опять закрывает.

Проходят века, и загадка о благе жизни человека остается для большинства людей тою же неразрешимою загадкою. А, между тем, загадка разгадана давным-давно. И всем тем, которые узнают разгадку, всегда удивительным кажется, как они сами не разгадали ее, — кажется, что они давно уже знали, но только забыли ее: так просто и само собою напрашивается разрешение загадки, казавшейся столь трудной среди ложных учений нашего мира.

Ты хочешь, чтобы все жили для тебя, чтобы все любили тебя больше себя? Есть только одно средство, при котором желание твое может быть исполнено. Для этого надо, чтобы все существа жили бы для блага других и любили бы других больше себя. Тогда только все существа были бы любимы всеми, и ты, в числе их, получил бы то самое благо, которого ты желаешь. Если же благо возможно тебе только тогда, когда все существа любили бы других более себя, то и ты, живое существо, должен любить другие существа более себя самого.

Только в этом случае возможно благо и жизнь человека, и только в этом случае уничтожается то, что отравляло жизнь человека, — уничтожается борьба существ, мучительность страданий и страх смерти.

В самом деле, отчего невозможно благо плотского существования? Во-первых, от того, что есть борьба между собой существ, ищущих плотского блага; во-вторых, от того, что есть обман наслаждения, приводящий к трате жизни, к пресыщению, к страданиям; и, в-третьих, оттого, что есть смерть. Но стоит только человеку перестать стремиться к своему отдельному благу и начать доставлять благо другим существам, и он тотчас же найдет то единственное благо, которое действительно достижимо.

Стоит человеку положить свою жизнь в том, чтобы доставлять благо другим, и вся его прежняя безумная деятельность ради своего недостижимого плотского блага заменяется другою разумною деятельностью. Такая жизнь согласна с назначением человека и имеет целью самое большое общее благо, а вместе с тем и благо отдельных людей.

Когда человек стремился к своему собственному отдельному благу, то он видел в мире неразумную борьбу существ, губящих друг друга.

Но стоит человеку положить всю свою жизнь на благо других, чтобы увидать в мире совсем другое: увидать, что рядом с борьбою существ есть и постоянное взаимное служение их друг другу, — то служение, без которого мир не мог бы существовать.

Другая причина, вследствие которой так бедственна жизнь для самого себя, и которая делает благо для человека невозможным, есть обманчивость плотских наслаждений, которые растрачивают жизнь и приводят к пресыщению и страданиям.

Но стоит человеку пригнать свою жизнь в стремлении к благу других, и

уничтожается обманчивая жажда наслаждений. Жить для того, чтобы искать наслаждений и радостей плотских — всё равно, что наполнять бездонную бочку; такая жизнь, праздная и мучительная, заменяется деятельностью, согласной с законами разума, для поддержания жизни других существ. И свои собственные страдания и несчастия заменяются чувством сострадания к другим, а из этого чувства происходит, несомненно, плодотворная и самая радостная деятельность.

Третья причина бедственности плотской жизни есть страх смерти.

Но стоит человеку признать свою жизнь не в своем плотском благе, а в благе других существ, и пугало смерти навсегда исчезнет из глаз его.

Ведь страх смерти происходит только от страха потерять блага плотской жизни, когда наступит смерть.

Но если бы человек мог полагать свое благо в благе других людей, т. е. любил бы их больше себя, то смерть не казалась бы ему тем прекращением блага жизни, каким она кажется человеку, живущему только для себя. Смерть для человека, живущего для других, не могла бы казаться уничтожением блага и жизни, потому что благо и жизнь других людей не прекращаются при плотской смерти человека, служащего им, но очень часто еще увеличиваются и усиливаются, когда человек приносит в жертву свою жизнь для блага ему подобных.

Глава 16.

Еще доказательство того же.

«Но это не жизнь», скажет возмущенный заблудший человек. — «Это отречение от жизни, самоубийство». — «Ничего этого не знаю», — отвечает просветленный разум, — «знаю, что такова жизнь человеческая, и другой нет и быть не может. Знаю более того, — знаю, что такая жизнь есть жизнь и благо и для человека, и для всего мира. Знаю, что прежде жизнь моя и жизнь всего мира казалась мне злом и бессмыслицей, теперь же я понимаю, что жизнь есть исполнение того высшего закона разума, который вложен в человека.

«Знаю, что только этим путем служения каждого всем (и, таким образом, — служения всех каждому) может быть достигнуто наибольшее благо жизни каждого существа, и притом такое благо, которое будет увеличиваться без конца».

«Но если это и желательно, то это неисполнимо», — скажет возмущенный заблудший человек. — «Теперь другие не любят меня больше себя, и потому и я не могу любить их больше себя и ради них лишаться наслаждений и подвергаться страданиям. Мне дела нет до закона разума; я себе хочу наслаждений и себе хочу избавления от страданий. Но теперь существует борьба существ между собою, и, если я один не

буду бороться, другие задавят меня. Мне всё равно, какое желательно наибольшее благополучие всех, — мне нужно теперь наибольшее мое собственное благо». Так говорит заблудший человек.

«Ничего не знаю про это», — отвечает разум. — «Знаю только, что то, что ты называешь своими наслаждениями, только тогда будет благом для тебя, когда ты не сам будешь брать, а другие будут давать их тебе».

«Но теперь, когда ты сам для себя хочешь их ухватывать, — теперь ты будешь испытывать от твоих наслаждений неудовлетворение или излишество. Только тогда ты избавишься от действительных страданий, когда другие будут тебя избавлять от них, а не ты сам, — как теперь, когда из страха воображаемых страданий ты лишаешь себя самой жизни.

«Знаю, что жизнь для самого себя, жизнь такая, при которой необходимо, чтобы все любили меня больше всех, и я любил бы только себя, и при которой я мог бы получить как можно больше наслаждений и избавиться от страданий и смерти, — знаю, что такая жизнь есть величайшее и не перестающее страдание. Чем больше я буду любить себя и бороться с другими, тем больше другие будут ненавидеть меня и тем злее бороться со мной; чем больше я буду ограждаться от страданий, тем они будут мучительнее; чем больше я буду ограждаться от смерти, тем она будет страшнее.

«Знаю, что, что бы ни делал человек, он не получит блага до тех пор, пока не будет жить сообразно закону разумной жизни. Закон же этот не есть борьба, а, напротив, взаимное служение существ друг другу.[249]

«Всё это я знаю, но я полагаю свою жизнь только в своем собственном отдельном существовании, и мне невозможно полагать ее в благе других существ».

«Ничего не знаю», — говорит просветленный человек, — знаю только то, что моя жизнь и жизнь мира, которые прежде казались мне злой бессмыслицей, теперь имеют для меня цельный, разумный смысл: обе эти жизни живут и стремятся к одному и тому же благу через подчинение одному и тому же закону разума, который я знаю в себе».

«А мне невозможно это», говорит заблудший человек. И вместе с тем нет человека, который не делал бы этого самого невозможного и в этом самом невозможном не полагал бы лучшего блага своей жизни.

«Невозможно полагать свое благо в благе других существ», говорят люди в минуту заблуждения. А, между тем, нет человека, который хоть когда-нибудь не бывал в таком состоянии, при котором благо других становилось его благом. «Невозможно полагать благо в трудах и страданиях для другого», говорит заблудший человек. А стоит человеку отдаться этому чувству сострадания, — и наслаждения его собственного отдельного существа теряют для него смысл, и сила жизни его переходит в труды и страдания для блага других, и страдания и труды становятся для него благом. «Невозможно жертвовать своей жизнью для блага других», думает человек с непросветленным разумом. А стоит человеку познать это чувство, и смерть не только не видна и не страшна ему, но делается высшим доступным ему благом.

Разумный человек не может не видеть того, что если вместо того, чтобы стремиться к своему благу, он станет стремиться к благу других существ, то жизнь его, вместо прежнего неразумия и бедственности, станет разумною и благою. Он не может не видеть и того, что, если такая же перемена произойдет и в других людях и существах, то жизнь всего мира, вместо прежнего безумия и жестокости, станет тем высшим разумным благом, которого только и может желать человек. — Вместо прежней бессмысленности и бесцельности, жизнь мира получает для него разумный смысл. Такой человек познает, что цель жизни мира есть то нескончаемое просветление и единение существ мира, к которому идет жизнь. И в этой просветлении и единении сначала люди, а потом и все существа более и более подчинятся закону разума и будут понимать то, что дано понимать теперь одному человеку, что благо жизни достигается не стремлением каждого существа к своему собственному отдельному благу, а стремлением, согласно с законом разума, каждого существа к благу всех других.

Но мало того: когда мы признаем, что, вместо того, чтобы стремиться к своему благу, мы должны стремиться к благу других существ, то мы увидим, что по этому пути и двигалось вперед человечество и те живые существа, которые ближе к человеку. Во всем человечестве замечается постепенное большее и большее отречение от жизни для себя и перенесение своих забот от себя на другие существа. Сравнивая теперешнюю жизнь человечества с прежнею, мы видим, что движение общей жизни не в усилении и увеличении борьбы существ между собою, а, напротив, в уменьшении несогласия и в ослаблении борьбы. Мы видим, что движение жизни только в том, что мир, подчиняясь разуму, из вражды и несогласия приходит всё более к согласию и единству. Люди, поедавшие друг друга, перестают поедать; убивавшие пленных и своих детей перестают их убивать: военные, гордившиеся убийством, перестают этим гордиться; люди, учреждавшие рабство, уничтожают его; убивавшие животных, начинают приручать их и меньше убивать; начинают питаться вместо тела животных их яйцами и молоком; начинают и в мире растений уменьшать их уничтожение. Мы видим, что лучшие люди человечества осуждают поиски за наслаждениями, призывают людей к воздержанности, а самые лучшие люди, восхваляемые потомством, показывают примеры жертвы своим существованием для блага других.

Мы видим, что та жизнь для других, которую мы по разуму признали единою истинною, она сама действительно понемногу и достигается в мире и в настоящее время, и в прежние века.

Но мало и этого. Это самое еще с другой стороны обнаруживается человеку еще яснее, чем разумом и прошлою жизнью человечества. В самом сердце человека заложено стремление, которое влечет его, как к благу, к той самой жизни для других, которую указывает ему его разум. Это стремление сердца называется любовью.

Глава 17.

Требования плотского существования как будто не согласуются с требованиями высшего разума. Требуется не отречение от плотского существования, а подчинение его разумению.

И разум, и рассуждение, и прошлая жизнь человечества, и внутреннее чувство человека, — всё, казалось бы, убеждает человека в справедливости такого понимания жизни; но человеку, воспитанному в учении мира, всё-таки кажется, что исполнение требований его разумения и его внутреннего чувства не может быть законом его жизни.

«Не бороться с другими за свое собственное благо, не искать наслаждений, не предотвращать страдания и не бояться смерти! И как же я отрекусь от своего плотского блага, когда я чувствую требования моего тела, и разум мой говорит мне, что требования эти справедливы?» Так говорят с полною уверенностью образованные люди нашего мира.

И замечательное дело. Люди рабочие, простые, неученые почти никогда не защищают требования плотской жизни и всегда чувствуют в себе такие требования, которые идут в разрез с плотскими требованиями. Только между людьми богатыми и образованными встречаются такие, которые совсем не признают требований духовного разумения и утверждают, что самая разумная жизнь заключается в удовлетворении требований плотского существования.

Человек образованный, изнеженный, праздный всегда будет доказывать, что всякий имеет полное право жить только для самого себя, ибо всякому нужно есть и прежде всего нужно позаботиться о самом себе.

Человек же голодающий не будет доказывать, что человеку нужно есть, — он знает, что все это знают, и что этого ни доказать, ни опровергнуть нельзя: он будет есть, когда можно, сколько ему нужно, и не будет об этом рассуждать.

Происходит это от того, что человек простой, необразованный, всю жизнь свою работавший телом, не извратил своего разума и сохранил его во всей чистоте и силе.

Человек же досужий и образованный всю свою жизнь занимался тем, что размышлял о самых пустых и ничтожных вещах, о которых вовсе нет надобности думать человеку, и поэтому он развратил свой разум; разум не свободен у него. Разум занят неподходящим ему делом — обдумыванием потребностей своего отдельного существа, увеличением их и придумыванием способов их удовлетворить.

«Но я чувствую требования моего отдельного существа, и потому эти требования и справедливы», говорят образованные люди, воспитанные мирским учением.

И нельзя им не чувствовать требований своего плотского существования. Вся жизнь этих людей тратится на увеличение требований различных удобств и удовольствий для самих себя. Всё, что

только ни придет им в голову, всё это они считают вполне позволительным требованием для себя. И так как нет конца всему тому, что может прийти человеку в голову, то нет конца и требованиям этих праздных людей. Они все усилия свои употребляют на удовлетворение этих требований и потому не обращают внимания на требования истинной жизни.

Почему же мы не чувствуем требований своего разумения, а чувствуем одни потребности своего плотского существования? Потому что мы употребляем весь наш разум на усиление наших животных похотей, которые владеют нами и скрыли от нас нашу истинную человеческую жизнь. Сорная трава разросшихся пороков задавила ростки истинной жизни.

Да как же и не быть этому в нашем мире, когда те, которые считаются учителями других, прямо признают, что высшее совершенство каждого человека заключается в том, чтобы у него было как можно больше потребностей, и что благо народа в том, чтобы у него было много потребностей и он мог бы удовлетворять их.

Понятно, что люди, воспитанные в таком учении, говорят, что они не чувствуют требований разума, а чувствуют одни потребности своего плотского существования. Да как же им и чувствовать требования разума, когда весь разум их без остатка ушел на усиление их похотей, и как и им отречься от требований своих похотей, когда эти похоти поглотили всю их жизнь.

«Невозможно отказаться от своего плотского существования», говорят обыкновенно эти люди, нарочно путая дело и показывая вид, будто им предлагают не подчинить свое плотское существование закону разума, а совсем отказаться от плотского существования.

Это против законов природы, говорят они, и потому невозможно, Да никто и не говорит об отречении от плотского существования. Плотская жизнь так же нужна человеку на земле, как необходимо для животного дыхание. Как животному отказаться от дыхания? Про это и говорить нельзя. Так же нельзя говорить разумному человеку и об отречении от плотского существования.

Истинные законные требования плотской жизни всегда могут быть удовлетворены. Не может человек говорить, что я буду есть или во что оденусь? Все эти потребности обеспечены человеку так же, как птице и цветку, если только он живет разумной жизнью. И в самом деле, никакой разумный человек не воображает себе, чтобы обеспечением своего плотского блага он мог бы уменьшить бедственность своего существования.

Глава 18.

Чувство любви является тогда, когда человеческое существо подчиняется духовному разумению.

Разумный человек не может жить только для того, чтобы удовлетворять нуждам своего собственного отдельного существа. Не может, потому что все пути заказаны ему: нет никакой возможности удовлетворить всем своим плотским нуждам, которых бывает тем больше, чем больше их: удовлетворяют. Разум указывает человеку другие цели, которые не только возможно достигнуть, но которые удовлетворяют разумению истины. Сначала, однако, под влиянием ложного учения мира, человеку кажется, что эти разумные цели не согласуются с благом его отдельного существования.

Человек чувствует в себе два начала: он чувствует, что в нем живет разумение, и вместе с тем он чувствует свое отдельное плотское существование. У человека, воспитанного в нашем мире, так разрослись всякие похоти, что при всем его желании ему трудно отдаться своему разумному началу. В своем отдельном плотском существе он чувствует, будто в самом деле живет; между тем как ему кажется, что разумение его само по себе не живет и не стремится к жизни, а только со стороны смотрит на жизнь, наблюдает ее. У такого человека разумение как будто не стремится к жизни, а плотская жизнь страдает, потому что она видит всю свою непрочность и бессмысленность. И потому такому человеку, если только разум его вполне не просветится, остается одно — избавиться от жизни.

Так и учат некоторые ученые нашего времени. Они говорят, что самое разумное дело для человека это лишить себя жизни. Эти ученые проповедуют другим самоубийство, но сами не убивают себя. Зато последнее время всё большее и большее число молодых людей убивают себя, не видя в жизни ничего, кроме зла.

Самоубийство кажется этим несчастным людям единственным спасением от неразумия человеческой жизни нашего времени.

Рассуждение ученых, проповедующих самоубийство, и тех несчастных, которые действительно убивают себя, таково: есть во мне отдельное плотское существо, которое стремится к жизни. Это существо с своими стремлениями не может пол учить удовлетворения. Есть во мне еще другое начало — мое разумение. Оно не стремится к жизни, оно только со стороны смотрит на всю ложную жизнерадостность, на все страстные стремления плотского существования и указывает на их бессмысленность.

Отдайся я своему плотскому существованию, я вижу, что живу безумно и иду к бедствиям, всё глубже и глубже погружаюсь в них. Отдайся я своему разумению, — во мне не останется стремления к жизни. Я вижу, что жить для одного того, для чего мне хочется жить, для моего собственного счастья, — нелепо и невозможно. Для разумения же и можно бы жить, да незачем и не хочется. Служить тому началу, от которого я исшел, — Богу? Зачем? У Бога, если Он есть, и без меня найдутся служители. А мне зачем?

Смотреть на всю эту игру жизни можно, пока не скучно. А скучно, —

можно уйти, убить себя.

Это нелепое понимание жизни появилось у людей еще до Соломона, до Будды, и признается за истинное ложными учителями нашего времени.

Требования плотского существования приняли такие громадные размеры, так разрослись, так загромоздили собою всю жизнь человека, что ему кажется, что кроме них ничего и нет у него, и потому, когда разум противодействует этим требованиям, то человек воображает себе, что разум противодействует всей его жизни. Ему кажется, что если откинуть из его жизни всё то, что порицает разум, то ничего не останется. Он не видит уже того, что остается. Остаток ему кажется ничем, а, между тем, в этом-то остатке и содержится вся истинная жизнь человека.

Но свет во тьме светит, и тьма не может объять его.

Учение истины уничтожает ту несообразность, по которой человеку кажется, что ему приходится или отдаться безумной жизни, или же совсем лишить себя жизни.

Учение истины, которое всегда и называлось евангелием, т. е. учением о благе, указало людям, что, вместо того обманчивого плотского блага, которого они ищут, они не то, что могут получить когда-то, где-то, но всегда имеют сейчас, здесь самое настоящее благо, всегда доступное им и такое, которое никто не может отнять у них.

Благо это не есть что-то такое, что существует только на словах, или что надо отыскивать где-то, не есть благо, обещанное где-то и когда-то, а есть то самое знакомое человеку благо, к которому всегда стремится каждая неразвращенная душа человеческая.

Все люди с самых первых детских лет знают, что, кроме блага своего отдельного плотского существования, есть еще одно лучшее благо жизни, которое не только не нуждается в удовлетворении плотских похотей, но, напротив, бывает тем больше, чем больше человек отказывается от своего плотского блага.

Все люди знают это чувство, — которое уничтожает все несообразности жизни человеческой и дает наибольшее благо человеку. Чувство это есть любовь.

Жизнь есть подчинение плотского существования закону разума. Разум есть тот закон, которому для своего блага должно быть подчинено плотское существование человека. Любовь есть единственная разумная деятельность человека.

Плотская жизнь человека для самого себя стремится к благу. Разум указывает человеку обманчивость блага жизни для самого себя и открывает один путь для истинной жизни. Путь этот есть отречение от себя.

Плотское существо человека требует блага; разум показывает человеку несчастие всех существ, борящихся между собою, показывает ему, что

блага для его плотского существа быть не может, показывает ему, что единственное благо, возможное ему, было бы такое, при котором не было бы ни борьбы с другими существами, ни прекращения блага, пресыщения им, не было бы предвидения и ужаса смерти.

И вот, то самое благо, на которое указывает ему разум, человек находит в душе своей, как находят ключ к замку, который хотят отпереть. И чувство это не только уничтожает прежнее несообразие жизни, но даже как бы нуждается в этом несообразии для своего действия.

Другие плотские существа для своей выгоды хотят воспользоваться плотским существом человека. А чувство любви побуждает человека отдать свое существование на пользу других существ.

Плотская личность людей страдает. Любовь побуждает человека облегчать эти страдания людей. Плотское существо желает себе блага, но с каждым дыханием оно, напротив того, приближается к величайшему злу, — к смерти и, предвидя это, оно лишается всякой возможности блага для себя. А чувство любви не только уничтожает страх смерти; но побуждает человека совсем пожертвовать своим плотским существованием для блага других.

Глава 19.

Истинная любовь не может быть у тех людей, которые не понимают смысла своей жизни.

Всякий человек знает, что в чувстве любви есть что-то особенное, — такое, что способно уничтожить все несообразности жизни и давать человеку то полное благо, к которому он стремится всей своей жизнью. «Но ведь это чувство бывает у человека только изредка, продолжается не долго, и после него наступают еще худшие страдания», говорят люди, не разумеющие жизни.

Эти люди не понимают, что в любви заключается весь истинный смысл жизни. Этим неразумным людям кажется, что любовь — это просто одно из тех многих и разных настроений, в которых бывает человек: бывает, что человек щеголяет, бывает, что он увлекается наукою или искусством, бывает, что увлечен службою, честолюбием, приобретением богатства, бывает, что он любит кого-нибудь. А не понимают того эти люди, что любовь есть вся истинная жизнь, данная человеку, что в любви — вся сущность жизни человеческой. Люди непросветленные полагают, что любовь есть такое же мимоходное настроение, как и все другие настроения, которым подвергается человек во время своей жизни. Даже можно часто прочесть в книгах или услышать от людей такое суждение, что любовь есть мучительное настроение, которое нарушает правильное течение жизни. Нечто подобное тому, что должно казаться сове, когда восходит солнце.

Правда, люди, думающие так, чувствуют, что в состоянии любви есть что-то особенное, более важное, чем во всех других настроениях. Но люди эти не понимают жизни, и потому они не могут понимать и любви; и состояние любви кажется им таким же бедственным и таким же обманчивым, как и все другие состояния. Один стихотворец сказал:

«Любить?.. Но кого же?

На время не стоит труда,

А вечно любить невозможно»...

Словами этими признается, что в любви должно бы быть спасение от бедствий жизни и единственное состояние, похожее на истинное благо; но вместе с тем в словах этих признается и то, что любовь к смертным людям не может служить спасением. Любить некого, и всякая любовь проходит. И потому любовь могла бы быть благом только тогда, когда было бы кого любить, и был бы тот, кого можно любить вечно. А так как этого нет, то и нет спасения в любви, и любовь — такой же обман и такое же страдание, как и всё остальное.

И так, и не иначе, как так, могут понимать любовь люди, учащие и сами научаемые тому, что жизнь есть ничто иное, как плотское существование.

Люди, полагающие жизнь в плотском существовании, очень часто считают любовью то, что вовсе не есть истинная любовь. Они, например, называют любовью то чувство, по которому мать для блага своего ребенка отнимает другую мать от ее голодного ребенка, берет ее к себе в кормилицы, тревожится о том, успешно ли пойдет кормление своего ребенка, и вовсе не думает о том другом ребенке, у которого отнято материнское молоко; — считают любовью то чувство, по которому отец, чтобы оставить богатое наследство своим детям, отнимает последний кусок хлеба у голодающих людей; — то чувство, по которому влюбленный в женщину сам страдает от этого и заставляет ее страдать тем, что соблазняет ее или из ревности губит себя и ее; — то чувство, по которому бывает даже, что человек влюбленный насильничает женщину; — то чувство, по которому люди одного товарищества наносят вред другим, чтобы отстоять своих; — то чувство, по которому человек занимается каким-нибудь любимым своим делом, которое причиняет горе и страдание окружающим его людям; — то чувство, по которому люди не могут стерпеть оскорбления любимому отечеству и из-за этого устилают поля убитыми и ранеными, своими и чужими.

То чувство, по которому совершаются все эти поступки, люди, не разумевшие жизни, называют любовью. Но в действительности во всем этом нет и тени истинной любви.

Для людей, полагающих жизнь в благе своего плотского существа, бывает не только трудно оказывать любовь, но даже мучительно, а часто — и невозможно. Люди, не понимающие жизни, обыкновенно говорят, что не надо рассуждать о любви, а просто и прямо

предаваться тому чувству, которое заставляет предпочитать одного человека другому. Это то чувство они и считают настоящею любовью.

Они правы, что нельзя рассуждать о любви, и что всякое рассуждение о любви уничтожает любовь. Но дело в том, что не рассуждать о любви могут только те люди, которые уже употребили свой разум на понимание жизни и отреклись от блага своего отдельного существа; те же люди, которые не поняли жизни и живут для блага своего плотского существования, не могут не рассуждать. Им необходимо рассуждать, чтобы предаваться тому чувству, которое они назвали любовью. Всякое действие этого чувства невозможно для них без рассуждения, без того, чтобы они старались разрешить неразрешимые вопросы.

В самом деле, люди предпочитают, например, своего ребенка, своих друзей, свою жену, свое отечество всяким другим детям, женам, друзьям, отечествам и называют это чувство любовью.

Любить вообще значит делать доброе. Так мы все понимаем и не можем иначе понимать любовь. И вот я люблю своего ребенка, свою жену, свое отечество, т. е. желаю блага своему ребенку, жене, отечеству больше, чем другим детям, женам, отечествам. Никогда не бывает и не может быть, чтобы я любил только своего ребенка, или жену, или только отечество. Всякий человек любит вместе и ребенка, и жену, и отечество, и людей вообще. Между тем благо, которое он по своей любви желает различным любимым существам, бывает большею частью такого свойства, что оно не только мешает благу других существ, но даже прямо в ущерб ему.

И вот являются вопросы, — во имя какой любви и как действовать? Во имя какой любви жертвовать другою любовью, кого любить больше и кому делать больше добра, — жене или детям, жене и детям или друзьям? Как служить любимому отечеству, не нарушая любовь к жене, детям и друзьям? Как, наконец, решать вопросы о том на сколько можно мне жертвовать и моим отдельным существом, нужным для служения другим? Насколько мне можно заботиться о себе для того, чтобы я мог, любя других, служить им?

Все эти вопросы кажутся очень простыми для тех людей, которые не пытались разобраться в чувстве, называемом ими любовью, но вопросы эти на самом деле не только не просты, они совершенно неразрешимы.

И не даром законник поставил Христу этот самый вопрос: кто ближний? Отвечать на эти вопросы кажется очень легко только тем людям, которые забывают настоящие обстоятельства жизни человеческой.

Только если бы люди были боги, как они часто и воображают себя, только тогда они бы могли любить одних избранных людей: тогда бы только и предпочитание одних другим могло бы быть истинною любовью. Но люди не боги, а всегда, как и все живые существа, живут одни на счет других, и человек, как разумное существо, должен знать и видеть это Он должен знать, что всякое плотское благо получается одним существом только в ущерб другому.

Сколько бы ни уверяли людей некоторые мечтатели о таком будущем

золотом веке, в котором всего всем будет довольно, разумный человек видит и знает, что закон его земного существования есть борьба всех против каждого, каждого против каждого и против всех.

В той давке и борьбе плотских выгод, которое составляет жизнь мира, человеку невозможно любить избранных, как это воображают люди, не понимающие жизни. Человек, если он любит хотя и избранных, он никогда не любит только одного. Всякий человек любит и мать, и жену, и ребенка, и друзей, и отечество, и даже всех людей. И любовь, как все согласны, не есть только слова, но есть дела, направленные на благо других. Дела же эти не происходят в каком-нибудь установленном порядке, например, так, что от человека сначала требуются дела самой сильной любви, потом менее сильной и т. д. Дела любви требуются беспрестранно все вместе, без всякого порядка. Сейчас пришел голодный старик, которого я немножко люблю, и просит еды, а я берег эту еду на ужин моим детям, которых очень люблю. Как мне взвесить требования сейчасной менее сильной любви с будущими требованиями более сильной любви?

Эти самые вопросы и были поставлены законником Христу: «Кто ближний?» В самом деле, как решить, кому нужно служить и в какой мере: людям или отечеству; отечеству или своим приятелям; своим приятелям или своей жене; своей жене или своему отцу; своему отцу или своим детям; своим детям или самому себе, чтобы быть в состоянии служить другим, когда это понадобится?

Ведь все эти требования любви, и все они спутаны между собою так, что если человек исполняет одни из этих требований, то он лишается возможности исполнить другие. Если же я допущу, что озябшего ребенка можно не одеть, потому что моим детям когда-нибудь понадобится то платье, которого у меня просят, то во имя моих будущих детей я могу не отдаваться и другим требованиям любви.

Точно то же и по отношению к любви к отечеству, избранным занятиям и ко всем людям. Если человек может отказать требованиям самой малой любви настоящего во имя требования самой большой любви будущего, то разве не ясно, что такой человек, если бы он всеми силами и желал этого, никогда не будет в состоянии взвесить, насколько он может отказать требованиям настоящего во имя будущего, и потому, не будучи в силах, решить этого вопроса, человек всегда выберет то дело любви, которое будет приятно для него, т. е. он будет действовать не во имя любви, а во имя самого себя. Если человек решает, что ему лучше воздержаться от требований настоящей, самой малой любви, во имя другого, будущего требования большей любви, то он обманывает или себя, или других, и никого не любит, кроме себя одного.

Любви в будущем не бывает; любовь бывает только в настоящем. Человек же, не проявляющий любви в настоящем, не имеет любви.

Если бы люди были животныя и не имели бы разума, они бы и существовали как животныя, не рассуждали бы о жизни, и животное существование их было бы законное и счастливое. То же и с любовью: если бы люди были животныя без разума, то они любили бы тех, кого любят: своих волчат, свое стадо, и не знали бы, что они любят своих

волчат и свое стадо, и не знали бы того, что другие волки любят своих волчат, и другие животныя — своих товарищей по стаду, и любовь их была бы та любовь и та жизнь, которая возможна на той ступени существования, на которой они находятся.

Но люди — разумные существа, и не могут не видеть, что другие существа имеют такую же любовь к своим, и что потому эти чувства любви должны прийти в столкновение и произвести нечто не благое, а совершенно противное любви.

Если же люди употребляют свой разум на то, чтобы оправдывать и усиливать то животное, не благое чувство, которое они называют любовью, придавая этому чувству уродливые размеры, то это чувство становится не только не добрым, но, как давно известно, делает из человека самое злое и ужасное животное. Происходит то, что сказано в Евангелии: «Если свет, который в тебе — тьма, то какова же тьма?» Если бы в человеке не было ничего, кроме любви к себе и к своим детям, то не было бы почти всего того зла, которое есть теперь между людьми. Почти всё зло между людьми происходит от того ложного чувства, которое столь же похоже на любовь, сколько жизнь животного похожа на жизнь человека.

То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, это только некоторые предпочтения одних отдельных людей и обществ людских другим людям или обществам для блага своего отдельного существа. Когда человек, не понимающий жизни, говорит, что он любит свою жену, или ребенка, или друга, он этим говорит только то, что присутствие в его жизни его жены, ребенка, друга увеличивает благо его собственного отдельного существования.

Но предпочтения эти вовсе не суть истинная любовь, точно так же, как плотское существование не есть еще истинная человеческая жизнь. И как люди, не понимающие жизни, называют плотское существование жизнью, точно так же эти сами люди предпочтение одних людей другим называют любовью.

Чувства эти — предпочтения к некоторым существам, как например, к своим детям или даже к некоторым занятиям, например, к науке, к искусствам, люди называют тоже любовью; но такие бесконечно разнообразные чувства никак не могут быть называемы любовью, потому что они не имеют главного признака любви: они не имеют целью благо и не доставляют блага другим существам.

Сила, с которою эти предпочтения овладевают человеком, только показывает, как сильна в людях плотская жизнь. Эта сила предпочтения одних людей другим, которая неверно называется любовью, есть только дичок, на котором может быть привита истинная любовь и дать плоды ее. Но как дичок не есть яблоня и не дает плодов, или дает плоды горькие вместо сладких, так и предпочтение это не есть любовь и не делает добра людям или производит еще большее зло. И потому приносит величайшее миру и так восхваляемая любовь к женщине, к детям, к друзьям, не говоря уже о любви к науке, к искусству, к отечеству, — когда эта любовь есть не что иное, как предпочтение на время некоторых условий плотской жизни другим.

Глава 20.

Истинная любовь происходит от отречения человека от блага своего отдельного существа.

Любовь истинная становится возможной только при отречении от блага своего плотского существования.

Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человек понял, что нет для него блага его плотского существа. Только тогда все соки его жизни переходят в один облагороженный черенок истинной любви, разрастающийся уже всеми силами ствола дичка плотского существа. Учение Христа есть прививка этой любви, как Он и сам сказал это. Он сказал, что Он, его любовь, есть та одна лоза, которая может приносить плод, и что всякая ветвь, не приносящая плода, отсекается.

Только тот, кто не только понял, но жизнью познал то, что «сберегающий душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее», — только тот, кто понял, что любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную, только тот познает истинную любовь.

«И кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня. И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня. Если вы любите любящих вас, то это не любовь, а вы любите врагов, любите ненавидящих вас».

Люди отрекаются от своего отдельного плотского существа не вследствие любви к отцу, к сыну, к жене, к друзьям, к добрым и милым людям, как это обыкновенно думают, а только вследствие уразумения бессмысленности своего отдельного существования и невозможности его блага. И потому вследствие отречения от жизни своего отдельного плотского существа познает человек истинную любовь и может истинно любить отца, сына, жену, детей и друзей.

При ненастоящей любви, не выросшей на самоотречении, человек жертвует своими теперешними выгодами для достижения больших выгод в будущем для себя же; но это есть только предпочтение одних существ другим для своего собственного блага. Истинная любовь, прежде чем появляться на деле, должна явиться в душе человека. Начало любви, корень ее, не есть такой порыв чувства, который затемняет разум, как это обыкновенно воображают, но есть самое разумное, светлое и потому спокойное и радостное состояние, которое бывает у детей и у разумных людей.

Состояние это есть состояние благоволения ко всем людям, которое присуще детям, но которое во взрослом человеке появляется только при

отречении от блага своего отдельного существа. И чем больше человек отказывается, тем сильнее становится в нем любовь. Как часто приводится слышать слова: «Мне ведь всё равно, мне ничего не нужно», и вместе с этими словами видеть нелюбовное отношение к людям. Но пусть попробует всякий человек хоть раз, в минуту недоброжелательности к людям, искренно, от души сказать себе: мне всё равно, мне ничего не нужно, и только, хоть на время, ничего не желать для себя, и всякий человек этим простым внутренним опытом познает, как тотчас же, по мере искренности его отказа падает всякое недоброжелательство, и каким потоком хлынет из его сердца запертое до тех пор благоволение ко всем людям.

В самом деле, любовь есть предпочтение других существ себе, — ведь мы все так понимаем и иначе не можем понимать любовь. Мое пристрастие к людям, мое внутренное предпочтение одних другим, — это не в моей власти; но зато в моей власти увеличивать или уменьшать сколько угодно мою любовь к самому себе, которая зависит от того значения, какое я придал своему собственному плотскому существу. При суждениях же о любви большинство людей нашего мира имеют в виду свое внутренное предпочтение к тем или другим существам и вовсе не говорят о своей привязанности к своему собственному плотскому существу, между тем, как от слабости этой самой привязанности и зависит вся сила истинной любви к людям.

Истинная любовь всегда имеет в основе своей отказ от своего собственного блага, и возникающее от этого благоволение ко всем людям может вырости в истинную любовь к отдельным людям — своим или чужим. И только такая любовь дает истинное благо жизни и уничтожает кажущееся несообразие между плотскою и разумною жизнью.

Такая любовь, которая не имеет в основе своей отречении от самого себя и вытекающего из этого благоволения ко всем людям, есть только жизнь животная и подвержена тем же и еще большим бедствиям и еще большему неразумию, чем жизнь без этой мнимой любви. Чувство пристрастия, ошибочно называемое любовью, не только не устраняет борьбы между существами, не освобождает человеческое существо от погони за наслаждениями и не спасает от смерти, но только больше еще затемняет жизнь, ожесточает борьбу, усиливает жадность к наслаждениям для себя и для другого и увеличивает ужас перед смертью за себя и за другого.

Человек, который жизнь свою полагает в своем плотском существовании, не может любить, потому что для него любовь идет прямо в разрез с его жизнью.

Жизнь такого человека только в благе плотского существования, а любовь прежде всего требует жертвы этого блага. Если бы даже человек, не понимающий жизни, и захотел искренно отдаться любви, он не будет в состоянии этого сделать до тех пор, пока он не поймет жизни и не изменит всё свое отношение к ней. Человек, полагающий свою жизнь в благе своего плотского существа, всю жизнь старается увеличивать это благо, приобретая богатства и сохраняя их, заставляет других служить его плотскому благу и распределяет эти блага между теми людьми, которые были более нужны для блага его

плотского существа. Как же ему отдать свою жизнь, когда жизнь его еще поддерживается не им самим, а другим людьми? И еще труднее ему выбрать, кому из тех людей, кого он предпочитает, передать накопленные им блага и кому служить.

Чтобы быть в состоянии отдавать свою жизнь, ему нужно прежде отдать тот излишек, который он берет у других для блага своей жизни, и потом еще сделать невозможное: решить, которому из людей служить своей жизнью? Прежде, чем он будет в состоянии любить, т. е., жертвуя собою, делать благо, ему надо перестать ненавидеть, т. е. делать зло, и перестать предпочитать одних людей другим для своего собственного отдельного блага.

Только для такого человека, который не признает блага в плотском существовании и потому не заботится об этом ложном благе и через это освобождает в себе присущее человеку благоволение ко всем людям, — только для такого человека возможно оказывать любовь и этим находить удовлетворение для себя и других. Благо жизни такого человека в любви, как благо растения — в свете, и потому, как ничем не закрытое растение не может спрашивать и не спрашивает, в какую сторону ему расти, и хорошо ли свет, не подождать ли ему другого, лучшего, а берет тот единый свет, который есть в мире, и тянется к нему, — так и человек, отказавшийся от блага своего отдельного существа, не рассуждает о том, что ему отдать из отнятого от других людей и каким любимым существам, и нет ли какой еще лучшей любви, чем та, которая сейчас требует от него действия, а отдает себя, свое существование той любви, которая доступна ему и есть перед ним. Только такая любовь дает полное удовлетворение разумной природе человека.

Глава 21.

Любовь есть единое и полное проявление истинной жизни.

И нет иной любви, как той, чтобы положить душу свою за други свои. Любовь только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человек отдает другому не только свое время, свои силы, но когда он тратит свое тело для того, кого он любит, отдает ему свою жизнь, — только это мы признаем все любовью, и только в такой любви мы все находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир. Мать, кормящая ребенка, прямо отдает себя, свое тело в пищу детям, которые без этого не были бы живы. И это — любовь. Так же точно отдает себя, свое тело в пищу другому всякий добровольный работник для блага других, изнашивающий свое тело в работе и приближающий себя к смерти. И такая любовь возможна для человека только тогда, когда никакая преграда не мешает ему жертвовать собою ради того существа, которое он любит. Мать, могущая сама кормить своего ребенка, отдавая его кормилице, не может его любить; человек, приобретающий и сохраняющий свои деньги, не может любить.

«Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме и во тьме ходит и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза... Станем любить не словом или языком, но делом и истиною, и вот по чему узнаем, что мы от истины и успокаиваем сердца наши... Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви».

Только такая любовь дает истинную жизнь людям.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя», сказал Христу законник. И на это Иисус сказал: «Правильно ты отвечал, так и поступай, т. е. люби Бога и ближнего и будешь жить».

Любовь истинная есть самая жизнь. «Мы знаем, что мы перешли от смерти в жизнь, потому что любим братьев, — говорит ученик Христа. — Не любящий брата пребывает в смерти». Жив только тот, кто любит.

Любовь по учению Христа есть сама жизнь; но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, а жизнь блаженная и бесконечная. И мы все знаем это. Любовь не достигается какими-нибудь рассуждениями, не есть последствие каких-нибудь особенных дел; а это есть самое радостное проявление жизни, которое со всех сторон окружает нас, и которое мы все знаем в себе с самых первых воспоминаний детства до тех пор, пока ложные учения мира не засорили ее в нашей душе и не лишили нас возможности испытать ее.

Любовь ото не есть предпочтение к тому, что увеличивает временное благо отдельного человеческого существа, как любовь к избранным людям или предметам; а то стремление к благу всего мира, которое остается в человеке после отречения от блага своего собственного плотского существа.

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного и чаще всего только в самом раннем детстве, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушает в нас жизнь, — кто не испытал того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, — чтоб всем было хорошо, чтоб все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, в которой жизнь человека.

Любовь эта, в которой только и есть жизнь, проявляется в душе человека, как чуть заметный нежный росток среди похожих на нее грубых ростков сорных трав, различных похотей человека, которые мы

называем любовью. Сначала людям, и самому человеку кажется, что этот росток — тот, из которого должно вырастать то дерево, в котором будут укрываться птицы, — и все другие ростки, все одно и то же. Люди даже предпочитают сначала ростки сорных трав, которые растут быстрее, и единственный росток жизни глохнет и замирает. — Но еще хуже то, что еще чаще бывает: люди слышали, что в числе этих ростков есть один настоящий, жизненный, называемый любовью, и они, вместо него, топча его, начинают воспитывать другой росток сорной травы, называя его любовью. Но что еще хуже: люди грубыми руками ухватывают самый росток и кричат: «Вот он, мы нашли его, мы теперь знаем его, возрастим его, любовь, любовь, высшее чувство, вот оно!» И люди начинают пересаживать его, исправлять его и захватывают, заминают его так, что росток умирает, не расцветши, и те же или другие люди говорят: «всё это вздор, пустяки, напускная чувствительность!»

Росток любви, при появлении своем нежный, не терпящий прикосновения, могущественен только при своем разросте. Всё, что будут делать над ним люди, только хуже для него. Ему нужно одного, — того, чтобы ничто не скрывало от него солнца разума, которое одно возращает его.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В состав настоящего тома входят художественные произведения, над которыми Толстой работал в период времени с 1884 по 1889 год. Одно из них, именно «Холстомер», законченное в 1885 году, было, впрочем, начато еще в 1863 году. Пять печатающихся здесь произведений Толстого представляют собой неотделанные и незаконченные им наброски, из которых четыре (драматическая обработка легенды об Аггее, «Жил в селе человек — звать его Николай»; «Миташа» и статья «Благо только для всех») были опубликованы после смерти Толстого, отрывок же «В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь» публикуется впервые в настоящем издании. Помимо неопубликованных доселе вариантов отдельных эпизодов входящих в данный том произведений, здесь печатается целиком самая ранняя черновая редакция «Смерти Ивана Ильича». Сообщаются впервые также исправления, сделанные Толстым в печатном экземпляре «Власти тьмы».

Из статей, вошедших в данный том, впервые появляются в печати: «Благо только для всех», «О Гоголе», «К молодым людям» и ряд вариантов трактата «О жизни». Ряд значительных вариантов дается к статье «Николай Палкин».

Работу по составлению алфавитного указателя произвел В. С. Мишин.

П. В. Булычев

Л. П. Гроссман

Н. К. Гудзий

А. И. Никифоров

Б. М. Эйхенбаум

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех тех случаях, где они употребляются Толстым, и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (брычка, цаловать).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые, а также и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «абревиатуры») типа «кый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ] и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.] и т. д., где цыфры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях — с оговоркой в сноске: «Абзац редактора».

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометы: в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * — что печатается впервые, ** — что напечатано после смерти Толстого, — что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и что

печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия портрета Толстого раб. И. Е. Репина — между XII и 1-й страницами.

Примечания

1

Первый вариант первой редакции (см. Описание, рукопись № 1).

2

Далее зачеркнуто: Въ разумномъ существѣ въ человѣкѣ заложено,

3

Зач.: что я — есмь ничто — навозъ для удобренія того, что выростаетъ на мнѣ и отъ,

4

Зач.: въ лучшемъ случаѣ,

5

Зач.: ничего не

6

Зач.: столь страшное и столь неразрѣшимое,

7

Зач.: какъ воздухъ

8

Зач.: физической такое же необходимое условіе нравственной

9

Зачеркнуто: Это противорѣчіе, можно сказать, есть сама сущность, есть то, что составляетъ человека — живаго, живущаго, трудящагося.

10

Зач.: было бы

11

Над строкой вписано и зач.: бы оно, человѣкъ не жилъ, оно являлось вдругъ

12

Зач.: также какъ ужасно накопленіе пара и стѣнъ паровика держащаго его

13

Зач.: есть двигатель и есть причина движенія дѣятельной жизни для человѣка

14

И дѣйствительно... зарождается первоначально стояло раньше: жить нужно... но помечено к перестановке. После... паровикъ следует зачеркнутый текст: Но средства этаго освобожденія два также, какъ двойственно я, которое то, что мы называемъ я. Я хочу жить одинъ и для себя, и я знаю, что жизнь моя ничто, безконечно малая частица жизни общей. Все живетъ безъ меня, и я умру, и отъ меня ничего (зач.: Я есмь орудіе для достиженія цѣлей внѣ меня) не останется, внѣшне они живутъ также для себя и борятся со мной, знаю, что жизнь имѣетъ другія цѣли, чѣмъ я, и знаю, уничтожись, и отъ меня ничего не останется.

15

Зач.: Противорѣчіе

16

Зач.: Во первыхъ тѣ же существа,

17

Зач.: Разумъ

18

Зач.: Прот[иворѣчіе]

19

Зачеркнуто: въ зрѣломъ возрастѣ показалъ намъ это противорѣчіе въ полной силѣ

20

Зач.: Изъ этаго противорѣчія прежде всего ясно

21

Зач.: въ извѣстныхъ условіяхъ,

22

Зач.: больной,

23

Зач.: въ этомъ кладу жизнь свою,

24

Зач.: Разумъ по,

25

Зач.: было бы,

26

Зач.: что это есть обманъ, но, что есть жизнь только въ личной жизни приписыва[ніе] присвоения ей смысла личнаго есть отжитое эаблужденіе,

27

Над зач.: обманъ, въ которомъ мы находимся по отношенію къ жизни, онъ только снимаетъ ту шелуху, которая въ нашемъ представленіи наросла на жизнь,

28

Зачеркнуто: намъ представляется личной и,

29

Зач.: признавать жизнь внѣ ея не идти да[льше],

30

Зач.: хочетъ сознава[ть],

31

Зач.: ро[жденіе],

32

Зач.: Разумъ для того, кто идетъ по пути разума, открывается,

33

Зач.: Весь міръ.

34

Зач.: что же дѣлать?

35

Зач.: внѣ себя,

36

Зач.: скажетъ тотъ, кто будетъ

37

Зач.: Проти[ворѣчіе] голо[съ],

38

Зач.: жи[знь].

39

Второй вариант первой редакции (см. Описание, рукописи №№ 3 – 5)

40

Зач.: Такъ и важенъ и такъ драгоцѣненъ что,

41

Далее текст написан на листах в четвертку, причем начало листа 1-го было исправлено очень значительно, а потом зачеркнуто. Приводим текст

этого начала: Я живу и живу, жизнь чувствую только въ себѣ. Все что живетъ внѣ меня, люди, животныя весь міръ я признаю живымъ, но не чувствую ихъ жизнь. Свою жизнь я не только наблюдаю, но я ее, не переставая чувствую, и важна для меня одна моя жизнь. Такъ важна, что безъ моей жизни я не могу даже представить себѣ жизни, и потому <моя жизнь> черезъ свою жизнь <только> я понимаю другую жизнь <и потому моя>. Жизнь моя для меня все, чужая жизнь ничто, почти ничто, отраженіе моей жизни. Моя жизнь это я самъ, а чужая жизнь <и> безъ моей жизни, я не могу представить себѣ даже никакой жизни. Такъ чувству етъ каждый человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, если онъ подумаетъ, онъ видѣтъ, что онъ

После легкой правки отдельных мест Толстой тут же значителъно меняет начало. Приводим его в новом виде: Всякому человѣку извѣстны два совершенно различные и даже противорѣчащіе одинъ другому взгляда на свою жизнь. Одинъ такой. Я живу, истинно живу въ мірѣ. Одинъ я, только одну свою жизнь я всегда чувствую. Все что внѣ меня, того я не чувствую. Чужая жизнь мнѣ чужда и не трогаетъ меня. Свою жизнь я не только наблюдаю, но я ее непереставая чувствую и чувствую такъ, что все нужно мнѣ только для меня, что все что я ни дѣлаю я дѣлаю только для себя — что всѣ остальные люди представляются нужными только для моей жизни. Жизнь я понимаю только, какъ свою жизнь, и только черезъ свою жизнь я понимаю другую жизнь. Жизнь моя для меня все. Чужая жизнь, пока я не знаю о ней или не хочу знать— ничего. Безъ моей жизни я не могу представить себѣ даже никакой жизни. Это одинъ врглядъ на жизнь. Другой такой:

Наконец, зачеркнуто и это начало и на клочке написано новое, которое и составило окончательный вид начала 2-го варианта.

42

Зачеркнуто: ребенка даже.

43

Зач.: свойственнаго человека

44

Зач.: личной,

45

Зачеркнуто: хотятъ уни[чтожить],

46

Зач.: онъ понемногу <заложенный въ человѣческой природѣ онъ>

47

Зач.: равномѣрно съ развитіемъ <челочеловѣ> животнаго человѣка. Разумъ заложенъ эарождается на животномъ человѣкѣ живущемъ животной жизнью.

48

Зач.: ничто, а вѣч мгновеніе

49

Зач.: разумныхъ,

50

Зачеркнуто: посредствомъ разума,

51

Зач.: что міръ весь не имѣетъ никакого смысла, но это меня не безпокоило. Зналъ я и то.

52

Зач.: Я жилъ не дово Во мнѣ явилась способность разума, явилась не такъ, что она стала не стала орудіемъ моей

53

Зач.: но разумъ выросталъ, доходилъ, шелъ дальше и дальше и наконецъ

54

Зач.: показалось

55

Зач.: собственно нѣтъ никакого. Если

56

Зачеркнуто: мука

57

Зач.: муки рожденія къ новой формѣ жизни, но противорѣчія нѣтъ и не можетъ быть.

58

Зач.: то мы только задерживаемъ неизбежное.

59

Зач.: Какъ всякое исполненіе закона,

60

С этого места до конца стр. 587 на поле проведена вертикальная черта и написано: «несущественно».

61

Зачеркнуто: всѣ, потребности,

62

Зач.: внѣ разумной,

63

Зачеркнуто: Когда,

64

Зач.: имущество,

65

Зач.: усовершенствованіе себя въ искуствѣ кидать мячи, играть на скрипкѣ,

66

С этого места конец, написанный на особых листах.

67

Зач.: к достиженію опредѣленныхъ мірскихъ цѣлей только на время,

68

Зач.: не устраняетъ пр[отиворѣчія],

69

Зач.: заслоняетъ,

70

Зач.: не отдались, тре[бованіямъ] кот.,

71

Зач.: стремленія къ личному благу,

72

Зач.: природы

73

Зач.: животной

74

Зачеркнуто: есть сама дѣятельность разума,

75

Зач.: вслѣдствіи борьбы съ существами, живущими также какъ и онъ для

личныхъ цѢлей. Разумно

76

Зач.: поставившій

77

Зач.: разумной дѣятрльности

78

Зач.: не борется, но отдаетъ свою жерт, видя

79

Зач.: отдается,

80

Зач.: лич[ная],

81

Зач.: отдавшійся

82

Зач.: перемѣна,

83

Зач.: если онъ живетъ разумно, то интересъ его въ разумной только

84

Зач.: Я скажу еще такъ

85

К этому месту на особом лоскутке без точного указания места вставки Толстым вписан следующий текст: Что же такое разумъ? Разумъ это тотъ законъ, по которому должны жить неизбѣжно разумные существа. И потому то и вложенный съ особенной ясностью сознанія въ тѣ существа, которыя должны подчиняться ему. Этотъ тотъ же законъ, какъ и законы жизни всякаго живого существа. Но отчего же не всѣ повинуются разуму? Отчего не всѣ сѣмена прорастаютъ, не всѣ зрѣютъ, цвѣтутъ?

86

Зачеркнуто: т. е. во или волѣ Бога

87

Зач.: ведутъ ихъ въ

88

Зач.: и органи[змовъ] жизни

89

Зач.: химичес[кихъ]

90

Зачеркнуто: Я потому называю жизнью служеніе разуму, что такое опредѣленіе одно объясняетъ. а не путаетъ. Человѣкъ спящій, сумашедшій, больной, въ припадкѣ страсти не живой это

91

Зач.: разумное,

92

Зач.: фи[зические]

93

Зач.: органическимъ

94

Зач.: слѣпо

95

Зач.: основное понятіе о

96

Зач.: и,

97

Зач.: созна[нія],

98

Дальше зач.: Свойство его есть желаніе жизни безпредѣльной и вѣчной. И требованіе это вполнѣ удовлетворяется разумной деятельностью, служеніемъ разуму

99

Зач.: доказы[вать]

100

Зач.: новой, ф[ормой],

101

Зачеркнуто: писателей,

102

Зач.: писатель,

103

Зач.: силы,

104

Зач.: силы

105

Зач.: силы сознанія и

106

Зач.: Человѣкъ служащій полагающій свою жизнь въ служеніи разуму не

107

Набросок-план, сделанный в неизвестном этапе работы над «О жизни» (См. Описание, рукопись № 374).

108

Зачеркнуто: это

109

Набросок-план к части текста «О жизни» во 2-й редакции (см. Описание, рукопись № 38).

110

Конспект-оглавление к книге «О жизни» в IV редакции (см. Описание, рукопись № 125).

111

Зач.: совнаніе есть иллювія и жизнь есть вѣчный круговоротъ безконечной матеріи, и тогда уничтожается всякое представленіе о жизни.

112

Такое ошибочное удвоение в рукописи.

113

Конспект к первым главам книги «О жизни» в V редакции (см. Описание, рукопись № 215).

114

Конспект книги «О жизни» в V-й редакции (см. Описание, рукопись № 247).

115

Зачеркнуто: Признаніе другихъ существъ такими же существами, съ тѣми же личными стремленіями; ужасъ признанія тщеты наслажденій и

116

Зач.: послѣ.

117

Зач.: и ложная наука гов[оритъ],

118

Зач.: религіозное

119

Зач.: такъ какъ ложное благо недоступно человѣку, то и нѣтъ никакого, и опредѣленіе жизни въ сознаніи, какъ стремленіе къ благу, обманъ. А жизнь есть то, что мы видимъ.

120

Зач.: благо стремленіе

121

Зачеркнуто: самая

122

Зач.: Въ человѣкѣ выростаетъ разумное сознаніе, догоняетъ сознаніе личности и переростаетъ его. И вотъ, когда оно перерастаетъ, сознаніе личности и заявляетъ требованія, кажущіяся противоположными личности.

123

Зач.: онъ раздвоивается

124

Зач.: противуполо[жныхъ]

125

После этого сначала была вписана на новой строке цыфра 10, потом зачеркнута и вписан дальнейший текст.

126

Зач.: жиз[нь]

127

Цыфра 10 вписана и зачеркнута.

128

Зач.: Происходить]

129

Зач.: НеизбЂж[но]

130

Зачеркнуто: Тоже что

131

Цыфра 10 исправлена из 11.

132

Зач.: признаютъ

133

Вписано на поле вместо зачеркнутого начала: Разумное сознаніе
заключаетъ въ себѣ животное сознаніе и человѣкъ не можетъ,

134

Зач.: этомъ самъ спроситъ себя

135

Зач.: властвуетъ

136

Зач.: надъ

137

Зач.: никакія

138

Зач.: Человѣкъ

139

Зачеркнуто: Признаемъ

140

Зач.: зак[онъ]

141

Зач.: который

142

Зач.: благо[разумнаго] сознанія не существуютъ

143

Зачеркнуто: совершается

144

Зач.: состо[итъ]

145

Зач.: И потому. Текст: Намъ кажется... для его блага в ркп. стоит раньше текста: Весь міръ.... а не наоборотъ, но на полях помечена перестановка цифрами 1, 2.

146

Зач.: Жизнь

147

Зачеркнуто: личная ж[изнь],

148

Зач.: Челов[ѣкъ].

149

Зач.: Жизнь есть жизнь

150

Зач.: Жизнь есть жизнь

151

Зач.: Жизнь прожитая

152

Зач.: настоящая

153

Зач.: Для достиженія блага

154

Зачеркнуто: въ этомъ только его жизнь

155

Зач.: благо

156

Зач.: разуму

157

Зач.: представляется

158

Зач.: жизнь,

159

слово прочтено приблизительно

160

Зачеркнуто: Треб[ованія]

161

Зач.: состав[ляетъ]

162

Зач.: Нужно только не признавать личность жизнью

163

Зач.: блага

164

Зач.: отречься отъ нихъ

165

Зач.: унич[тоженіемъ]

166

Зачеркнуто: исключающее разсужденіе. Это справедливо. Нельзя раз[су]ждать если любишь, надо было разсуждать прежде о жизни

167

Зач.: Но то любовь

168

После этого была на новой строке цыфра 25, она зачеркнута и вписан дальнейший текст.

169

Цыфра 5 по 6.

170

Зач.: про требова[нія]

171

Зачеркнуто: какъ проявленіе деятельности жизни, освященной разумомъ

172

Зач.: Люди не имѣющіе жизни

173

Зач.: стремленіе отъ блага,

174

Зач.: жизни

175

Зач.: Отре[ченіе]

176

Зач.: подчиненіе

177

Зач.: для чел[овѣка]

178

Начало главы зачеркнуто: Только познаніе обманчивости существованія личности и единственно возможнаго блага любви жизни любви даетъ человѣку благо

179

Зачеркнуто: нежелая

180

Зач.: жи[зни],

181

Зач.: Мудр[ецы]

182

Зач.: есть

183

Зач.: внѣ простра[нства]

184

Лист 10 начинается с зачеркнутого текста, бывшего вероятно сначала раньше листа 9 именно: 28 Благо людей только въ любви. И вмѣсто того чтобы устроять такія условія жизни, при к[оторыхъ] б[ыло] бы возможнонаибольшее благо, люди дѣлаютъ обратно. Они борятся съ

185

Зачеркнуто: Но и то и другое существуетъ

186

Зач.: перемѣняются и

187

Зач.: Мысль о смерти

188

Зачеркнуто: Христосъ,

189

Зач.: меня, но также, но больше

190

Зач.: это и есть

191

Зач.: этой жизнью

192

Глава исключенная Толстым в шестой редакции (см. Описание, рукопись № 236).

193

В подлиннике: онъ

194

В подлиннике: онъ

195

Первый черновик главы о страданиях, написанный в виде вставки в третью редакцию книги (см. Описание, рукописи №№ 68 и 69).

196

Зачеркнуто: Розовая постель Сибарита была его наслажденiе.

197

в подлиннике: боль.

198

в подлиннике: какого

199

Та же глава в VI-й редакции (в гранках) (Описание, рукопись № 344).

200

XXXIV исправлено из XXXVI.

201

Зачеркнуто: А и страдаетъ человѣкъ отъ заблужденій другихъ людей, и заблужденія каждого человѣка заставляютъ страдать другихъ.

202

Копия с предшествующего текста, сильно измененная Толстым и совсем отложенная (см. Описание, рукопись № 345).

203

Далее идет текст варианта № 10 (стр. 619), начиная со слов: Когда они съ такимъ ужасомъ разсказываютъ про того человѣка»... и до конца.

204

Шесть последовательных автографических, заново сделанных набросков Толстого той же главы XXXIV. Написаны вместо отложенных гранок.

205

Описание, рукопись № 354.

206

В той же рукописи.

207

Дальше идет текст частью помеченный: «пр[опустить]», частью целиком вычеркнутый, именно:

Разсужденіе говорить намъ <напротивъ, что это самое и должно быть.> Съ одной стороны, что по статистикѣ случаи болѣзней, крушеній, казней, войнъ подлежать опредѣленнымъ законамъ. <И это самое должно быть. Вѣдь положеніе раненнаго на полѣ сраженія и кондуктора съ выжигаемыми внутренностями было бы ужасно, если бы оно было не то, что должно быть. Но оно то самое. Такъ чему же мы ужасаемся?> Съ другой стороны <если мы оглянемся на свою жизнь и подумаемъ о связи, которую имѣютъ эти явленія съ нашей жизнью, то мы увидимъ, что> всѣ

эти явленія необходимы для насъ, что наша жизнь дѣлаетъ то, что есть люди голодающіе, есть люди, сидящіе въ тюрьмахъ, есть крушенія поѣздовъ, есть войны. Такъ что по разсужденію все это должно быть. Должно быть, мы возмущаемся, и все наше существо говорить, что этаго не должно быть. <Иначе мы не можемъ смотрѣть на страданія ни на свои, ни на чужія.> Страданіе это, то, чего не должно быть. Иначе мы не можемъ понимать страданія. <Не должно быть, а есть. В этой то противоположности и весь ужасъ страданія. Мало того, въ этомъ одномъ. —> <Въ томъ, что совершается то, чего не должно быть по нашему сознанію, и состоитъ сущность страданія. Наше сознаніе страданія возникло изъ этаго противорѣчія. И такія противорѣчія между сознаніемъ того, что должно быть и явленіями того, чего не должно быть составл> <Мы спрашиваемъ себя, зачѣмъ? За что? и, не находя отвѣтовъ, заключаемъ, что жизнь не имѣетъ разумного смысла. — И дѣйствительно, если мы не знаемъ зачѣмъ страданія? страданія дѣлаются ужасны, вся жизнь дѣлается страданіемъ, и намъ нельзя жить. Вѣдь если бы люди, непонимающіе жизнь, только дѣлали тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ ихъ міросозерцанія. Нельзя человѣку жить у хозяина въ работникахъ, не зная того, что отъ него хочетъ хозяинъ, и зачѣмъ онъ ему велитъ дѣлать то или другое. Нельзя человѣку жить, не зная, зачѣмъ страданія>

208

См. Описание, рукопись № 355.

209

В данном месте помечено вставить рукопись № 345, т. е. стр. 620 и след.

210

После написания третьего варианта была сделана автором попытка сначала соединить третий вариант с рукописью № 345 (стр. 620—622), а потом соединить второй и третий наброски в один текст, для чего и произведено сокращение третьего наброска в начале и конце.

211

Описание, рукопись № 356.

212

в подлиннике: проводивъ

213

в подлиннике: болѣзнью

214

Несколько кусков текста помечены к перестановке.

215

Описание, рукопись № 357.

216

в подлиннике: жизнь

217

Описание, рукопись № 357.

218

В подлиннике: страданій

219

Кусок текста, начиная со слов на стр. 631: «Человѣкъ испытываетъ страданія голода...» кончая: «...Мы не можемъ» вписан по копии № 359, так как в автографе листок утрачен.

220

В подлиннике: страданіямъ.

221

В комментариях приняты следующие условные сокращения:

АТБ — Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва);

АЧ — Архив В. Г. Черткова (Москва);

Б, I; Б, II; Б, III; Б, IV — П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», Государственное издательство: I — М. 1923; II — М. 1923;

III – М. 1922; IV – М. 1923;

БИР. 1913 –«Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого» тт. I – XX. Под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова, изд. Сытина. М. 1913;

БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина (Москва);

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва);

ГТМ – Государственный толстовский музей (Москва);

ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград);

ЛПБ – Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград);

ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1862–1910» Изд. 2 М. 1915;

ПС – «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым» изд. Общества толстовского музея. СПБ 1914;

ПТ – «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». изд. Общества толстовского музея. СПБ 1911;

ПТС 1; ПТС 2 «Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко» изд. «Книга» 1 – М. 1910, 2 – М. 1911;

ПТСО – «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко, под ред. А. Е. Грузинского, изд. «ОКТО». М. 1912;

ТЕ, 1911, 1912, 1913 – «Толстовский ежегодник» 1911 г., 1912 г., 1913 г.;

ТТ 1; ТТ 2; ТТ 3; ТТ 4 – «Толстой и о Толстом. Новые материалы». Сборники:1 – М. 1924,2 – М. 1926, 3 – М. 1927, 4 – М. 1928.

———

Повидимому, о начале новой философской работы Толстой сообщил в октябре и Н. Н. Страхову, потому что последний, отвечая на несохранившиеся письма к нему Толстого, замечает в письме от 2 ноября 1886 г.: «Какая радость, что у вас является новая работа! Художество, самая свободная и самая глубокая форма, в которой мы можем выражать свою душу, находится вполне в Вашей власти. – Но Вы, теперь, если будете писать, дадите нам христианское художество...» ПС, стр. 339). В письме от 11 декабря 1886 г.: «Вот бесценный Лев Николаевич, немножко моей метафизики, и она сходится с Вашею в мысли

о господствующем значении сознания. И я думаю, что сознание есть высшая сила мира» (там же, стр. 341).

223

В комментариях редакциями мы называем крупнейшие этапы работы автора над произведением, переделками работу менее важную (хотя бы и значительную количественно), но проведенную по всему тексту произведения, правками — правочную работу над отдельными частями — кусками текста, вариантами или набросками называем параллельные разновидности текста, составляющие своеобразные (другими лишь словами переданные) дублетные формы.

224

Реферат Н. Я. Грота «О свободе воли» был напечатан сначала в «Русских ведомостях» 1887, № 75 от 18 марта. Позже он был напечатан в «Трудах Московского Психологического Общества», М. 1889, III. См. также «Вопросы философии и психологии», 1889, I, стр. 100. Л. Н. Толстой был избран действительным, а впоследствии почетным членом Московского Психологического Общества.

225

Об участии Толстого в прениях см. в отчете о заседании 25 февраля «Русские ведомости» 1887, № 73 от 16 марта.

226

Краткий отчет о реферате Толстого был помещен также в журнале «Звезда» 1887 г. № 13 от 28 марта. Текст «Русских ведомостей» неоднократно перепечатывался в собраниях сочинений Толстого», именно: 1) «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть XV. Издание 12-е. Москва 1911, стр. 504—510. 2) «Полное собрание сочинений Льва

Николаевича Толстого», т. XIII. Под ред. и с примечаниями П. И. Бирюкова. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва 1913, стр. 467–481.3) То же, прилож. к журн. «Вокруг Света» за 1913 г., т. XVII, кн. XXXIII, стр. 373–385. 4) Сочинения Льва Николаевича Толстого, т. XXIV – «Жизнь для всех». СПБ. 1912, стр. 201–225. 5) Л. Н.Толстой, «Так что же нам делать». «О жизни». Берлин. 1920, стр. 503–523.

227

И. Н. Крамской – художник, рисовавший Л. Н. Толстого, умер 24 марта 1887 года.

228

[«Вот стою я, жалкий глупец! и стал не умнее, чем прежде»], Гете. «Фауст» Трагедии часть первая. 1 ночь.

229

П.И. Бирюков (III, стр. 67) приводит иное заглавие для доклада Толстого «Жизнь бесконечная», но источники этого заглавия, к сожалению, не приводятся. Между тем ни рукописи, ни известные нам другие материалы за Толстовской работой этого заглавия не закрепляют.

230

В этом же этапе Толстой пытается набросать на одной из вставок небольшой план статьи. Его издаем под № 4 черновых вариантов.

231

Упоминает о работе Толстого и Н. Н. Страхов в письме к нему от 25 апр.: «...конечно, очень жажду и с Вами повидаться, поговорить, если Бог пошлет благодать, о жизни и смерти, о чем Вы пишете» (ПС, стр. 349).

232

П. И. Бирюков.

233

[Знаете, мой милый, я только-что исправила вашу прозу, к великому негодованию вашего свояка,]

234

[И вы хорошо сделали: я дорожу только мыслью и не обращаю ни малейшего

внимания на слог.]

235

Так как копия Б сделана рукой С. А. Толстой, а она приехала в деревню из Москвы в середине мая, то серединой мая можно датировать начало переделок и правок четвертой редакции.

236

В этом этапе работы любопытна попытка Толстого начать конспектировать текст. Такой конспект (Описание № 125) дан в виде оглавления к начальной части текста и издается нами среди черновиков под № 5.

237

Среди рукописей «О жизни» находится небольшая группа листков и копий

(№№ 370—388), которые были написаны Толстым и не использованы в работе. Один листок представляет еще один вид своеобразного конспекта-схемы мысли для ряда глав (издаем его среди черновых вариантов под № 3 по рукописи № 374).

238

М. Л. Толстая.

239

П. И. Бирюков.

240

С американкой Hapgood Толстой, повидимому, в том же 1888 г. познакомился лично, потому что дневники его хранят ряд записей о ней.

241

Перевод на датский язык Em. Hansen: On Livets Betydning Betragtninger af Grev Léo Tolstòj. Oversat fra russisk af Em. Hansen. Kjobenhavn Andr. Schous Forlag. 1889. 8° 251 + 3 ненум. стр.

Перевод на чешский язык Iosef Černy Spisy hraběte Lva Nikolajeviče Tolstého překlad rediguje I romir Hrubỳ. Svazek 8. Iulius—Vlada tmy. — O žívotě. V Praze. 1895. Tiskem a nákladem I. Otty. 8°. 347 str. (Ruska knihovna. XXIII). Текст O žívote на стр. 215—247. В оглавлении переводчиком статьи назван Josef Černy.

Второй перевод на чешский язык: O žívotě od L. N. Tolstého přeiožil dr. VI. Křižek. Druhé opravenè Vydáni. V Praze. Iosef Pelcl. 1904 (Knihovna Roshledů VI. Vydavà a pořáda Josef Pelcl). 16°, 172 str.

Перевод на итальянский язык Leonardo Tucci: Leone Tolstoi. Della vita. Traduzione del Dott. Leonardo Tucci. Città di Castello. 1903, 8°, 229 p. (Biblioteca S. Lapa di littere e sienze, nun. 4).

Перевод на немецкий язык Adel Berger: Graf Leo Tolstoi. Ueber das Leben. Deutsch von Adele Berger. Berlin. Hugo Steinitz Verlag. 8°. 248 S. Без обозначения года издания, но с пометкой на переплете 1891.

То же. Zweite Auflage. Berlin. Sw. Hugo Steinitz Verlag. 1902, 8°, 226 S.

Второй перевод на немецкий язык Be hr: Graf Leo Tolstoj, Ueber das Leben. Ubersetz von Behr. Leipzig. s. a. 8°. Duncker und Humblot. (Это издание было нам недоступно.)

Tolstoj. Leo N. Das Leben. (L. N. Tolstoi Sämtliche Werke. I Serie. Bd. 5. Leipzig. 1902 Diederichs). Это издание было нам недоступно).

242

Оно ускользнуло от внимания библиографического указателя А. Бема и В. Срезневского.

243

Простыми переизданиями текста «Недели» были:

а) Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведения последних годов. М. 1890. На стр. 269—339: „Последние главы книги «О жизни»“.

б) «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведения последних годов», изд. первое. М. 1891. Новейшие произведения. На стр. 13—83: Последние главы книги «О жизни».

в) То же, издание второе. М. 1891. На стр. 13—83: „Последние главы книги «О жизни»“.

г) «Сочинения графа Л. Н. Толстого». Том двенадцатый. Произведения последних годов, изд. девятое. М. 1893. На стр. 411—466. „Последние главы книги «О жизни»“.

д) «Сочинения графа Л. Н. Толстого». Часть двенадцатая. Произведения последних годов, издание десятое. М. 1897. На стр. 493—562: „Последние главы книги «О жизни»“.

е) «Сочинения графа Л. Н. Толстого». Часть одиннадцатая, изд. одиннадцатое. М. 1903. На стр. 413—472: „Последние главы книги «О жизни»“.

244

А. К. Черткова.

245

Bolton Hall (род. в 1854 г.), писатель, сторонник популяризации в массах идей Генри Джорджа. Написал несколько статей о Толстом. Кроме приведенного дальше, известны еще два письма Толстого к Голлу: Одно 2/15 февр. 1907 г. по поводу идеи непротивления, другое — 28 марта 1908 г. благодарность за справку. Письма и подробности о Б. Голле см. в томе переписки Толстого за 1890-е гг. Им же составлена книга: What Tolstoy taught. Edited by Bolton Hall. New York. 1911. В нее вошли выдержки из книги «О жизни».

246

Все последующие рукописи с шифром Б5—22 находятся в бумажной обложке с записью рукой С. А. Толстой синими чернилами: «Разрозненные листы к статье о жизни и смерти. Переписаны в разных порядках и складывались по мере переделки статьи. 1887 г. март».

247

Окончательной будет везде называться пагинация красным карандашом, сделанная в № 293.

248

Курсивом печатаются места, составляющие написания рукой Л. Н. Толстого.

249

Против этого абзаца пометка Л. Н. Толстого: «Вся глава эта неясна».